

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

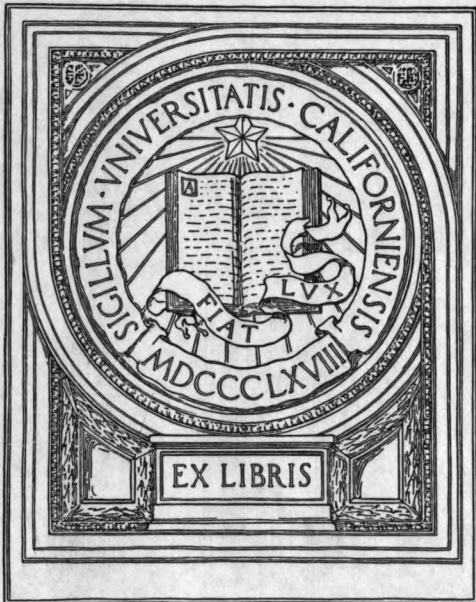
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 156 516

· FROM · THE · LIBRARY · OF ·
· PAUL · N · MILIUKOV ·

EX LIBRIS

Kazan, Universitet. Obshchestvo Arkheologii,
Istorii i Ethografii

Izviestia Obshchestva

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

Arkheologii, Istorii i Ethografii
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ Университетѣ.

Томъ VIII Вып. 2
Томъ VIII, вып. 2.

ВОТЯКИ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

В. Н. Смирнова.

Казань.

Типографія Императорскаго университета.

1890.

Цѣна 2 р. 25 к.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ университетѣ.

Томъ VIII, вып. 2.

В О Т Я К И.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

У. Н. Смирнова.

Казань.

Типографія Императорскаго университета.

1890.

Печатано по опредѣленію Общества Археологіи, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

Секретарь *П. Траубенбергъ.*

ИМПЕРАТОРСКОМУ КАЗАНСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ

ВЪ КАЗАНЬ
ВЪ ПЕЧАТНІИ
ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИМПЕРАТОРСКОМУ МОСКОВСКОМУ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ.

К

D1
K3
v. 8: 2

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава I.

Стран.

Очеркъ исторіи Вотяковъ. Мѣста древняго жительствова
ихъ. Условія, вызвавшія движеніе на В. Черемисская и рус-
ская колонизація вятскаго края. Древнѣйшая культура перм-
ской группы. Отношенія Вотяковъ къ Чуди, Болгаражъ и Тата-
рамъ. Подчиненіе Вотяковъ подъ власть Москвы. Ассимилирую-
щая дѣятельность русскаго правительства. Ходъ русской коло-
низации въ вотскихъ земляхъ и ея культурное значеніе. 3—79.

Глава II.

Внѣшній бытъ Вотяковъ.— Природа страны. Сосѣди. Фи-
зическія особенности Вотяковъ. Бытовая обстановка. Жилище
въ его историческомъ развитіи. Костюмъ. Пища. Занятія: земле-
дѣліе, ремесла и промыслы. Воспитаніе дѣтей. Игры дѣтей и
взрослыхъ 80—127.

Глава III.

Развитіе семейной и общественной организаціи. Слѣды
первичнаго гетеризма въ языкѣ и современныхъ нравахъ. Во-
просъ о матернитетѣ у Вотяковъ. Формы выживающей полиандріи:
снохачество и левиратъ. Полигинія. Моногинія. Эндогамія и
Экзогамія. Формы приобрѣтенія невѣсты въ ихъ историческомъ
развитіи. Современный строй вотской семьи. Куз'о. Положеніе
женщины. Остатки родового быта. Сосѣдскія отношенія. Сове-
ременная община. Кенешъ. Экономическія отношенія въ предѣ-
лахъ общины. Слѣды болѣе крупныхъ общественныхъ сочета-
ній: мэръ и эль, какъ религіозные союзы 128—172.

Глава IV.

Вѣрованія Вотяковъ. Предварительныя замѣчанія о языкѣ
въ связи съ вѣрованіями. Возрѣнія Вотяковъ на сонъ и смерть.

IV

Понятія о душахъ и духахъ умершихъ, обнаруживающіяся въ произведеніяхъ народнаго творчества, погребальныхъ и поминальныхъ обрядахъ. Происхождение культа предковъ 173—192.

Глава V.

Вѣрованія Вотяковъ. Духи явленій природы. Исторія Инмара. Фетишизмъ и антропоморфизмъ. Зарожденіе спиритуалистическихъ представленій о божествахъ и слѣды его въ культѣ. Вопросъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Вотяковъ и связь ихъ съ эпохой каннибализма. Вліяніе ислама и христіанства на развитіе вотскихъ религіозныхъ идей 193—242.

Глава VI.

Характеристика духовной природы современныхъ Вотяковъ. Умъ, воображеніе, чувства, воля. Поэзія и мораль 243—261.

Глава VII.

Обзоръ литературы о Вотякахъ 262—308.
Приложенія. I. Вотскія сказки, записанныя въ Бирскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи 1—39.
II. Списокъ вотскихъ языческихъ именъ 1'—4'.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Однимъ изъ отрадныхъ явленій современной духовной жизни представляется, безспорно, растушій интересъ къ этнографическимъ вопросамъ и изслѣдованіямъ. Въ самыхъ глухихъ, „медвѣжьихъ“ углахъ являются люди, готовые наблюдать окружающую жизнь и дѣлиться своими наблюденіями съ публикой. Чтобы это движеніе принесло наукѣ всю пользу, какую оно можетъ принести, надо прійти на помощь наблюдателямъ, надо показать, что уже извѣстно относительно предмета, который они собираются наблюдать, что изъ этого извѣстнаго вытекаетъ, какіе вопросы можно поставить на основаніи наличнаго матеріала и рѣшить послѣ дальнѣйшихъ наблюденій; надо, однимъ словомъ, создать не пассивныхъ *в о с п р и н и м а т е л е й ф а к т о в ѣ*, а дѣйствительныхъ, активныхъ *н а б л ю д а т е л е й*, подходящихъ къ жизни съ заранѣе уже и с а м о с т о я т е л ь н о поставленными вопросами. Достигнуть этого можно будетъ тогда, когда относительно каждой народности будетъ сдѣланъ сводъ всего, что уже извѣстно, когда извѣстные факты будутъ скомбинированы такъ, что изъ этихъ комбинацій будутъ вытекать вопросы, заставляющіе снова обратиться къ живой дѣйствительности и глубже заглянуть въ нее.

Такую цѣль имѣли мы въ виду, издавая нашъ первый очеркъ „Черемисы“; она же имѣется въ виду и при изданіи настоящей книги. Къ тому, что оказалось въ литературѣ, мы прибавили

II

данныя, собранныя нами самими во время мѣняго путешествія по Слободскому, Глазовскому, Малмыжскому, Сарапульскому и Бирскому уездамъ. За матеріальное содѣйствіе нашему предпріятію мы приносимъ искреннюю благодарность Совету Императорскаго Казанскаго Университета и ближайшимъ образомъ Историко-Филологическому Факультету.

Глава I.

Очеркъ исторіи Вотяковъ. Мѣста древняго жительствова ихъ. Условія, вызвавшія движеніе на В. Черемисская и русская колонизація вятскаго края. Древнѣйшая культура пермской группы. Отношенія Вотяковъ къ Чуди, Болгарамъ и Татарамъ. Подчиненіе Вотяковъ подъ власть Москвы. Ассимилирующая дѣятельность русскаго правительства. Ходъ русской колонизаціи въ вятскихъ земляхъ и ея культурное значеніе.

Документальная исторія Вотяковъ — племени Удовъ, Удь-Мурт'овъ — начинается съ конца XV в. т. е. со времени подчиненія Вятки подъ власть князя Московскаго Ивана III (1489). Первоначальная лѣтопись говоритъ о Веси, Мери, Мордвѣ, но молчитъ о Вотявахъ и вообще о сѣверныхъ Финнахъ. Тѣ данныя, которыя находятся относительно Вятки въ такъ называемой „Повѣсти о странѣ Вятской“ и восходятъ къ XII в., не могутъ претендовать на значеніе достовѣрнаго историческаго матеріала. Г. Верещагинъ очень обстоятельно выяснилъ внутреннюю несостоятельность вятскаго лѣтописца, какъ историческаго источника⁽¹⁾. Позже, въ обзорѣ источниковъ для изученія Вотяковъ мы приведемъ основанія, въ силу которыхъ въ общемъ становимся на сторону вятскаго изслѣдователя въ оцѣнкѣ этого матеріала. Но, отрицая значеніе, которое „Вятскій Лѣтописецъ“ можетъ имѣть для исторіи Вотяковъ въ XII в., мы не

(1) Вятскій календарь на 1888 г.

считаемъ однако возможнымъ вполне игнорировать его извѣстїи. Въ разсказѣ о завоеванїи вятской страны Новгородцами мы встрѣчаемся съ двумя заслуживающими вниманїя фактами.

„Лѣтописецъ“ упоминаетъ на Чепцѣ, по которой будто-бы спустились Новгородцы къ Вяткѣ, два народа—Чудь и Отяковъ⁽¹⁾. Мы увидимъ ниже, что воспоминанїе объ особомъ народѣ Чуди сохранилось до сихъ поръ въ странѣ между Чепцой и Камой въ преданїяхъ и мѣстныхъ названїяхъ.

Чудь и Отяки имѣли, по словамъ „лѣтописца“, укрѣпленїя, окруженныя земляными окопами и валами⁽²⁾. Мѣстныя названїя, преданїя народа и археологическія разысканїя новѣйшаго времени открываютъ, дѣйствительно, существованїе въ бассейнѣ Чепцы цѣлаго ряда древнихъ городищъ.

Въ основѣ обоихъ этихъ указанїй „Повѣсти о странѣ Вятской“ должны стоять, по нашему мнѣнію, мѣстныя русскїя преданїя о временахъ первоначальнаго заселенїя страны. Измыслить въ XVI или даже въ концѣ XVII в. (г. Верещагинъ относитъ время составленїя „Лѣтописца“ къ концу XVII в.) оба факта можно было только на основанїи мѣстныхъ названїй, въ которыхъ звучитъ имя Чуди, и непосредственнаго знакомства съ чепецкими городищами. Едва-ли однако въ XVII в., когда нынѣшній Глазовскій уѣздъ былъ очень слабо колонизованъ, среди жителей Хлынова распространены были обстоятельныя топографическія и археологическія свѣдѣнїя о бассейнѣ Чепцы.

Преданїя, сообщенныя „Повѣстью“, даютъ намъ предположенїе о томъ состоянїи, въ которомъ нашли Вотяковъ первые русскїе колонисты—было-ли это въ концѣ XII в.

(1) Верещ, I. с. 10.

(2) Ibid. 9.

или въ XIII — XIV в.в. Изъ отсутствія прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ о древнѣйшихъ временахъ вотской исторіи не слѣдуетъ, однако, заключать, что мы должны отказаться отъ всякихъ попытокъ заглянуть въ отдаленное, до-русское прошедшее вотскаго народа. Объ этомъ прошедшемъ молчатъ русскія лѣтописи, но достаточно краснорѣчиво говорятъ мѣстныя названія, преданія народа, могильники и остатки древнихъ городовъ (городища).

Всматриваясь въ мѣстныя названія Вятскаго края, мы прежде всего приходимъ въ мысли, что Вотяки были не единственными и не первыми насельниками С. и В. нынѣшней Вятской губерніи. Рѣка Вятка оказывается границей, до которой простирались, повидимому, когда-то на Ю. З. жилища Югры или Вогуловъ. Воспоминаніемъ объ этомъ племени служатъ до сихъ поръ названія селеній: Угорская пустошь въ Слободскомъ уѣздѣ, Югринскій починокъ и два Югрива въ Вятскомъ уѣздѣ, Югриха, Югринскій, Яраничи, Мадьярово въ Орловскомъ уѣздѣ⁽¹⁾. Судя по мѣстнымъ названіямъ можно было-бы сдѣлать предположеніе, что Русскіе еще застали на С. З. нынѣшней Вятской губерніи Югру рядомъ съ Вотяками. Настаивать на этомъ предположеніи мы считаемъ однако невозможнымъ въ виду того, что Вятичи ходили на Югру еще XV в. и приводили съ собой оттуда поломяниковъ⁽²⁾.

Воспоминанія о Югрѣ концентрируются въ С. З. части губерніи и совершенно отсутствуютъ на В., въ Глазовскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ. Рядомъ съ слѣдами Югры въ тѣхъ же предѣлахъ мы встрѣчаемъ слѣды Пермяковъ и Зырянъ — селенія Перминовское, Пермьяки⁽²⁾, Пермская въ Сло-

⁽¹⁾ Спис. нас. м. Вят. г. Спб. 1882.

⁽²⁾ Спицынъ. Сводъ лѣтоп. дан. о Вят. кр. В. 1883. р. 27.

бодскомъ уѣздѣ, Перминово, Пермяки въ Орловскомъ уѣздѣ, Пермяково въ Нолинскомъ, три селенія съ названіямъ Сырянское, три починка съ названіемъ Зырянскій въ Слободскомъ уѣздѣ ⁽¹⁾.

Въ восточныхъ уѣздахъ губерніи — Глазовскомъ, Малмыжскомъ, Елабужскомъ и Сарапульскомъ — мы наталкиваемся въ мѣстныхъ названіяхъ на воспоминанія о другомъ племени — Чуди. Въ Глазовскомъ уѣздѣ мы имѣемъ селенія Шудзинская, Чузинцы, Ярань-Шудзи, Чудья-Корь, въ Сарапульскомъ — Шудья-Лудь, Шудзя, Вуко-Чудзя, Тло-Чудзя, Люкъ-Чудзя, въ Елабужскомъ — Тоймо-Шудья, Шудья-Елкибаевъ, Шудья-Лягушино, Шудья старая, Шудья малая, Усо-Шудья, Шудья-Колтыманъ, Вытчанъ-Шудья, Лудья-Шудья, Пужмесь-Шудья, въ Малмыжскомъ — Нерсы-Шудзи, Зон-Шудзи, Ворзи-Шудзи, Нувачи-Шудзи, Зятцы-Шудзи, Шудзи новой, Чудзя-лудь-Лыстѣмъ, Гозекъ-Шудзи и р. Шудзя, Шуда, Ошла-Шуда. Въ меньшемъ количествѣ воспоминанія о Чуди слышатся и въ западныхъ уѣздахъ губерніи — въ Яранскомъ мы имѣемъ р. Шуда, селеніе Шуда-гужь, въ Нолинскомъ дер. Чудины, въ Слободскомъ у. рѣки Чуза, Чученга, дер. Чудовская, въ Вятскомъ сел. Чучи ⁽²⁾. Воспоминанія о Чуди сохранились въ названіяхъ рѣкъ и селеній, данныхъ инородцами — Вотяками и Черемисами — или носятъ слѣды заимствованія Русскими у инородцевъ. Они говорятъ, стало быть, объ особомъ чудскомъ племени, которое Черемисы и Вотяки встрѣтили при своемъ поселеніи въ краѣ.

Придавая значеніе мѣстнымъ названіямъ, въ которыхъ звучитъ имя Чуди, не слѣдуетъ обольщаться ихъ сравнительной многочисленностью. Если-бы мы заключили отсюда, что Вотяки

⁽¹⁾ Списокъ нас. мѣстъ Вят. г. Спб. 1882.

⁽²⁾ Ibidem.

нашли Чудь во всемъ томъ рядѣ селеній, который носить имя Шудья, Шудзя, мы сдѣлали-бы ошибку. Слово Шудья у Вотяковъ нашего времени значить не только имя народа, когда-то жившаго въ краѣ; это вмѣстѣ съ тѣмъ и фамиліное, „воршудное“ имя одного изъ обширныхъ вотскихъ родовъ, существующихъ до нашего времени (¹). Этотъ родъ появился на крайнемъ Ю. В. нынѣшняго вотскаго края—въ Елабужскомъ уѣздѣ—въ сравнительно недавнее время изъ Малмыжскаго уѣзда (²). Въ этомъ послѣднемъ селеніи рода занимаютъ ближайшую къ Глазовскому уѣзду территорію и отдѣляются однимъ дремучимъ лѣсомъ отъ группы селеній съ тѣмъ-же именемъ въ Глазовскомъ уѣздѣ. Очень вѣроятно въ силу этого, что въ Малмыжскій уѣздъ члены рода Шудзя проникли изъ Глазовскаго края. Если принять это предположеніе, то вмѣсто слѣдовъ независимыхъ чудскихъ селеній, раскинутыхъ на пространствѣ четырехъ уѣздовъ, мы будемъ имѣть дѣло со слѣдами миграціи одного вотскаго рода. Мы лишаемся такимъ образомъ важной вещи—указаній на распространеніе чудскихъ жилищъ на В. Вятской губерніи, но за то выигрываемъ въ другомъ отношеніи. Мы приобретаемъ знаніе того, что имѣемъ потомковъ овотячившагося чудскаго рода среди жителей цѣлаго ряда селеній. Вѣка совмѣстной жизни съ Вотяками наложили, конечно, на этотъ родъ свою печать. Въ современныхъ селеніяхъ съ именемъ Шудья живутъ, очень вѣроятно, и такіе Вотяки, которые чужды роду Шудья по происхожденію и мѣсту первоначальнаго жительства, но изслѣдователь можетъ отдѣлить эти пришлые элементы, принявши во вниманіе, что члены одного рода узнаются по вульту одного воршуда—родоваго генія-покровителя.

(¹) Первухинъ. Эскизы пред. и быта инор. Глаз. у. II, 7.

(²) Сообщено Е. С. Филимоновымъ.

Разсказавши о томъ, кого нашли Вотяки въ занимаемыхъ ими нынѣ мѣстахъ, мѣстныя названія говорятъ намъ и о томъ, гдѣ жили Вотяки первоначально—гораздо далѣе на С., Ю. и З., чѣмъ мы ихъ видимъ въ настоящее время. Селенія, съ названіями Вотская пустошь, Водское, Вотиновцы, Вотизовка, Отыцкая, рѣчки съ названіемъ Вотская мы встрѣчаемъ въ Вятскомъ уѣздѣ, двѣ деревни съ названіемъ Водская имѣются въ Орловскомъ уѣздѣ, въ Нолинскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ селеніе Вотяки, въ Котельницкомъ—Водская и Воткинская, въ Слободскомъ уѣздѣ—русскія селенія съ названіями Вотинцы, Водизовская пустошь, Лема-Вотское, Одиеръ (Вотскій врагъ) въ Яранскомъ и Уржумскомъ уѣздахъ, Одо - белякъ въ Яранскомъ, Одо-Сола въ Уржумскомъ, Одицы въ Котельницкомъ. Къ названіямъ, въ которыхъ слышится имя народа, слѣдуетъ присоединить другія, которыя объясняются изъ вотскаго языка. Сюда относятся названія селеній, данныя по личнымъ именамъ основателей—въ Орловскомъ уѣздѣ Ворсегово, Чежегово, Кутепегово, въ Слободскомъ—Ожеговка, Пислегинская, Нарниезъ, Пасеговка, въ Нолинскомъ—Балезята, въ Вятскомъ—Варсеги, Балезино (ср. Балъзъ-пи въ Глазовскомъ уѣздѣ), въ Яранскомъ—Цепеговка, въ Котельницкомъ Гундырево (гондырь—медвѣдь)⁽¹⁾, 2) селенія, названныя по рѣкамъ (съ суффиксомъ ш у р ъ)—Укшурскій въ Орловскомъ уѣздѣ, Шаншурино, Иванъ-Шуръ въ Слободскомъ уѣздѣ, Шунгушурскій, Пенешуръ въ Котельницкомъ уѣздѣ, Игменшуръ, Макшуръ въ Яранскомъ уѣздѣ, Кукшоръ, Мунашоръ, Коешеръ, Глекмашоръ въ Уржумскомъ уѣздѣ, 3) названія селеній съ суффиксомъ в а ж ъ—устьерѣки—Кливажъ, Козловажъ, Арбажъ, Ацвежъ, Ажважъ въ Котельницкомъ уѣздѣ, Арбажъ, Оче-

⁽¹⁾ См. въ прил. перечень вотскихъ именъ съ окончаніемъ на *езъ*.

важъ, Васквашъ, Чувачквашъ, Щербажъ, Ветвашъ, Сеч-
важъ, Пиковажки, Нолвашъ, Коможвашъ, Перьчвашъ, Писе-
важъ въ Яранскомъ уѣздѣ, Кузавожъ, Кыржавожъ, Буевожъ,
Пиговожка въ Уржумскомъ уѣздѣ; 4) селенія, названныя
Вотяками по свойствамъ окружающей мѣстности—Лыва (пе-
сокъ), Лывинское въ Орловскомъ и Нолинскомъ уѣздахъ,
Сибь (лѣсъ), Сиковка въ Нолинскомъ, Вятскомъ и Уржум-
скомъ уѣздахъ (¹). Продолжая изслѣдованіе мѣстныхъ назва-
ній, мы открываемъ, что западная граница вотскихъ селеній не
совпадала съ западными границами нынѣшней Вятской гу-
берніи и проходила чрезъ смежныя уѣзды Костромской и
Вологодской губерній. На самой границѣ Котельническаго
уѣзда съ Ветлужскимъ мы встрѣчаемъ селеніе Одошнуръ
(Вотское поле), селеніе и рѣчку Землешерь, р. Варвашъ (²);
въ смежномъ съ Ветлужскимъ—Нивольскомъ уѣздѣ Воло-
годской губерніи мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ мѣстныхъ на-
званій, говорящихъ о Вотякахъ; таковы въ 1-мъ станѣ р.
Воцкая, р. Воча (можетъ быть, не одна), р. Вочка, р.
Вотьяковская, р. Вотякова, д. Вотьяковская, д. Вочъ; въ при-
легающемъ къ Вятской губерніи съ С. Устьсысольскомъ
уѣздѣ мы видимъ селенія Вотская, Вотча, Вочевская, Воч-
ская, Вочъ, рѣки Вотинская, р. Воча (³).

Мѣстныя названія приводятъ насъ къ весьма правдо-
подобному выводу, что Вотяки съ Зырянами, Пермьяками и
остатками Югры когда-то занимали своими поселеніями за-
падъ Вятской губерніи и смежныя территоріи Вологодской и
Костромской, потомъ постепенно передвинулись на В. и Ю.
В., встрѣтили здѣсь чудское племя и частію поглотили, частію
оттѣснили его къ западнымъ границамъ Пермской губерніи.

(¹) Списокъ нас. мѣстъ. Вят. г. Спб. 1882.

(²) Списокъ нас. мѣстъ Костр. г. Спб. 1877.

(³) Списокъ нас. мѣстъ Вол. г. Спб. 1866.

При помощи мѣстныхъ названій предъ нами освѣтилась страница до-русской исторіи Вятской страны.—Прежде чѣмъ русскіе колонисты вступили на вятскую почву, страна была занята на Ю. и В. Чудью, на З. и С. З. Вотяками, Зырянами и Пермьями. Селенія этихъ близко-связанныхъ между собою племенъ занимали кромѣ Вятской губерніи, уголь Костромской, Ю. и В. части Вологодской губерніи. Очень возможно, что русская колонизація дала первый толчекъ распаденію этой племенной группы на отдѣльныя вѣтви, отбросивши одну часть Пермьяковъ на З. Орловскаго уѣзда, другую на С. В. въ глубь Вологодской и Пермской губерній и двинувши Вотяковъ на В. по Чепцѣ, въ область Чуди.— Но эта страница не первая въ исторіи Вотяковъ. Остается вопросъ — была ли описанная мѣстность первоначальной ихъ родиной. Мы оставляемъ его до накопленія данныхъ открытымъ. Можетъ быть, дальше той эпохи, въ которую мы успѣли заглянуть, благодаря мѣстнымъ названіямъ, его и не слѣдуетъ ставить; можетъ быть, за предѣлами этой эпохи идетъ уже исторія не Вотяковъ собственно, а цѣлой пермской группы, часть которой они составляли. Гипотезы, которыя существуютъ по этому вопросу въ литературѣ, не имѣютъ подъ собою фундамента и не могутъ идти въ расчетъ. Еще въ прошломъ столѣтіи Гер. Ф. Миллеромъ былъ данъ матеріалъ для предположенія, что Вотяки пришли на ихъ нынѣшнія мѣста съ береговъ Енисея. Тамъ со временъ Штраленберга извѣстенъ былъ говорившій особымъ отъ татскаго языкомъ народъ Ариновъ (¹). Миллеръ сообщилъ, что названіе Ари дано этому народу Татарами. Эти Арины и были признаны остаткомъ Вотяковъ, которыхъ Татары и до сихъ поръ зовутъ Аръ. Гипотеза страдаетъ однимъ су-

(¹) Г. Ф. Миллеръ. Ист. Сиб. цар. Сиб. 1787. р. 25.

щественнымъ недостаткомъ: она отрываетъ исторію Вотяковъ отъ исторіи родственныхъ имъ Зырянъ и Пермьковъ.

Другая гипотеза, начало которой восходитъ къ XVIII в., приписывается Шлецеромъ Татищеву. Татищевъ называетъ будто-бы родиной Вотяковъ страну между Ладогой и Наровой, такъ называемую Вотскую Пятину Новгородцевъ⁽¹⁾. Предполагаемая (Татищевъ, на самомъ дѣлѣ, отдѣляетъ Вотъ западную отъ Вотяковъ, которыхъ онъ называетъ Ари—, и страна ихъ Арима²) гипотеза Татищева принята Островскимъ⁽²⁾. Гипотеза „Татищева“ покоится на созвучіи двухъ племенныхъ названій Водь и Вотъ. Въ названіи пятинны, несомнѣнно, заключается имя Води; благодаря неопредѣленности звука „д“ предъ согласными съ одной стороны и благодаря забвенію причины, которая вызвала названіе, съ другой, названіе *водьскій* перешли *въ вотьскій* и послужило къ соблазну историковъ. Съ точки зрѣнія сходства названій гипотезу эту отвергать нельзя. Старинное имя народа Вода, Водь близко къ тому имени, которымъ называютъ Вотяки сами себя (Удь) и которымъ называютъ ихъ Черемисы (Одо). Кромѣ того въ мѣстныхъ названіяхъ Вологодской и Вятской губерній мы встрѣчаемся съ именемъ Вода въ формѣ Водзя. Это какъ будто намекаетъ на передвиженіе Води на В.⁽³⁾ Вопросъ, по справедливому замѣчанію г. Островскаго, можетъ быть рѣшенъ только на основаніи сравнительнаго изученія языка, на которомъ говорятъ остатки Води, съ вотскимъ. Такого изученія до сихъ поръ не было сдѣлано, да для него, кажется, и нѣтъ матеріаловъ (водскаго словаря).

⁽¹⁾ Schlözer. Allg. Nord. Gesch. Halle. 1771. 305. Ср. Тат. Ист. Рос. М. 1769. I, 305—306.

⁽²⁾ Вот. Каз. Губ.—Тр. Общ. естеств. при Имп. Каз. Ун. IV, 5.

⁽³⁾ Списокъ нас. мѣстъ Вол. губ. Спб. 1866.

Археологическія изысканія, произведенныя въ Вотской пятинѣ г. Ивановскимъ, говорятъ скорѣе противъ этой гипотезы, чѣмъ за нее: г. Ивановскій нашель здѣсь курганы и слѣды трупосожженія, которыхъ не знали предки Вотяковъ ⁽¹⁾.

Третья гипотеза, которой держится до извѣстной степени Вештомовъ ⁽²⁾, помѣщаетъ родину Вотяковъ въ нынѣшней Орловской губерніи, въ странѣ Вятичей. Основаніемъ ея служить созвучіе между именемъ племени Вятичи съ названіемъ рѣки Вятки и живущихъ на ней людей—Вятичей. Въ пользу этой гипотезы можно было-бы привести то обстоятельство, что рядомъ съ мифическимъ прародителемъ Вятичей Ватко, о которомъ говоритъ первоначальная лѣтопись, можно поставить названіе одного изъ племенъ, на которыя распадаются Вотяки, Ваткѣ. Но такъ-же, какъ и гипотеза о новгородской родинѣ Вотяковъ, эта гипотеза не имѣетъ за себя главнаго—мы не находимъ въ странѣ славянскихъ Вятичей ничего, что говорило-бы о Вотякахъ. Наиболѣе сомнѣній возбуждаетъ четвертая гипотеза, которая принадлежитъ Эйхвальду ⁽³⁾. Она представляетъ развитіе миллеровской гипотезы объ алтайской родинѣ Вотяковъ. Воспоминаніемъ о пребываніи Вотяковъ въ Енисейскомъ округѣ служить, по мнѣнію Эйхвальда, рѣка Уда, впадающая въ Селенгу. Вытѣсненные отсюда Вотяки перебираются въ Европу въ прикаспійскіи степи. Здѣсь они становятся извѣстными Страбону подъ именемъ *Utii*, а рѣка Кума, на которой они жили, прибрѣтаетъ названіе Удь-Донъ. Отсюда они по Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ проникли на С. Путь, по которому шли Вотяки, отмѣченъ остатками вотскаго племени въ Самарской,

⁽¹⁾ Труды IV арх. съѣзда. Каз. 1884. Т. I.

⁽²⁾ Вят. Ист.—Каз. Вѣст. 1825.

⁽³⁾ Зап. Рус. Арх. Общ. Т. IX, 357.

Уфимской и Казанской губерніяхъ. Гипотеза эта страдаетъ тѣмъ-же грѣхомъ, что и „миллеровская“: она отрываетъ исторію Вотяковъ отъ исторіи родственныхъ имъ Пермскихъ и Зырянъ и кромѣ того въ своихъ деталяхъ противорѣчитъ исторіи: въ Уфимской губерніи Вотяки появились пришельцами съ береговъ Камы не ранѣе XVI в., когда пало Казанское царство. Г. Бехтеревъ, принимая эту гипотезу дополняетъ ее соображеніемъ, что часть Удовъ (Воти) вышла за Ливами и заняла „Вотскую пятину“ (1).

Оставляя открытымъ вопросъ о первоначальной родинѣ Вотяковъ, мы обращаемся къ другимъ, болѣе доступнымъ для рѣшенія: когда и при какихъ обстоятельствахъ началось движеніе ихъ на В. Относительно условій, вызвавшихъ передвиженіе Вотяковъ, наши свѣдѣнія вполне удовлетворительны. Вотяки двинулись, тѣснимые съ Ю. своихъ старыхъ жилищъ черемисской колонизаціей, а съ С. З. русской. Г. Спицынъ, производившій археологическія изслѣдованія въ южныхъ уѣздахъ Вятской губерніи, сообщаетъ нѣсколько интересныхъ преданій о Вотякахъ, которыя онъ здѣсь собралъ. Жители Кузнецевскаго прихода (Урж. уѣзда) хорошо знаютъ, что въ ихъ мѣстности жили въ древнія времена Вотяки, вытѣсненные отсюда Черемисами. У Вотяковъ былъ здѣсь городъ, гдѣ жилъ царь Ядыгарь, ушедшій потомъ въ другое мѣсто. Вся мѣстность около городища царя Ядыгара называется „Вотское“ (2). По свѣдѣніямъ земскаго статистическаго бюро здѣсь имѣется лѣсъ, который назывался Вотскимъ (3). Около с. Ернуръ Яранскаго уѣзда есть городище, которое Черемисы называютъ Одо-лемъ (точнѣе Од-ылемъ),

(1) Вѣст. Евр. 1880, VIII, 625. Ср. Верещ. Вот. Сар. у. 151.

(2) Спицынъ. Новыя свѣд. по доист. арх. Вят. кр. 34—35.

(3) Мат. для стат. Вят. г.—Урж. у. Вят. 1886. ч. 1², 38—39.

т. е. вотское житье, и рассказываютъ, что здѣсь защищались Вотяки, пока не были принуждены оставить городокъ и уйти далѣе. Недалеко отъ Ернурскаго городища г. Спицынъ нашелъ другой Од-ылемъ⁽¹⁾.

Въ то время, какъ о толчѣѣ, данномъ Вотякамъ Черемисами, говорятъ черемисскія преданія, о давленіи со стороны Русскихъ мы имѣемъ русскія и вотскія преданія. Въ Слободскомъ уѣздѣ память о борьбѣ между Русскими и Вотяками до сихъ поръ живетъ среди обоихъ народовъ. Въ 7 верстахъ отъ Слободскаго по Кайскому тракту стоитъ старая часовня, поставленная надъ трупами Русскихъ, павшихъ въ борьбѣ съ Вотяками. Въ Дмитриевскую субботу въ ней до сихъ поръ совершается панихида — и Вотяки Кругловскаго прихода въ ней не участвуютъ⁽²⁾. Относительно Спасо-Подчуршинскаго городища Стуловской волости Слободскаго уѣзда мѣстные жители также рассказываютъ, что на немъ жили Новгородцы, которые выставляли себя предъ издавна обитавшими тутъ Вотяками особенными людьми, богатырями⁽³⁾. Вятскій лѣтописецъ сообщаетъ, что въ его время (XVI—XVII в.) существовалъ крестный ходъ изъ села Волкова въ г. Хлыновъ въ память побѣды надъ Вотяками. Во время хода вмѣстѣ съ иконами носили и вотскія стрѣлы⁽⁴⁾. Среди Вотяковъ Глазовскаго и Слободскаго уѣздовъ повсемѣстно, кажется, распространено убѣжденіе, что на мѣстѣ нынѣшняго г. Вятки было вотское селеніе, въ которомъ стояла быдзымъ-квалъ, племенной храмъ Вотяковъ. Когда Русскіе взяли городъ и сожгли квалу, Вотяки отсту-

(1) Спицынъ. Къ ист. вят. инор.—Вят. Кал. на 1889 г. 51.

(2) Ibid. 48.

(3) Спицынъ. Нов. свѣд. 22—3.

(4) Спицынъ. Къ ист. вят. инор. 48.

шли въ окружающіе Хлыновъ лѣса, выбрали здѣсь поляну, посѣяли на ней пепель и угли отъ сожженной хлыновской квалы и построили новую. Преданіе очень поэтически обставляетъ отступление Вотяковъ предъ русскими на В. Когда вытѣсненные изъ Хлынова Вотяки собрались вокругъ новаго храма, чтобы принести жертву, жертвенный быкъ, раненый, убѣжалъ. За быкомъ бросились, чтобы отыскать его и убить — иначе на цѣлый народъ должна была пасть кара божья. Долго пробиралась по лѣсамъ погоня и наконецъ настигла быка въ Глазовскомъ уѣздѣ (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нынѣшняго города Глазова) на берегу р. Убыти, на лѣсистомъ островѣ, который возвышался среди болота. Здѣсь его принесли въ жертву; сюда-же перенесли изъ подъ Хлынова и бадзымъ-квалу (¹).

Преданія ясно показываютъ, подъ напоромъ какихъ силъ Вотяки отступили на В. Вятской губерніи. Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ, когда эти событія имѣли мѣсто, приурочить къ опредѣленному времени тѣ удары, которые нанесли вотскимъ поселеніямъ на З. Русскіе и Черемисы. Въ очеркѣ „Черемисы“ мы высказали предположеніе, что въ Яранскій и Ветлужскій уѣзды Черемисы проникли въ X или XI в. Въ XIV в. страна была уже сплошь занята черемисами и они становятся извѣстными до Галича Мерьскаго. Преданія, которыми пользовался составитель „Повѣсти о градѣ Вяткѣ“, говорятъ, что уже въ концѣ XII в. на мѣстѣ нынѣшняго Котельнича стоялъ черемисскій городокъ Кошкаръ. Мы не можемъ, конечно, опираться на извѣстія „Вятскаго Лѣтописца“, но позволяемъ себѣ отмѣтить одну черту, которая придаетъ правдоподобность его сообщенію о черемисскомъ городкѣ. Имя Кошкаръ или Кашкаръ, заимство-

(¹) Червухинъ. I. cit.

ванное, повидимому, у Чувашъ (= волкъ), было въ большомъ употребленіи между Черемисами язычниками и до сихъ поръ сохранилось въ фамилныхъ прозвищахъ (Кошкаровы въ Чебоксарскомъ уѣздѣ). Сочетаніе личнаго имени съ словомъ, обозначающимъ городъ, съ другой стороны, представляетъ весьма обычное явленіе въ вятскомъ краѣ; мы увидимъ позднѣе, что по р. Чепцѣ имѣется цѣлый рядъ городищъ, въ составъ названій которыхъ входятъ личныя имена.

Тѣснимые Черемисами Вотяки двинулись изъ Яранскаго и Уржумскаго уѣзда на В. въ предѣлы нынѣшняго Малмыжскаго уѣзда. Ихъ путь шелъ, кажется, вдоль береговъ Вятки. На это указываютъ между прочимъ названія Одиеръ, Одо-Сола по близости р. Вятки. Черемисы слѣдовали за ними по пятамъ. По близости Малмыжа Вотяки, повидимому, избрали двѣ различныя дороги отступленія: одни направились за Вятку по р. Кильмези, другіе углубились въ лѣса, покрывавшіе южную часть Малмыжскаго уѣзда и сѣверную Мамадышскаго и Казанскаго. Такъ возникли, по нашему мнѣнію, сплошныя вотяцкія селенія въ нынѣшней Сизнерской волости и на сѣверѣ Казанскаго и Мамадышскаго уѣздовъ—Арская земля. Время, въ которое совершилось это передвиженіе южныхъ Вотяковъ, можно опредѣлить только приблизительно. Оно не могли произойти позже конца XIII в., такъ какъ около этого времени въ Арской землѣ должны уже были появиться Татары.—Черемисы оставили въ покоѣ Вотяковъ, которые углубились въ лѣса, и слѣдовали за другой группой—на лѣвый берегъ Вятки, въ бассейнь Кильмези.

Подъ напоромъ Черемисъ Вотяки оставили нижнее теченіе этой рѣки и поднялись въ ея верховья. Въ настоящее время въ низовьяхъ Кильмези въ Кильмезской и Б. Порѣвской волостяхъ нѣтъ ни души Вотяковъ, но мѣстныя назва-

ніа доказывають съ несомнѣнностью, что они здѣсь были. Въ Б. Порѣвской волости мы находимъ напр. двѣ рѣчки съ вотскими названіями—Толошеръ и Лодошуръ⁽¹⁾. Только добравшись до впаденія въ Кильмезь Лѣбани и Лумпала съ С. З. и Валы съ Ю. В., Вотяки начали осѣдять. Южно-вотская группа добралась до верховьевъ Кильмези, ослабленная борьбой съ Черемисами. На берега Валы Вотяки, по ихъ преданіямъ, пришли одновременно съ Черемисами. Легенда рассказываетъ, что вопросъ о томъ, кто долженъ сдѣлаться обладателемъ Валы былъ рѣшенъ состязаніемъ вождей обоихъ народовъ. Было условлено, что останется съ своимъ народомъ тотъ, кто переброситъ ногой съ одного берега рѣчки на другой кочку. Вождь Вотяковъ одержалъ верхъ и Черемисы удалились⁽²⁾. Далѣе Валы на Ю. В. они не пошли, но по самой Кильмези они продолжали подвигаться за Вотяками далѣе.

У венгерскаго финнолога Бернгарда Мункачи мы находимъ преданіе о Черемисахъ, записанное въ селѣ Кильмезь-Селты на среднемъ теченіи р. Кильмези. По смыслу этого преданія теченіе Кильмези до прихода русскихъ принадлежало Черемисамъ и Вотякамъ. Между обоими народами шла продолжительная борьба, въ которой особенные подвиги проявили вотскіе батыри — князя Бурсинъ и Селта⁽³⁾. Г. Спицынъ сообщаетъ, что на истокахъ Кильмези—на крайнемъ С. В. Малмыжскаго уѣзда Вотяки до сихъ поръ указываютъ на черемисское побоище—Поръ-Бырдонъ⁽⁴⁾.

(1) Списокъ нас мѣстъ Вят. губ. Спб. 1882.

(2) Гавриловъ. Произвед. нар. слов. Вот. Каз. 1880. 145.

(3) Munkacsı Bernat. Votjak; népkölt. hagyományok. Budapest. 1887. 61.

(4) Катал. др. Вят. края. 36.

Здѣсь же, въ Зятцынскомъ приходѣ, въ селеніи Каровой до сихъ поръ существуетъ валь, который Вотяки называютъ Поръ - каръ. Тутъ былъ черемисскій городокъ, которымъ овладѣли Вотяки. Еще около 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія Вотяки праздновали эту побѣду своихъ предковъ, собираясь на валь съ кумышкой ⁽¹⁾. Мѣстные названія и народныя преданія позволяютъ намъ прослѣдить и далѣе движеніе обоихъ народовъ. Въ 25 верстахъ отъ Глазова въ селѣ Верхъ-Парзи существуетъ преданіе, что на этихъ мѣстахъ ранѣе жили Кальмезы, которыхъ вытѣснили Вотяки, пришедшіе съ Вятки. По пятамъ за ними въ Глазовскій уѣздъ вступили и Черемисы. По теченію рѣкъ, впадающихъ съ Ю. въ Чепцу сохранилось не одно селеніе съ названіемъ Поръ-каръ—черемисскій городъ ⁽²⁾. Два Поръ-кара находятся въ Нижне-Уканской волости по нижнему теченію р. Лемы близъ с. Укана и д. Кычанской. Кромѣ того воспоминаніемъ о Черемисахъ являются названія Пор-пи въ Лудошурской волости и Пор-шуръ въ Понинской Глазовскаго уѣзда ⁽³⁾. Пор - кары показываютъ, что Черемисы пытались утвердиться по теченію Чепцы и не безъ борьбы уступили страну племени Ватка. Г. Первухинъ приводитъ преданіе глазовскихъ Вотячекъ, что у ихъ бабушекъ были рабыни — черемиски. Можно думать, что, подавивши Черемисъ, Вотяки поработили тѣхъ изъ нихъ, которые не успѣли спастись. Окончательный исходъ этой борьбы, можетъ быть, относится къ концу XVI в.

Въ то время, какъ южная группа Вотяковъ (изъ Яранскаго и Котельническаго уѣздовъ) была загнана на В. Черемис-

⁽¹⁾ Спицынъ. Кат. др. Вят. кр. 27—8.

⁽²⁾ — Нов. свѣд. 26.

⁽³⁾ Первухинъ. Эскизы пред. I, 53.

сами, сѣверная—вятская двинулись туда подь напоромъ Русскихъ. Относительно начала русской колонизаціи въ вотскомъ краѣ мы должны ограничиться болѣе или менѣе правдоподобными предположеніями, какъ и относительно черемисской. Пока „Вятскій Лѣтописецъ“ пользовался значеніемъ достовѣрнаго свидѣтеля, дѣло было очень ясно. Началомъ колонизаціи были приняты 70-е годы XII в. Иначе стоитъ вопросъ теперь. Авторитетъ „Вятскаго Лѣтописца“ пошатнулся и мѣстные изслѣдователи вынуждены довольствоваться одними гаданіями. Г. Спицынъ высказываетъ предположеніе, что Вятка (вѣроятно, рѣка) стала заселяться Русскими съ конца XIV в. и притомъ небольшими партіями двинскихъ ушкуйниковъ ⁽¹⁾. Эта дата (если она не простая опечатка) представляется намъ слишкомъ поздней. Вспомнимъ, что уже въ концѣ XIV в. Вятчане разѣзжаются на судахъ по Волгѣ и Камѣ, грабятъ гостей бесермянскихъ, нападаютъ на татарскія жилища и вызываютъ въ 1391 цѣлый походъ царевича Бекбута. Затѣмъ мы видимъ въ 1417 г. Вятчанъ опустошающими въ союзѣ съ новгородскими бѣглецами двинскую землю; въ 1436—1438 они разоряютъ Устюгъ ⁽²⁾. Чтобы изъ надвигающихся одна за другой небольшихъ партій ушкуйниковъ выросла такая сила, нужно было больше времени, чѣмъ нѣсколько десятилѣтій. Вопросъ о времени появленія русскихъ въ Вяткѣ, намъ кажется, слѣдуетъ разсматривать въ связи съ колонизаціей смежной Вологодской губерніи, если мы уже согласились отказаться отъ извѣстій „Вятскаго Лѣтописца“.

Появленіе русскихъ колоній въ Вологодской губерніи слѣдуетъ отнести къ концу XI в. Въ первой половинѣ XII в. мы встрѣчаемъ въ новгородскихъ источникахъ упоминаніе

⁽¹⁾ Спицынъ. Къ ист. вят. инор. Вят. Кал. 1889. 50.

⁽²⁾ Стол. Вят. губ. Вятка. 1880. I, 56—57.

о Вели (Вельскѣ) и Вологдѣ, какъ селахъ съ церквами и торговыми (¹). Объ Устюгѣ (Гляденѣ) за это-же время въ житіи Прокочія Праведнаго говорится какъ о городѣ, украшенномъ многими церквами (²). Устюжане уже въ концѣ XII в. сдѣлали, несомнѣнно, знакомство съ Вятскимъ краемъ. Въ 1218 г. на Устюгъ нападаютъ Болгары и берутъ его хитростью (³). Лѣтопись умалчиваетъ о причинахъ, вслѣдствіе которыхъ Болгары являются подъ стѣнами далекаго Устюга, но если припомнить, что съ конца XII в. до начала XIII изъ Ростовско-Суздальской земли идетъ цѣлый рядъ русскихъ нападений на болгарскія земли (⁴), то вполне естественнымъ явится предположеніе, что и Устюжане принимали участие въ этомъ наступательномъ движеніи противъ Болгаръ, открывши удобный доступъ въ ихъ страну по р. р. Югу, Моломѣ, Вяткѣ и Камѣ. На пути въ земли Болгаровъ Устюжане и Новгородцы имѣли возможность ознакомиться съ западной частью Вятской губерніи, ея естественными условіями, силами и характеромъ населенія. Потому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что съ начала XIII в. они дѣлаютъ первыя попытки занять новую страну и начинаютъ вытѣснять туземное населеніе. Что Молома была однимъ изъ путей, по которымъ двигалась русская колонизація, въ противоположность утверженію „Вятскаго Лѣтописца“, видно изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ названій Орловскаго уѣзда. Въ то время, какъ на В. губерніи русскія названія селеній не заключаютъ въ себѣ ничего характернаго, въ Орловскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ названія Смердины, Смерды, Боярщина, Боярскій,

(¹) Списокъ нас. мѣстъ Вол. губ. Спб. 1866.

(²) Ibid.

(³) Верещ. I. с. 19.

(⁴) Ibid.

Двиняне, которыя говорятъ намъ, когда и откуда направлялись сюда русскія колоніи и изъ какихъ соціальныхъ элементовъ онѣ состояли (¹).

Не позже XIII ст. началось, стало быть, движеніе и сѣверныхъ Вотяковъ на В. Шло это передвиженіе, благодаря мѣстнымъ условіямъ, очень медленно. Мы знаемъ уже, что, по вотскимъ преданіямъ, Вотяки, вытѣсненные изъ Хлынова, расположились сначала неподалеку отъ него въ овружающихъ лѣсахъ. Наплывъ русскаго населенія тѣмъ не менѣе заставилъ ихъ подвигаться все далѣе на В. Путемъ, по которому двинулись Вотяки на новыя земли, была Чепца. Эта рѣка привела Вотяковъ въ предѣлы нынѣшнихъ Глазовскаго, Сарапульскаго и Оханскаго уѣздовъ (²).

Уяснивши себѣ, насколько позволяютъ источники, гдѣ жили Вотяки въ началѣ ихъ исторіи и какія силы двинули ихъ на В., мы обращаемся къ вопросамъ культурной и политической исторіи. Первый вопросъ, который долженъ быть такъ или иначе рѣшенъ — это вопросъ о первобытной культурѣ Вотяковъ. Отвѣтъ на него заключается пока исключительно въ данныхъ языка. Вотяки являются сосѣдями Зырянъ и Пермьяковъ; ихъ языкъ, по своему строю и лексическому составу, находится въ ближайшемъ родствѣ съ зырянскимъ и пермяцкимъ. Сравненіе словарей этихъ трехъ нарѣчій открываетъ цѣлый рядъ общихъ культурныхъ словъ. Эти-то слова и имѣютъ для историка значеніе. Они ведутъ его въ тотъ періодъ, когда три племени жили общей жизнью и совместно вырабатывали жизненныя формы.

Въ періодъ, предшествующій распаденію на обособленныя историческія и топографическія группы, Вотяки успѣли

(¹) Списокъ нас. мѣстъ Вят. губ. Спб. 1882.

(²) Въ Оханскомъ уѣздѣ Вотяки были извѣстны еще въ XVII в. Перм. Сбор. М. 1859. I, 22.

уже перейти отъ исключительно звѣроловной жизни къ земледѣльческой. Они умѣли уже обрабатывать землю—пахать (gōg. . .), сѣять (kiziny B. kōdz'ny З.) косить (turnanu), готовить хлѣбъ (n'an'), муку (pyz' З. В.). Судя потому, что слово gōгуну означаетъ пахать и рыть можно думать, что Вотяки обрабатывали землю не сохой, а копушей. Ниже мы увидимъ, что этотъ способъ сохранился до послѣдняго времени. Всматриваясь далѣе въ общія слова, мы открываемъ, что предки Вотяковъ имѣли всѣхъ домашнихъ животныхъ, которыя имъ извѣстны теперь — лошадь (val, vōl) быка (os, ös), свинью (pags, pogs), овцу уѣ и выработали общій терминъ для обозначенія всѣхъ этихъ животныхъ pudo — рода скотъ, умѣли обрабатывать продукты скотоводства: шерсть (kokaп шерстобитный лукъ, kunу — прясть), кожу (je, ju—ремень, pas'—кожа и одежда), молоко (vyi, vōj масло), были знакомы съ важнѣйшими металлами—железомъ (guda, kort, kōrt), мѣдью (rgon), оловомъ (uzves', özys), серебромъ (azves'), золотомъ (zarni). Въ виду того, что многія изъ этихъ послѣднихъ словъ имѣютъ восточное происхожденіе, мы имѣемъ право заключить, что уже въ тотъ періодъ Вотяки познакомились съ торговлей въ ея первичной, мѣнливой формѣ. Это заключеніе подтверждается существованіемъ общихъ словъ, относящихся къ торговлѣ: wuz—пролажа, торговля; vuzanu — vuzalnu продавать, vož'tynu—vež'tynu мѣнять, прибыль šud. На почвѣ торговли возникла имущественная дифференціація—явились богатые (uzor, ozor) и бѣдные (kuaner), хозяева и работники (med—плата, medo, meda работникъ), кредиторы и должники (ujdaš, udzjōza). Сопоставляя послѣднее слово съ словами udž, už работа, служба, мы приобретаемъ представленіе о тѣхъ юридическихъ отношеніяхъ, въ которыхъ стояли должники къ кредиторамъ: они должны были зарабатывать свой долгъ. Жилище Вотя-

ковъ прежде, чѣмъ они отдѣлились отъ Зырянъ и Пермязковъ, прошло нѣсколько ступеней развитія. Судя по тому, что въ зырянскомъ языкѣ слово *gurt* имѣетъ значенія деревяннаго дома и землянки, вырытаго въ землѣ жилища, а въ пермяцкомъ сохранился корень другаго вотскаго названія для жилища *k o g k a* (ког-бревно) мы можемъ предположить, что первоначальными жилищами Вотязковъ и ихъ родичей были землянки, подобныя тѣмъ, въ которыхъ до сихъ поръ живутъ Остяки, затѣмъ они уже выучились строить избы изъ дерева. Дома отдѣльныхъ семей были первоначально раскинуты уединенно другъ отъ друга. Селенія явились съ разрастаніемъ семей, когда новые члены, не желая удалаться отъ родичей, строили себѣ жилье рядомъ. Въ значеніяхъ слова *gurt* отразилась вся эта исторія вотскихъ поселеній: *gurt* значить одновременно и домъ и деревню. Рядомъ съ уединенно стоящими жилищами родовъ или большихъ семей предки Вотязковъ, Зырянъ и Пермязковъ знали городъ (*kar*)—земляное укрѣпленіе, съ типомъ котораго знакомить современная археологія. Судя по тому, что словомъ *kar* обозначаются и жилища птицъ и насѣкомыхъ—между прочимъ муравейникъ—можно предположить, что вары служили если не постояннымъ, то временнымъ мѣстомъ пребыванія значительныхъ, сравнительно съ размѣрами семьи, людскихъ собраний. Жизнь родами не исключала у предковъ нынѣшнихъ Вотязковъ возможности болѣе сложныхъ общественныхъ сочетаній. Вотязки, Пермязки и Зыряне еще въ періодъ совмѣстной жизни имѣли князей (*oksej*) и собранія, на которыхъ рѣшались дѣла общества и чинился судъ (*oksem* II. собраніе, сборище). Тогда же выработаны были и общія нормы жизни—обычай (*s'am*). Князья взимали съ народа дань (*vut*). Судя по двойному значенію слова *tyruny*—платить и наполнять, и по значенію, съ которымъ слово *vut*

вошло въ русскій языкъ вятскаго края (участокъ земли), слѣдуетъ думать, что подать взималась съ земледѣльцевъ и заключалась въ опредѣленной мѣрѣ зерна, которую нужно было насыпать. Первоначальное, древнѣйшее значеніе этого слова сохранилось въ русскомъ вологодскомъ говорѣ; это доля—пищи, причитающаяся извѣстному лицу (¹). Принимая это значеніе, мы имѣемъ основаніе предположить, что древнѣйшій видъ дани у Вотяковъ состоялъ въ удѣленіи ѳксэю доли пищи или охотничьей добычи. Эта форма имѣетъ примѣненіе во всѣхъ первобытныхъ обществахъ; она извѣстна была, между прочимъ, и древнимъ Грекамъ.

Костюмъ Вотяка состоялъ зимою изъ звѣриныхъ шкуръ, (слово *ras'* значитъ одновременно шкура и одежда) лѣтомъ изъ конопляной ткани (*dōra*). Лѣтнее верхнее одѣяніе называлось, вѣроятно, *šobug*, такъ какъ глаголь *šoburytyny* одѣваться въ шоборъ имѣетъ общее значеніе одѣваться. Шоборъ подпоясывался кожанымъ кушакомъ (*s'umys*), къ которому привѣшивался кожаный-же кошелекъ (*kulto, kolta*). На ноги надѣвались лапти (*kut, kot*).

Въ области религіозной Вотяки раздѣляли съ Пермьями и Зырянми поклоненіе небу, какъ божеству (*Jn-mar* богъ, небо, *Йен З. П.* богъ, небо). Поклонялись-ли Вотяки какимъ другимъ божествамъ, по даннымъ языка судить нельзя. Божеству возносили молитвы (*vos-anu, vesalnu* молиться), приносили жертвы (*viro, vira*) его мщеніе призывали на виновныхъ (*juryskyny, jorsyny* влѣсть, проклинать), его содѣйствіемъ особые люди (*tuno*) пользовались для раскрытія того, что ускользало отъ вѣдѣнія людей—гадали (*rōljanu, rōlalnu, tunanu, tunasny* — ворожить). Кромѣ небеснаго божества Вотяки наравнѣ съ Зырянами и Пермьями признали суще-

(¹) Даль. Толк. слов. великор. языка.

ствование духовъ, которые могутъ иногда являться челоуку въ чувственной формѣ (lul-lol-voч духъ, душа, жизнь; urt-ort духъ, душа, видѣніе).

Изъ значеній словъ lul и urt очевидно, что духи эти являются душами умершихъ. Въ виду того, что душа умершаго продолжаетъ свое существованіе, трупъ (šeј, šaj, šoj) погребали въ землю, въ могилу (gu). Такъ какъ gu значитъ не только могилу, но и всякую вообще яму, ровъ, естественную пещеру и звѣриную нору, берлогу, то можно предполагать, что первыми могилами были естественныя углубленія, которыя находили случайно въ землѣ.

Рядомъ съ простѣйшими ремеслами предкамъ Вотяковъ, Зырянъ и Пермьяковъ были извѣстны зародыши изобразительныхъ искусствъ. Они умѣли выражать знаками числовыя величины. Искусство угадывать, какую величину выражаетъ данный знакъ, они обозначили глаголомъ ludyпу—читать, считать. Кромѣ знаковъ для письма они имѣли знаки—мѣтки для обозначенія вещей, принадлежащихъ отдѣльнымъ семьямъ и лицамъ (pus В.—pas З. П.). Для украшенія вещей они умѣли дѣлать изображенія предметовъ окружающей дѣйствительности (tus В., tusa З. фигура, знакъ, образъ). Искусство дѣлать знаки и изображенія они обозначали словомъ gožjanу, gižпу—писать (вырѣзывать?).

Относительно семейной организаціи данныя языка скудны. Номенклатура родства въ ея второстепенныхъ терминахъ создавалась каждымъ народомъ самостоятельно. Только основныя понятія слѣдуетъ отнести къ этому періоду. Люди, связанные кровнымъ родствомъ, обозначались терминами корень (vυžі, vυž) или vataga. Внутри группы, связанной кровными отношеніями, различались отецъ (ai), мать (шиму), сынъ (pi), дочь (пуі). Термины эти, намъ кажется, только въ позднѣйшую эпоху приобрѣли то значеніе, кото-

рое мы имъ приписываемъ теперь. Въ виду того, что аі означаетъ (не только отца, но и вообще мужчину, самца, шшу—самку, рі—мальчика, порожденіе, пуі—дѣвочку, можно предположить, что семья въ нашемъ смыслѣ этого слова предшествовалъ гетеризмъ, при которомъ каждый взрослый мужчина былъ для каждой женщины мужемъ, каждый мальчикъ для каждаго взрослого сыномъ, каждая дѣвочка дочерью.

Уже изъ одного развитія основныхъ терминовъ родства оказывается, что семья пережила значительныя измѣненія прежде, чѣмъ три племени начали отдѣльную жизнь. На тотъ же процессъ развитія указываютъ слова, обозначающія способъ пріобрѣтенія невѣсты—*kurany*, *kuzjas'kynu*—*goz-jas'ny*—соглашаться и можетъ быть на основѣ платежа (не одного-ли корня слова *kuzjas'kynu* и *kuzim* даръ?).

Данныя языка освѣтили передъ нами стадію культурнаго развитія, на которой находились Вотяки, вступая на вятскую территорію. Картину эту можно было-бы пополнить новыми чертами, сдѣлать колоритнѣе, ярче, если бы къ общимъ словамъ присоединить общіе обычаи и вѣрованія, выдѣленные изъ продуктовъ собственнаго творчества путемъ сравнительнаго изученія, но время такихъ работъ для этнографіи волжскаго бассейна еще не наступило. Мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи относительно обычаевъ и вѣрованій матеріала, аналогичнаго съ словарями; систематическое собраніе его только еще начинается.

Колонизація вотскаго племени, какъ мы уже видѣли, имѣла два главныхъ водныхъ пути—Чепцу и Кильмезь. Двигаясь по обѣимъ рѣкамъ, Вотяки расходились по ихъ притокамъ и впадающимъ въ эти послѣднія маленькимъ рѣчкамъ. Исторія вотскаго колонизаціоннаго движенія въ общихъ чертахъ напоминаетъ исторію черемисскаго. Мы видимъ, какъ одни семьи основываютъ жилища на берегахъ

ни кѣмъ не занятыхъ еще рѣчекъ и называютъ ихъ своими именами (Ужегъ-шуръ, Кайшуръ), какъ другія занимаютъ дикія поляны среди лѣсовъ (луды) и обращаютъ ихъ въ свою собственность (Кай-лудъ), какъ третьи обращаютъ въ свою собственность горы (мувыръ, Лозо-мувыръ), какъ отдѣленные сыновья одиночно или группами образуютъ самостоятельные починки и даютъ начало массѣ селеній, которыя носятъ названія „сынъ или сыновья такого-то“ (Кай-пи, Ардаш-пи).

Гдѣ бы ни садились Вотяки—на горахъ-ли, на дикихъ ли поляхъ или на берегахъ рѣкъ—они вездѣ садятся группами, связанными между собою болѣе ими менѣе близкимъ родствомъ. Около селенія съ родовымъ, воршуднымъ именемъ, частію заселеннаго сплошь русскими, группируется цѣлый рядъ другихъ, въ названія которыхъ воршудное имя входитъ съ какимъ нибудь новымъ эпитетомъ или опредѣлителемъ. Г. Богаевскій обращаетъ вниманіе въ Сарапульскомъ уѣздѣ на группы селеній Норья, Можга. Въ Малмыжскомъ и Елабужскомъ уѣздахъ мы въ этомъ отношеніи можемъ отмѣтить группы Можга, Живья, Тукля, Какси, Пельга, въ Сарапульскомъ Зюмья, Вамья. Въ настоящее время въ селеніяхъ съ этими названіями живутъ иногда люди, не стоящіе хотя-бы въ отдаленной родственной связи между собою, но основатели селеній были, несомнѣнно, одного происхождения и были связаны общностью культа. Количество родовъ, на которые распадаются Вотяки, точно не извѣстно. Г. Первухинъ передаетъ мнѣніе священника Утробина—хорошаго знатока вотскаго быта, что этихъ родовъ было 70, но въ Глазовскомъ уѣздѣ насчитываетъ ихъ только 50⁽¹⁾. Въ Малмыжскомъ, Елабужскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ мы находимъ нѣсколько новыхъ именъ, такъ что число всѣхъ.

(1) Первухинъ I. с. I, 38, 39.

приближается къ показанному Утробинимъ. Вѣка наложили свою печать на судьбу отдѣльныхъ родовъ—одни вымерли, другіе держатся въ одной, двухъ деревняхъ; за то есть и такіе, которые разрослись до очень почтенныхъ размѣровъ, заключаая въ себѣ отъ 10 до 30 селеній во всемъ вотскомъ краѣ; таковы роды, перечисленные уже выше. Связь, соединявшая вмѣстѣ группу селеній съ однимъ воршудомъ,—выражалась не только въ признаніи общаго генія—покровителя, но и въ общихъ моленіяхъ. Въ Бирскомъ уѣздѣ, гдѣ язычество менѣе стѣснено, рядомъ съ моленіями которыя совершаются отъ имени деревень, существуютъ такъ называемые элен-выс-и т. е. молитвенныя собранія родовъ, поколѣвій. Въ главѣ родовъ въ отдаленное время, конечно, стояли родоначальники, которые управляли ихъ дѣйствіями. Назывались-ли эти главы родовъ князьями, ѳксеями или эти послѣдніе представляютъ правителей высшаго порядка, жили-ли родоначальники или какія нибудь другія власти въ *карахъ*, этого извѣстныя намъ преданія не разъясняютъ.

Первымъ крупнымъ культурно - историческимъ событіемъ въ жизни Вотяковъ было соприкосновеніе съ чудско-болгарской культурой. Касаясь этого факта, историкъ не имѣетъ возможности оставить безъ того или другаго рѣшенія вопросъ о томъ, что за племя была Чудь, въ какихъ этнологическихъ отношеніяхъ оно стояло къ пермской группѣ Финновъ. Матеріалами для рѣшенія этого вопроса являлись до сихъ поръ данныя антропологии — черепа по преимуществу—и данныя археологии — вещи, находящіяся въ чудскихъ городищахъ. Профессоръ Маліевъ самымъ категорическимъ образомъ высказался въ пользу краниологии въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи Чуди къ ближайшимъ родичамъ Вотяковъ—Пермякамъ, но тутъ-же прибавляетъ, что такія изслѣдованія еще заставляютъ себя

ждать, и ограничивается антропологической характеристикой Пермяковъ (¹). Очень вѣроятно, что ждать такихъ изслѣдованій придется довольно долго, такъ какъ череповъ, которые можно было-бы принять за чудскіе пока, кажется, еще не отыскано, да и опредѣленіе ихъ зависитъ отъ характера окружающихъ вещей, стало быть отъ установленнаго археологами „чудскаго“ типа вещей.

Не больше говорятъ намъ объ отношеніяхъ зыряно-вотяцкой группы къ Чуди и данныя археологіи. Сходство формъ, одинаковый химическій составъ металла, изъ котораго сдѣланы такъ наз. чудскія украшения, находимыя въ Вятской и Пермской губерніяхъ, заставляютъ изслѣдователей предполагать, что онѣ принадлежатъ одному племени. Но сходство это переступаетъ предѣлы Вятской и Пермской губерній. Оно обнаруживается между чудскими вещами С. и болгарскими точнѣе билярскими вещами Казанской губерніи и подало поводъ опредѣлять типъ такихъ древностей словомъ чудско-билярскій (²). Съ другой стороны открываютъ аналогію между чудскими и мерянскими вещами. Отношенія, чудской культуры къ мерянской съ одной стороны и болгарской съ другой далеко не способствуютъ точному уясненію вопроса о Чуди. Если билярскіе элементы разсматривать какъ результатъ торговыхъ сношеній Біарміи съ Булгарами, то изъ сходства чудскихъ и мерянскихъ вещей можно сдѣлать слишкомъ общее заключеніе о родствѣ Мери съ Чудью, но отъ этого заключенія дѣло мало выигрываетъ. Мера антропологически и этнографически представляетъ такой-же вопросительный знакъ, какъ и Чудь. Извѣстны вещи, которыя употреблялись въ землѣ Мери, но нѣтъ никакихъ данныхъ,

(¹) Труды Кав. Общ. естеств. т. XVI, вып. 4, 30.

(²) Ивановъ. Къ антр. перм. кр. Ibid. т. X, вып. 1, 31.

говорящихъ о народѣ, который ихъ употреблялъ. Не яснѣ дѣло обнаруживается и съ другой стороны. Ни одинъ археологъ, сколько намъ извѣстно, не опредѣлилъ еще съ точностью типа древнихъ пермскихъ и вотяцкихъ вещей. Благодаря этому возможность установить на данныхъ археологическомъ отношеніи Чуди къ членамъ современной пермской группы нужно отнести къ надеждамъ будущаго.

Неопредѣленность антропологическихъ и археологическихъ данныхъ заставила даже нѣкоторыхъ натуралистовъ признать необходимость третьяго фактора въ рѣшеніи вопроса—филологическаго. „Только соединенныя усилія антропологии, лингвистики, археологии и исторіи могутъ разрѣшать племенные вопросы“—говоритъ г. Ивановъ въ цитированномъ уже выше трудѣ ⁽¹⁾. Выводъ, къ которому пришелъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей чудскаго края, какъ нельзя болѣе основателенъ. Народъ, мѣсто котораго заняли Вотяки, оставилъ послѣ себя не одни городища, вещи и черепа; онъ назвалъ важнѣйшія воды края и оставилъ въ этихъ названіяхъ память о своемъ языкѣ. Не правы потому тѣ изслѣдователи, которые вслѣдствіе неимѣнія письменныхъ памятниковъ считаютъ языкъ Чуди неопредѣлимымъ ⁽²⁾. Чтобы этотъ матеріалъ заговорилъ, его нужно подвергнуть такому же сравнительному изслѣдованію, какъ черепа, какъ предметы внѣшняго быта.

При оцѣнкѣ того значенія, которое могутъ имѣть мѣстные названія, какъ показатель народности, слѣдуетъ принять во вниманіе условія, при которыхъ они даются. Давая названіе полю, озеру, рѣкѣ, горѣ, человѣкъ всегда характе-

⁽¹⁾ Ивановъ. I. с.

⁽²⁾ Дмитріевъ. Перм. стар. Пермь. 1889. р. 12.

ризуесть ихъ болѣе или менѣе удачнымъ образомъ, отмѣчаетъ въ нихъ тотъ или другой, бросающійся въ глаза признакъ. Удачно данное названіе принимается постепенно всѣми окружающими и дѣлается народнымъ. Характеристика—это цѣль и причина появленія мѣстнаго названія. Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ названія не могутъ быть простыми комплексами звуковъ безъ всякаго значенія.—Вотяки создавали свои названія также, какъ и русскіе. Слѣдующіе примѣры показываютъ справедливость этого положенія наглядно: Будзим-лудъ (большое поле), Сед-ошмесь (черный-ключъ), Кезвырь (вершина Кеза), Будзимъ-шуръ (большая рѣчка), Гуртъ-лудъ (домовое поле), Поршуръ (черемисскій ключъ), Гурезлудъ (горное поле), Ягшуръ (сосновая рѣка, Сосновка), Лудошуръ (полевая рѣка), Ква-шуръ (домовая рѣчка). Нѣкоторыя изъ названій рѣкъ и селеній—вотяцкія по суффиксамъ шуръ и гуртъ—имѣютъ въ опредѣляющей части такія слова, которыхъ мы не находимъ въ вотяцкихъ словаряхъ. Но значеніе ихъ открывается другимъ путемъ. Въ переписныхъ книгахъ XVII в., когда Вотяки за ничтожными исключеніями были язычниками, мы находимъ множество личныхъ именъ, которыя восполняютъ въ истолкованіи названій то, чего не даютъ словари. Громадная масса рѣчекъ и деревень названы по именамъ первыхъ поселенцевъ и основателей.

Списки личныхъ именъ въ соединеніи съ словарями даютъ намъ полную возможность указать въ краѣ всѣ вотскія названія и опредѣлить ихъ типъ. Если мы выдѣлимъ эти названія, а съ ними и русскія, изъ всей массы мѣстныхъ названій занимаемой въ настоящее время Вотяками страны, у насъ останется множество названій, которыя будутъ съ точки зрѣнія вотскаго языка комплексами звуковъ безъ значенія или дадутъ матеріалъ для неуклюжихъ и произвольныхъ толкованій. Но то, что является бессмысленнымъ

наборомъ звуковъ для Вотяка, имѣло когда-нибудь, въ устахъ какаго нибудь другаго народа значеніе, выражало, какъ и вотскія названія, свойства опредѣляемаго явленія. Предъ нами оказывается, стало быть, масса словъ, уцѣлѣвшихъ изъ языка народа, ранѣе Вотяковъ жившаго въ краѣ, и наша задача состоитъ въ томъ, чтобы классифицировать ихъ, опредѣлить типы и строеніе и отношеніе къ названіямъ живымъ, намъ понятнымъ. Первое, что бросается намъ въ глаза при разработкѣ этого матеріала,—это то, что всѣ названія относятся къ рѣкамъ. По аналогіи съ вотскими названіями мы вправѣ заключить, что имѣемъ дѣло съ рядомъ признаковъ, которыми характеризовались въ глазахъ Чудина рѣки вятскаго края, и съ названіями для разнаго рода текучихъ водъ. По своему строенію всѣ названія состоятъ изъ двухъ частей: повторяющейся, родовой, общей въ концѣ и неповторяющейся, частной въ началѣ. Повторяющимися частями являются въ нашихъ названіяхъ ма, вай. Въ Глазовскомъ уѣздѣ мы видимъ напр. названія—Кострома, Барма, Дизма, Лекма, Сизма, Сима, Лема, Ухтым-ка, Кузема, Урома, Елом-ка, Бухма, Пижда, Пожда, Кежда, Обма, въ Малмыжскомъ—Ирма, Лекма, Болма, Кульма, Тушма, Вошторма, Тыжда, Шошма, Шурма, въ Яранскомъ уѣздѣ—Шошма, Удюрма, Уртыма, Курема, Шуйма, Урма, Има, Нурма, Ошма, Пижда, Турма, въ Уржумскомъ—Сукма, Олма, Вочерма, Шекма, Кичма, Торма, Вошма, въ Котельницкомъ—Молома, Пижда, Ошма, Идома, Содом-ка, въ Слободскомъ—Вохма, Калама, Лекма, Лема, Питима.

Держась аналогіи, мы ставимъ предположеніе, что эти повторяющіеся въ изслѣдуемыхъ названіяхъ комплексы звуковъ должны служить для обозначенія понятій рѣки, рѣчки, ручья. Сравненіе съ однородными пермяцкими и вотяцкими названіями оправдываетъ это предположеніе, по нашему мнѣнію, вполне.

Изъ сопоставленія этихъ рѣчныхъ названій съ такими же названіями нынѣшняго пермскаго края оказывается, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ общіе корни; таковы:

Пож-ма въ вот. краѣ		Пож-ва въ перм. краѣ.	
Виль-ма	—	Виль-ва	—
Нерт-ма	—	Нерт-ва	—
Сик-ма	—	Сик-овка	—
		(отъ Сиг-ва)	—
Сизьма	—	Сюзь-ва	—
Ур-ма	—	Ур-ва	—
Пол-ома	—	Пол-овка	—
		(отъ Пол-ва)	—
Мол-ома	—	Мол-ва	—
		(Моловская)	—
Едо-ма	—	Яд-ва	—
Кос-ма	—	Кос-ва	—
Урд-о-ма	—	Урд-ва	—
Нур-ма	—	Нор-о-ва	—
Оше-ма	—	Ош-евка	—
		(отъ Ош-ва)	—
Си-ма	—	Си-ва	—
(Чи-ма)			
Чол-ма (н)	—	Чол-ва	—
Сил-ем (а)	—	Сыл-ва	—
Иж-ма	—	Иж-е-вской	—
		(отъ Иж-ва)	
Сюр-о-ма (шуръ)		Сюр-ва	
Шош-ма	—	Сос-ва	

Эти ряды названій, сходныхъ по своимъ опредѣляющимъ частямъ, даютъ намъ право заключить, что суффиксы **ма** и **ва**, связанные съ одними и тѣми же корнями, должны

быть тождественны по значенію. Въ виду того, что в а въ зыряно - пермяцкомъ нарѣчїи означаетъ воду и рѣку, мы заключаемъ, что то же значеніе имѣетъ и м а. Этотъ выводъ, правильность котораго оспаривать трудно, имѣетъ важное историко-географическое и этнографическое значеніе. Онъ даетъ намъ право сказать, что народъ, разбросавшій по губерніямъ Костромской, Вологодской, Вятской и Пермской массу рѣчныхъ названій съ окончаніемъ на м а, говорилъ языкомъ, представлявшимъ одно изъ развѣтвленій обширной группы діалектовъ, отъ которыхъ въ настоящее время уцѣлѣли зырянскій, пермяцкій и вотскій. Наше убѣжденіе въ его правильности укрѣпляется еще тѣмъ, что кромѣ параллельныхъ пермяцкихъ названій мы имѣемъ и параллельныя вѣтвѣнія: Сундо-ма || Сундо-шуръ, Лев-ма || Лекшуръ, Кор-ма || Кор-шуръ, Сизь-ма || Сизя-шуръ.

Относительно группы рѣчныхъ названій съ окончаніемъ на в а й (распространены въ уѣздахъ Глазовскомъ, Сарапульскомъ и Малмыжскомъ, совершенно отсутствуютъ въ Вятскомъ, Орловскомъ, Котельницкомъ, дважды встрѣчается въ Слободскомъ и одинъ разъ въ Нолинскомъ) мы, сопоставляя ихъ съ названіями, имѣющими общіе корни, также приходимъ къ заключенію, что они имѣютъ одно происхожденіе съ названіями пермско-зырянской группы; таковы напр.

Ягвай (Сарап. у.)	Яг-шуръ (того-же у.)
Тыло-вай	Тыло-шуръ
Узек-вай	Узек-шуръ
Кол-ы-вай	Кол-о-шуръ
Вуко-вай	Вуко-шуръ (мельничная р.)
Кара-вай	Кар-шуръ, Коро-шуръ.

Вай и шуръ оказываются изъ этого сопоставленія суффиксами, означающими мелкую рѣчку. Корни при обоихъ

названіяхъ имѣють пермское происхожденіе и образуются или изъ названій растительныхъ породъ (ягъ-сосна) или изъ личныхъ именъ. Помимо родства съ вотядскими названіями съ окончаніемъ на в а й оказываются въ родствѣ и съ предпогаемо-чудскими названіями на ма—напр. Нюро-вай || Нюро-о-ма, Кор-о-вай || Кор-ма, Нали-вай || Нали-ма, || Лековой || Лекма, Пез-вай || Пижма, Сюровой || Сюрорма.

Вѣтвь пермскаго племени, жившая въ Глазовскомъ, Сарапульскомъ и Малмыжскомъ уѣздѣ и оставившая по себѣ память въ рядѣ рѣчныхъ названій съ окончаніемъ на в а й, можетъ быть опредѣлена при дальнѣйшемъ изученіи памятниковъ языка и болѣе точнымъ образомъ.

При дальнѣйшемъ анализѣ мѣстныхъ названій вниманіе изслѣдователя останавливается на словахъ съ окончаніями на з и, с и, ч и. Значеніе ихъ, намъ кажется, можно до нѣкоторой степени уяснить путемъ сопоставленія съ рѣчными названіями:

Нерсы (Нѳрси)	Нюрсе-вай
Какси	Каксин-вай
Сюрси	Сюрсо-вай.

Существованіе в а й —рѣчнаго показателя—даетъ намъ полное основаніе заключить, что суффиксы с и, с ы, з и не представляютъ собою словъ, означающихъ текучую воду, подобно ш у р ъ, такъ какъ при существованіи в а й они были бы лишними. Какія-же слова могли соединяться съ терминами обозначающими рѣку въ языкѣ предшественниковъ Води? По аналогіи съ строеніемъ вотскихъ названій мы вправѣ предположить, что это были или слова, обозначающія признаки, или имена первыхъ засельниковъ. Сравнительное изученіе мѣстныхъ названій оправдываетъ послѣднее предположеніе. Мы имѣемъ два названія Карсо-вай и Карсо-пи,

изъ которыхъ оказывается, что Карсо—личное вотское имя; имена съ тѣмъ же окончаніемъ имѣются у Вотяковъ и еще: Кайсы (Кайси), Бальза (ä, и?), Двюзя, Боза, Поча, Уча, Зея (¹). Названіе Ятчи-шуръ даетъ намъ право предполагать, что и слова Ятчи представляетъ собою личное имя и это предположеніе до нѣкоторой степени оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Елабужскомъ уѣздѣ существуетъ родъ Ятчи. Имени Ятчи соотвѣтствуетъ фонетически Дзятца, объясняющее родство между окончаніями на чи и ча, зи и за, ци и ца (Дзятца—пиосъ = дѣти Дзятцы).

Признавши слова съ окончаніями на си, сы, чи, зи различными именами, мы должны рѣшить, какому народу они принадлежатъ. Такъ же, какъ въ вопросѣ о мѣстныхъ названіяхъ, мы должны выдвинуть прежде всего общее положеніе относительно возникновенія личныхъ именъ. Въ томъ случаѣ, когда народъ самъ создаетъ имя, онъ обязательно вкладываетъ въ него какой нибудь опредѣленный смыслъ, пытается выразить именемъ, прозвищемъ свойства лица, впечатлѣніе, имъ производимое, относительно ребенка свои надежды. Въ нашемъ календарѣ рядомъ съ русскими именами имѣется масса другихъ, которыя являются для насъ комплексами звуковъ безъ значенія, но у тѣхъ народовъ, которыя передали ихъ христіанамъ вообще и намъ въ частности—евреевъ, грековъ, римлянъ—они имѣли значеніе. Съ той-же точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на имена вотскія. Тѣ, которыя созданы самими Вотяками, имѣютъ опредѣленное значеніе: горд-ошъ = красный быкъ, пислегъ = скворецъ, юберъ = дроздъ, с(ц)бла = рябчикъ. Если рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ имена, не находяція себѣ въ вотскомъ языкѣ объясненія, то мы имѣемъ полное основаніе разсматривать ихъ, какъ займ-

(¹) См. въ прил. списокъ вот. языкъ. именъ.

ствованныя. Вопросъ заключается въ томъ, у кого они заимствованы. Имѣя предъ собою списокъ вотскихъ именъ, мы легко можемъ исключить изъ него имена русскія и тюркскія. Въ числѣ ихъ не будетъ именъ съ разсматриваемыми окончаніями. Эта группа именъ, стало быть, можетъ разсматриваться, или какъ обще-пермская или какъ чудская. Противъ перваго воззрѣнія будетъ говорить то, что изъ наличнаго лексическаго богатства пермской группы они не объясняются. Остается предположить, что мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи группу личныхъ именъ, заимствованныхъ Вотяками у Чуди; въ этой группѣ, стало бытъ, заключаются новые матеріалы для характеристики языка Чуди.

За исключеніемъ разсмотрѣнныхъ словъ у насъ остается еще одна группа именъ, большая часть которыхъ не поддаются истолкованію изъ вотскаго языка. Это такъ называемыя воршудныя или родовыя имена. Вопросъ объ этихъ именахъ затрогивался уже въ литературѣ въ виду его спеціального интереса съ точки зрѣнія вѣрованій и семейной организаціи. Г. Первухинъ, собравшій наибольшее количество этихъ родовыхъ прозвищъ, склоняется къ предположенію, что они представляютъ собою женскія имена. Почти одновременно и, повидимому, совершенно независимо тоже предположеніе высказалъ г. Богаевскій. Гипотеза, которую момоходомъ высказываютъ оба изслѣдователя, имѣетъ громадную важность для исторіи вотяцкой семьи: она вводитъ въ нее новый періодъ, періодъ матернитета или матриархата. Къ сожалѣнію ни первый, ни второй изслѣдователи не обставили ее надлежащимъ количествомъ доказательствъ: г. Первухинъ ограничивается догадкой, г. Богаевскій приводитъ имя Дыкья и соображеніе Вотяковъ, что основательницами другихъ родовъ были славныя богини. Мы можемъ прибавить къ тому, что даетъ г. Богаевскій, свѣдѣнія добытыя нами у Вотяковъ

Бирскаго уѣзда: изъ воршудныхъ именъ тамъ извѣстны, между прочимъ, Эгра, Можга, Пельга. Дыкъя. Разспрашивая о значеніи этихъ именъ, мы получили отвѣтъ, что это женскія языческія имена. Къ даннымъ современнымъ можно прибавить историческія. Рядомъ съ современнымъ родовымъ именемъ Чола мы имѣемъ въ актахъ XVIII в. женское имя Цола (¹). Можно думать, что въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ именемъ, такъ какъ въ вотскихъ говорахъ ч и ц чередуются и въ Сарапульскомъ уѣздѣ родъ Чола называется Цола (²). У г. Первухина въ „преданіяхъ“ мы находимъ женское имя Эбга (³).

Всѣхъ этихъ данныхъ однако недостаточно для того, чтобы укрѣпить разсматриваемый взглядъ на значеніе воршудныхъ именъ. Мы даемъ въ приложеніи списокъ языческихъ вотскихъ именъ изъ переписной книги Слободскаго уѣзда конца XVIII в. По русскому обычаю рядомъ съ собственнымъ именемъ записываемаго мы видимъ здѣсь и отчество и вотъ среди отчествъ мы нашли Бигрянъ, Зюмьинъ, Клибинъ, Шудзинъ, происходящія, конечно, отъ Бигра, Зюмья, Кибя (бя), Шудзя, а этимъ послѣднимъ соотвѣтствуютъ современные родовыя или воршудныя имена. Въ мѣстныхъ названіяхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ именамъ основателей, мы имѣемъ Квака-пи (+ Квака-вай), Кварсы, Какси. Эти факты даютъ уже другое освѣщеніе вопросу. Но ими не исчерпываются возраженія, которыя можно поставить противъ первой гипотезы. Разсматривая мѣстныя названія, мы встрѣчаемъ между названіями рѣкъ много такихъ, которыя оказываются совершенно тождественными съ

(¹) Ист. Вят. епархіи. Вятка. 1863, 210.

(²) Сбор. мат. для этногр. М. 1888. III, 44.

(³) Первухинъ. I. с. IV, 8.

воршудными именами и — что всего важнѣе — нѣкоторыя изъ этихъ названій оказываются за предѣлами собственно вотскаго края, въ землѣ Пермяковъ; таковы Лекма, Юмья (=Дзюмья), Чабья, Докья, Вабья, Можга, Нырья. Есть воршудныя имена, которыя прямо связываются съ словомъ шурь — Чура-шурь, Юмья-шурь, Бень-шурь, Сюроро-шурь. Если мы даже выдѣлимъ изъ этого рода именъ тѣ, которыя истолковываются народомъ (съ какой основательностью — это другой вопросъ), какъ женскія, то все же у насъ останутся такія родовыя прозвища, связь которыхъ съ рѣчными названіями остается несомнѣнной напр. Лекма, Сюророма. Эта связь даетъ намъ право поставить третью гипотезу — именно, что, по крайней мѣрѣ, часть родовыхъ именъ произошла отъ названій рѣкъ, на которыхъ поселялись роды. Аналогичное явленіе мы имѣемъ въ дѣленіи Черемисъ на группы. Какковы-бы ни были по своему значенію всѣ разсматриваемыя имена, они имѣютъ одну общую черту — они необъяснимы изъ вотскаго языка и должны быть отнесены къ категоріи заимствованныхъ и вѣроятно же всего у Чуди.

Мы пришли къ заключенію, что для характеристики языка, которымъ говорили предшественники Вотяковъ въ занимаемомъ ими нынѣ краѣ, имѣется значительный матеріалъ въ мѣстныхъ названіяхъ, личныхъ и родовыхъ именахъ. Остается опредѣлить отношеніе этой совокупности словъ къ нарѣчіямъ пермской группы. Прежде всего слѣдуетъ остановиться на фактѣ, который уже былъ констатированъ выше, но по другому поводу — на томъ, что существуетъ цѣлый рядъ корней, которые сочетаются въ одной мѣстности съ суффиксомъ *ма*, въ другомъ съ суффиксомъ *ва*. Этотъ фактъ означаетъ, что языкъ народа, создавшаго рѣчныя названія съ окончаніями на *ма*, находится въ родствѣ съ нынѣшнимъ пермяцкимъ нарѣчіемъ. Онъ указываетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ

и то направленіе, въ которомъ мы должны изслѣдовать занимающую насъ группу словъ. Приступивши съ пермяцкимъ словаремъ въ рукахъ къ такъ называемъ воршуднымъ именамъ, мы находимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ являются прилагательными, которыя всего удобнѣе могутъ характеризовать рѣку—Бодья (Быдья)—Ивавая, Нырья—Болотистая.

Мы познакомились съ тѣми заимствованиями, которыя вошли въ языкъ Вотяковъ изъ языка родственнаго народа, который жилъ ранѣе ихъ въ этомъ краѣ. Остается установить, что этотъ народъ былъ именно Чудь. Здѣсь мы должны оставить данныя языка и обратиться къ другому историческому источнику—народнымъ преданіямъ. На всемъ обширномъ пространствѣ, заключенномъ между рѣками Косой, Чепцой, Камой и Вяткой среди населенія держится убѣжденіе, что древнѣйшими обитателями этой страны была Чудь—о ней говорятъ Вотяки, Пермязи и даже позднѣйшіе поселенцы Русскіе. Г. Н. Потанинъ записалъ въ Елабужскомъ уѣздѣ преданіе о борьбѣ между богатырями Калмезомъ и Шудзи (Чуди) съ ихъ родами изъ-за обладанія территоріей. Шудзи вырвалъ двѣ березы, свилъ ихъ веревкой и бросилъ на дорогу, по которой долженъ былъ проходить Калмезъ. Калмезъ оробѣлъ, увидавши работу Шудзи, и повернулъ съ своими родичами назадъ ⁽¹⁾. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Спицына, Чуди приписывается цѣлый рядъ городищъ—нечинскія, воткинское, бобья — учинское (между Сарапуломъ и с. Ярамазскимъ). Чудское кладбище показываютъ близъ починка Заборья. Въ округѣ села Ярамазскаго Чудь застали еще по преданію первые русскіе переселенцы. Она дружила съ Башеирами, жившими на противоположномъ берегу Камы, и вмѣстѣ съ ними грабила русскія селенія.

(1) Потанинъ. Изв. Каз. Общ. Арх. Ист. и Этн. III, 193.

Крестьяне Мостовинской волости также говорят о борьбѣ своихъ предковъ съ аборигенами Чудью. Особенной исторической колоритностью отличаются рассказы о Чуди крестьянъ д. Котовой. Въ нихъ рядомъ съ анекдотическими подробностями мы встрѣчаемъ описаніе чудскихъ построекъ — это маленькія избушки или шалаши, похожія на тѣ, которые можно встрѣтить у Черемисъ и Вотяковъ⁽¹⁾. Еще болѣе живыми подробностями отличаются рассказы о Чуди нынѣшнихъ обитателей верхняго теченія Камы. Г. Ивановъ, посѣтившій этотъ край по порученію Казанскаго Общества Естествоиспытателей, приводитъ рядъ такихъ преданій. Жители дер. „Побоище“ рассказываютъ, что ихъ предки поселились на этомъ мѣстѣ послѣ истребленія Чуди, которая жила здѣсь ранѣе. Въ селеніяхъ Лойнахъ и Гидаевы дѣти отправляются въ семьѣ съ брагой и пищей на чудскія мѣста и поминаютъ тамъ *чудскихъ бабушекъ и дядушекъ*. Чудь здѣсь также застали еще Русскіе⁽²⁾. О. Блиновъ передаетъ рассказы о Чуди Пермиковъ Глазовскаго уѣзда — такъ называемаго Зюдинскаго края. Пермяки считаютъ Чудь первыми насельниками края. Одно пермяцкое племя (родъ?) въ зюдинскихъ приходяхъ само называетъ себя Чудью. Любопытно сравнить это извѣстіе съ показаніемъ Татищева, что Пермяки называютъ себя Коми и Судами⁽³⁾. Крімъ Блинова пермяцкія преданія о Чуди сообщаютъ г. г. Роговъ и Добротворскій. По рассказамъ, сообщаемымъ Роговымъ, Чудь было особое племя, отличное отъ Пермиковъ. Гибель его совпадаетъ съ появленіемъ въ краѣ христіанской проповѣди. Г. Добротворскій сообщаетъ преданіе, которое можно поставить

(1) Спицынъ. Къ ист. инор. Вятка. I. с. 43—44.

(2) Ивановъ. I. с. 12.

(3) Спицынъ. I. с. 43. Тат. Рос. Ист. I.

въ pendant съ извѣстіемъ Блинова. Рассказывая о борьбѣ Чуди съ христіанствомъ, Пермьки прибавляютъ „много ея (Чуди) тоже въ лѣса убѣжало; мы вотъ теперь отъ этой Чуди и народились“ (1).

Рядъ преданій, который мы привели, показываетъ, что нынѣшніе жители Вятской и Пермской губерній не знаютъ на своей землѣ народа древнѣе Чуди; съ этой послѣдней они встрѣтились, занимая край и по ея слѣдамъ направили свою колонизаціонную дѣятельность.

Всматриваясь въ русскія и инородческія преданія о Чуди, мы замѣчаемъ одну характерную черту: въ то время, какъ русскія преданія говорятъ о борьбѣ съ этими племенами, инородческія говорятъ, лишь объ особенностяхъ, отличавшихъ это племя или даже о родствѣ съ нимъ и въ свою очередь толкуютъ о гибели Чуди подъ напоромъ русскихъ и христіанства. Нельзя не видѣть здѣсь указанія на тѣ отношенія, въ которыхъ стали позднѣйшіе пришельцы къ родственнымъ аборигенамъ: тутъ не было борьбы, а было сначала мирное сожителство, потомъ сліяніе. Локализація преданій о Чуди на С. и на Ю. отъ богатаго чудскими городищами верхняго теченія Чепцы—показываетъ намъ, куда Чудь отступила отсюда предъ напоромъ новыхъ переселенцевъ. Вотьяки поселились по близости покинутыхъ еще ранѣе каровъ. Мы высказываемъ это предположеніе потому, что еслибы кары были заняты силой, то на нихъ были-бы, конечно, вотскія селенія. Но не вся Чудь, конечно, отступила предъ новыми пришельцами. По обросшимъ лѣсами берегамъ южныхъ притоковъ Чепцы остались, мы думаемъ, чудскія поселки, жители которыхъ постепенно слились съ Вотьяками передавши имъ свои хорографическія названія, свои имена и, можетъ быть,

(1) Дмитріевъ. Перм. старина. Пермь. 1889. 25.

циклъ своихъ сказаній о властителяхъ каровъ. Сліяніе совершилось тѣмъ легче, что уровень собственной культуры Чуди мало, повидимому, отличался отъ вотскаго. Достаточно обратить вниманіе на одну сторону чудскаго быта, которая ярко рисуется въ народныхъ преданіяхъ — на устройство жилища. Мы знаемъ уже, отъ какой формы идетъ развитіе вотскаго жилища. Это углубленіе, вырытое въ землѣ. Тотъ же типъ жилища имѣетъ и Чудь. Всѣ преданія съ замѣчательнымъ согласіемъ рисуютъ чудскія ямы: это углубленія вырытыя въ землѣ, покрытыя деревянною крышей, на которую насыпалась земля. Картина, которую рисуютъ преданія, не созданіе фантазіи. Она соотвѣтствуетъ черта въ черту другой, которую рисуетъ Ибнъ-Доста, арабскій путешественникъ X в., говоря о жизни окружающихъ Булгары народовъ. „На зиму они поселяются въ ямахъ, надъ которыми устраиваютъ крыши, похожія на крыши христіанскихъ храмовъ, и покрываютъ ихъ землей“ — читаемъ мы у него.

На земляхъ, которыя заняли Вотяки, тѣснимые Русскими и Черемисами, жила или по крайней мѣрѣ была извѣстна не одна Чудь. Тутъ многое говоритъ о Булгарахъ, а за ними и о Татарлахъ. Въ какихъ отношеніяхъ стояли Вотяки къ Булгарамъ и смѣнившимъ ихъ Татарамъ? Этотъ вопросъ не мало занимаетъ мѣстныхъ изслѣдователей и въ самое послѣднее время онъ былъ, можетъ быть, по ихъ предложенію, включенъ въ программу VIII археологическаго сѣзда. Въ числѣ запросовъ, на которые желательно получить отвѣты, въ программѣ сѣзда между прочимъ занимаютъ мѣсто слѣдующіе: „не составляли-ли Вотяки въ древности части болгарскаго народа, а если составляли, то потому-ли, что у нихъ была родственная племенная связь или какъ союзники или, наконецъ, въ силу покоренія ихъ Булгарами“?

„Мало опредѣленный до сего времени народъ „бесермяне“ не есть ли остатокъ древне-булгарскихъ населеній между Вотяками Глазовскаго уѣзда“?

Приступая къ рѣшенію этихъ вопросовъ, изслѣдователь такъ же, какъ и въ вопросѣ о мѣстахъ первоначальнаго жительства Вотяковъ, не можетъ разсчитывать на свидѣтельства древнихъ лѣтописей. Эти свидѣтельства скудны и неопредѣленны до нельзя. Они говорятъ намъ, что Болгары знали вятскій край и его водные пути. Въ началѣ XIII ст. мы видимъ ихъ совершающими походъ на Устюгъ. Но въ какихъ политическихъ и культурныхъ отношеніяхъ стояли они къ народамъ, жившимъ по теченію р. Вятки и ея притокѣ, лѣтописи не говорятъ. Къ счастью, извѣстія лѣтописи не составляютъ единственнаго источника для историка. Гдѣ молчитъ лѣтопись, тамъ говорятъ данныя языка и быта—филологія и археологія.

Чуждые слова, вошедшія въ вотскій языкъ, должны показать намъ, подъ какими культурными вліяніями находилось вотское племя и какъ сильны были эти вліянія. Въ литературѣ о Вотякахъ существуетъ монографія венгерскаго ученаго Мункачи, посвященная между прочимъ опредѣленію тюрескихъ элементовъ въ вотскомъ языкѣ⁽¹⁾.

Авторъ даетъ списокъ 608 словъ, заимствованныхъ Вотяками у тюрескихъ народовъ, а чрезъ нихъ и у Арабовъ и Персовъ. Слова расположены по частямъ рѣчи, сначала идутъ глаголы, затѣмъ имена существительныя, прилагательныя и наконецъ частицы. Внутри каждаго отдѣла имѣются подраздѣленія по источникамъ заимствованія; въ этихъ подраздѣленіяхъ слова расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Рядомъ съ вотскими словами поставлены ихъ родичи въ языкахъ на-

(1) Munkácsi Bernát. Votjak nyelumatatmányok. Bud. 1884.

родовъ, которые прямо или косвенно оказали вліяніе на Вотяковъ.

Какъ филологъ, авторъ не дѣлаетъ культурно - историческихъ выводовъ изъ своего матеріала и ограничивается обобщеніями лингвистическаго характера. Между тѣмъ этотъ матеріалъ, подобно словарю Золотницкаго, имѣетъ очень крупную культурно-историческую цѣнность: онъ позволяетъ намъ опредѣлить, подъ чьимъ культурнымъ вліяніемъ развивались Вотяки, въ какихъ явленіяхъ ихъ жизни сильнѣе всего сказалось это вліяніе, какою характеръ имѣли отношенія Вотяковъ къ сосѣдямъ. Само собою разумѣется, что и по отношенію къ вопросу, который насъ занимаетъ, этотъ матеріалъ слѣдуетъ признать безусловно-важнымъ.

Рѣшить такъ или иначе по даннымъ языка вопросъ о восточно-болгарскихъ отношеніяхъ можно только въ томъ случаѣ, если изслѣдователь руководствуется какою нибудь опредѣленной теоріей относительно болгарскаго языка и его отношеній къ языкамъ народовъ, въ настоящее время населяющихъ Поволжье. Такая теорія есть; она поддерживается авторитетными представителями русской филологической науки—академиками Радловымъ и Куникомъ и Н. И. Ильминскимъ⁽¹⁾. Сущность ея заключается въ томъ, что потомками Болгаръ на Волгѣ являются Чуваши; въ ихъ языкѣ, по мнѣнію этихъ ученыхъ, сохранилось болѣе всего тѣхъ особенностей, которыя характеризовали языкъ Волжскихъ Болгаръ.

Исходя изъ этой теоріи, мы должны будемъ признать, что констатировать непосредственную и продолжительную связь между Болгарами и Вотяками можно будетъ только въ томъ случаѣ, если въ ряду заимствованныхъ турецкихъ словъ окажется значительное количество такихъ, которыя по

(1) Резюмэ этой теоріи см. въ Тр. IV арх. съѣзда т. I, XLII.

своимъ фонетическимъ особенностямъ болѣе всего близки въ чувашскимъ.

Словарь Мункачи не даетъ намъ матеріала для такого вывода. Изъ 450 заимствованныхъ Вотяками у Тюрковъ словъ болѣе $\frac{2}{3}$ совершенно отсутствуютъ въ чувашскомъ языкѣ; другія имѣются, но въ такой формѣ, которая представляетъ рѣзкія отличія отъ татарско-вотяцкой. Противъ сотенъ словъ, заимствованныхъ изъ татарскаго, мы можемъ выставить съ небольшимъ десятокъ словъ, заимствованныхъ или изъ чувашскаго или чрезъ посредство чувашскаго изъ арабскаго и персидскаго. Вотъ эти слова: изъ араб.-тур.: корень emr — въ словѣ emgraz-dunja (вѣчность, = чув. *ümür* вѣчность) кор. kalal — въ словѣ kalaltem законъ = чув. и полонец. xalal съ тѣмъ же значеніемъ, слово kers подать = ч. *chfirs*, *makmir* похмѣлье; изъ персид.-тур. агна недѣля = ч. *ärnä*; *burzin* шелкъ = ч. *rorsen*, *dušmon* врагъ = ч. *tušman*, *tarazi* телега = чув. и полов. *tarazi*, изъ собственно-чувашскаго языка глагольный корень *sulvog* — просить, *ака* — старшая сестра, *енег* сѣдло, *ракаг* желудокъ.

Первое впечатлѣніе, которое производитъ эта маленькая группа словъ — это впечатлѣніе несоизмѣримости ихъ значеній. Рядомъ съ словами, которые относятся или къ высшимъ категоріямъ культурныхъ явленій, каковы слова для обозначенія вѣчности, закона, подати, или къ области роскоши, какъ шелкъ, мы видимъ слова въ родѣ телѣги и похмѣлья. Мы не видимъ здѣсь той связи, въ которой они были восприняты. Въ заимствованіяхъ, сдѣланныхъ Черемисами у Чувашъ и Вотяками же у Татаръ, предъ нами цѣлыя группы словъ, соотвѣтствующихъ группамъ явленій, которыя возникли въ жизни народа подъ вліяніемъ болѣе развитыхъ сосѣдей; здѣсь слова, стоящія одиноко, въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ синонимы другихъ, заимствованныхъ у Татаръ.

Въ виду особенностей, которыя характеризуютъ заимствованія, сдѣланныя Вотяками у Чувашъ, является вопросъ, не въ позднѣйшую-ли пору были они сдѣланы. Намъ кажется, что этотъ вопросъ можно рѣшить утвердительно: въ западныхъ уѣздахъ Вятской губерніи мы имѣемъ несомнѣнные слѣды пребыванія Чувашъ: деревни съ названіями Чувашево, Чуваши имѣются въ Вятскомъ (1) Слободскомъ (3), Нолинскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ (2). Кромѣ того въ источникахъ относящихся къ исторіи вятскаго края, мы имѣемъ прямыя указанія на существованіе въ землѣ такъ называемыхъ арскихъ князей Чувашъ (1). Въ настоящее время Чувашъ въ Вятской губерніи нѣтъ и слѣда; часть ихъ навѣрное овотачилась, часть отатарилась. Очень вѣроятно, что овотачивавшіеся чуваша — колонисты арскихъ князей — и внесли въ вотяцкій языкъ нѣсколько своихъ словъ.

Чуваши эти были, вѣроятно, выведены арскими князьями вмѣстѣ съ другими инородцами изъ Поволжья. Рядомъ съ ними мы въ тѣхъ-же предѣлахъ встрѣчаемъ указанія на Черемисъ и Мордву. Въ Вятскомъ уѣздѣ упоминаются деревни Черемисинская, Черемисская, Черемисинова, Черемисиново, Чермяшинскій, въ Нолинскомъ — Черемискова, Вашкинерскій починокъ, д. Букмары, въ Слободскомъ — Черемисы, Мары, Марянки (3). Воспоминаніями о Мордвѣ въ мѣстныхъ названіяхъ служатъ въ Слободскомъ уѣздѣ два селенія Терюханъ, одна деревня Мордвинская, въ Нолинскомъ уѣздѣ деревни Мокшинская и Терюханы, въ Орловскомъ деревня Мордовская (4).

Выводъ, сдѣланный изъ данныхъ языка, подтверждается для древнѣйшей поры данными археологіи. Вятскій археологъ А. А. Спицынъ констатируетъ фактъ, что городища по сред-

(1) Спицынъ. Къ ист. вят. инор. 55.

нему теченію Вятки между Котельничемъ и устьемъ Чепцы и по Чепцѣ до впаденія въ нее Косы — т. е. въ области, которую первоначально занимали Вотяки—рѣзко различаются отъ такъ называемыхъ чудскихъ. Они принадлежатъ по его мнѣнію народу жалкому, некультурному, не имѣвшему сношеній съ болѣе развитыми сосѣдями^(*).

Застали-ли Вотяки Болгаръ на В., въ землѣ Чуди? Въ предѣлахъ Глазовскаго уѣзда есть цѣлый рядъ интересныхъ памятниковъ старины, которые должны отвѣтить на этотъ вопросъ — это такъ называемыя Бигеръ-шаи — т. е. Булгарскія или Татарскія кладбища. Открытіе многихъ изъ нихъ для науки составляетъ одну изъ ученыхъ заслугъ Н. Г. Первухина. Обстоятельныя свѣдѣнія о Бигеръ-шайяхъ заключаются въ имѣющемъ, вѣроятно, скоро выйдти изъ печати трудѣ его — „археологическое описаніе Глазовскаго уѣзда“. Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь нѣсколько статистическихъ данныхъ, которыми насъ любезно снабдилъ почтенный авторъ. Наибольшее количество Бигер-шаевъ мы видимъ въ трехъ волостяхъ, прилегающихъ къ Чепцѣ—Понинской (11), Люмской (6) и Нижне-уванской (6). Въ настоящее время тамъ нѣтъ и слѣда Татаръ. Кому принадлежали эти кладбища? Одно названіе не можетъ служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Вотяки называютъ въ настоящее время Бигерами Татаръ. Кладбища могутъ быть, стало быть, и татарскими. Отвѣтъ на вопросъ должно дать тщательное археологическое изслѣдованіе Бигер-шаевъ. — Пока можно поставить только гипотезу. Въ виду отсутствія въ указанныхъ волостяхъ Татаръ - мусульманъ и такъ называемыхъ Бесермянъ позволительно предположить, что эти могилы принадлежали болгарскимъ селеніямъ, которыя были истреблены Вотяками или Татарами во время набѣговъ.

(*) Спицынъ. Къ ист. вят. инор. 49.

Съ переходомъ къ словамъ, заимствованнымъ изъ татарскаго языка, предъ нами раскрывается картина не только культурныхъ, но и политическихъ отношеній, въ которыхъ стояли представители двухъ народностей. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе заимствование значительнаго количества словъ, обозначающихъ нравственныя отношенія, вытекающія изъ зависимости одного соціальнаго элемента отъ другаго. Для обозначенія уваженія, почета, воздаваемого однимъ лицомъ другому, Вотяки заимствовали цѣлый рядъ словъ: глагольные корни *sag*—, *sanlal*—, *sijlal*—, *tabin*—, араб. *kaderlal*—, *jubirt*—, существительныя: *san*, *šij*, *dan*, *kador*, *salam*, *sijl*.

За этими словами слѣдуютъ слова, опредѣляющія политическія и соціальныя отношенія. Въ ряду ихъ слѣдуетъ поставить прежде всего слова для обозначенія отвлеченныхъ понятій превосходства, власти, владычества и соотвѣтствующихъ имъ понятій подчиненія, служебныхъ отношеній и нарушенія этихъ отношеній; таковы глагольные формы: *alrautjal*—господствовать, *buldant*—возмущаться, *sane pot*—повиноваться, существительныя: *törelük*—владычество, власть, *alraut*—господинъ, *dan*—владычество, честь, *dano*—имѣющій преимущество, награжденный, *jam*—господскій, *bojrok*—приказаніе, *kizmet*—служба, *sekur*—господство, *kunoka*—господинъ, старшій, *asaba*—господинъ, *man'da*—рабъ, служанка.

За словами, обозначающими соціальныя отношенія, идутъ слова, относящіяся къ сферѣ юридическихъ отношеній: понятія права и закона, вины и наказанія, иска, доноса, суда слѣдствія, свидѣтельства, примиренія, приговора; таковы глагольные корни *s'ag*—жаловаться, доносить, *subirjal*—съ тѣмъ-же значеніемъ, *teksir*—ислѣдовать, судить, произносить приговоръ, *sinal*—, *sinat*—ислѣдовать, *tatiulal*—мириться, *azarlandir*—наказывать, *daulaš*—судиться, *kurlal*—обвинять, клеветать, существительныя: *ant*—клятва, *šip*—истинный, справед-

ливый, *tanyklyk*—свидѣтельство, *tynyslyk*—миръ, тишина, *tanukçu*—свидѣтель, *januş*—вина, долгъ, *kangelem*—свидѣтельство, *ajır*—долгъ, вина, виновный; *ajıptı*—обвиняютъ, *kat*—право, законъ, порядокъ, *şek*—недостатокъ, долгъ; *derbeder*—палачъ, *dögös*—истинный, справедливый.

Для характеристики социальна - экономическаго вліянія Татаръ служатъ слова, заимствованныя для обозначенія господина и слуги, торговли, выгоды: *altın*—золото, *kulim*—цѣна, *tamga*—подать, пошлина, *ukso*—деньги, *baj*—богатый, *jalçı*—работникъ, слуга, *alraut*—господинъ, *tabuş*—выгода, польза, *uslom*—выгода, барышъ, *buguş*—долгъ, *tanka*—монета, *tenke*—монета, *eser*—счетъ, *gabrat*—польза, *rajda*—прибыль, *bazar*—рынокъ, *paşar*—бѣдный, нищій, *mes'kin* бѣдный, *usto*—ремесленникъ.

О вліяніи въ области семейной говорятъ слова, служащія для обозначенія сватовства (*jaraş*—сватать), *kodo*—сватъ, *karındaş*—родственникъ, *jultoş-kiz*—женихъ, *agajlyk*—первородство, *ujnaşlyk*—прелюбодѣяніе, *ujnaşlikçi*—прелюбодѣй, *bus'ono*, *tugan*—братъ, *bulyr*—шуринъ, *zat*—семья, *kuz'o*—старшій.

Займствованіе религіозныхъ понятій обнаруживается въ словахъ: *kargal*—проклинать, *bakel'al*—благословлять, *umutlan*—просить, *tamuk*—адъ, *mengi*—вѣчный, *kargan*—проклятіе, *s'olyk*—грѣхъ, *bereket*—благословеніе, *den*—вѣра, *deulet*, *şadaka*—милостыня, *dünja*—міръ, *emraz-dünja*—вѣчность, *gumyr*—вѣчность, *iman*—обѣтъ, *kadar*—проклятіе, *kurban*—жертва, *şajtan*—чертъ, *imajnber*—ангелъ, *ragambar*—пророкъ, *peri*—злой духъ, *uzmak*—рай.

Въ области вѣшняго быта вліяніе Татаръ сказалось въ займствованіяхъ домашней обстановки, костюма, домашняго хозяйства, комфорта и занятій. Сюда относятся слова: А) красить—*bujal*, чиститься—*tazar*, алаша—пестрый, *basmak*—

башмакъ, kalpak — колпакъ, jabinči — япанча, byrkenči — покрывало, jančik — мѣшечекъ, burlat — кумачъ, sulka — чулокъ, katta — башмаки, minder — кошелекъ, uko — позументъ, kisi — карманъ, ener — сѣдло, takja — такья, žer — барманъ, buržin — шелкъ, tasma — ремень, B) jurt — домъ, janak — вояскъ, kojo — колодезь, uçog — очагъ, bülni комната, korka — ворота, baskiç' — лѣстница, azbar — дворъ, azbar-ser площадь, balagan — балаганъ, munčo — баня, negur — фундаментъ, sarandyk — рама, sendyга — полати, ugam — улица, kibet' — лавка, ambar — амбаръ, bakça — садъ, čator — шатеръ, saraci — сѣни, C) kaban — тыква, sugon — лукъ, tari — просо, ulmo — яблоко, čija — вишня, digu — рисъ, kauun — тыква, jemyš — плодъ, bag-alma — яблоко, [kijar — огурецъ, kötöçi — пастухъ, köti — стадо, taga — ягненокъ, каза — коза, kujn'an — теленокъ, ulošo — меринъ, ataz — пѣтухъ, kureg — курица, пѣтухъ, D) kuro — солома, byrtyk — зерно, хлѣбъ — sükuri, tes' — зерно, күмеç — хлѣбецъ, п'an' — хлѣбъ, пиво — sur, E) čan — чанъ, čilim — трубка, koby — черпакъ, l'anges — сосудъ, savyt — сосудъ, s'umyk — стекл., стекл. сосудъ kungan — сосудъ, sandyk — сундукъ, koral — орудіе, šanik — вилы, c'arlyk — орудіе, šil'a — супонъ, tel'bugo — возжи, umorto — улей, kagaz — бумага, burgi — музыкальный инструментъ, byz = муз. инструментъ, dombygo — балалайка

Данныя языка заставляють насъ предполагать о такихъ отношеніяхъ между Татарами и Вотяками, при которыхъ были господа и слуги, власти и подданные. Свидѣтельства исторіи и народныя преданія подтверждаютъ выводы, сдѣланные на основаніи данныхъ языка. Съ XV в. до конца XVII в. мы знаемъ на территоріи вотскаго племени арскихъ князей и мурзъ изъ Татаръ; эти князья даже подъ русской властью долгое время сохраняли свою автономію — судили и вѣдали подати съ своихъ вотскихъ подданныхъ. Само собою

разумѣется, что московская власть признала отношенія, сложившіяся гораздо ранѣе. Въ легендахъ, изданныхъ Н. Г. Первухинимъ, мы находимъ преданіе о размѣрахъ той власти, которой пользовались Татары надъ Вотяками: „когда Татаринъ садился на лошадь, Вотякъ долженъ былъ становиться на четвереньки; ни одна дѣвушка не могла выйти замужъ, не пробывши у Татарина наложницей дня 4 — 5“.—Когда возникли первыя отношенія между Татарами и Вотяками, источники не говорятъ. Здѣсь такъ же, какъ и въ вопросѣ о началѣ русской колонизаціи, приходится довольствоваться указаніями, которыя заключаются въ мѣстныхъ названіяхъ и данныхъ языка и археологіи. Татары явились въ предѣлахъ болгарскаго царства въ XIII в. Пришли они, какъ извѣстно, кочевниками. Между тѣмъ изслѣдованіе языка показываетъ, что они стали извѣстны Вотякамъ, уже какъ народъ, перешедшій къ осѣдлой жизни деревнями, въ прочно и удобно устроенныхъ домахъ, занимавшійся кромѣ скотоводства земледѣліемъ, кое-какими промыслами и торговлей. Уровень культурнаго развитія, на которомъ стояли Татары, даетъ намъ право съ нѣкоторой основательностью опредѣлить, откуда и когда появились они на территоріи Вотяковъ. Если принять во вниманіе, что въ низовьяхъ Волги Татары являются еще въ XIV и XV в. в. кочевниками, то вполне вѣроятно будетъ, что татарское движеніе началось изъ той части занятой Татарами страны, гдѣ они нашли сравнительно высокую культуру и осѣдлую жизнь т. е. изъ главныхъ центровъ нашей Булгаріи—Лаишевскаго и Спасскаго уѣздовъ. Начало движенія можно отнести къ XIV в., когда основавшіеся здѣсь Татары успѣли уже усвоить себѣ культуру побѣжденнаго народа. Ранѣе, чѣмъ проникнуть въ Вятскую губернію, Татары подчинили себѣ Вотяковъ, жившихъ въ Казанской губерніи. Еще въ XIII в. становится извѣстнымъ

городъ Арскъ, бывшій можетъ быть, политическимъ центромъ этой группы Вотяковъ (не отъ рѣки-ли Аръ или Ара? Ср. Арбашъ) ⁽¹⁾. Татары утвердились въ немъ и распространились въ вотскихъ селеніяхъ за чертой, которую можно привести отъ Арска до Мамадыша. Названія многихъ татарскихъ селеній Мамадышскаго уѣзда обличаютъ несомнѣнное вотяцкое происхожденіе ихъ нынѣшнихъ обывателей: Алшекуртъ, Нырты, Нырья, Поршуръ, Лыя, Вожешуръ и т. д.: въ нѣкоторыхъ изъ этихъ названій мы видимъ воршудныя вотяцкія имена, какъ напр. Юмья, Чабья ⁽²⁾. Что Татары не вытѣснили Вотяковъ, а ассимилировали ихъ, можно заключать изъ особенности костюма и быта старокрещенныхъ татаръ—они носятъ до сихъ поръ бѣлыя одежды, по формѣ и украшеніямъ напоминающія современныя вотскія и волжско-финскія вообще.

Отсюда начинается наступательное движеніе Татаръ на С. въ земли Вотяковъ нынѣшней Вятской губерніи. Татары на своемъ пути частью отѣсняли, частью ассимилировали Вотяковъ. Въ этомъ движеніи можно различить два направленія колонизаціонное и военное. Первое шло на В. въ земли Чуди по пути, издавна проложенному Болгарами, второе на З. въ земли, занятія русскими; по этому пути приходили татарскія орды опустошать русскіе предѣлы и мстить за набѣги Вятчанъ. На В. губерніи Татары постепенно смѣнили Болгаръ и приняли, какъ ихъ наслѣдіе, не только мѣсто жительства, но и самое національное имя—Вотяки до сихъ поръ зовутъ Татаръ Бигерами, т. е. Болгарами. Всмотрѣваясь въ названія татарскихъ селеній въ уѣздахъ Малмыжскомъ, Глазовскомъ, Слободскомъ, Сарапульскомъ, Елабуж-

⁽¹⁾ Шпилевскій. Древ. города и др. Б. Т. пам. въ К. губ. К. 1887. 163.

⁽²⁾ Спис. нас. м. Каз. г. Спб. 1866.

скомъ, мы открываемъ между ними цѣлый рядъ вотскихъ, таковы: въ Глазовскомъ уѣздѣ—Петрошурь, Багашурь, Зяг-лудскій, Гординскій, Гурзавшурскій, Уксеншурскій,—въ Ела-бужскомъ—Вотскіе Юраши, Мукшурь, Гужно-шурь, Бобья-уча, Живья, Буру-Жикья, Искаль-шурь-Обдесъ,-Урдесъ, Лек-очмесъ-Мунья, Мувожи-Пельга, Монья н., Седь-Очмесъ-Пель-га, В. Иже-Бодья, Босурманъ-Можга, Кватча-Можга, Чь-жесъ-Какси, Володоръ—Можга, Чебершурь, Вишурь, Быт-цимесъ, Варзи,—въ Малмыжскомъ-Чемошурь, Корешурь-Кибья, Гужно-шурь-Кибья, Бодья, Гучимъ-Бобья,—въ Сара-пульскомъ—Ижъ-Бобья (¹).

Утвердившись по верхнему теченію Чепцы приблизитель-но въ концѣ XIV в. или началѣ XV в., татары (арскіе князья) являются затѣмъ непосредственными сосѣдами Вятчанъ, за-нявшихъ своими колоніями смежныя съ Глазовскимъ уѣзды Вятскій и Слободской. Когда начались столкновенія Вятки съ Москвой, арскіе князья поддерживали Вятчей. Вмѣстѣ съ Вятчами они потерпѣли поражение въ рѣшительной борьбѣ и были выведены въ Москву (²). Позже они снова являются въ краѣ, но уже какъ вассалы князя Московскаго.

Противъ предположенія о древности татарскихъ посе-леній по Чепцѣ, повидимому, говоритъ то, что писавшій около 1551 г. ученый болгаринъ Шереф-эддинъ ничего не говоритъ о каринскихъ и чепецкихъ Татарлахъ, хотя очень обстоятельно перечисляетъ „святыхъ“, жившихъ въ предѣлахъ Казанскаго царства и называетъ даже мелкіе аулы. Въ числѣ рѣкъ, на которыхъ жили послѣдователи пророка, упоминаются Казанка, Свіага, Черемшаны, Шешма, Зай, Икъ, Бѣ-

(¹) Спис. нас. м. Вят. г. Спб. 1882.

(²) Спицынъ. Св. лѣт. дан. 33.

лая, Тойма, Деша, Уфа, Ай, Шешма (Вят.),—но нѣтъ Чепцы. По Шереф-эддину татарскія селенія въ нынѣшней Вятской губерніи не переходили на лѣвый берегъ р. Вятки (¹). На основаніи этого можно было-бы заключить, что татарскія селенія по Чепцѣ имѣютъ позднее происхожденіе, восходя ко времени казанскаго погрома. Но такое заключеніе находилось-бы въ прямомъ противорѣчій съ тѣмъ, что мы знаемъ объ арскихъ князьяхъ на Вяткѣ и каринскихъ Татарахъ. Молчаніе Шереф-Эддина можно объяснить политической разобщенностью, въ которой находились каринскіе татары отъ своихъ казанскихъ родичей. Кое-какія данныя изъ актовъ позволяютъ взглянуть на дѣло и съ другой стороны. Не проникло-ли въ среду каринскихъ мурзь еще до паденія Казани христіанство? Нѣкоторымъ основаніемъ въ пользу этого является то обстоятельство, что въ началѣ XVII в. нѣкоторые изъ каринскихъ мурзь и князей имѣютъ христіанскія имена. Если-бы наше предположеніе подтвердилось новыми данными, мы имѣли-бы удовлетворительное объясненіе молчанія Шереф-Эддина на счетъ Чепцы.

Мы дошли до важнѣйшаго момента въ исторіи Вотяковъ, до водворенія на Вяткѣ власти Москвы. Не смотря на относительную близость къ нашему времени, этотъ періодъ представляется еще далеко не яснымъ даже въ своихъ существенныхъ чертахъ. 11-го марта 1428 г. княземъ Московскимъ Василюмъ II и его дядьями—сыновьями Дмитрія Донскаго—Андреемъ, Константиномъ и Юріемъ была подписана договорная грамота, по которой опредѣлялись ихъ владѣнія. Изъ этой грамоты видно, что великій князь Василій Дмитриевичъ пожаловалъ своего брата Юрія въ наследственное владѣніе Вяткой съ слободами и всѣми мѣс-

(¹) Шпилевскій. Др. города. 27.

та м и. Сжатая формула дарственной грамоты представляет собой единственный материал для характеристики древнѣйшихъ отношеній Вотяковъ къ Вяткѣ и Москвѣ. Князь даетъ своему дядѣ городъ Вятку съ слободами, (конечно, русскими) и умалчиваетъ о Вотякахъ⁽¹⁾. Это умолчаніе свидѣтельствуетъ, что власть Вятки не распространялась на Вотяковъ—и московскіе князья не являлись по отношенію къ этой народности ея наслѣдниками.

Въ 1434 г. Юрій Дмитріевичъ дѣлитъ Вятку съ городами и волостями между своими тремя сыновьями. Новыя выраженія, въ которыхъ говорится въ его завѣщаніи о Вяткѣ, заставляютъ думать, что 19 лѣтъ, въ теченіе которыхъ вятская земля была во владѣніи Юрія Дмитріевича не прошли безслѣдно для края: князь обратилъ слободы въ города съ болѣе или менѣе точно опредѣленными уже волостями, но о Вотякахъ и здѣсь нѣтъ упоминанія⁽²⁾; въ обличительной грамотѣ митрополита Іоны вятскому духовенству мы въ первый разъ встрѣчаемъ намекъ на отношенія Вятичей къ сосѣднимъ инородцамъ; они обвиняются въ томъ, что „съ погаными совокупаются“⁽³⁾. Молчаніе актовъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія Вятки къ Вотякамъ. Вятка мало, очевидно, обращала вниманія на своихъ инородческихъ сосѣдей. Она не преслѣдовала по отношенію къ нимъ политическихъ цѣлей. Все вниманіе удалцевъ ушеуйниковъ было обращено на сравнительно богатые русскій С. З. и татарско-булгарскій Ю. В. Сюда они періодически отправляются за добычей, но не дѣлаютъ нигдѣ попытокъ утвердиться. По отношенію къ ближайшимъ сосѣдямъ Вотякамъ и

(1) Др. акты, отн. къ ист. в. кр. В. 1881. 2.

(2) Ibid. 3.

(3) Ibid. 10.

Пермякамъ они оказываются совершенно равнодушными. Ни разу Вятчанамъ не пришла мысль, что у этихъ людей можно отнять не только земли, но и свободу, обратить ихъ въ крѣпостныхъ, въ рабовъ и жить на счетъ ихъ трудовъ вмѣсто того, чтобы складывать свои удалыя головы въ разбойничьихъ налетахъ. Вологодскіе и костромскіе мужики, пробиравшіеся въ Вятку за ушкуйниками и селившіеся подъ прикрытіемъ ихъ городковъ, искали въ свою очередь только земли и еще меньше, чѣмъ ушкуйники, думали о томъ, чтобы подчинять себѣ туземныхъ обывателей. Русскіе люди колонизировали вятскую землю, но не завоевывали ее. Понятно, въ силу этого, что границами Вятки на С. и В. въ XV в. были границы русскихъ колоній въ уѣздахъ Вятскомъ, Орловскомъ, Слободскомъ. Иностранческія земли, какъ въ предѣлахъ этихъ уѣздовъ, такъ и за ними представляли особый міръ. Русскіе до самаго покоренія Вятки даже называли Вотяковъ именемъ, которое дали имъ Татары, Арами.

1489-й годъ невноситъ существенныхъ измѣненій въ отношенія Москвы къ Вотякамъ. Воеводы великаго князя Московскаго „за неисправленіе“ Вятчанъ забираютъ подъ его власть вятскіе города, выводятъ въ Москву большихъ людей и арскихъ князей, вятчанъ приводятъ къ цѣлованію, а *Арянз къ ротъ* ⁽¹⁾. Подъ Арами здѣсь, несомнѣнно, разумѣются Вотяки, ближайшіе къ вятскимъ городамъ. Лишившись своихъ татарскихъ властителей, они вступаютъ въ непосредственныя отношенія къ Москвѣ. На эти отношенія были непродолжительны. Великій князь скоро отпустилъ арскихъ князей въ свою землю и возвратилъ имъ ихъ права. Въ духовной, писанной около 1504 г., онъ даетъ своему сыну „Вятскую землю всю съ города и волости и со всѣмъ, что къ ней

(1) Спицынъ. Св. лѣт. дан. 33.

потягло, и съ Арскими князьями“⁽¹⁾. Вотяки разумѣются здѣсь, какъ подданные Арскихъ князей. Самостоятельныя отношенія 1489 г. замѣнились косвенными. Для уясненія отношеній, въ которыя стали Вотяки къ Москвѣ, любопытно сравнить выраженія въ которыхъ говорится о Вяткѣ, съ употребленными въ той-же граматѣ по отношенію къ Нижнему и Мурому. Въ то время, какъ за упоминаніемъ о Вяткѣ умалчивается о Вотякахъ, вслѣдъ за Нижнимъ Новгородомъ и Муромомъ слѣдуютъ слова „и съ волостями и съ Мордвами и съ Черемисой“. Въ составъ этихъ Мордвы и Черемисы входятъ тѣ части племенъ, которые зависѣли отъ Нижняго и Мурома. Кромѣ этой покоренной Мордвы и Черемисы грамота упоминаетъ еще „князи мордовскіе всѣ“—т. е. Мордву, сохранявшую нѣкоторую политическую самостоятельность⁽²⁾. Были-ли кромѣ Вотяковъ, нашедшихся подъ властью Арскихъ князей, такіе, которые входили въ составъ Вятскихъ волостей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ кажется, заключается въ двухъ грамотахъ 1540 и 1557 г. Въ 1540 г. въ Слободской городокъ была отправлена грамота относительно расправы съ татями и разбойниками по случаю жалобы отъ крестьянъ городскихъ и становыхъ и *Отяковъ*. Вотяки упоминаются здѣсь, какъ классъ, входящій въ составъ княжеской отчины. Наравнѣ съ русскими людьми они пріобрѣтаютъ право избирать цѣловальниковъ и лучшихъ людей, которые бы вели борьбу съ ворами и карали ихъ—хотя бы смертною казнью⁽³⁾.

Объ этихъ Вотякахъ несомнѣнно говорить и льготная грамота сырянскимъ новокрещенамъ (1557). Перечисливши льго-

⁽²⁾ Др. акты. 17.

⁽¹⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid. 17—20.

ты, которыми новокрещены имѣютъ пользоваться въ теченіе трехъ лѣтъ грамота прибавляетъ: „а какъ тѣ новокрещенные Вотяки отсидаютъ свои урочные лѣта, и имъ потянуть въ сырѣнскую волость *по старинѣ*“⁽¹⁾. Князья Московскіе въ теченіе столѣтія не вносили ничего новаго въ отношенія Вятки къ туземцамъ. Подчинивъ подъ свою власть Вятку съ пригородами, они въ свою очередь оставляютъ Вотяковъ въ покоѣ и не пытаются завоевать ихъ. Раньше надъ „Арами“ владычествовали Татары—владычествуютъ они и потомъ въ теченіи всего почти XVI в. — сначала какъ князья, потомъ какъ помѣщики. Грамота 1548 г. раскрываетъ намъ объемъ правъ, которыми пользовались каринскіе мурзы относительно Вотяковъ. Царь представляетъ имъ право *вѣдать и судить* „Бѣляковъ, Вотяковъ и Чувашу и пошлину на нихъ имати“.

О размѣрахъ каринской волости, подчиненной мурзамъ, можно судить потому, что въ ней въ 1685 г. „татарскихъ, отяцкихъ и бисермянскихъ дворовъ было насчитано 11760 а людей въ нихъ 50,638 ч.“⁽²⁾. Вотяки въ глазахъ администраціи такъ тѣсно сливались съ Татарами, что обозначались однимъ съ ними именемъ. Говоря о прибыли населенія въ каринской волости, грамота 1685 г. называетъ бесермянскіе и вотяцкіе дворы общимъ именемъ татарскихъ⁽³⁾. Грамота 1673 г. поясняетъ отчасти, какимъ образомъ такъ далеко распространилась въ бывшее время юрисдикція каринскихъ мурзь. Вступивши въ ряды служилаго сословія, они получили „жалованныя грамоты на пашенныя многіе земли и всякія угоды“, „расчистили и распахали тѣ пашенныя земли“, и „на тѣхъ пашенныхъ земляхъ селили людей“⁽⁴⁾.

(1) Др. акты. 30.

(2) Ibid. 220.

(3) Ibid. 222.

(4) Ibid. 190—191.

Покореніе Казани открываетъ новый періодъ въ исторіи отношеній Вотьяковъ къ Москвѣ. Казань была не одинокій городъ и не колонизаціонный центръ, какъ Вятка; эта была столица государства, власть котораго простиралась на цѣлый рядъ народностей. Инородцы были связаны съ Казанью опредѣленными отношеніями зависимости — асакомъ и службой. Паденіе Казани означало для нихъ переменъ власти и они призывали эту переменъ послѣ долгой или короткой борьбы. Наравнѣ съ Чувашиами, Черемисами, Мордвой — Вотяки, входившіе въ составъ Казанскаго царства, должны были признать надъ собою власть царя Московскаго.

Первыя десятилѣтія Вотяки борются вмѣстѣ съ Черемисами противъ русскаго владычества. Мы видимъ ихъ въ 1573 г. на Мешѣ засѣвшими въ земляномъ городѣ⁽¹⁾, потомъ они отдѣляются отъ Черемисъ и, оставивши ихъ бороться противъ русской власти, удаляются въ Вятку, въ глухіе лѣса нынѣшняго Малмыжскаго уѣзда.

Но какъ далеко простирались на С. въ земли Вотиграницы Казанскаго царства? Въ русскихъ источникахъ мало данныхъ для рѣшенія этого важнаго вопроса. Мы знаемъ, что за Казанью подъ власть Москвы перешли Арскъ и Малмыжъ, имѣвшіе своихъ собственныхъ князей — но и только⁽²⁾. Простирались-ли русскія владѣнія за Вятку, остается неизвѣстнымъ.

Указаніемъ на былые предѣлы Казанскаго царства и его юрисдикціи можетъ служить развѣ то обстоятельство, что Вотяки, жившіе на югъ отъ Чепцы, еще въ началѣ XVIII в., при устройствѣ губерній, были причислены къ Казанской губерніи.

⁽¹⁾ Кеппенъ. Мат. для ист. инор.

⁽²⁾ Мал. для стат. Вят. г. Малм. у. В. 1885. 60.

Сводя данныя, заключающіяся относительно Вотяковъ въ р. актахъ и лѣтописяхъ, мы можемъ сказать, что въ XVI в. далеко не всѣ Вотяки юридически и фактически вошли въ составъ русскаго государства. Москва овладѣла границами вотскихъ населеній, собственно вятскими землями на З., теченіемъ Чепцы на С., Вяткой на Ю. и отдала Строгановымъ земли, замыкающія вотяцкій край съ В. Внутри этого четырехугольника среди дремучихъ лѣсовъ должны были нѣкоторое время держаться еще самостоятельныя Вотяки, не признававшіе власти ни каринскихъ, ни казанскихъ Татаръ. Ихъ открыли и покорили русскому государству мирные люди — составители писцовыхъ книгъ. О своеобразной независимости, которой пользовались Малмыжскіе, Глазовскіе и Сарапульскіе Вотяки, говорятъ мѣстныя вотяцскія преданія. Лучше рововъ и валовъ защищали вотское племя отъ русскихъ дремучіе лѣса и онѣ рассыпались по этимъ лѣсамъ массой одинокихъ поселковъ, которые долго не имѣли между собой ни какихъ связей. Еще лѣтъ 12—15 тому назадъ въ одной сѣверной волости Малмыжскаго уѣзда въ лѣтнее время не было никакихъ путей сообщенія и только въ зимнее время жители сосѣднихъ деревень вступали между собой въ сношенія⁽¹⁾. Въ такой обстановкѣ Вотякъ наслаждался полной независимостью. „Дорогъ не было, вѣру начальство не трогало, за ясакомъ становой не пріѣзжалъ“ — вотъ какъ формулировали жизнь своихъ предковъ земскимъ статистикамъ Рыбно-ватажскіе Вотяки⁽²⁾.

Между 1552 и 1587 происходитъ первая перемѣна въ положеніи Вотяковъ. Царь Θεодоръ Ивановичъ въ 96 (1587) г. уничтожилъ зависимость каринскихъ Вотяковъ отъ

(1) Мат. для стат. Вят. г.—Малм. у. I, 1.

(2) Ibid.

карянскихъ мурзъ въ податномъ и судебномъ отношеніи, а верхнечепецкихъ „судомъ и во всякихъ податѣхъ повелѣлъ отвѣсть отъ вятскихъ и хлыновскихъ чернососныхъ“. Изъ текста грамоты можно заключить, что нѣкоторое время Вотяки были поставлены въ общія условія съ русскими чернососными. Отношенія, созданныя грам. 1587 г., продолжались при Василии Шуйскомъ, Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣй Михайловичѣ — до Петра В. (1686 г.)⁽¹⁾. Вотяки должны были привозить въ Москву дань сами. Изъ земскихъ вятскихъ нуждъ они вносили только на городовыя, мостовыя и тюремныя подѣлки и утѣхъ расходовъ велѣло быть тѣмъ Вотякамъ самимъ. Изъ грамоты 1673 г. мы узнаемъ, что Вотяки несли въ 7 разъ менѣе повинностей, чѣмъ русскіе. Алексѣй Михайловичъ, подтверждая льготы, данныя Вотякамъ, возлагалъ на властей обязанность „Вотяковъ во всемъ отъ Русскихъ людей оберегать, чтобы имъ ни какихъ обидъ и налоговъ чинимо не было“⁽²⁾.

Административная и фискальная обособленность Вотяковъ прекратилась въ началѣ XVIII со введеніемъ подушной подати, которая сравняла въ отношеніи повинностей всѣхъ поданныхъ русскаго государства. Въ 1717 г. Вотяки были въ первый разъ переписаны по дворамъ ландратомъ Вяземскимъ. „Вотяки. . . нигдѣ между подданными Россіи, подобными имъ народами, какъ-то Мордвой, Чувашей и Черемисами до сихъ поръ не упоминаемые, ни податей непосредственно коронѣ не платившіе и къ воеводству вятскому не принадлежавшіе, были въ семь году въ первый разъ переписаны“ читаемъ мы у вятскаго историка Вештомова⁽³⁾.

⁽¹⁾ Др. акты. 22—23.

⁽²⁾ Ibid. 225—226.

⁽³⁾ Каз. Вѣст. 1825.

Въ 1718 г. на нихъ была распространена подушная подать: съ этой цѣлью въ 1719 г. была произведена новая подушная перепись. Вотяки встрѣтили обѣ переписи безъ особаго удовольствія. Они хлынули массами въ глубину Глазовскихъ и Малмыжскихъ лѣсовъ, гдѣ могли укрыться отъ платежа сравнительно тяжелой повинности.

Такъ же поздно наступаетъ пора и культурнаго, духовнаго воздѣйствія Русскихъ на Вотяковъ. Христіанство оставалось чуждымъ Вотякамъ до 40-хъ годовъ XVIII в. Изъ предшествовавшихъ двухъ столѣтій извѣстенъ одинъ только случай обращенія небольшой кучки Вотяковъ въ Христіанство. Въ 1557 г. семнадцать вотяцкихъ семей изъ Сырянской волости Слободскаго уѣзда просили царя Ивана Грознаго, чтобы онъ имъ позволилъ креститься, устроить слободу и церковь на рѣчкѣ Василковѣ, освободилъ отъ царскихъ службъ и податей и приказалъ-бы ихъ беречь отъ всякихъ обидъ двумъ слободскимъ горожанамъ. Царь съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ ходатайству Вотяковъ и предоставилъ имъ право звать въ свою слободу и другихъ Вотяковъ съ луговой стороны, освободивъ не только отъ повинностей на три года, но и отъ суда вятскихъ и слободскихъ волостей и тиуновъ (за исключеніемъ душегубства, воровства и разбоя съ поличнымъ). Въ томъ случаѣ, если комунибудь будетъ дѣло до нихъ, ихъ безпошлинно должны были судить съ Вотяками-приставами указанные самими ими „слободчики“ (1).

Не смотря на благопріятныя, повидимому, условія, которыя предоставлялись крещенымъ Вотякамъ, желающихъ обратиться въ христіанство болѣе, кажется, не оказывалось. Не безъ вліянія на это обстоятельство оказывалось, конеч-

(1) Др. акты. 30.

но, отсутствіе въ краѣ высшей церковной власти. На московскомъ соборѣ 1555 г. вятскій край былъ включенъ въ составъ казанской епархіи, но, эта связь была, кажется, только номинальной. По словамъ историка вятской епархіи, „до присоединенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Казанской Епархіи къ Вятской не видно никакихъ слѣдовъ сношеній вятскихъ духовныхъ съ Казанью, ни зависимости ихъ отъ Архіепископовъ Казанскихъ“⁽¹⁾.

Въ 1638 г. въ Вяткѣ учреждена была самостоятельная епархіа, но прошло еще слишкомъ 80 лѣтъ прежде, чѣмъ вятскіе іерархи подумали о язычникахъ, жившихъ съ ними бокъ о бокъ. Не объясняется-ли это обстоятельство помимо другихъ причинъ и тѣмъ, что вятскіе епископы считали Вотяковъ мусульманами по вѣрѣ? Что касается Вотяковъ жившихъ на Ю. отъ Чепцы, то они были причислены къ Казанской епархіи и не тяготили совѣсти вятскихъ епископовъ по крайней мѣрѣ съ формальной точки зрѣнія.

Въ Казанскомъ краѣ, дѣло просвѣщенія Вотяковъ находилось не въ лучшемъ положеніи. Вотъ какими чертами характеризуетъ его митрополитъ Гермогенъ (1589—1605): „(новокрещены) въ Казани и въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ живутъ съ татары и съ чувашею и съ черемисою и съ вотяки вмѣстѣ: . . и дѣтей своихъ не крестятъ и умершихъ въ церкви хоронить не носятъ, кладутся по старымъ своимъ татарскимъ кладбищамъ; а жениха къ невѣстамъ по татарскому обычаю своему приводятъ, а вѣнчався у церкви и снова вѣнчаются попы своими татарскими. . . да и многіе скверныя татарскіе обычаи новокрещены держатъ безстыдно“⁽²⁾.

⁽¹⁾ Никитниковъ. Ист. Вят. епар. В. 1863. 4—5.

⁽²⁾ Можаровскій. Ходъ мисс. дѣла по прос. инор. Чт. въ М. О. И. и Др. 1880, I, 24—25.

Первыя серьезныя попытки просвѣщенія Вотяковъ относятся къ началу XVIII вѣка. Въ вятскомъ краѣ съ миссіонерскими стремленіями выступаетъ архіепископъ Алексѣй (1719—1733). Въ первый же годъ своего управленія Вятской епархіей онъ крестилъ 57 человекъ (36 ч. мужчинъ и 21 женщину). Первые новокрещены принадлежали къ числу нѣсколько обрусѣлыхъ Вотяковъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ имена, которыя они носили, когда были еще язычниками. Въ реестрѣ Вотяковъ, обращенныхъ Архіепископомъ Алексѣемъ, мы видимъ людей, которые носятъ христіанскія имена или просто русскія прозвища: Тухай Максимовъ, Васка, Косой, Антипа, Марья, Дарья, Анна, Кузя, Денисъ, Борисъ, Первой, Камай Лукинъ, Михайло, Андрей, Первуша, Марѳа, Петруня. Дѣло просвѣщенія Вотяковъ не ограничивалось однимъ крещеніемъ. Синодъ предписалъ указомъ отъ 20 сент. 1721 г. устроить школу для обученія новокрещеновъ. Школа была основана въ 1723 г.; въ нее было опредѣлено 35 человекъ инородцевъ, — но она, повидимому, существовала не долго: никакихъ указаній на ея дѣятельность, по словамъ историка Вятской іерархіи, не сохранилось⁽¹⁾. Въ то время, какъ школа, учрежденная для Вотяковъ въ Вяткѣ, быстро пала, число новокрещеновъ постепенно прибывало. Съ 1740 г. миссіонерская дѣятельность среди Вотяковъ принимаетъ обширныя размѣры. Въ вотскомъ краѣ являются миссіонеры, посланные казанской конторой иновѣрческихъ дѣлъ. Вятская архіепископія въ свою очередь проявляетъ усиленную миссіонерскую дѣятельность. Архіепископъ Веніаминъ создаетъ изъ Вотяковъ—новокрещеновъ первый приходъ въ селѣ Еловѣ Глазовскаго уѣзда и опредѣляетъ сюда изъ русскаго села Закаринскаго священ-

(1) Никитниковъ. Ист. вят. епар. В. 1863. 181—185, 25.

ника, который зналъ вѣтскій языкъ — Ѳедора Ившина. Ившинъ энергически принялся за обращеніе Вотяковъ въ христіанство и въ теченіе семи лѣтъ крестилъ до 2000 человекъ. Средствами для обращенія Вотяковъ были мірскія блага, которыя имъ обѣщались: свобода отъ рекрутчины, льготы отъ податей ⁽¹⁾. Архіепископъ Венаиминъ ходатайствовалъ предъ Синодомъ о неприкосновенности дарованныхъ Вотякамъ льготъ и привеллегій. Выборъ средствъ оказался удачнымъ. Вотяки, подобно Черемисамъ, сами являлись въ Хлыновъ съ прошеніями объ обращеніи ихъ съ семьями въ христіанство ⁽²⁾. Преемники Венаимина шли съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ по тому же пути. Оберегая новокрещеновъ отъ иновѣрцевъ и свѣтскихъ властей, они увеличивали число новообращенныхъ. Какъ шло дѣло обращенія Вотяковъ съ половины XVIII в. до новѣйшаго времени, установить при скудости изданныхъ источниковъ трудно. Въ концѣ XVIII в., пятой ревизіей было обнаружено крещенныхъ Вотяковъ въ Глазовскомъ уѣздѣ 17,357, въ Малмыжскомъ 11,024; некрещенныхъ въ первомъ 184, во второмъ 919 ⁽³⁾.

Миссіонерская дѣятельность казанскихъ архіепископовъ по отношеніи къ Вотякамъ начинается въ 30-хъ годахъ XVIII в. со вступленіемъ на кафедру Иларіона Роголевскаго. Архіепископъ Иларіонъ считалъ необходимымъ условіемъ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ школу; въ этихъ видахъ онъ испрашиваетъ въ 1734 г. у Синода разрѣшеніе открыть четыре инородческихъ школы, въ числѣ которыхъ одна—въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ—назначалась для Вотяковъ. Въ школѣ должны были обучаться дѣти креще-

⁽¹⁾ Никитниковъ. I. с. 40.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Стол. Вят. губ. В. 1880. II, 773, 787.

ныхъ и некрещенныхъ родителей. Къ сожалѣнію это начинаніе, какъ и въ Вяткѣ, не сопровождалось желанными результатами. Елабужская школа незамѣтно растаяла и исчезла — и Вотяки снова привлекались къ христіанству одними матеріальными выгодами. Въ дѣлѣ обращенія Вотяковъ въ 40-хъ годахъ XVIII в. особенно выдается дѣятельность іеромонаха Веніамина Григоровича (¹).

Въ 1763 г. относительно обращенія инородцевъ въ христіанскую вѣру состоялись новыя опредѣленія. Архіепископамъ Казанскому и Вятскому предписано было избрать „ученыхъ и честнаго житія проповѣдниковъ“ — первому трехъ, второму одного. На этихъ проповѣдниковъ возлагалась обязанность „проповѣдывать слово Божіе со всякимъ смиреніемъ, тихостью и кротостью, не чиня никакаго принужденія тѣмъ иновѣрцамъ, кои не пожелаютъ принять святое крещеніе“. На губернскія и воеводскія канцеляріи возложена была, по старому, обязанность охранять новокрещеновъ отъ обидъ и налоговъ. Для привлеченія иновѣрцевъ подтверждена была трехлѣтняя льгота отъ податей и дано освобожденіе отъ рекрутства на три набора со времени принятія крещенія. За женщинъ, обращавшихся въ христіанство, льготами могли пользоваться ихъ мужья, родственники или свойственники — по указанію ихъ самихъ (²).

На раціональную почву дѣло обращенія Вотяковъ въ христіанство вступаетъ только въ началѣ XIX в. Въ 1818 г. въ Вяткѣ открывається библейскій комитетъ, который приготовляетъ переводъ Евангелія на вотскій языкъ. Переводчиками были священники Шеляевъ, Платуновъ, Блиновъ, Онисимовъ, Новоструевъ, Тронинъ, Утробинъ, Кротовъ и вятскій город-

(¹) Можаровскій. I. с. 82.

(²) Ibid. 100.

своей голова—вотякъ Волковъ. Около 1831 г. рѣшено было открыть при вятской духовной семинаріи классъ вотскаго языка для приготовленія миссіонеровъ для Вотяковъ⁽¹⁾. Мирная проповѣдь шла туго. Казанскій Архіепископъ Григорій вынесъ изъ своего путешествія по епархіи крайне неутѣшительныя впечатленія относительно успѣха миссіонеровъ. Вотяки, Чуваши, Черемисы не шли въ церковь даже въ присутствіи Архіепископа. Григорій вывелъ изъ этихъ фактовъ совершенно вѣрное заключеніе: „Вотяки и другія инородцы сердечно привязаны къ своей старой вѣрѣ“⁽²⁾.

Рѣшительно высказавшись противъ формальнаго христіанства, которымъ довольствовались священники, онъ считалъ необходимымъ перемѣнить систему. „Дабы расположить Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ къ сердечному принятію православной вѣры, должно напередъ поколебать и истребить въ нихъ старую, языческую вѣру; должно убѣдить ихъ въ ея ложности и негодности. . . Но можно-ли показать имъ ея ложность, равно и спасительность и божественность вѣры православной только, на примѣръ, принужденіемъ ихъ ходить въ православную церковь къ богослуженіямъ, принимать святое таинство, не доставляя имъ при томъ должнаго наставленія? . . . Ежели вы будете употреблять такое средство для расположенія Чувашъ, Черемисъ и Вотяковъ къ православной вѣрѣ еще сто лѣтъ, дѣло не сдѣлается лучшимъ. . . принужденіе нигдѣ не привлекаетъ къ намъ никого, а только отталкиваетъ отъ насъ. . . расположить ихъ. . . къ рѣшительнѣйшему уклоненію отъ вѣры православной въ свое прежнее язычество“⁽³⁾. Здравныя идеи казанскаго архіепископа не

(1) Можаровскій. I. с. 111, 175.

(2) Ibid. 233.

(3) Ibid. 234.

имѣли должнаго распространенія среди духовенства казанской и вятской епархій. Въ Вяткѣ даже высшіе представители церкви обращались къ свѣтской власти за содѣйствіемъ въ миссіонерской дѣятельности. Въ 1831 г. напр. епископъ Кириллъ просилъ вятскаго губернатора сдѣлать распоряженіе объ истребленіи развалинъ деревяннаго языческаго молитвеннаго дома въ селѣ Верхнекосинскомъ, такъ какъ среди инородцевъ господствуетъ убѣжденіе, что развалины эти никогда не могутъ быть уничтожены (¹). Духовенство осаждало администрацію просьбами о содѣйствіи не смотря на то, что Императоръ Николай, до свѣдѣнія котораго довели дѣло объ окаяшкахъ, постановилъ „предписать вятскому губернатору не тревожить народъ изслѣдованіями о сихъ обрядахъ“ и въ томъ-же духѣ рѣшилъ другое дѣло, представленное на его разсмотрѣніе—о жертвоприношеніяхъ, которыя совершали крещеные Вотяки Алнашевской волости Елабужскаго уѣзда: „не преслѣдовать помянутыхъ новокрещенъ, но поручить мѣстному духовенству стараться всемѣрно замѣнить языческіе обряды установленными православной церковью молебствіями“ (²).

Исполненныя терпимости воззрѣнія верховной власти проникали въ среду Вотяковъ и вызывали среди нихъ убѣжденіе, что Царь позволяетъ молиться по старому. Съ этимъ убѣжденіемъ трудно было бороться людямъ, которые весь успѣхъ своего дѣла полагали въ запрещеніяхъ (³). Въ 1838 г. Вятскій архіепископъ, донося Синоду о куалахъ („воржудахъ“), говоритъ, что для замѣны языческихъ обрядовъ христіанскими молебствіями необходимо дѣйствіе гражданскаго

(¹) Стол. Вят. губ. В. 1882. II, 557—8.

(²) Ibid. 561—563.

(³) Ibid.

начальства, ибо Вотяки, не видя никакого препятствія со стороны мѣстной полиціи совершенною языческихъ обрядовъ, смѣло срываютъ съ запечатанныхъ воршудовъ печати и совершаютъ жертвоприношенія. Для успѣшнаго хода христіанскаго просвѣщенія Архіепископъ считалъ необходимымъ всѣ языческіе вотяцкіе воршуды, принадлежащія крещенымъ Вотякамъ, вовсе уничтожить чрезъ посредство мѣстной полиціи и не позволять некрещенымъ язычникамъ ни поправлять существовавшихъ „воршудовъ“ ни вновь строить или заводить оныя въ какихъ либо зданіяхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ не согласился съ мѣропріятіями относительно некрещенныхъ Вотяковъ, а мѣстная администрація неохотно приводила въ исполненіе предписанія относительно крещенныхъ (¹).

Усилія государственной власти, направленные къ тому, чтобы сблизить Вотяковъ съ Русскими на почвѣ религіозной, не сопровождались желаннымъ успѣхомъ. Вотяки остались по существу язычниками. Говорить объ историческомъ значеніи школы еще рано: ея вліяніе только начинается. Изъ несостоятельности, которую въ дѣлѣ ассимилированія Вотяковъ проявили государство и церковь, не слѣдуетъ однако, что Вотяки сохранились отъ руссификаціи.

На границѣ Глазовскаго и Слободскаго уѣздовъ лежитъ село Сада. Въ приходѣ этого села Русскіе и Вотяки живутъ рядомъ. Послѣдніе въ Глазовскомъ уѣздѣ носятъ оригинальную кличку „садинскіе оборотни“. Кличка дана имъ потому, что Вотяки „оборотились русскими“ по внѣшнему виду и языку, женятся на русскихъ дѣвушкахъ сами и выдаютъ за русскихъ своихъ дочерей. Здѣсь совершилось полное сліяніе Вотяковъ съ Русскими; пройдетъ два-три десятилѣтія и о

(¹) Стол. Вят. губ. В. 1880. II, 560.

существованіи Вотяковъ въ приходѣ останется смутное воспоминаніе.—То, что въ Садѣ достигло высшей точки развитія, имѣетъ мѣсто и во всемъ вотскомъ краѣ. Русскіе элементы всюду проникаютъ въ вотскій бытъ; большія дороги, прорѣзывающія край, служатъ главными путями руссификаціи: близъ лежащія деревни забрасываютъ по немногу собственный костюмъ и обычаи. Въ 20 верстахъ напр. отъ Малмыжско-Глазовскаго тракта — въ селѣ Мултанъ состоятельныя Вотячки одѣваются уже въ русскія платья. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ по словамъ г.г. Кошурникова и Верецагина обрусеніе Вотяковъ также дѣлаетъ замѣтные успѣхи (¹). Ассимиляція совершается самой жизнью, помимо всякихъ предписаній. Руссифицируетъ Вотяковъ, какъ и Черемись, не чиновникъ, а колонистъ. Въ силу этого одного уже русское колонизаціонное движеніе въ краѣ заслуживаетъ глубокаго вниманія историка. Изученіе его разрушить ложные взгляды на ассимилирующую способность русскихъ людей, которые нашли себѣ мѣсто въ нѣкоторыхъ трудахъ о Вотякахъ. Прежде всего оно покажетъ, что ассимилирующая дѣятельность русскаго колониста обнаруживается съ сравнительно недавняго времени. Вотякъ долгое время не охотно оставался въ сосѣдствѣ съ русскимъ: пока была возможность укрыться въ лѣсахъ, найти новое мѣсто для селенія, онъ уходилъ, уступая русскому переселенцу свое селище. Такъ образовались многочисленныя русскія селенія съ вотскими названіями. Вятскими земскими статистиками записаны преданія относительно возникновенія въ Елабужскомъ уѣздѣ нѣкоторыхъ русскихъ селеній съ вотскими названіями. Русскіе помнятъ, что на мѣстахъ изъ селеній были вотскія, ранѣе покинутыя, помнятъ, что ихъ предки нашли на селищѣ

(¹) Верецаг. Вот. Сар. у. 25. Кошур. бытъ Вот. Сар. у. 44.

пустые шалаши ⁽¹⁾. „Вотьякъ бѣжить отъ Русскаго, какъ мышь отъ кошки“ — говорятъ русскіе крестьяне Малмыжскаго уѣзда ⁽²⁾. Туже характеристику за полтора ста лѣтъ до нашего времени сдѣлалъ Вотьякамъ Гер. Фр. Миллеръ: „Вотьяки такъ дики и грубы, что ни съ какимъ другимъ народомъ дружескаго обхожденія имѣть не хотятъ, или чтобы жить вмѣстѣ въ одной деревнѣ“ ⁽³⁾. Не слѣдуетъ представлять однако, что необходимость уступать почву новымъ колонистамъ была тяжела для Вотьяковъ. Тотъ же путешественникъ говоритъ: „у Черемись и Вотьяковъ есть такое обыкновеніе: ежели имъ на старыхъ мѣстахъ жить не покажется, то они сламывають иногда цѣлыя деревни и хоромное строеніе переносятъ на другое мѣсто; а иногда дворы оставляютъ на старыхъ мѣстахъ и отдаютъ оныя охотникамъ въ наемъ ⁽⁴⁾. Бродяжничество, о которомъ говоритъ Миллеръ, удержалось у Вотьяковъ почти до нашего времени; еще тридцать лѣтъ назадъ тому среди Вотьяковъ Глазовскаго уѣзда господствовало убѣжденіе, что подолгу жить на одномъ мѣстѣ несчастливо: оттого и скотина и дѣти мрутъ и солдатчина рѣдко минуетъ ⁽⁵⁾.

Исторія колонизаціи восточной части Вятской губерніи ждетъ еще своего изслѣдователя. Имѣя въ виду главнымъ образомъ этнографическую, а не историческую задачу, мы не беремъ на себя труда восполнять этотъ пробѣлъ и ограничиваемся тѣми данными, которыя имѣются въ литературѣ.— Перепись 1654 констатировала въ Хлыновскомъ уѣздѣ (об-

⁽¹⁾ Мат. для стат. Вят. губ.—Елаб. у. Прил.

⁽²⁾ Ibid. Малм. у. I, 33.

⁽³⁾ Опис. яз. нар. 6.

⁽⁴⁾ Ibid. 7.

⁽⁵⁾ Блиновъ. Иностранцы С. В, части Глаз. у. 13.

нимавшемъ тогда, кромѣ Вятскаго, и значительную часть нынѣшнихъ Слободскаго и Глазовскаго уѣздовъ) существованіе русскаго прихода на р. Косѣ (въ нынѣшнемъ Слободскомъ уѣздѣ). Нынѣшній Глазовскій уѣздъ, исключая зюдинскаго края, оставался, кажется, въ XVII в. за чертой русскихъ колоній; тоже слѣдуетъ сказать и о бѣльшей, завятской части Малмыжскаго уѣзда. Въ теченіе XVIII в. положеніе въ бассейнѣ Чепцы осталось безъ существенныхъ перемѣнъ. Въ Чепецкихъ волостяхъ по 5-ой ревизіи (1795 г.) оказалось почти исключительно инородческое, вотяцкое населеніе. За то на Ю. и З. уѣзда русское населеніе оказалось преобладающимъ. Русскія колоніи врѣзались въ глубину дремучихъ лѣсовъ, которые отдѣляли сѣверныхъ, Глазовскихъ Вотяковъ отъ южныхъ—Малмыжско-Сарапульскихъ и открыли себѣ путь въ эти послѣдніе уѣзды. Въ концѣ XVIII в. сюда шель усиленный притокъ русскаго населенія. Въ то время, какъ въ бассейнѣ Чепцы за тринадцать лѣтъ, отдѣляющихъ 4-ю ревизію отъ 5-ой населеніе увеличилось только на 5%, въ юго-западныхъ волостяхъ приростъ равнялся 39%. Составъ прибывшаго русскаго населенія станетъ для насъ виденъ, если мы примемъ во вниманіе, что за тотъ періодъ, когда численность Вотяковъ возрасла на 4,8%, численность яшашныхъ крестьянъ поднялась на 20%, а экономическихъ на 128%.

Притокъ русскихъ переселенцевъ въ бассейнѣ Чепцы становится впервые замѣтнымъ только со времени 6-ой ревизіи (1811). Населеніе района увеличивается за 16 лѣтъ на 18,62%, тогда какъ въ предыдущій промежутокъ между ревизіями оно увеличилось всего на 5%; но изъ этого прироста только 2% слѣдуетъ отнести на счетъ русскихъ колонистовъ: ревизія точнѣе опредѣлила количество Вотяковъ, благодаря чему число ихъ увеличилось на 16%. Въ промежутокъ между 6-ой и 8-ой ревизіями (1811—1834) Чепецкій районъ все еще

сохранялъ свой инородческій характеръ. За 23 г. прирость оказался здѣсь равнымъ 31, 21%, въ то время какъ Ю. населеніе увеличилось на 57%. Десятая ревизія (1858) обнаружила въ Чепецкомъ районѣ прирость въ 53%, въ 1878 здѣсь-же обнаруженъ прирость въ 51%. Цифры прироста въ чепецкой области показываютъ, что русское населеніе стало прибывать здѣсь главнымъ образомъ въ послѣднее пятидесятилѣтіе съ 1834 г. (¹).

Въ Сарапульскомъ уѣздѣ, въ волостяхъ Дебесской, Чутырской, Шарканской, Срѣтенской, Нылгижикьинской и Бурановской населеніе около 1811 г. почти исключительно состояло изъ Вотяковъ. Прирость населенія обнаруживается замѣтнѣе всего въ сѣверныхъ вотяцкихъ волостяхъ. За время между 5 и 6 ревизіями населеніе здѣсь прибыло на 41,6%, между 6 и 8 на 46,49%, между 8 и 10 на 37,38%, между 10 ревизіей и 1878 г. на 72,82% (²). Сѣверныя волости Сарапульскаго уѣзда, стало быть, стали особенно заселяться и притомъ гл. обр. Вотяками въ послѣдніе 30 лѣтъ. Въ Елабужскомъ уѣздѣ русскихъ крестьянъ, жившихъ на инородческой землѣ, въ концѣ XVIII в. было ничтожное количество. Вотяки занимали самый сѣверъ уѣзда и составляли главную часть населенія тогдашнихъ волостей Алнашевской, Варзинской, Пужеучинской, Можгинской, Каксинской, Пельгинской, Ятчинской; за ними шли Татары и Черемисы и наконецъ на югъ по берегамъ Вятки и Камы Руссіе. Въ то время, какъ въ Глазовскомъ уѣздѣ количество Вотяковъ прибывало медленно, сравнительно съ Русскими, въ Елабужскомъ, какъ и въ Сарапульскомъ, мы видимъ обратное явленіе. Въ промежутокъ между 5-ой и 6-ой ревизіями Вотяковъ прибыло на

(¹) Стол. Вят. губ. В. 1880. II, 771—776.

(²) Ibid. 796—799.

40%, тогда какъ русскихъ крестьянъ различныхъ наименованій (удѣльныхъ, помѣщичьихъ, ясашныхъ, экономическихъ) среднимъ числомъ только на 11,5% (1). Это явленіе вполне понятно: въ Елабужскій и Сарапульскій уѣзды отступали Вотяки изъ Глазовскаго и Малмыжскаго уѣздовъ. Усиленный приливъ русскихъ переселенцевъ въ сѣверныя иноподчешкія волости (Маганъ-Пельгинскую, Можгинскую и Александровскую) обнаруживается лишь съ послѣдняго времени. Въ промежутокъ между 1858 и 1873 г. населеніе здѣсь увеличилось на 80%. Цифры Романова показываютъ, что не четыре, а съ небольшимъ одно столѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ Русскіе появились бокъ о бокъ съ Вотяками и стали производить на нихъ свое вліяніе. Этотъ выводъ получить новое подтвержденіе, если къ сжатымъ даннымъ, заимствованнымъ изъ статьи Романова, мы присоединимъ болѣе подробныя свѣдѣнія о ходѣ русской колонизаціи въ Малмыжскомъ и Елабужскомъ уѣздѣ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ относительно этихъ уѣздовъ земскимъ статистическимъ бюро въ Вяткѣ. Чтобы сдѣлать явнѣ выводы, мы предлагаемъ таблицу, въ которой представлены цифры русскаго и вотскаго населенія по волостямъ съ указаніемъ времени колонизаціи и сравнительной густоты населенія по отдѣльнымъ частямъ волостей.

Названіе волостей	Вотяки	Русскіе	Время зас.	Сравн. густ.
Мултанская	5123	1932		На 3. гуще; ч. на В.
Больше-Учинская	5695	4623	XIX в.	
Больше-Шабанская	2946	1225		
Воли-Пельгинская	7489	7006	XIX в.	
Вавожская	4523	4241		

(1) Стол. Вят. губ. В. 1880. II, 791—794.

Названія волостей. Вотяки. Русскіе. Время зас. Сравн. густ.			
Уватуелинская	4995	4767	Зап. гуще, ч. В.
Кирчимъ-Копкинская	2825	3536	
Старо-Трыкская	5053	7045	
Сюмсинская	3420	5263	Древне-вот.
Узинская	3696	7261	
Вихаревская	1779	7473.	

Изъ этой таблицы оказывается 1) что преобладаніе вотяцкаго населенія надъ русскимъ имѣетъ мѣсто въ самыхъ восточныхъ волостяхъ уѣзда, 2) въ западныхъ волостяхъ, болѣе древнихъ, количество Русскихъ получило перевѣсъ, 3) въ этихъ же волостяхъ болѣе заселенными оказываются западныя части.

Эти выводы дорисовываютъ картину движенія народонаселенія въ уѣздахъ, занятыхъ Вотяками. Подъ напоромъ русскаго колонизаціоннаго движенія Вотяки отступаютъ все далѣе и далѣе на В. Ранѣе всего, съ начала XVIII в., русскіе колонисты вторгаются въ сѣверныя и сѣверо-западные волости Малмыжскаго уѣзда изъ южныхъ, наиболѣе густо населенныхъ русскими волостей Глазовскаго уѣзда (Мухинской и Леденцовской). Занявши своими поселеніями Узинскую волость, они постепенно спускаются на Ю., держась все-же западнаго направленія. Русскія колоніи бокъ о бокъ съ Вотяками появляются въ Селтинской, Мултанской, Уватуелинской и Вавожской волостяхъ. Вотяки уступаютъ имъ часть своихъ земель и удаляются въ восточныя волости. Подъ новымъ напоромъ русскихъ колонистовъ Вотяки Малмыжскаго уѣзда отливаютъ въ ближайшіе волости Сарапульскаго и Елабужскаго уѣздовъ. Движеніе на В. имѣло характеръ національно-консервативный. Оно направляется въ дѣла и имѣетъ своей цѣлью огражденіе самобытности отъ

вторженія чуждыхъ, русскихъ элементовъ. Пока русская колонизація производила только это дѣйствіе, объ ассимилирующемъ вліяніи ея не могло быть, конечно, и рѣчи. Культурное взаимодействіе двухъ народовъ начинается лишь съ той поры, когда возникло сожительство двухъ національных элементовъ въ одномъ и томъ селеніи. Далеко не всѣ Вотяки оказались способными даже къ пассивной борьбѣ съ русскими переселенцами. Значительная часть ихъ примирилась съ существованіемъ бока о бокъ. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ изслѣдователь имѣетъ предъ собою рядомъ съ русскими селеніями, возникшими на повинуемыхъ Вотяками мѣстахъ, селенія съ смѣшаннымъ населеніемъ—русско-вотяцкимъ и при томъ на разныхъ ступеняхъ смѣшенія, начиная съ селеній, въ которыхъ появляется одинъ русскій домъ и кончая селеніями, въ которыхъ остается одинъ вотяцкій. Въ Елабужскомъ уѣздѣ въ вотскихъ волостяхъ (Ильинской, Можгинской, больше-Кибьинской, Мушавовской, Мокан-Пельгинской, Граховской, Старо-Ятчинской) большая часть селеній также состоитъ изъ Русскихъ и Вотяковъ. Указанныя выше ступени смѣшенія даютъ намъ представленіе о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ возникаетъ сожительство Русскихъ съ Вотяками. Вотяки остаются на своихъ мѣстахъ въ томъ случаѣ, если русскій элементъ къ нимъ является въ незначительномъ количествѣ: основываетъ одинъ, два, три двора. Проходятъ годы, русское населеніе увеличивается, но Вотяки уже сживаются съ нимъ; такъ возникаютъ селенія, въ которыхъ Русскихъ и Вотяковъ обазывается приблизительно по ровну. Привычка къ совмѣстной жизни дѣлаетъ то, что часть Вотяковъ остается на насиженныхъ дѣдами мѣстахъ и тогда, когда русскій элементъ начинаетъ становиться преобладающимъ, остается тогда, когда большинство неподалеку основываетъ новое селеніе. Характеръ условій, при которыхъ соверша-

ется сближеніе русскаго и вотскаго элементовъ, даетъ намъ включъ къ опредѣленію времени, въ теченіе котораго въ той или другой мѣстности имѣеть мѣсто совмѣстная жизнь Русскихъ и Вотяковъ, и мѣстностей, гдѣ всего ранѣе возникли смѣшанныя поселенія. Наиболѣе старыми смѣшанными селеніями должны считаться тѣ, въ которыхъ русскіе оказываются въ большинствѣ. Всего ранѣе смѣшанныя селенія возникли на крайнемъ С. З. Малмыжскаго уѣзда.

Названія волостей. Сел. съ р. большинствомъ. Съ р. меньш.

Узинская	11	6
Селтинская	8	11
Ваводрская	8	14
Мултанская	6	17
Уватуелинская	5	18

Въ болѣе южныхъ, восточныхъ и сравнительно позднѣе заселенныхъ западныхъ волостяхъ мы или вовсе не видимъ смѣшанныхъ селеній съ русскимъ большинствомъ или ничтожное (пропорціонально) количество; въ Волипельгинской 4 на 17 съ русскимъ меньшинствомъ, въ Корчимъ, Копеинской 4 на 10, въ Большеучинской 2 на 9, въ Большешабанской ни одного, въ Старотрыкской 3 на 9, въ Рыбноватажской ни одного. Соображеніе, что первое сближеніе Малмыжскихъ Вотяковъ съ Русскими началось въ пограничной съ Глазовскимъ уѣздомъ Узинской волости, подтверждается помимо абсолютнаго числа смѣшанныхъ селеній съ русскимъ большинствомъ еще и тѣмъ, что въ этой волости и смежной съ ней съ юга Селтинской имѣются самыя крупныя смѣшанныя селенія: Зятцы (71 р. дворъ, 20 в.), Каравай - Пудга (34 р., 33 в.), Билигуртъ (24 р., 17 в.), Шудегъ (25 р., 15 в.), Зятцы ст. (35 р., 4 в.), Шувдошуръ (20 р., 18 в.), Жайгиль (36 р., 20 в.), Уметь-гуртъ (25 р., 23 в.), Чаня-бія (38 р., 1 в.), Жайгуртъ (27 р., 10 в.).

На изученіи Вотяковъ въ смѣшанныхъ селеніяхъ съ русскимъ большинствомъ долженъ остановиться прежде всего изслѣдователь, желающій ознакомиться съ русскимъ ассимилирующимъ вліяніемъ.

О вліяніи, которое имѣетъ сожителство двухъ народностей свидѣтельствуемъ между прочимъ то, что русской элементъ возрастаетъ путемъ браковъ между Вотяками и Рускими женщинами⁽¹⁾.

На процессъ, путемъ котораго, помимо обрусѣнія Вотяковъ, смѣшанныя селенія превращаются въ чисто-русскія съ вотскими названіями, указываютъ мѣстныя преданія. Вятскіе статистики записали напр. въ Елабужскомъ уѣздѣ относительно починка Килудъ преданіе, что раньше онъ былъ вотскій; Русскіе пріѣхали въ него лѣтъ 40 назадъ и жили сначала съ Вотяками; потомъ Вотяки вымерли⁽²⁾.

Процессъ сліянія народностей въ вотскомъ краѣ такъ-же, какъ и въ черемисскомъ, по большей части только начинается: русскіе только въ теченіе послѣдняго полустолѣтія (въ Малмыжскомъ, Сарапульскомъ и Глазовскомъ) или даже двадцатилѣтія (въ Елабужскомъ) живутъ совмѣстно съ Вотяками.

На исходъ его мы имѣемъ указанія въ судьбѣ родственнаго Вотякамъ племени Пермьяковъ. — Пермьяки, ранѣе столынувшіеся съ Русскими, въ настоящее время массами обрусѣли и даже отрываются отъ своей національности.

(1) Мат. для стат. В. Г.—Елабуж. у. Прил. 17, 35, 45.

(2) Ibid. 31.

Глава II.

Внѣшній бытъ Вотяковъ.—Природа страны. Сосѣди. Физическія особенности Вотяковъ. Бытовая обстановка. Жилище въ его историческомъ развитіи. Костюмъ. Пища. Занятія: земледѣліе, ремесла и промыслы. Воспитаніе дѣтей. Игры дѣтей и взрослыхъ.

Обширная территорія, заключенная между рѣками Вяткой, ея притокомъ Нолей, Косой, впадающей въ Чепцу, Чепцой отъ устья Косы до вершинъ, Сивой, которая составляетъ границу между Сарапульскимъ уѣздомъ Вятской губерніи и Оханскимъ Пермской, и наконецъ Камой отъ устья Сивы внизъ до устья Вятки, даетъ пріютъ, если не всему, то большей части вотскаго племени. На С. въ нее не вошло незначительное сравнительно количество вотскихъ селеній Слободскаго и Глазовскаго уѣздовъ по правому теченію Чепцы, на Ю. Вотяки, живущіе въ Бирскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи, Осинскомъ Пермской, Мамадышскомъ, Казанской и Сизнерская волость Малмыжскаго уѣзда, но въ большей части этихъ послѣднихъ мѣстностей Вотяки являются позднѣйшими переселенцами, съ особенностями типа, характера и быта, сложившимися на территоріи, которую мы очертили выше.

Живое, непосредственное представленіе о характерѣ этой страны лучше всего можно составить, проѣзжая по большой дорогѣ изъ Вятки въ Глазовъ. Дорога идетъ почти все время по угорамъ праваго берега Чепцы. Влѣво отъ себя путешественникъ будетъ на протяженіи цѣлыхъ десятковъ

версть видѣть одну и ту же картину—уходящую до горизонта, чуть-чуть волнистую, покрытую лѣсами низменность. Та же картина открывается съ городищъ праваго берега Чепцы близъ Глазова. Углубляясь на Ю. въ предѣлы этой лѣсистой низменности, поворачивая на В. и опять на Ю. путешественникъ съ каждаго маленькаго возвышенія будетъ видѣть опять все ту же низменность, покрытую темными огромными каймами лѣсовъ. Человѣкъ не мало поработалъ надъ расчисткой этихъ лѣсныхъ пространствъ: въ нѣкоторыхъ волостяхъ—возвышенныхъ и сухихъ, сравнительно—лѣса почти исчезли, но страна все еще сохранила „волоки“, по которымъ можно ѣхать 30—40 версть, не встрѣчая ни одного селенія (волокъ отъ Ягшуръ-Бодьи до Ижевскаго завода тянется на протяженіи 42 версть). Картина страны дорисовывается, когда путникъ вступаетъ въ глубь этихъ темныхъ лѣсовъ. Мѣстность понижается: боры съ песчаной почвой чередуются ельниками и раменью, которые вырастаютъ какъ будто прямо изъ болотъ. Дорога на протяженіи цѣлыхъ версть обращается въ грязную канаву, точно специально созданную для потопленія лошадей и проѣзжающихъ.

Не дешевою цѣной путешественникъ пріобрѣтаетъ прямое знакомство съ вотяцкимъ краемъ, но личныя впечатлѣнія даютъ жизнь и колоритность цифрамъ и характеристикамъ, которыя въ изобиліи предлагаетъ въ своихъ изданіяхъ Вятское статистическое бюро. Отъ этихъ цифръ долженъ отправляться всякій изслѣдователь вотскаго быта и слѣдуетъ пожалѣть, что мы имѣемъ ихъ пока только для Малмыжскаго и Елабужскаго уѣздовъ, т. е. для южной части очерченной нами вотской территоріи.—Казенные лѣса сплошной массой тянутся здѣсь по всему правому берегу Кильмези отъ вершины ея до устья, покрываютъ правый берегъ ея притока Валы и весь лѣвый Увы (притока Валы), затѣмъ всю

Порьбескую волость (уголь между Кильмезью и Вяткой), С. Большешабанской и большую часть Старо-Трыбеской волости. Пахатныя земли расчищены въ сравнительно большомъ количествѣ лишь на пространствѣ между р.р. Кильмезью и Увой. На В., З. и Ю. отсюда онѣ являются островами среди неизмѣримыхъ лѣсныхъ пространствъ. Въ наиболѣе лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ края, напр. въ Рыбно-ватажской волости, еще лѣтъ 15 тому назадъ лѣтомъ прекращалось всякое сообщеніе между ближайшими деревнями. Сосѣди ждали зимы, чтобы пробраться другъ къ другу. Виной являются болота, которыми изобилуютъ лѣса, и полосы такъ называемой луды—почвы, которая удерживаетъ въ себѣ атмосферную влагу. О количествѣ болотъ въ край можно судить по тому, что часть ихъ, наиболѣе доступная осушенію, пошла подъ пахатныя поля. Возвышенностей съ сухой почвой человѣкъ нашелъ такъ мало, что долженъ былъ обратиться съ своей сохой къ болотнымъ пространствамъ, которыя онъ видѣлъ на каждомъ шагу.

Обиліемъ лѣсовъ, низменностей и болотъ опредѣляется до значительной степени климатъ края. Характерными и крайне вредными для хозяйства признаками его являются заморозки весной и осенью, обиліе тумановъ лѣтомъ. Вятскій край не балуетъ человѣка и постоянно грозитъ ему бѣдами. На болотистыхъ, низменныхъ пространствахъ хлѣба вымерзаютъ зимой, гибнутъ отъ заморозковъ весной, вымываютъ отъ тумановъ лѣтомъ ⁽¹⁾.

Черты, которыми характеризуется Малмыжскій уѣздъ, мы отыщемъ на С., С. В. и С. З. Саралудьскаго уѣзда, на С. Елабужскаго и въ Глазовскомъ—въ особенности въ зачепецкомъ край.

Въ связи съ суровой природой страны сложилась вся жизнь вятскаго народа — его численность, физическій типъ,

(¹) Мат. для стат. В. губ.—Малм. у. I, 8, 30, 31.

занятія и характеръ. Не смотря на обширные предѣлы своей территоріи, Вотяки представляютъ собой малочисленное племя. Стоитъ сравнить количество Чувашъ, живущихъ въ пяти лучшихъ уѣздахъ Казанской губерніи (Цивильскомъ, Чебоксарскомъ, Ядринскомъ и Козмодемьянскомъ) съ количествомъ Вотяковъ, занимающихъ также пять и притомъ громадныхъ уѣздовъ Вятской губерніи, чтобы оцѣнить то вліяніе, которое имѣла природа страны на ростъ народонаселенія: Чувашъ на меньшемъ пространствѣ оказывается вдвое болѣе, чѣмъ Вотяковъ (¹).

Внѣшній видъ Вотяка—его низкій ростъ, хилое сложеніе—стоитъ также въ тѣсной зависимости отъ физическихъ условій. Изслѣдуя вопросъ о ростѣ, антропологи замѣтили, что жители низменностей и болотистыхъ мѣстъ называются всегда малорослѣе, чѣмъ жители возвышенностей (²). Это обобщеніе вполне оправдывается на приволжскихъ финнахъ. Извѣстенъ контрастъ между горными Черемисами и луговыми. Тотъ-же контрастъ наблюдатель замѣтитъ между Вотяками Вятской и Уфимской губерній. Переселившись на привольныя, черныя земли Башкиріи, Вотяки какъ будто переродились: вмѣсто низенькихъ и тщедушныхъ „мышей“ явились рослые, крѣпкіе работники, не уступающіе по виду своимъ сосѣдямъ Русскимъ и Башкирамъ.

Тѣ черты, которыми характеризуется физическій типъ Вотяка, представляютъ собой результатъ общихъ бытовыхъ условій. Эти условія составляютъ въ свою очередь продуктъ физической среды. Вотякъ въ экономическомъ отношеніи зависитъ отъ природы всецѣло, начиная отъ выбора занятій и кончая выборомъ орудій труда. Мы знаемъ уже, какъ пе-

(¹) Вс. Миллеръ. Опис. этн. колл. Дашк. муз. М. 1887.

(²) Анучинъ. Исслѣд. о ростѣ нас. Рос.

ласково относится природа вотскаго края къ труду земледѣльца. Поставленный въ необходимость ждать голодухи отъ неурожая, Вотякъ долженъ естественно оставаться на половину звѣроловомъ и искать въ охотѣ подспорья къ земледѣльской дѣятельности.—Въ выборѣ орудій труда зависимость Вотяка отъ условій физической среды свазалась съ особенной рельефностью на сохѣ. Вотяцкая соха такъ-же отличается отъ русской, какъ почва средней и южной Россіи, гдѣ создалась эта послѣдняя, отъ почвы Вятско-пермскаго края. Она приспособлена къ почвамъ низменностей съ тонкимъ культурнымъ слоемъ, почвамъ, которыя отваливаются большими трудно разрыхляемыми слоями. Въ силу этихъ условій она значительно легче русской, не углубляется далеко въ почву, рѣжетъ пласты болѣе узкіе, чѣмъ русская, и даетъ ниву болѣе разрыхленную и удобную для бороньбы (¹).

Лѣса и болота, сдѣлавшіе Вотяка полуземледѣльцемъ, полуохотникомъ, удержали его отъ другихъ формъ труда. Вотякъ отличается и нелюбовью и неспособностью къ торговлѣ — и эта черта вполне понятна. Трудно чувствовать любовь къ торговлѣ въ странѣ, которая ставитъ почти неодолимыя препятствія въ сношеніямъ между людьми. Мы знаемъ уже, каковы дороги въ вотскомъ краѣ; въ связи съ ними находятся и извѣстныя Вотяку способы передвиженія. Вотякъ узналъ телѣгу, когда познакомился съ Татарами (ораба) и, можетъ быть, болгарскими колонистами въ землѣ Чуди (таразы). Раньше онъ ходилъ пѣшкомъ, ѣздилъ верхомъ или въ лучшемъ случаѣ на саняхъ (нартахъ). На С. Глазовскаго уѣзда такіе способы передвиженія исключительно существовали еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія. Въ вотскихъ преданіяхъ старинные способы передвиженія рисуются

(¹) Мат. для стат. В. губ.—Мам. у. I, 40—41, 48.

очень отчетливо. Легенда о Калмезахъ говоритъ намъ, что эти люди не знали лошадей и возили свои тяжести (медъ) сами въ особыхъ саняхъ (нуртъ) съ длинными—сажени въ полторы—половьями въ видѣ лыжъ и прикрѣпленнымъ къ нимъ ящикомъ на высокихъ ножкахъ (¹). Кто не вспомнитъ, читая это описаніе, вогульскіе, остяцкіе и самоѣдскіе нарты, до сихъ поръ уцѣлѣвшіе на С. Какъ переживаніе отъ этой эпохи, является до настоящаго времени сохранившійся обычай отвозить покойника на кладбище въ саняхъ.—Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при такихъ удобствахъ для перѣзда и перевозки Вотяки не почувствовали расположенія къ торговлѣ. Была и другая причина, удерживавшая ихъ отъ торговыхъ сношеній—это однообразіе природы и ея произведеній. Вотякамъ; хотя бы они жили за сотни верстъ одинъ отъ другаго, нечѣмъ было обмѣняться: въ окрестностяхъ Глазова человѣкъ получалъ отъ природы тоже, что въ окрестностяхъ Слободскаго, Кая и Сарапула.

Въ психическомъ складѣ Вотяка двѣ черты представляють собой несомнѣнный результатъ вліянія окружающей обстановки—сдержанность въ проявленіи впечатлѣній, которая ведетъ за собой молчаливость, и безграничная способность терпѣть—„покорность судьбѣ безъ конца“. Молчать угрюмые лѣса, окружающіе со всѣхъ сторонъ Вотяка, молчитъ и онъ, заражаясь состояніемъ среды. Вотъ какъ описываетъ зимній вечеръ въ вотскомъ домѣ одинъ изъ изслѣдователей этого народа. „Въ комнатѣ безмятежная тишина; слышно только жужжаніе веретена, трескъ горящей въ свѣтцѣ лучины, шуршаніе мочала. . . изрѣдка короткія безсодержательныя слова, васающіяся какихъ нибудь житейскихъ мелочей“. . . „Таковую же тишину, говоритъ тотъ-же изслѣдователь, замѣтите и на

(¹) Гавриловъ. Произв. нар. слов. Вот. 148. К. 1880. Ср. В. Г. В. 1838. 19.

лѣтнихъ полевыхъ работахъ. Иногда, можетъ быть, услышите разговоръ, но разговоръ тихій, сдержанный, какъ будто секретный, чтобы слова не могли дойти до ушей постороннихъ (¹). Практическая философія Вотяка сводится къ изрѣченію „терпѣть надо“ и это изрѣченіе—выводъ изъ тѣхъ уроковъ, которыми щедро награждаетъ его природа. Вотякъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ такіа явленія, съ которыми бороться ему не подъ силу—громадныя болота отрѣзываютъ его отъ сношеній съ окружающимъ міромъ и онъ не въ силахъ средствами своей семьи, починка, даже цѣлой деревни сдѣлать ихъ удобопроходимыми. Заморозки и туманы губятъ его посѣвы и онъ не можетъ ничего предпринять, чтобы устранить эти бѣдствія. Онъ терпѣть, а когда терпѣть становится не подъ силу, уходитъ искать лучшихъ мѣстъ. Привыкнувъ къ пассивной борьбѣ съ природой, Вотякъ такъ же держитъ себя и въ столкновеніяхъ съ людьми. Онъ отступалъ предъ русскимъ колонизаторомъ, покуда могъ, отступаетъ, гдѣ можетъ, и теперь. Когда отступление становится невозможнымъ, онъ покорно принимаетъ новыя условія и позволяетъ пришельцамъ хозяйничать въ своемъ дому. Знающіе люди говорятъ, что въ смѣшанныхъ селеніяхъ мірскія дѣла рѣшаются русскимъ меньшинствомъ, а не вотскимъ большинствомъ (²).

Какъ ни многообразно физическія условія опредѣлили жизнь Вотяковъ, мы не вправѣ говорить, что это единственный факторъ въ исторіи развитія народа. Вліяніе сосѣдей въ жизни Вотяковъ сказалось, можетъ быть, еще сильнѣе, чѣмъ вліяніе природы. Мы видѣли уже въ предыдущей главѣ, какой широкой волной вливались чуждые элементы

(¹) Вот. Сос. кр. 6.

(²) Ibid.

въ жизнь вотскаго народа. Здѣсь мы остановимся главнымъ образомъ на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли подъ вліяніемъ сосѣдей въ физическихъ признакахъ народности. Кто знакомъ хотя немного съ литературой о Вотякахъ, тотъ знаетъ, конечно, съ какимъ поразительнымъ согласіемъ описываютъ Вотяковъ всѣ наблюдатели, начиная съ Гмелина и до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Всѣ говорятъ о рыжихъ волосахъ, желтовато-красной веснушчатой кожѣ, сѣрыхъ или голубыхъ подслѣповатыхъ глазахъ, низкомъ ростѣ. Но пусть изслѣдователь начнетъ свое знакомство съ Вотяками изъ Слободскаго уѣзда и будетъ постепенно подвигаться вверхъ по теченію Чепцы до Глазова. Его впечатлѣнія будутъ совершенно иныя... Въ дер. Кругловской Слободскаго уѣзда изъ сотни мальчиковъ, надъ которыми мы производили наблюденія, 43 имѣли черные или темнорусые волосы и 57 бѣлокурые, въ шести случаяхъ впадавшіе въ рыжій цвѣтъ. При этомъ многіе изъ бѣлокурыхъ мальчиковъ имѣли темные глаза. Въ окрестностяхъ Глазова въ большой деревнѣ Солдырь намъ пришлось видѣть гораздо болѣе сотни индивидуумовъ обоюга пола—и впечатлѣніе отъ массы получилось тоже, что въ дер. Кругловской—черные или темнорусые волосы, черные или каріе глаза, матово-желтый, темный цвѣтъ кожи здѣсь встрѣчаются во всякомъ случаѣ не рѣже, чѣмъ въ Кругловской, и вызываютъ въ памяти наблюдателя фізіономіи луговыхъ Черемисъ и Чувашъ.

Ознакомившись съ общими условіями, въ которыя было поставлено развитіе Вотяковъ, мы можемъ перейти къ частичному изученію ихъ внѣшняго быта.

Какой видъ имѣло первоначальное жилище Вотяковъ, намъ сказала уже филологія. Эта была яма, выкопанная въ землѣ и накрытая кровлей. Подробности относительно уст-

ройства первичнаго вотскаго жилья мы почерпаемъ изъ преданій родственнаго пермяцкаго племени. Вотъ какъ описываетъ древнее пермяцкое жилье со словъ Пермяковъ г. Добротворскій: „многіе рыли себѣ жилище въ землѣ, закрывая его сверху прутьями и жердами. Пола въ такихъ землянкахъ не было, для спанья на землю подстилали сѣно. Пещеры нагрѣвались при помощи „теплѣны“, которая раскладывалась по срединѣ ямы. . . землянки вырывались обыкновенно на высокомъ мѣстѣ, гдѣ нибудь на берегу рѣки, на пригоркѣ среди лѣса... (1). Характеръ такихъ подземныхъ жилищъ сохранился у Пермяковъ и теперь еще въ тѣхъ избушкахъ, какія устраиваются для лѣсованія. Остатки такихъ жилищъ въ видѣ ямъ видѣлъ самъ г. Добротворскій на горномъ берегу р. Летьки. Видятъ ихъ въ большемъ количествѣ и въ сосѣдней Вологодской губерніи; тамъ онѣ встрѣчаются группами по 10—15, представляя собой цѣлыя исчезнувшія селенія (2). Рядомъ съ подземнымъ „гуртомъ“, въ которомъ Вотяки когда-то скрывались зимой, у нихъ была „куа“, или „ква“, —шалашъ для лѣтнаго жилья. По своему устройству куа—тоже, что черемисская куда;—эта легкая постройка изъ тонкихъ бревень, безъ оконъ, пола, потолка и печи, съ дырявой крышей изъ драни. Такую постройку можно встрѣтить на любомъ вотскомъ дворѣ, гдѣ Вотякъ не вполне еще обрусѣлъ или отатарился. Подобно черемисской кудѣ, вотская к в а имѣетъ значеніе не только жилья, но и храма. Здѣсь обитаетъ домовое божество —воршудъ, здѣсь приносятся ему жертвы и молитвы. Кудѣ построенной изъ бревень предшествовала, несомнѣнно, другая болѣе первобытная форма лѣтнаго жилья. Максимовъ въ 50-хъ годахъ видѣлъ про-

(1) В. Е. 1883, III, 234.

(2) Списокъ нас. мѣстъ Вят. г.

ѣздомъ цѣлую деревню, жившую лѣтомъ на лѣсной полянѣ въ досчатыхъ балаганахъ ⁽¹⁾. Г. Бехтеревъ говоритъ, что еще и теперь многіе Вотяки на лѣто предпочитаютъ удаляться въ лѣсъ и устраиваются тамъ въ палаткахъ изъ циновокъ или холста, на подобіе Вогуловъ ⁽²⁾. Сосновскіе Вотяки передавали г. Верещагину преданіе, что ихъ предки жили въ юртахъ въ родѣ шалашей и землянокъ изъ липовыхъ лубьевъ, хворосту и пр. ⁽³⁾. Рядомъ съ подземнымъ гуртомъ к в а долго была единственной постройкой, которую зналъ Вотякъ. Въ вотскомъ эпосѣ — преданіяхъ и сказкахъ — к в а является единственнымъ жилищемъ человѣка. Въ преданіи о Тутюѣ и Янтамырѣ говорится, что при нихъ и при нѣсколькихъ ихъ преемникахъ Вотяки из б ъ не с т р о и л и, а жили въ шалашахъ, которые бросали при приближеніи русскихъ и переходили далѣе ⁽⁴⁾. — „Куа“ оставалась неизмѣнной въ теченіе длиннаго ряда столѣтій, „гуртъ“ пережилъ за это время не одно измѣненіе. За подземнымъ жильемъ явилась к о р е а. Ключъ въ объясненію этого слова заключается въ пермяцкомъ языкѣ. Здѣсь аналогичнымъ названіемъ является вер-ку, связанное съ словами к е р ь бревно и к е р н ы рубить. Первоначальный типъ к о р е а сохранился во многихъ глухихъ вотскихъ деревняхъ; это бурная изба съ глинобитной печью и маленькими волоковыми окнами. Слѣдующія ступени въ развитіи жилья являются, судя по языку, подъ вліяніемъ сосѣдей. Заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что названія многихъ частей, которыми осложнялось вотское жилье, заимствованы у Татаръ.

⁽¹⁾ Библ. для чт. 1855, XII.

⁽²⁾ В. Е. 1880, VIII, 637—638. Ср. М. Buch. Die Vutjaken. 492.

⁽³⁾ Вот. Сос. кр.

⁽⁴⁾ Гавриловъ. Пронзв. нар. сл. Вот. К. 1880. 145.

Казалось бы слѣдовало ждать противнаго, вліянія болѣе раннихъ поселенцевъ въ краѣ на позднѣйшихъ пришельцевъ и при томъ кочевниковъ. Это противорѣчіе объясняется однако вліяніемъ болгарской культуры на татарскую. Къ числу такихъ заимствованныхъ элементовъ слѣдуетъ отнести дворъ—азбаръ (это слово встрѣчается и у крымскихъ татаръ), ворота—капка, баня—мунчо, амбаръ, внутри жилья очагъ—учогъ, отдѣленія избы—комнаты бѣльми, полати—сендыра, лавки—кибетъ, части окна—косяки (јонакъ) и рамы (сарандыкъ). Языкъ знакомитъ насъ съ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣли Татары на обстановку вотской избы. Если, слѣдуя его указаніямъ, наблюдатель сравнитъ татарскую и вотскую избы, гдѣ оба народа живутъ рядомъ, онъ увидитъ полное сходство той и другой. Мы производили такое сравненіе въ Бирскомъ уѣздѣ между башкирскими и вотяцкими избами и не нашли въ вотской избѣ ни одной характерной черты; она точная копія избы башкирской. Низенькая постройка разгорожена стѣнами на двѣ половины, лѣтнюю, холодную (фасомъ на дворъ) и зимнюю, теплую (фасомъ на улицу). Лѣтняя изба является вмѣстѣ съ тѣмъ и парадной. Она чище, потому что въ ней меньше живутъ. У стѣны противъ входа широкія чистыя нары, косячатыя окна заставлены горшками съ любимыми татарскими цвѣтами—бальзаминами и базиликами, окна декорированы браными полотенцами; такія же полотенца драпируютъ пространство между окнами и потолкомъ, спускаются съ брусевъ, которыми заканчиваются палаты. Въ углу на нарахъ стоитъ сундукъ съ разнымъ домашнимъ скарбомъ, на немъ перина и подушки въ ситцевыхъ „французскихъ“ наволокахъ. Тамъ, гдѣ сосѣдами Вотяковъ являются Русскіе, убранство избъ приближается къ обычному русскому. Вліяніемъ Татаръ, вообще склонныхъ къ нѣкоторой щеголеватости, объясняется сравнительная чистота въ вотскихъ из-

бахъ татарскаго типа. Г. Островскій находить, что вотяцкія избы чище чувашскихъ и черемисскихъ ⁽¹⁾. Бехтеревъ, знающій главнымъ образомъ вятскихъ Вотяковъ, даетъ совсѣмъ другую характеристику ихъ жилищамъ ⁽²⁾. Подражая сосѣлямъ въ устройствѣ избы, Вотякъ вполне самостоятеленъ въ устройствѣ кеноса (клѣти). Вотскій кеносъ имѣетъ болѣе разнообразное назначеніе, чѣмъ русская клѣть. Эта не только кладовая, но и лѣтнее помѣщеніе и, кажется, преимущественно женское. Каждая брачная пара имѣетъ въ кеносѣ особое отдѣленіе, гдѣ хранить свое имущество. Здѣсь-же стоитъ закрытая холщевой занавѣской или пологомъ грубая кровать. Въ кеносѣ женщина спитъ, работаетъ и одѣвается. Каждое отдѣленіе кеноса освѣщается небольшимъ волоковымъ или косящатымъ окномъ. Эти окна въ выходящихъ на улицу отдѣленіяхъ кеноса придаютъ между прочимъ вотской деревнѣ своеобразную фizioномію: окна продѣланы не въ серединѣ выходящей на улицу стѣны кеноса, а ближе къ одному изъ угловъ. Въ большихъ семьяхъ, гдѣ бываетъ отъ 4 до 6 женатыхъ братьевъ, кеносовъ бываетъ на одномъ дворѣ 2—3 и болѣе. Съ своими избами, ква, кеносами, баней, амбарами вотскій дворъ образуетъ цѣлую систему построекъ, которой достаточно для того, чтобы придать жилищу одной семьи фizioномію деревни; въ Сарапульскомъ уѣздѣ такія группы построекъ носятъ названіе авбаръ (околотокъ) ⁽³⁾; извѣстны случаи, когда и на самомъ дѣлѣ то, что на официальномъ языкѣ называется починкомъ, представляетъ собою одинъ дворъ. Высшая стадія развитія одного двора и начальная деревни соприкасаются такимъ образомъ между собою и это со-

⁽¹⁾ I. с. 23.

⁽²⁾ В. Е. 80, VIII, 636.

⁽³⁾ Ж. М. В. Д. 1858, XI, 60.

прикосновеніе выразилось въ языкѣ одинаковымъ обозначеніемъ словомъ *гуртъ* обѣихъ вещей.

Изъ того отношенія, которое имѣеть *гуртъ* къ семьѣ, опредѣляется типъ старинныхъ вотскихъ деревень. Одинъ дворъ отдѣлялся отъ другаго засѣяннымъ полемъ. Такія деревни выростали несомнѣнно изъ одного двора. Въ томъ случаѣ, когда въ сосѣдство выдѣлялась или садилась новая семья, она выбирала себѣ мѣсто за чертой разчищенныхъ первыми поселенцами полей и производила для себя расчистку сама; такъ-же поступали и дальнѣйшіе основатели дворовъ. Деревня разрасталась до значительныхъ размѣровъ, но не пріобрѣтала значенія поземельной общины, сохраняя подворный характеръ.

Такія деревни извѣстны были еще въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія—авторамъ тѣхъ замѣтокъ о Вотякахъ, которыя резюмировалъ Бехтеревъ въ своей статьѣ⁽¹⁾. Намъ не приходилось видѣть подобныхъ деревень, хотя, можетъ быть, онѣ и сохранились гдѣ-нибудь въ глуши лѣсовъ. Но на первоначальный типъ есть указанія и въ современныхъ деревняхъ. Если спросить хозяина любой вотской избы не родня-ли тебѣ будетъ сосѣдъ, въ большинствѣ случаевъ получится утвердительный отвѣтъ. Это обстоятельство указываетъ на то, что позднѣе семьи, которымъ становилось тѣсно въ предѣлахъ одного двора строили новыя жилища рядомъ съ старыми, обращая постепенно пахатную землю въ усадьбную.

Обстановки вотскаго жилья мы уже имѣли случай касаться. Она въ своихъ существенныхъ чертахъ создалась подъ вліяніемъ сосѣдей. Сидѣньями у Вотяковъ являются лавки, идущія по стѣнамъ избы. Стулъ въ семьѣ по боль-

(¹) I. с. VIII, 634.

шей части полагается одинъ—для старшаго (куз'о). Тѣ-желавки и грубыя кровати являются ложемъ. Обычай употреб-лять для сна перины и подушки заимствованъ у Татаръ (tuşak). Что касается занавѣски, которой закрывается по-стель, то она могла возникнуть у Вотяковъ и независимо—подъ вліяніемъ потребности защититься отъ мухъ и кома-ровъ, которые являются настоящимъ бичемъ для человѣка лѣтомъ.

Посуда, которую звалъ Вотякъ съ давнихъ поръ и самъ приготовлялъ, исключительно деревянная. Стеклянная посу-да и стекло вообще стало извѣстно или черезъ Русскихъ, или черезъ Татаръ. Вотскій языкъ не имѣетъ собственныхъ словъ для обозначенія стекла и пользуется или русскимъ (dzel'enik—зеленикъ) или татарскимъ (s'umik). Вотская де-ревянная посуда по изяществу приготовленія значительно ниже черемисской и чувашской. Такихъ рѣзныхъ ковшей съ изображеніями птицъ и животныхъ, которыя имѣются у Черемисъ, Вотяки не имѣютъ. Высшаго своего совершенст-ва вотская техника достигаетъ въ приготовленіи чашечекъ для кумышки. Матеріаломъ для нихъ служатъ или корни березы или особенныя болѣзненные наросты на этомъ де-ревѣ—такъ называемая капъ.

Въ костюмѣ такъ-же, какъ и въ домашней обстановкѣ, Вотякъ находится въ зависимости отъ сосѣдей Русскихъ и Татаръ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ Вотяки окружены русскими селеніями, мужчинъ трудно отличить отъ русскихъ; женщи-ны, всюду болѣе консервативныя, здѣсь также начинаютъ поддаваться вліянію русскихъ сосѣдокъ; которыя побогаче, начинаютъ носить русскія платья. Въ окрестностяхъ г. Гла-зова молодое поколѣніе замѣтно теряетъ вкусъ къ бѣлымъ рубашкамъ и кафтанамъ. Тѣ и другіе приготовляются или изъ льняной пестряди или изъ тонкой шерстяной ткани—

такъ называемой сукманины. Самыя формы костюма рѣзко отличаются отъ старыхъ, приближаясь къ городскому платью съ блузкой и лифомъ. Замѣна вотскаго костюма русскимъ совершается сравнительно медленно потому, что съ одеждой связываются религіозные вопросы. Съ половины XVIII в. (со времени принятія Вотяками христіанства) среди нихъ стали появляться фанатики, которые воздвигали гоненіе на цвѣтныя ткани, сапоги, башмаки и русскіе лапти, однимъ словомъ на все, что внѣшнимъ образомъ сближало Вотяковъ съ Русскими. Кто хотѣлъ избѣгнуть кары боговъ, тотъ долженъ былъ забросить подобныя вещи въ лѣсъ или сжечь ихъ. И людей, которые слушались подобныхъ фанатиковъ, находилось не мало ⁽¹⁾.

Основные формы вотскаго костюма, намъ кажется, лучше всего сохранились въ Слободскомъ, Малмыжскомъ и Сарapulьскомъ уѣздахъ (на С. послѣднихъ въ особенности). Подъ Глазовомъ замѣтно русское вліяніе, въ Елабужскомъ уѣздѣ — татарское, въ Бирскомъ — башкирское. Наиболѣе характернымъ, по сравненію съ русскимъ, является женскій вотскій костюмъ. Онъ состоитъ изъ льняной или пеньковой бѣлой рубашки съ вышивками на рукавахъ, сдѣланными серебромъ, шелкомъ, шерстами или крашеными нитками. По направленію вышивки можно отличить женскую рубашку отъ дѣвичьей; на женской рубашкѣ она идетъ широкой полосой вдоль рукава, на дѣвичьей она помѣщается почти на плечѣ и дѣлается поперекъ рукава. Поверхъ рубашки надѣвается холщевый-же бѣлый, круглый кафтанъ — шотъ-деремъ. Шотъ-деремъ на груди обшивается въ настоящее время полосами краснаго ситца; въ былое время на мѣстѣ этихъ полосъ были также шелковыя или серебряныя вышивки. Подъ шотъ-деремомъ

(1) Верещагинъ. Вот. Сос. кр. 203.

носятся до настоящего времени на груди вышитый нагрудник—кабачи. Въ последнее время вышивки стали замѣняться соединеніемъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутковъ—треугольниковъ. Перечисленными предметами въ Слободскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ изчерпываются собственно вотскіе элементы костюма. Головные уборы заимствованы уже отъ Татаръ и состоятъ у женщинъ изъ чалмы (йыръ-кышетъ)—т. е. изъ полотенца съ распитыми концами или треугольнаго платка,—у дѣвушекъ изъ бѣлаго вязанаго колпака съ кисточкой или т а к ѣ ѣ—шапочки съ нанизанными на лбу серебряными деньгами. У Сарапульскихъ и Елабужскихъ Вотяковъ къ такѣ свади прикрѣпляется узкая полоса холстины, украшенная жетонами или монетами. Эта полоса прикрываетъ косу. Шейныя украшенія состоятъ изъ бусъ (вэсъ), заимствованныхъ въ очень отдаленную пору отъ Персовъ, и ожерелій изъ серебряныхъ денегъ (крескаль). Характернымъ украшеніемъ является у женщинъ такъ называемый кувуль-вэсъ—ожерелье изъ особаго рода крупныхъ мягкихъ бусъ, надѣваемое черезъ плечо. Сожительство съ Черемисами сопровождалось заимствованіемъ черемисскаго типа ожерелья м а р и - в э с ѣ . Изъ перечисленныхъ ожерелій заслуживаетъ особеннаго вниманія крескаль. По своему названію оно заставляетъ предполагать, что возникло въ христіанскую пору (кресъ-каль—гайтанъ для креста), но мѣсто креста у язычниковъ теперь занимаетъ, занималъ, вѣроятно, и прежде такъ называемый дендоръ—оловянный или свинцовый жетонъ съ изображеніями по обѣимъ сторонамъ. Мы встрѣчали такіе дендоры на ожерельяхъ Бирскихъ вотячекъ. Обычай носить такія бляхи или жетоны заимствованъ, можетъ быть, Вотяками у Чуди. На таблицахъ пермскихъ древностей Ешевскаго мы находимъ предметъ въ видѣ медали съ изображеніемъ всадника и дырочкой пробитой, повидимому для под-

вѣшиванія⁽¹⁾. Аналогичный предметъ видѣлъ Глазовскій археологъ Н. Г. Первухинъ у священника села Сады г. Попова. Эта была снабженная ушкомъ медаль съ изображеніемъ трехъ всадниковъ. О. Поповъ приобрѣлъ эту вещь у своего прихожанина, который случайно нашелъ ее въ землѣ⁽²⁾. Г. Первухинъ слышалъ отъ вотскихъ стариковъ, что раньше креста на крескалѣ носился в о р ш у д ѣ. Это подало ему поводъ нѣкоторое время считать разнообразныя бляхи съ ушками для подвѣшиванія за воршудные знаки⁽³⁾. Позднѣе онъ оставилъ это предположеніе. Намъ кажется, что почтенный изслѣдователь напрасно поспѣшилъ такъ рѣшительно отказаться отъ своей гипотезы. Что такое воршудъ? Г. Первухинъ посвятилъ этому вопросу нѣсколько прекрасныхъ страницъ своего перваго эскиза, но ограничился при рѣшеніи вопроса только мѣстными матеріалами. Если-бы онъ обратилъ вниманіе на статейку „сожженіе воршуда“ въ книгѣ „Вотяки Сосновскаго края“ г. Верещагина, его рѣшимость, можетъ быть, нѣсколько бы поколебалась. Г. Верещагинъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ воршудъ (своего края): „это берестяная коробка съ серебрянной монетой вопѣекъ въ 20 или просто оловянная (ой?) или свинцовая (ой?), круглая (ой?), какъ монета пластинка (ой?) величиною съ четвертакъ съ изображеніями какого-нибудь предмета съ обѣихъ сторонъ“⁽⁴⁾. Далѣе онъ прибавляетъ, что пластинки, замѣняющія монеты, называются дендорками. Намъ кажется, это описаніе воршуда поясняетъ слова Глазовскихъ Вотяковъ—женщины могли носить на крескалѣ жетоны, однородные съ тѣмъ, который хранился

(1) Перм. Сборн. М. 1858. I, 142.

(2) Первухинъ. Эскисы. I, 22—23.

(3) Ibid.

(4) I. с. 212.

въ воршудной коробкѣ. Эти жетоны служили показателемъ рода и воршуда, къ которому принадлежала та или другая женщина.

Денежныя и жетонныя украшенія явились у Вотяковъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ Тюрковъ. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что всѣ они имѣютъ названія, въ которыхъ входитъ слово *вэсь*—бусы съ какимъ нибудь опредѣлителемъ (*коньдонъ-вэсь*, *мари-вэсь*, *чырты-вэсь*). Они, стало быть, замѣнили прежнія бусы. Къ числу грудныхъ и шейныхъ Глазовскаго уѣзда слѣдуетъ отнести „камали“—узкую ленту, унизанную крупными серебряными деньгами, которая спускается у женщины съ плеча.

Костюмъ Вотячекъ Малмыжскаго уѣзда—Калмэзокъ—довольно значительно отличается отъ костюма женщинъ племени Ваткѣ. Граница костюма совпадаетъ здѣсь съ границей административной. Характерные нагрудники Глазовскихъ Вотячекъ исчезаютъ, едва путешественникъ вступаетъ въ предѣлы Малмыжскаго уѣзда. Одновременно исчезаютъ и богатые рукавныя вышивки. Общее впечатлѣніе, которое производитъ Малмыжскій костюмъ, не выгодно для Калмэзокъ—ткани грубѣе, орнаментъ бѣднѣе и въ довершеніе всего на одеждѣ носится значительно болѣе грязи. Типической принадлежностью калмэзкаго костюма служилъ нѣкогда айшонъ—говоримъ, служилъ, такъ какъ на С. Малмыжскаго и Сарapulьскаго уѣздовъ онъ вышелъ изъ употребленія и такъ давно, что въ большихъ селеніяхъ въ родѣ Килмезь—Селты, Пудги и Ягшурь-Боды мы не могли найти ни одного экземпляра даже у старухъ. По описаніямъ, которыя намъ приходилось слышать, здѣшній айшонъ отличался отъ Елабужскаго и южно-Сарapulьскаго: онъ имѣлъ цилиндрическую форму, тогда какъ послѣдній—коническую.

Айшонъ по своему виду и способу надѣванія напоминаетъ рѣдкій въ настоящее время черемисскій уборъ—шурка. Надѣвается онъ слѣдующимъ образомъ: послѣ того, какъ у женщины собраны нужнымъ образомъ волосы, на голову накладывается кругъ, свитый изъ полотенца, разшитые концы котораго спускаются по спинѣ и прижимаются поясомъ. Подотенце это напоминаетъ черемисскій и чувашскій шарпанъ, сорбанъ; на этотъ кругъ накладываютъ беретяный конусъ, обшитый какой-нибудь матеріей и унизанный серебряными деньгами, сверху мелкими, копѣйками, снизу болѣе крупными—до 25 к. (эта часть соответствуетъ тому типу шурка, который былъ описанъ Фр. Миллеромъ еще въ прошломъ столѣтіи); въ верхней части конуса устраивается отверстие, въ которое вставляется остриемъ другой маленький конусикъ; широкая часть этого послѣдняго накрывается квадратомъ, на который накладывается расшитый платокъ съ кистями.

Головной уборъ дополнялся въ былое время своеобразными серьгами—кольцами, отъ которыхъ спускались до пояса нитки, унизанные крупными серебряными монетами, рублевыми. Мы говоримъ „дополнялся“ потому, что не видали такихъ серегъ и знаемъ ихъ только по описанію Бехтерева. Позволяемъ себѣ думать, что и г. Бехтеревъ, писавшій свою статью въ 1880 г., не видалъ ихъ и заимствовалъ указаніе на нихъ изъ какого-нибудь стараго автора.

Вотскія женщины Сосновскаго края, судя по описанію г. Верещагина, не носятъ айшона, употребляя вмѣсто него уборъ, подобный дѣвичей такъ—п о д у р г а. Г. Верещагинъ не описываетъ его особенно подробно, но судя по тѣмъ немногимъ чертамъ, которыми онъ его характеризуетъ вмѣстѣ съ такъей, можно предположить, что это нѣчто въ родѣ чувашской „хошпу“ и бесермянской или старинной башкирской „кашпау“.

Обувь женщины состоитъ изъ толстыхъ холщевыхъ чулокъ, сшитыхъ мѣшкомъ (чуглесь), и лаптей. Чтобы придать лаптямъ болѣе привлекательный видъ, между лыжами пропускается черная тесьма или расщепленныя гусиные перья. Сзади къ лаптямъ прикрѣпляются шерстяныя тесемки, которыми они подвязываются нѣсколько выше щиколды. Пояса Вотачевъ не отличаются той роскошью и изяществомъ, которыя характеризуютъ пояса Яранскихъ и Ветлужскихъ Черемисовъ или Пермичевъ. Это узкая шерстяная тесьма домашней работы. Къ поясу привѣшивается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мѣдный гребешекъ; въ Сарапульскомъ уѣздѣ (дер. Пудга) намъ пришлось видѣть на поясѣ у старой Вотачки оригинальной формы игольникъ. Онъ состоялъ изъ покрытаго узоромъ восточнаго цилиндра, въ который свободно входилъ довольно толстый шнуръ, завязанный на концѣ узломъ. Этотъ шнуръ былъ привязанъ къ довольно большому мѣдному вольцу и черезъ него соединялся съ поясомъ. Въ нижнюю часть шнура (выше узла) были воткнуты иглы; косяной цилиндръ, свободно передвигаясь по шнуру, давалъ возможность легко вынуть въ случаѣ надобности иглу, и прикрѣплять ихъ въ остальное время.

Костюмъ Вотачевъ южной части Сарапульскаго уѣзда подробно описанъ г. Богаевскимъ ⁽¹⁾; украшения, входящія въ составъ Елабужскаго, — г. Потанинымъ ⁽²⁾. Мы можемъ привести рядомъ свои наблюденія надъ костюмомъ Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи. Характернымъ признакомъ этого костюма является его подражательность. Вотсиня формы рубашки и кафлана исчезаютъ. Рубашка Елабужскаго, Сарапульскаго и Бирскаго уѣзда — бакирско-татарская, цвѣтъ

⁽¹⁾ Вс. О. Миллеръ. Опис. копл.: Д. Е. М.: М. 1887. 45. табл.

⁽²⁾ Изв. К. О. А. И. и Э. III, 197—201.

ная широкая, съ оборкой на подолѣ и монистомъ—ситцевымъ или парчевымъ—на груди. Мѣсто шотъ-дерема застываетъ зыбынъ—татарскій кафтанчикъ изъ шерстяной или шелковой матеріи. Айшонъ почти всюду исчезаетъ, уступая мѣсто „французскому“ платку. У дѣвушекъ на лбу носится узкая повязка обшита позументомъ и серебряной бахромой (у к о-ш у г ѣ въ Елабужскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ, ч а ч а к ѣ въ Бирскомъ). Шея украшается въ Елабужскомъ и Бирскомъ уѣздѣ ожерельемъ, которое состоитъ изъ обшитаго позументомъ галстука, застегивающагося напередѣ двумя пряжками. Къ каждой пряжкѣ прикрѣплены серебряныя или оловячныя цѣпочки съ пластинками въ видѣ сердечекъ. Кромѣ этого шейнаго украшения въ Елабужскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ носится другое. Оно состоитъ изъ унизанной серебряными монетами тесьмы, отъ которой на средину груди, прикрывая разрѣзъ рубашки, спускается узкій кусокъ холстины, обшитый въ нѣсколько рядовъ серебряными монетами и мелкими кораллами (ч и р к е р-т е т ѣ, по Потанину). Этотъ уборъ напоминаетъ ожерелье, которое носятъ чувашскія и черемисскія женщины Чебоксарскаго уѣзда. Черезъ плечо Бирскія и Елабужскія Вотячки носятъ перевязь, обшитую спереди мелкими монетами, серебряными копейками. На этой перевязи на бедрѣ виситъ связка ключей, гребенка, игольникъ или какоюнибудь другой предметъ, необходимый для женщины (бутъмаръ). Бутъмаръ также напоминаетъ собою болѣе сложную и утратившую уже свое практическое назначеніе чувашскую перевязь теветъ (чер. ню-аршашъ). Въ Сарапульскомъ уѣздѣ на шеѣ кромѣ названныхъ украшеній носится еще жильо—соотвѣтствующая врес-калу цѣпочка, въ которой прикрѣплены деньги, взаимнѣ „камали“ д ж ы с ѣ я н ѣ.

Мужская одежда состоитъ изъ бѣлой холщевой или пестрадиной рубахи и таковыхъ же штановъ. Въ былое время мужскія рубашки разшивались шелкомъ, какъ и женскія (¹). Въ настоящее время вышивки исчезли. У Вотяковъ, сохранившихъ свой старый костюмъ, рубашка подпоясывается тесемкой, на которой виситъ кожаная сумочка съ принадлежностями для высѣванія огня. Отатарившіеся или обашкирившіеся Вотяки носятъ татарскую рубашку безъ пояса. Верхняя одежда Вотяковъ лѣтомъ состоитъ изъ круглаго кафтана, сшитаго изъ домашняго сукна или сукманины; подпоясывается она сырмятнымъ ремнемъ съ мѣдными пряжками и таковой же скобкой для топора; на поясѣ кромѣ того виситъ ножъ, вложенный въ личный футляръ, и иногда точильный брусокъ. Обашкирившіеся Вотяки Бирскаго уѣзда носятъ татарскаго типа полукафтанье изъ такъ называемой чубы—полосатой ткани въ родѣ тика. Головной уборъ Вотяковъ также зависитъ отъ того, съ кѣмъ живутъ они въ сосѣдствѣ. Въ коренныхъ вотскихъ селеніяхъ это низенькій цилиндрическій колпакъ съ верхомъ такъ называемой конфедератки. Въ сосѣдствѣ съ Русскими Вотяки употребляютъ картузы или русскіе гречушники; въ сосѣдствѣ съ Татарами и Башкирами—татарскія шляпы съ полями, загнутыми сзади; подъ шляпой въ такихъ мѣстностяхъ (особенно некрещеными) носится тибеттей. Татарская обувь замѣняетъ въ такихъ селеніяхъ вотскіе лапти или русскіе сапоги.

Пища Вотяка опредѣляется родомъ его занятій: она хлѣбная въ мѣстностяхъ по преимуществу земледѣльческихъ и животная тамъ, гдѣ рядомъ съ земледѣліемъ Вотякъ занимается охотой. Чтобы составить понятіе о питаніи Вотяка, нужно, стало быть, ознакомиться съ условіями его хозяйства.

(¹) Вят. Г. В. 1838. Стр. 18.

Лучшимъ источникомъ для этого могутъ служить данныя, собранныя вятскимъ земскимъ статистическимъ бюро. Къ сожалѣнiю, этотъ матеріалъ имѣется только относительно Малмыжскаго уѣзда.

58,388 Вотяковъ, населяющихъ Малмыжскій уѣздъ, имѣютъ въ своемъ распоряженіи 110,196²/₃ десятинъ пахатной земли—или 11,0 десятинъ на дворъ. По размѣрамъ своего землевладѣнiя они занимаютъ первое мѣсто среди народностей уѣзда. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно всѣхъ вообще земель, находящихся во владѣнiи Вотяковъ. Они имѣютъ въ общемъ 24,0 десятины на дворъ тогда, какъ Русскіе имѣютъ 20, Черемисы 18, Татары 11 десятинъ. Болѣе точное представленіе о размѣрахъ вотскаго землевладѣнiя можно составить на основаніи слѣдующихъ цифръ. Только 0,5% вотскихъ дворовъ принадлежатъ въ безземельнымъ, 5,7% имѣютъ отъ 5 до 10 десятинъ, 14% отъ 10 до 15, 38% отъ 15 до 25, 38% отъ 25 до 50 десятинъ⁽¹⁾. Количество земли не можетъ однако служить единственнымъ показателемъ матеріальнаго благосостоянiя народа. По своему качеству земли, находящiяся во владѣнiи Вотяковъ, принадлежатъ къ самымъ худшимъ въ уѣздѣ. Изъ 110 т. д. принадлежащей имъ пахатной земли 45,494 д. (или 41,3%) состоятъ изъ песчаной почвы, 46,534 (или 42,2%) изъ суглинка, 9888 (или 8,9%) изъ сѣрой земли, 7000 (или 6,4%) изъ болотисто-песчаной и только 1327 д. (или 1,2%) чернозема. Лучшія земли (на Ю. отъ р. Вятки) принадлежатъ Черемисамъ и Татарамъ. Русскіе, занимая съ Вотяками завятскій край, имѣютъ 39,7% песчаной почвы, 26,7% суглинка, 25,3% сѣрой земли, 6,6% болотистой и 1,7% чернозема. Кромѣ пахатной земли въ распоряженіи Вотяковъ находится 23,086 дес. луговъ или по 2,5 д. на

⁽¹⁾ Мат. I, ч. 1, 58; ч. 2, 41.

дворъ и 77,422 дес. лѣса или 8,3 д. на дворъ⁽¹⁾. Доходность земель, находящихся въ распоряженіи Вотяковъ, зависитъ отъ системы ихъ хозяйства. Уже отношеніе количества земли къ количеству рабочихъ рукъ показываетъ, что у Вотяковъ нельзя ожидать болѣе или менѣе интензивнаго хозяйства. Статистическія данныя вполне оправдываютъ этотъ выводъ. Вотякъ живетъ до сихъ поръ сельско-хозяйственными идеями своихъ предковъ, а эти идеи очень не сложны; пользоваться землей, пока она даетъ доходъ безъ всякаго удобренія, бросать ее при истощеніи и разчищать новыя лѣсныя пространства—вотъ весь запасъ сельско-хозяйственной мудрости, который выработали Вотяки добраго стараго времени. Подсѣчная („булижная“, „лядинная“) система хозяйства до сихъ поръ имѣетъ широкое распространеніе въ вотскомъ краѣ и находится въ зависимости отъ количества лѣсовъ, которое находится въ распоряженіи народа. Въ отдаленномъ прошломъ она была въ вотскомъ краѣ единственной. О томъ, какое значеніе эта система имѣла въ старину, свидѣлствуютъ ея слѣды, сохранившіеся до сихъ поръ въ глуши Малмыжскихъ лѣсовъ—огромное количество поляновъ, масса остатковъ отъ развалившихся печей, обиліе ямъ, въ которыхъ, по предложенію вятскихъ статистиковъ, хранился хлѣбъ, слѣды нашии подъ выросшимъ лѣсомъ. Въ одной сѣверной части Сюмсинской волости статистики насчитали до 30 такихъ бывшихъ займокъ⁽²⁾. Въ былое время Вотякъ не стѣнялся, устраивая займку, вопросомъ о томъ, въ чьемъ лѣсу онъ ее устраиваетъ—въ своемъ или казенномъ. Этотъ взглядъ на лѣсъ сохранился отчасти и до сихъ поръ. Въ многоземельныхъ общинахъ, имѣющихъ большіе собственные

(1) Мат. I, ч. 1, 131.

(2) Ibid. 61.

лѣса, право устраивать заимки, до сихъ поръ остается неограниченнымъ. Всякій желающій можетъ расчистить кулигу среди общественнаго лѣса и поселиться на ней или запахать ее. Стоитъ только выбрать, руководствуясь характеромъ лѣснаго покрова, подходящій участокъ лѣса. Трудъ расчистки сокращается иногда тѣмъ, что для культуры выбирается гарь или помоль (мѣсто, гдѣ лѣсъ сломанъ бурей). Поселенецъ вырубаетъ на избранномъ участкѣ мелкій лѣсъ, выкорчевываетъ пни и подчеркиваетъ т. е. подрубаютъ съ весны кору на крупныхъ деревьяхъ. Подчерченные стволы за лѣто сохнутъ, сбрасываютъ хвою и даютъ новинѣ нѣкоторое удобрение. Черезъ годъ подчерченные деревья вырубаются, но колонистъ не сейчасъ приступаетъ къ обработкѣ расчищеннаго пространства, а ждетъ, когда сгниютъ пни срубленныхъ деревьевъ. До тѣхъ поръ, лѣтъ 5 — 15 съ кулиги берутъ сѣно. Когда пни немного подгниютъ, ихъ выкорчевываютъ: подрубаютъ боковые корни, подсовываютъ подъ пень рычагъ, подъ рычагъ подкладываютъ плаху и нагибаютъ свободный конецъ его. Выкорчеванные пни и корни складываютъ въ кучи и валы и черезъ годъ сжигаютъ. Въ томъ случаѣ, когда почва кулиги негодится подъ сѣнокосъ, ее начинаютъ тотчасъ же обрабатывать ⁽¹⁾.

Въ виду особенностей, которыя представляетъ расчищенная кулига, здѣсь нельзя по началу употреблять ни сохи, ни бороны. У Пермяковъ Глазовскаго уѣзда сохранилось преданіе, что ихъ предки копали землю около пней лопатами, а боронили, возя по кулигѣ елку съ обрубленными сучьями ⁽²⁾; эти приемы правтвуются, какъ вспомогательные, и теперь, но елка замѣняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ липовымъ лоткомъ,

⁽¹⁾ Мат. I, ч. 1. 62—63.

⁽²⁾ Блиновъ. Инор. 4.

въ дно котораго вбиваются тонкіе, гибкіе еловые сучья вершковъ 14—15 длины ⁽¹⁾. По словамъ г. Верещагина предки Вотяковъ племени Боння, поселившись среди непроходимыхъ лѣсовъ Сарапульскаго уѣзда, сначала обрабатывали землю съ помощью такъ называемыхъ копыловъ и ручныхъ граблей ⁽²⁾. Воспоминаніе о такихъ первоначальныхъ приемахъ обработки земли сохранилось и въ вотскомъ языкѣ: горыны означаетъ пахать и рыть, копать (парс гѡра—свинья роеть).

За „вулижной“ у Вотяковъ слѣдуетъ двухпольная система хозяйства. Въ настоящее время въ Малмыжскомъ уѣздѣ она уцѣлѣла только у Вотяковъ Вавожской, Воли-Пельгинской и Большеучинской волостей. Здѣсь одна половина пашни засѣвается рожью ⁽³⁾ и овсомъ (¹/₄), а другая лежитъ подъ паромъ. Вотяки держатся этой системы потому, что при такихъ условіяхъ можно лучше обработать меньшее количество земли, больше унавозить его, засѣвать большее количество земли однимъ хлѣбомъ (рожьё). Земля при этой системѣ, по мнѣнію Вотяковъ, не такъ скоро истощается, такъ какъ годъ работаетъ и годъ отдыхаетъ ⁽⁴⁾.

Трехпольная система перешла, повидимому, къ Вотякамъ отъ Русскихъ. Въ мѣстностяхъ съ сыпуче-песчаной почвой почвой практикуется такъ называемая переложная система: почву пахутъ года 3—5, потомъ лѣтъ на 5 запускаютъ и даютъ порости мелкимъ соснякомъ, который своими корнями связываетъ разрушенный культурный слой. Въ связи съ лѣсистой мѣстностью и подсѣчнымъ характеромъ хозяйства стоять особенности въ приемахъ удобренія. Вотяки нѣкоторыхъ волостей вывозятъ навозъ на саяхъ по пер-

⁽¹⁾ Блиновъ. Инор. 65.

⁽²⁾ Вот. Сар. у. 29, ево-же Ср. Вот. Сос. кр. 4.

⁽³⁾ Мат. I, 59.

вожу сѣнгу, чтобы легче свидывать. Въ Селтинской волости Вотяки до послѣдняго времени считали за грѣх вывозить навозъ лѣтомъ. Съ навозомъ можно было вывести на поля уцѣлѣвшій подъ нимъ ледъ, а это значило прогнѣвить лѣто (*). Раньше практиковался еще болѣе удобный способъ—навозъ вывозили по сѣнгу на лубкахъ (†). Въ общемъ Вотяки старательно унавоживаютъ землю, хотя по свойству принадлежащихъ имъ почвъ они должны затрачивать удобренія больше, чѣмъ сосѣди (на 1 д. песчаной почвы, по расчетамъ вятскихъ статистиковъ, нужно удобренія столько же, сколько на 2 д. супеси, на 3 суглинка, на 4 сѣрой земли и на 5 чернозема). По вычисленіямъ вятскихъ статистиковъ на волости, въ которыхъ живутъ Вотяки, приходится наибольшее количество унавоживаемыхъ земель Малмыжскаго уѣзда (‡). Количество удобренія составляетъ въ вотскомъ хозяйствѣ все: безъ удобренія почвы, которыя находятся въ распоряженіи Вотяка, даютъ отъ 20 (песокъ) до 40 (сѣрая) пудовъ съ десятины, послѣ удобренія отъ 40 (песокъ) до 60 (сѣрая). Удобреніе даетъ возможность брать съ песчаной почвы тоже, что даетъ неудобренная сѣрая земля (††). По тѣмъ или другимъ причинамъ Вотяки однако унавоживаютъ ежегодно не все паровое поле. Maximum удобряемой земли составляетъ 1/3 пароваго поля, minimum 1/6 (†††). Климатическія условія налагаютъ на вотскаго землевладѣльца работы, которыхъ не знаетъ житель средней Россіи: въ низменныхъ

(*) Мат. I, 63.

(†) Ibid. 67.

(‡) Ibid. 71.

(††) Ibid. 68.

(†††) Ibid. 70.

болотистых мѣстностяхъ нужно еще прирывать посѣвы, чтобы спасти ихъ отъ заморозковъ (1).
Хозяйственные подробности, приведенныя выше, поясняютъ общее впечатлѣніе, которое производитъ на путешественника картина вотскаго народнаго хозяйства и тѣ похвалы трудолюбію Вотяковъ, которыя расточаютъ все наблюдатели. Проѣзжая засѣянными полями, говоритъ г. Островскій, не трудно узнать, какое поле принадлежит вотской и какое татарской деревнѣ. Вотякъ, по общему отзыву, всегда вспашетъ и посѣетъ старательно и во время, почему въ самые неурожайные годы у Вотяковъ хлѣбъ родится въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ, а у Татаръ на той-же землѣ и въ самый хорошій годъ хлѣбъ родится плохо (2). Не смотря на упорный трудъ земледѣлія не удовлетворяетъ необходимыхъ потребностей Малмыжскаго Вотяка. Въ 15 волостей, въ которыхъ живутъ Вотяки, половина имѣетъ болѣе или менѣе чувствительный дефицитъ въ хлѣбѣ: въ Больше-Порекской волости недостаетъ 34 п. на дворъ выгоды, въ Старо-Трыкской 31 п., Больше-Шабанской 25 п., въ Рыбоватажской 19, Вавожской 18, Вихаревской 14, Уватуклинской 9, Кирчимъ-Копинской 0,7 п. Избытокъ распределяется неравномѣрно: въ Мултанской волости приходится до 69 п. на дворъ, въ Больше-Учинской 35, Сизнерской 23, Селтинской 30, Воли-Пельгинской 13, Олжсиинской 8 (3).
Необходимость удобрения ставитъ вотское земледѣліе въ тѣсную зависимость отъ скотоводства. Между тѣмъ естественныя условія не вполне благоприятствуютъ этой отрасли хозяйства. Лучшія мѣстности для скотоводства — побережья

(1) Мат. I,

(2) I. с. 41—42.

(3) Мат. I, 88.

001 bidl
.101 bidl
.001 bidl
.101 bidl
.001 bidl

рѣкъ—составляютъ почти во всемъ уѣздѣ владѣніе казны, которая оставляетъ ихъ подѣ лѣсами. Кильмезь съ своими притоками напр. вся принадлежитъ области казенныхъ лѣсовъ. Въ волостяхъ Узинской, Сюмсинской и Кирчимъ Копвинской совсѣмъ поэтому нѣтъ сѣновосовъ (¹). Къ счастью еще Вотьякамъ принадлежитъ побережье Вала и ея притоковъ, богатое хорошими поемными лугами—но и тутъ лѣвый берегъ Увы въ ея верховьяхъ и по среднему теченію принадлежитъ казнѣ. Для того, чтобы добыть сѣновосы, приходится разчищать въ лѣсу такія же кулиги, какъ надѣ пашню (²). При всѣхъ стараніяхъ хозяевъ въ сѣнѣ оказывается очень крупный дефицитъ: его собирается почти въ 4 раза меньше, чѣмъ нужно для прокормленія всего наличнаго скота и на 1/3, меньше, чѣмъ нужно для однихъ только рабочихъ лошадей (³). Недостатокъ пастбищъ, связанный съ малымъ количествомъ луговъ, Вотьяки устраняютъ тѣмъ, что пускаютъ скотъ за крайне дешевую плату (по 30 к. съ двора) въ казенные лѣса (сами собою разумѣется, безъ пастуховъ (⁴)). Не смотря на тяжелыя условія зимняго продовольствія, Вотьяки имѣютъ наибольшее количество скота по дворамъ въ связи съ наибольшимъ количествомъ земли, падающимъ на дворъ. У Вотьяковъ на дворъ рабочаго скота имѣется по 2—3 гол., а всего скота (въ переводѣ на крупный) до 6 гол. или по головѣ скота на каждую душу (100—103,9). Въ частности 40 дворовъ на 100 имѣютъ по 2 лощ., 23—по 3, 19 по 1 л., 10 по 4, безлошадныхъ 2,8 (⁵).

Благодаря показаннымъ условіямъ 97% дворовъ обрабатываютъ землю своимъ скотомъ, 1,6%—наемнымъ и 0,8

(¹) Mat. I, 99.

(²) Ibid. 101.

(³) Ibid. 109.

(⁴) Ibid. 121.

(⁵) Ibid. 122.

вовсе не обрабатываютъ. Какъ выводъ изъ этихъ цифровыхъ данныхъ можно привести наблюденія г. Островскаго: „передъ вечеромъ, когда домашнія животныя возвращаются съ пастбища, у болѣе или менѣе зажиточнаго Вотяка ихъ набирается, безъ преувеличенія, полонъ дворъ“⁽¹⁾. Качества вотскаго скота не соотвѣтствуетъ его количеству. Онъ отличается своимъ мелкимъ ростомъ. Г. Верещагинъ сообщаетъ, что изъ 8150 лошадей одной вотской волости только 59 имѣли ростъ выше 2 аршинъ, 209 едва достигали двухъ аршинъ, остальные всѣ были менѣе. Рогатый скотъ отличается благодаря плохому корму своей худобой и даетъ ничтожное количество молока; Вотячки, по словамъ того-же автора, вѣчно жалуются на отсутствіе молока⁽²⁾.

Тѣ недочеты въ продовольствіи, которые оставляетъ земледѣліе, Вотяки стараются восполнить промыслами. Любимымъ и завѣщаннымъ дѣдами промысломъ Вотяка является охота. Вотякъ съ дѣтства приучается къ охотѣ, работывая въ себѣ наблюдательность, настойчивость и ловкость. Охотничьи таланты его прекрасно описаны покойнымъ Кошурниковымъ. Отсылая читателя за подробностями къ его статьѣ, мы позволяемъ себѣ привести изъ нея нѣсколько наиболѣе характерныхъ замѣчаній.

„Вотякъ идетъ съ вами рядомъ, говоритъ Кошурниковъ, и вы не слышите его шаговъ; онъ идетъ въ камышѣ ровень съ камышемъ, въ травѣ ровень съ травой. Едва онъ завидѣлъ издали птицу, какъ вдругъ склонился тихо къ травѣ и поползъ, какъ кошка. Сначала мы видимъ еще, какъ по направленію его слѣдовъ склоняется травка по травѣ, но

⁽¹⁾ I. с. 41.

⁽²⁾ Вот. Сар. у. 61—62.

Присоединяя сюда около 30 рабчиков (10 кншуда), охотникъ выручаетъ (отъ 18 до 22 рублей)⁽¹⁾ и т. д. Другимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ Вотяка является пчеловодство. Вотяки любятъ это дѣло и умѣютъ вести его. По словамъ Кошурникова, среди Вотяковъ Саранульскаго уѣзда не рѣдкость встрѣтить хозяевъ имѣющихъ 100—150 ульевъ. „Усердіе Вотяка въ ухаживаніи за пчелой дѣлать говоритъ тотъ же авторъ, примѣрное: онъ постоянно слѣдитъ за жизнью пчелы, за ея дѣятельностью и потому всегда можетъ опредѣлить напередъ, сколько будетъ въ ульяхъ роевъ и сильны ли они будутъ, можно ли будетъ ихъ отсадить. Зоркій Вотякъ не упуститъ отлета пчелы на сторону; онъ заранѣе знаетъ, изъ какого улья и когда полетитъ новый рой. Если у Вотяка мало пчелъ, онъ не лѣнится отсыивать ихъ въ лѣсу и пересаживать въ свои ульи“⁽²⁾. Пчеловодство ульевое представляетъ у Вотяковъ, какъ и у Черемисъ, позднѣйшую стадію развитія. Судя по терминологіи, оно создано уже подъ турецкимъ вліяніемъ. Первоначальной формой его было бортничество (подѣмъ). Переходъ отъ бортничества къ пасѣчному пчеловодству составляетъ обычай привязывать ульи въ высокимъ деревьямъ⁽³⁾. Этотъ обычай держится благодаря тому, что Вотякъ для лучшаго качества меда считаетъ необходимымъ держать пчелъ въ лѣсу, а здѣсь ульямъ постоянно грозитъ бы известный любителю меда—медвѣдь. При настоящихъ условіяхъ пчеловодство не можетъ составить уже существеннаго подспорья. Бортничество становится затрунительнымъ благодаря новымъ лѣснымъ заво-

(1) Мат. I, ч. 2, 36.

(2) I. с. 17.

(3) Максимовъ. I. с.

намъ, а держать значительное количество пчель близъ домовъ неудобно благодаря тому, что лѣса по близости деревень быстро исчезаютъ и пчеламъ негдѣ было-бы собирать медъ.

Недочеты въ бюджетѣ, которыхъ Вотякъ не въ состояніи покрыть охотой и пчеловодствомъ, онъ старается восполнить другими промыслами и ремеслами. Отхожихъ промысловъ Вотяки не любятъ: въ Малмыжскомъ уѣздѣ на 500 дворовъ приходится всего одинъ человѣкъ, который идетъ въ отходъ. За то мѣстные промыслы между Вотяками широко распространены: изъ 100 дворовъ 51 занимаются промыслами. При этомъ по большей части случается такъ, что дворъ занимается не однимъ какимъ нибудь промысломъ, а двумя, тремя. Изъ всѣхъ промысловъ Вотяки наиболѣе предпочитаютъ лѣсной (42%) и извозный (12%); за ними слѣдуетъ поденьщина (10%); кустарничество и ремесла, повидимому, не пользуются симпатіями; людей, занимающихся тѣмъ и другихъ приходится только по 7 на 100 дворовъ⁽¹⁾. Между Вотяками Малмыжскаго уѣзда вовсе нѣтъ кирпичниковъ, сворняковъ, гончаровъ, телѣжниковъ⁽²⁾.—Изъ лѣсныхъ промысловъ Вотяки болѣе всего занимаются рубкою дровъ на лѣсопромышленниковъ. Лѣсорубъ выработываетъ не болѣе 50 деревьевъ и получаетъ отъ 25 т. до 65 за дерево съ доставкой. Лѣсорубный промыселъ даетъ рабочему по однимъ расчетамъ до 30 р., по другимъ отъ 27 до 67 р.⁽³⁾. Средній размѣръ заработка, по соображеніямъ вятскаго статистическаго бюро, равняется 44 р. Къ лѣсорубному промыслу присоединяется дроворубный—поставка дровъ на заводы. Полтора мѣсячная работа съ

⁽¹⁾ Мат. I. ч. 2, 9.

⁽²⁾ Ibid. 10.

⁽³⁾ Ibid. 31.

лошадью даетъ максимум 19 р., но за то не требуетъ дальнихъ отлучекъ и отдѣльнаго хозяйства (¹). Небольшой процентъ Вотяковъ занимается сѣмкой бересты. Въ былое время этотъ промыселъ былъ выгоденъ: двое взрослыхъ рабочихъ снимали до 25 пуд. бересты, которую продавали по 7 и болѣе коп. за пудъ; въ настоящее время 15 п. въ день составляетъ уже максимумъ добычи, обыкновенное количество не превышаетъ 2—5 пудовъ (²).

Значеніе дополнительныхъ заработковъ зависитъ отъ количества членовъ семьи, которые могутъ добывать ихъ и, такъ какъ промыслы доступны только мужчинамъ—то отъ количества мужчинъ. Вотяки поставлены въ этомъ отношеніи благопріятно: у нихъ приходится на 100 мужчинъ 103 женщины, тогда какъ у русскихъ государственныхъ крестьянъ число женщинъ доходитъ до 112, или на 100 дворовъ среднимъ числомъ 151 раб. муж., тогда какъ у Русскихъ 135.

По рабочему возрасту мужчины въ вотскихъ селеніяхъ распредѣляются также болѣе выгоднымъ образомъ. У Вотяковъ изъ общаго числа населенія 50,9% находятся въ рабочемъ возрастѣ и 49,1% въ нерабочемъ, тогда какъ у русскихъ рабочихъ оказывается 48,2%, а не рабочихъ 51,8% (³). 42% вотскихъ дворовъ кромѣ того многорабочіе и, слѣдовательно, имѣютъ возможность въ свободное отъ полевыхъ работъ время отпустить одного-двухъ рабочихъ на такіе промыслы, которые требуютъ продолжительной жизни внѣ дома (⁴). Количество рабочаго скота также допускаетъ возможность занятій промыслами, требующими лошади: у Вотяковъ 78% всего

¹) Мат. I. 32.

²) Ibid. 34.

³) Ibid.

⁴) Ibid. ч. 2, 4.

количества дворовъ принадлежать къ многолошаднымъ, 19 къ однолошаднымъ и только 2% къ безлошаднымъ.

Къ тѣмъ заработкамъ, которые добываютъ мужчины, въ нѣкоторыхъ частяхъ вотскаго края могли бы присоединиться—и уже начинаютъ—заработки женскіе. Для Музея Отчествовѣдѣнія при Казанскомъ университетѣ мы приобрѣли въ даръ отъ Н. Г. Первухина коллекцію образцовъ тканей, приготовляемыхъ Вотячками изъ шерсти и пеньки (иногда въ соединеніи съ бумагой)—суконъ, сукманины (родъ тонкаго трико) и пестряди скатертной и рубашечной. Эти образцы показываютъ, что произведенія женскаго труда у Вотяковъ ожидаетъ такая-же будущность, какъ женскія издѣлія подмосковныхъ губерній. Пестрядь отличается разнообразіемъ цвѣтовъ и рисунковъ, сукно и сукманина уже въ настоящемъ ихъ видѣ могутъ удовлетворять потребностямъ непритязательнаго хозяйства—сукно можетъ идти на одѣяла и теплое платье, сукманина на лѣтніе рабочіе костюмы. Въ Глазовѣ и его окрестностяхъ эти издѣлія начинаютъ уже завоевывать рынокъ—мы видѣли пиджачныя пары, навидки и пальто лѣтнія и осеннія изъ вотской сукманины и сукна. По своей дешевизнѣ (сукно 25, 30 к. за аршинъ, сукманина 15 — 20 к.) они, можно сказать, вѣ конкурренціи. Большое мѣсто этихъ издѣлій составляетъ ихъ недостаточная ширина—сукманина и сукно имѣютъ ширину обыкновеннаго русскаго холста. Можно надѣяться однако, что съ возникновеніемъ спроса Вотячки будутъ приравниваться къ требованіямъ потребителей и тогда будущее „Глазовскаго кустарно-промышленнаго района“ будетъ обезпечено.—Заговоривши о женскомъ трудѣ, нельзя обойти молчаніемъ другой, менѣе общающей его отрасли—приготовленія кумышки. Кумышка—родъ дурно очищенной хлѣбной водки—приготавливается исключительно женщинами, зачастую даже дѣвушками. Ми-

кроскопическіе водочныя заводы, которые импровизируются на берегахъ рѣкъ, въ сторонѣ отъ селеній или на склонѣ горы по близости ручья, настоящее женское царство. Любопытному мужчинѣ, въ особенности русскому, закрыть доступъ на эти заведенія. Тяжелый глазъ можетъ отразиться на достоинствѣ кумышки, а Вотячка гордится кумышкой, какъ своимъ лучшимъ созданіемъ, и щеголяетъ ею предъ деревней и въ особенности предъ любимымъ человѣкомъ. Для приготовленія кумышки употребляются тѣже приборы, что и на обыкновенныхъ водочныхъ заводахъ — заторная кадка, чугунный котелъ, холодильная кадка, мѣдная перегонная труба и пріемникъ (ведро). Кумышки въ каждомъ домѣ готовится нѣсколькихъ сортовъ. Описаніе ихъ мы находимъ у г. Первухина. Первый сортъ представляетъ собою такъ называемая лимъ-к у м ы ш к а, самое крѣпкое и наилучшее очищенное вино вродѣ спирта; пьется сильно разбавленное водой или низшими сортами кумышки. За нимъ слѣдуютъ л е к ѣ к у м ы ш к а — злая кумышка, д з э ч ѣ к у м ы ш к а — хорошая кумышка, ш о р ѣ к у м ы ш к а — средняя кумышка, ю о н ѣ - к у м ы ш к а — еще годная для питья кумышка, н э б ы т ѣ к у м ы ш к а — слабая (мягкая) кумышка съ сильнымъ сивушнымъ запахомъ и наконецъ т я м а га — вода съ сивушнымъ запахомъ, которая дается только дѣтямъ (1).

Кумышка хранится въ землѣ и находится въ распоряженіи женщинъ, которыя обыкновенно и угощаютъ ею гостей, выбирая сортъ смотря по степени расположенія къ гостю. Лучшіе сорта дѣвушка приберегаетъ для любимаго парня или жениха. Въ зависимости отъ сортовъ кумышки стоятъ отзывы о ней русскихъ авторовъ. Средняя, хорошая кумыш-

(1) Первухинъ. Эскизы. II, 53—54.

ка далеко не отвратительна на вкус: она даетъ два ощущенія: первое ощущеніе сласти, второе напоминаетъ то, которое испытываетъ человѣкъ, набравши въ ротъ сырой земли; оба ощущенія осложняются третьимъ — ощущеніемъ крѣпости напитка. Привычные люди пьютъ хорошую кумышку съ удовольствіемъ; Вотякъ на нашихъ глазахъ, глотнувши *fine-champagne* за кумышкой, отдастъ родному напитку предпочтеніе.

Изъ совокупности экономическихъ условій выясняются общія гигиеническія условія вотской жизни. Растительная пища—хлѣбъ ржаной и яровой—должна составлять повседневное явленіе. Обыкновенными кушаньями Вотяковъ являются: щи съ крупой и горохомъ (шидъ), каша (джукъ), лапша, кисель, табани (лепешки яровыя), блины. Отсутствіе молока составляетъ какъ мы уже знаемъ, большое мѣсто вотскаго хозяйства. Понятно въ силу этого, что такой продуктъ, какъ масло, является, по словамъ большей части наблюдателей, для Вотяка лакомствомъ изъ лакомствъ. Оно подается только въ такіе торжественные дни, какъ родины. Сыръ также составляетъ рѣдкое угощеніе и подается въ экстренныхъ случаяхъ, между прочимъ родильницѣ. Если молоко имѣется у Вотяка, онъ рѣдко ѣстъ его въ свѣжемъ видѣ; чаще употребляется квашеное молоко, дѣлать которое они научились у Татаръ или Тюрковъ, судя по названію (арьянъ). Говядина является на столѣ Вотяка еще рѣже, чѣмъ молочные продукты: приплодъ домашняго скота частію гибнетъ отъ неблагоприятныхъ условій питанія, частію съ приплодомъ птицъ поступаетъ въ продажу. Мясо коровы, лошади или гуся Вотякъ ѣстъ только въ дни частныхъ или общественныхъ жертвоприношеній и въ праздники (замѣтимъ мимоходомъ—мясо никогда не жарится; его варятъ съ кашей или готовятъ съ тѣстомъ въ видѣ пельме-

ней, перепечей и пироговъ; въ обыкновенное время онъ замѣняетъ его мясомъ дичи: оленя, зайца, бѣлки, воробьевъ, синиць, клестовъ. Вотякъ не прочь ѣсть всякое мясо, но нѣкоторыхъ животныхъ и птицъ онъ боится употреблять изъ опасенія разныхъ бѣдъ; вмѣсто сороки, напр., можно съѣсть колдуна, который въ нее оборачивается; убить журавля нельзя потому, что умреть жена. Дѣленіе животныхъ на чистыхъ и нечистыхъ имѣетъ мѣсто только по отношенію къ кошкѣ и собакѣ: у первой нечистъ языкъ, у второй шерсть (даръ шайтана) ⁽¹⁾.

Неудовлетворительность питанія увеличивается качествомъ продуктовъ, которые потребляетъ Вотякъ: хлѣбъ употребляется недопеченый, мясо заготавливается впрокъ въ сушеномъ или въ соленомъ видѣ и зачастую бываетъ тухлымъ.

Качествамъ пищи соответствуетъ и повседневное питье. Вотяки не смущаются никакими примѣсами къ водѣ, которую они употребляютъ. Г. Верещагинъ говоритъ, что ему случилось видѣть въ ручьѣ, изъ котораго жители брали воду для приготовленія пищи и питья, издававшую зловоніе, совершенно разложившуюся коноплю ⁽²⁾.

Въ связи съ питаніемъ стоитъ физическій *habitus* чело­вѣка. Вотякъ отличается, какъ мы уже видѣли, низкимъ ростомъ, но въ какой степени уровень роста зависитъ отъ расовыхъ свойствъ и въ какой онъ представляетъ результатъ бытовыхъ условій—вопросъ еще не рѣшенный антропологами. Оставляя этотъ признакъ на дѣло расовыхъ свойствъ, мы имѣемъ полное право поставить въ зависимость отъ питанія другія стороны физической природы Вотяка. Пр. Маліевъ,

⁽¹⁾ Вот. Сос. кр. 13.

⁽²⁾ Вот. Сар. у. 64.

производившій антропологическія наблюденія надъ Вотьяками Глазовскаго уѣзда, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно физическаго развитія Вотьяковъ—на сто субъектовъ 37 имѣли крѣпкое сложеніе, 57 среднее, 6 слабое; мышечная система у большинства развита умѣренно; тучныхъ между Вотьяками вовсе нѣтъ, сила давленія обѣихъ рукъ равна въ среднемъ выводѣ 51 килограмму (max. 90, min. 20), сила мускуловъ одной правой руки = 32 кил. (max. 45, min. 20), сила подниманія = 111 кил. (max. 170, min. 45). Эти цифры могутъ получить значеніе, конечно, только при сравненіи. Къ сожалѣнію, пр. Маліевъ не производилъ параллельныхъ наблюденій надъ русскимъ населеніемъ Приволжья и для сравненія силы давленія напр. приводитъ между прочими народами Англичанъ (71,4) и Французовъ (69,2)⁽¹⁾. Цифровыя данныя освѣщаютъ результаты непосредственныхъ впечатлѣній, которыя получаютъ отъ Вотьяковъ наблюдатели. Почти всѣ наблюдатели говорятъ о слабосилии и худощавости Вотьяковъ. Г. Кошурниковъ говоритъ, что за свою слабую мускулатуру Вотьяки пользуются отъ сосѣдей-русскихъ прозвищемъ сухопарыхъ и тонконогихъ⁽²⁾. Г. Верещагинъ подтверждаетъ эту характеристику своими наблюденіями и прибавляетъ, что рѣдкій Вотьякъ поднимаетъ тяжесть въ 5 пудовъ, а нести 3 пуда для него составляетъ уже большой трудъ⁽³⁾.

Питаніемъ опредѣляется не одинъ habitus, но и количество жизнедѣятельности, энергій, которое проявляетъ Вотьякъ. Всѣ наблюдатели соглашаются въ томъ, что Вотьяки во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отличаются вялостью. „Въ дви-

⁽¹⁾ Мат. для ср. антр.—Тр. К. О. Е. IV 2, 14.

⁽²⁾ I. с. 6.

⁽³⁾ Вот. Сос. кр. 3.

женіяхъ, въ занятіяхъ, въ ѣдѣ, говоритъ г. Верещагинъ, Вотяки тихи, вялы и неповоротливы; на дѣло, на которое нужно употребить два часа, они употребляютъ три и четыре часа; причемъ любятъ все дѣлать съ отдыхомъ“ (¹). Беремъ у другаго наблюдателя еще нѣсколько характерныхъ чертъ: „походка Вотяка, говоритъ г. Бехтеревъ, невѣроятно медленная; въ день онъ пройдетъ не болѣе 20 верстъ, отдыхая на каждой третьей—четвертой верстѣ. Ни къ какой работѣ, гдѣ требуется поспѣшность и проворство, Вотякъ рѣшительно не способенъ“ (²).

Слабость физическаго развитія Вотяковъ мы не должны еще принимать за признакъ вырожденія этого племени. Существенный признакъ вырожденія—слабый приростъ населенія, равновѣсіе между рождаемостью и смертностью или даже перевѣсъ послѣдней—отсутствуетъ у Вотяковъ. По изслѣдованіямъ пр. Маліева среднимъ числомъ на 100 семействъ приходятся 493 ребенка, изъ которыхъ выживаютъ 263 человѣка; общій годовой приростъ населенія въ 1872 г. былъ опредѣленъ имъ въ 1,6% (³). Можно думать, что приращеніе населенія у Вотяковъ можетъ еще болѣе подняться, если устранить случайныя (съ точки зрѣнія конституціонной) причины смертности—напр. болѣзни, связанныя съ условіями промысловой жизни. Лѣсные промыслы при ихъ современной постановкѣ должны отражаться самымъ невыгоднымъ образомъ на здоровьи Вотяковъ. Вотъ какъ описываютъ вятскіе статистики обстановку зимняго труда смольекоповъ. „Живутъ смольекопы въ шалашахъ всю осень и зиму. Печи въ шалашѣ нѣтъ, а только очагъ, сбитый изъ земли и скрѣп-

(¹) I. с. 3.

(²) I. с. VIII, 645.

(³) I. с. 10.

ленный съ боковъ досками. Шалашъ по срединѣ бываетъ въ ростъ человѣка, а по бокамъ ниже. Длина шалаша аршинъ 9, ширина 6 аршинъ. Въ такомъ шалашѣ помѣщается человѣкъ 20. По бокамъ устроены земляныя нары для спанья. На очагѣ поддерживается всю ночь огонь, чтобы не замерзнуть. Такъ какъ смольекопы самый бѣдный народъ, то зимой у нихъ шубъ не бываетъ и ночью покрываются только „чезелкомъ“ изъ синяго холста. Огонь большой на очагѣ разводить бываетъ нельзя, очень дымно становится, да и потолокъ можетъ загорѣться, оттого тепла въ шалашѣ бываетъ мало* (¹). Лѣсорубы устраиваются не лучше. На отведенныхъ подъ рубку участкахъ „они ставятъ избушки изъ валежника или помѣщаются въ землянкахъ—чадовкахъ“ (²). Домашняя обстановка Вотяка также не удовлетворяетъ скромныхъ гигиеническихъ требованій. Вотяки любятъ жить большими семьями — человѣкъ по 20 и болѣе. Это имѣетъ очень крупное значеніе въ экономическомъ отношеніи, но съ точки зрѣнія санитарной сопровождается крайне нежелательными результатами. Избы Вотяковъ тѣсны для наполняющаго ихъ количества людей и животныхъ; въ силу этого въ нихъ зимой держится губительная для здоровья атмосфера.

На смертность дѣтей должны вліять сильно простудныя заболѣванія, которымъ подвергаются вотскія дѣти зимой. Причиной является зимнее одѣяніе дѣтей или точнѣе отсутствіе зимняго одѣянія: какова бы ни была погода, вотскія ребятишки бѣгаютъ дома въ неизмѣнной холщевой рубашенкѣ и безъ всякой обуви (³).

(¹) Mat. I, 33.

(²) Ibid. 29.

(³) Верещагинъ Вот. Сар. у. 43.

Многое изъ того, что мы перечислили, Вотякъ можетъ устроить собственными средствами — большей внимательностью къ своей жизни, — но есть зло, страшное для народности будущности, зло, съ которымъ бороться собственными силами онъ не съумѣетъ. Это сифились. Пессимисты — наблюдатели говорятъ, что у Вотяковъ нѣтъ двора, гдѣ бы не было больныхъ сифилисомъ.

Грозная туча, которая виситъ надъ вотскимъ народомъ въ видѣ губительной болѣзни, по видимому, мало пугаетъ его. Жизнь его идетъ тѣмъ-же чередомъ, какъ и у предковъ, которые не знали еще этого бича. Также, какъ и прежде, борьба за существованіе не захватываетъ собою всей жизни Вотяка. Періодъ напряженнаго труда для стараго и малаго смѣняется длиннымъ періодомъ относительнаго досуга, заботы чередуются съ вспышками безпечнаго веселья. Зимой вотскія деревни сохраняютъ значительное количество досужихъ людей: безусловно свободны подростки, не завалены дѣломъ и оставшіеся взрослые. Женщины и дѣвушки прядутъ, ткуютъ и вышиваютъ, парни и женатые ухаживаютъ за хозяйствомъ. Эти работы не поглощаютъ всѣхъ силъ человѣка и тотъ, кто ихъ чувствуетъ въ себѣ, находитъ для нихъ приложеніе въ играхъ. Остановимъ на нихъ наше вниманіе. Народныя игры имѣютъ такое-же право на вниманіе этнографа, какъ и различныя формы труда. Мы можемъ оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія гигиенической, какъ физическія упражненія, съ точки зрѣнія воспитательной, какъ приготовленіе дѣтей къ жизни зрѣлаго возраста, наконецъ съ точки зрѣнія культурно-исторической, какъ переживанія явленій, которыя имѣли нѣкогда серьезное жизненное значеніе.

Вотскія дѣтскія игры подробно описаны г. Верещагинымъ. Мы находимъ у него описаніе игры въ ворона и курицу (съ циплятами), въ мячъ, въ лунки, тюрага („жаво-

ропокъ“, напоминаетъ по приѣмамъ русскую муху), въ городки, въ прятки, въ веревочку (скаканье черезъ нее). Игры эти мало отличаются отъ русскихъ и потому мы не приводимъ ихъ описанія.

Большаго вниманія заслуживаютъ игры взрослыхъ. Онѣ имѣютъ обрядовое значеніе и стоятъ въ связи съ бракомъ, вѣрованіями и культомъ. Хорошо извѣстная Русскимъ игра въ горѣлки имѣетъ у Вотяковъ, несомнѣнно, тѣсное отношеніе къ первобытныхъ формамъ брака. Доказательство этого заключаетъ въ себѣ языкъ. Слово бызис'ко означаетъ „бѣгу при игрѣ въ горѣлки“ и „иду замужъ“. Въ двойственномъ значеніи слова мы видимъ слѣды той эпохи, когда игра была однимъ изъ моментовъ въ установленіи отношеній между молодымъ человѣкомъ и дѣвушкой. Дѣвушка, которую преслѣдовалъ молодой человѣкъ, поступала въ его распоряженіе. Г. Богаевскій описываетъ другую игру „кымыкызы“. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи. Изъ одной выходитъ парень и, обращаясь къ другой, говоритъ „кымыкызы“ (?); ему отвѣчаютъ „кымымартъ луэмъ“ (?). Тогда партія вышедшаго называетъ какое либо женское имя и дѣвушка, носящая его, бѣжитъ до намѣченной черты. За ней гонятся и, если она успѣетъ добѣжать до нея, отправляется обратно къ своимъ, если же не успѣетъ, то захватывается въ противную партію (¹). Съ отношеніями между полами стоитъ въ связи игра въ жены, которая имѣетъ мѣсто въ отдѣльныхъ частяхъ Глазовскаго уѣзда. Каждый парень выбираетъ дѣвушку по сердцу; такъ образуются женинныя пары. Поигравъ вмѣстѣ, пары хоронятся другъ отъ друга въ укромныхъ мѣстахъ, потомъ снова сходятся и продолжаютъ игру. Покойный Харузинъ нашель эту игру и удѣтей въ с. Шар-

(¹) I. с. III, 54.

канѣ Сар. уѣзда. Здѣсь уже не считается однако необходимымъ, чтобы пару составляли мальчики и дѣвочки. Бываютъ случаи, когда пары составляются изъ 2-хъ мальчиковъ или 2-хъ дѣвочекъ (¹).

Г. Богаевскій описываетъ далѣе игры Сарапульскихъ Вотьяковъ, въ которыхъ изображается похищеніе невѣсты. „Играющіе раздѣляются на двѣ партіи: одна изображаетъ родителей (родныхъ) невѣсты, другая родителей жениха. Невѣстина сторона становится такимъ образомъ, чтобы противники не могли разстроить ея. Во время схватки невѣста похищается“. „Въ иныхъ мѣстахъ, говоритъ тотъ-же авторъ, существуетъ вариантъ этой игры. Женихова сторона какъ будто приглашаетъ невѣсту къ себѣ въ гости. Последняя должна обѣжать кругомъ этой стороны. Если она не успѣетъ сдѣлать этого, такъ какъ за ней гонятся, то забирается въ плѣнъ“ (²).

Въ Музеѣ Отечествовѣдѣнія при Казанскомъ университетѣ находится фотографія, снятая подъ нашимъ руководствомъ съ группы вотскихъ молодыхъ людей обоего пола, начавшихъ игру подъ названіемъ „сюанъ дурьскопъ—свадебное закладничество“. Группа дѣвушекъ становится въ колонну и беретъ за руки. Къ дѣвушкѣ, стоящей въ головѣ колонны подходитъ молодой человекъ и спрашиваетъ: изъ - за чего сковывалась (закладывалась)? Дѣвушка называетъ какойнибудь предметъ—платокъ, кольцо, кафтанъ; находчивыя и болѣе или менѣе остроумныя не пропускаютъ случая посмѣяться надъ парнемъ и отпускаютъ на его счетъ остроты: „изъ—за твоего криваго носа“, „изъ - за твоего рванаго кафтана“—отвѣчаетъ какаянибудь

(²) Юрид. Вѣст. 1883. 267.

(¹) I. с. 42.

бойкая дѣвушка и вызываетъ смѣхъ всѣхъ присутствующихъ. Стараясь уяснить себѣ условія возникновенія этой игры, мы, кажется, имѣемъ право сдѣлать предположеніе, что она представляетъ собою переживаніе изъ далекаго прошлаго Вотиковъ, когда должникъ закладывался кредитору, чтобы обезпечить уплату займа.

Честь ознакомленія этнографовъ съ вотскими играми, имѣющими религиозное значеніе, принадлежитъ Глазовскому изслѣдователю Н. Г. Первухину. Въ заключеніе праздника „гуждора“, по словамъ г. Первухина, совершается особая религиозная игра, называемая „тау каронь“ — принесеніе благодарности. Въ этой игрѣ принимаютъ участіе только попы, тырепукиси, пѣраси и домохозяева. Выбираютъ самаго здороваго мужика и даютъ ему въ руки хвостъ заколотога быка, очищенный отъ шерсти и для крѣпости заваренный въ водѣ. Этотъ мужикъ получаетъ названія бычка (ош-пи) и исполняетъ его роль; онъ машетъ сзади себя хвостомъ, голову пригибаетъ къ груди и начинаетъ мычать и реветъ, а тырепукиси, сидя за столомъ, наливаютъ пива и зовутъ быка. „Быкъ“ съ мычаніемъ и ревомъ подходитъ къ столу, гдѣ ему предстоитъ задача, держа сзади обѣими руками бычачій хвостъ и наклоняясь къ столу верхней частью туловища выпить прямо изъ чашки кумышку. . . Мужики окружаютъ его, толкаютъ и мѣшаютъ ему исполнить задачу. Изображающій быка дѣлаетъ видъ, что разсердился на помѣху, беретъ въ правую руку хвостъ и бросается на окружающихъ. Тѣ разбѣгаются. „Быкъ“ снова съ мычаніемъ идетъ къ столу, снова встрѣчаетъ при питьѣ препятствія со стороны окружающихъ, снова бросается на нихъ, угрожая ударами своего хвоста-бича. Такъ происходитъ до тѣхъ поръ, пока чашка съ кумышкой не будетъ выпита. Мы отказываемся объяснять смыслъ этой странной игры, по въ ви-

ду того, что дѣйствующими лицами въ ней является солидные люди—главы семей и жрецы—нельзя не признать, что она имѣеть серьезное значеніе (¹).

Другая игра съ религіознымъ характеромъ имѣеть мѣсто во время втораго весенняго праздника - э - к е л я н а. Мы имѣли уже случай объяснять ея значеніе въ своей лекціи „Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній въ поэзи и религіозныхъ обрядахъ приволжскихъ Финновъ“ (²). Праздникъ заканчивается тѣмъ, что молодые парни и дѣвки сталкиваются молодушку, вышедшую только что прошедшей зимой замужъ къ рѣкѣ, поднимаютъ ее надъ водой и грозятъ бросить туда. Чтобы избавиться отъ купанья, молодушка что нибудь обѣщаетъ своимъ похитителямъ и тѣ освобождаютъ ее. Мы объяснили эту игру, какъ переживаніе изъ той поры, когда рѣкамъ приносились человѣческія жертвы. Такія игры имѣють мѣсто не у однихъ Вотяковъ. Они извѣстны и Черемисамъ. Въ Бирскомъ уѣздѣ нѣчто подобное совершается во время засухи на берегу рѣки (³).

Во время такъ называемаго „шортъ—мыс'кона“ или „мытъя мотовъ“ имѣеть мѣсто таже игра, но она мотивируется уже иначе самими участниками. Если моты въ рѣкѣ перепутаются, женщины говорятъ, что ихъ запуталъ домовой (корка—муртъ) въ наказаніе за то, что такая-то молодушка не соблюла супружеской вѣрности. Когда женщины называютъ имя молодушки, нѣсколько человѣкъ бросаются на нее и танцуютъ къ проруби. Молодушка упрашиваетъ отпустить ее, обѣщаетъ кумышки, но ей все таки хоть немного мочать ноги и подолъ одежды. Смысль игры доста-

(¹) Первухинъ. I. с. II, 39—40.

(²) Стр. 8—9.

(³) Уфим. Губ. Вѣд. 1889, № 41.

точно ясенъ. Основной мотивъ ея—наказаніе супружеской невѣрности—заставляетъ видѣть въ ней обломокъ древняго брачнаго права.

Г. Верещагинъ въ своемъ новѣйшемъ трудѣ „Вотьяки Сарапульскаго уѣзда“ описываетъ дѣтскую игру, которая возникла изъ забытаго взрослыми религіознаго обряда. На рождественской недѣлѣ дѣти ходятъ со двора на дворъ и собираютъ говадину. Набравши достаточное количество кусковъ, дѣти прихватываютъ крупы, соли, котелокъ, кумышки, забираютъ съ собою какого нибудь старика и отправляются въ лѣсъ. Здѣсь разводять костеръ, варятъ кашу, старикъ принимаетъ роль жреца и ставши предъ елью причитаетъ молитвенныя формулы въ то время, какъ каждый мальчикъ угощаетъ его кумышкой. По окончаніи предполагаемаго моленія ѣдятъ кашу, допиваютъ кумышку, сажаютъ старика въ лубянку (корытообразное помѣщеніе съ полозьями) и везутъ старика съ криками и смѣхомъ въ деревню. Доставивши мнимаго жреца по назначенію, дѣти вооружаются палками и ходятъ изъ дома въ домъ, выгоняя стукомъ и шумомъ Чера (болѣзнетворное существо). Серьезное значеніе этой игры мы увидимъ ниже въ главѣ о вѣрованіяхъ и культѣ⁽¹⁾.

У того-же автора мы находимъ описаніе совершаемой взрослыми религіозной игры, которая широко распространена у европейскихъ дѣтей. Въ ночь на Вербное Воскресенье парни и дѣвушки вооружаются прутьями и ходятъ изъ дома въ домъ. Хозяинъ дома, къ которому зашла толпа, зажигаетъ лучину, сходить съ ней на дворъ и бросаетъ ее на землю. Одинъ изъ толпы поднимаетъ тлѣющую лучинку и бросаетъ ее въ товарища; тотъ подхватываетъ и бросаетъ

(¹) I. с. 104—105.

въ другою; такъ лучинка перскидывается, пока въ ней не потухнет огонекъ. Въ промежуткахъ между перебрасываніями, ее стегаютъ прутьями, если она падаетъ на землю. Когда лучинка потухнетъ, толпа отпускаетъ хозяина: „ступай въ избу, шайтана выгнали“. Хозяинъ уходитъ, а первачники, забравши лучинку, идутъ въ другой домъ и тамъ продѣлываютъ тоже самое; обошедши всю деревню, первачники сжигаютъ за деревней и лучинки и свои прутья⁽¹⁾.

Игра эта напоминаетъ черемисскій обрядъ изгнанія шайтана съ вѣтвями дерева-покровителя⁽²⁾.

На играхъ мы заканчиваемъ обзоръ явленій внѣшняго быта; онѣ представляютъ собою мостъ, черезъ который мы переходимъ въ сферу высшихъ явленій человѣческаго творчества—соціальной организаціи и культа.

⁽¹⁾ Вер. Вот. Сос. кр. 69.

⁽²⁾ Подр. см. въ нашемъ очеркѣ «Черемисы» Стр. 175—176. Ср. Тайлоръ. Перв. кул. I, 71.

Глава III.

Развитіе семейной и общественной организаціи. Слѣды первичнаго гетеризма въ языкѣ и современныхъ нравахъ. Вопросъ о матернитетѣ у Вотяковъ. Формы выживающей полиандріи: снохачество и левиратъ. Полигинія. Моногинія. Эндогамія и Экзогамія. Формы пріобрѣтенія невѣсты въ ихъ историческомъ развитіи. Современный строй вотской семьи. Куз'о. Положеніе женщины. Остатки родоваго быта. Сосѣдскія отношенія. Современная община. Кенешъ. Экономическія отношенія въ предѣлахъ общины. Слѣды болѣе крупныхъ общественныхъ сочетаній: мэръ и эль, какъ религіозные союзы.

Матеріалы для исторіи семьи и общества заключаются въ языкѣ и поэзіи народа, въ обычаяхъ и обрядахъ, сопровождающихъ важнѣйшія явленія въ жизни человѣка, и наконецъ въ современномъ строѣ жизни.

Языкъ является свидѣтелемъ тѣхъ измѣненій, которыя происходили въ понятіяхъ народа относительно тѣхъ или другихъ явленій жизни. Въ очеркѣ „Черемисы“ мы на основаніи названій различныхъ степеней родства пришли къ заключенію, что семья восточныхъ (т. е. волжско-камскихъ и сибирскихъ) Финновъ развивалась путемъ перехода отъ коммунальнаго брака черезъ левиратъ и снохачество къ полигаміи и моногаміи. Настоящая глава имѣетъ своею цѣлью показать, что вотская семья пережила такъ-же, какъ и черемисская, всѣ эти стадіи развитія.

Возьмемъ слова, служащія для обозначенія основныхъ семейныхъ отношеній.

а и—отецъ, самецъ.

п ѳ р е с - а и—дядя старше отца, дѣдъ.

а г а й—старшій братъ, отецъ, дядя, дѣдъ.

н ю н я—отецъ, дядя, старшій братъ.

м у м ы—мать, самка.

е к е —мальчикъ, младшій братъ, сынъ = пи.

н ы л ь—дѣвочка, дочь.

д ы д ы—дитя, дочь, дѣвушка, меньшая сестра, жена
младшаго брата.

а п а й—тетка, старшая сестра; бадзимъ, пѳресъ а. тетка
старше отца.

а к а й—старшая племянница, старшая сестра, тетка.

с у з э р—младшая сестра, племянница.

в ы н —младшій братъ, племянникъ.

Просматривая значенія приведенныхъ вотскихъ словъ, мы останавливаемся прежде всего на томъ обстоятельстве, что языкъ не имѣетъ специальныхъ терминовъ для обозначенія особыхъ кровныхъ отношеній, соединяющихъ мальчика или дѣвочку съ кѣмъ-либо изъ взрослыхъ; сынъ обозначается тѣмъ-же словомъ, что и всякій мальчикъ, дочь тѣмъ-же, что и всякая дѣвочка. Различаются не кровныя связи, а возрастъ членовъ семьи или общины. Тоже явленіе замѣчается, когда мы начинаемъ всматриваться въ значеніе словъ н ю н я, в ы н ъ, а г а й, а п а й, с у з э р ъ, а к а й. Словъ, которыя обозначали бы кровныя отношенія между людьми, происшедшими отъ однихъ, извѣстныхъ родителей (братъ, сестра) не оказывается. Языкъ даетъ выраженія для группированія членовъ семьи по возрастамъ: н ю н я и а г а й означаютъ вообще мужчину старше меня—будетъ-ли это по русской терминологіи старшій

племянникъ, старшій братъ, дядя и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отецъ; въ н—мужчину м о л о ж е меня—младшаго брата, младшаго племянника; а п а й и а к а й—женщину старше меня—старшую сестру, тетку, старшую племянницу; с у з э р—женщину м о л о ж е меня—сестру, племянницу. Когда Вотяку приходится употребить слово б р а т ь я, онъ говорить, что данные люди агайо-выно, т. е. находятся въ отношеніяхъ старшаго родственника къ младшему. Въ значеніяхъ словъ агай и нюня слѣдуетъ отмѣтить еще, что они употребляются и для обозначенія отца, когда лицу приходится опредѣлять свои отношенія къ окружающимъ. Ограничимся пока этими данными. Вотская терминологія родства вводитъ насъ въ такой міръ, гдѣ лице, пытающееся опредѣлить свои отношенія къ окружающимъ мужчинамъ и женщинамъ, видитъ только различіе въ возрастахъ и не выдѣляетъ изъ среды ихъ такихъ, съ которыми чувствовало-бы себя связаннымъ ближайшимъ образомъ, въ силу происхожденія отъ однихъ родителей, мало того—не въ состояніи даже выдѣлить изъ числа мужчинъ старше себя такого, котораго могло бы назвать родителемъ. Оно видитъ вокругъ себя группу самцовъ, мужчинъ, способныхъ къ дѣторожденію (аи) и среди этихъ самцовъ нѣсколько старѣйшихъ (пѳрес-аи). Было бы громадной ошибкой думать, что Вотяки находятся въ такомъ состояніи теперъ. Современный семейный строй вотскій ничѣмъ не отличается отъ русскаго, но терминологія родства находится въ коренномъ противорѣчьи съ нимъ и это противорѣчіе въ высшей степени интересно для историка. Оно говоритъ намъ, что вотскій языкъ отразилъ въ себѣ совокупность условій, среди которыхъ создавалась терминологія родства, или точнѣе общественныхъ отношеній, и сохранилъ эту картину въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, не смотря на медленные измѣненія, которыя совершались въ жизни. Бы-

товая картина, которая поднимается предъ изслѣдователемъ послѣ ознакомленія съ вотскими терминами родства, хорошо знакома антропологамъ и этнографамъ. Она носитъ въ на-уѣ названіе коммунальнаго брака или гетеризма. При неупорядочившихся еще половыхъ отношеніяхъ членъ общины не могъ различать среди окружающей его мелкоты тѣхъ, которые ему обязаны жизнью. Пытаясь опредѣлить свои отношенія къ взрослымъ, онъ въ состояніи былъ раздѣлить ихъ только на группы: въ одну группу входятъ люди, которые по условіямъ возраста могли быть его родителями; въ другую всѣ лица моложе его. Въ первой группѣ онъ кромѣ того различалъ стариковъ отъ людей средняго, зрѣлаго возраста. Для этихъ группъ онъ создалъ термины, которые обнимаютъ весьма разнообразныя родственныя отношенія.

Слѣды первичнаго гетеризма сохранились не въ однихъ названіяхъ кровнаго родства; они заключаются также въ терминахъ, которыми обозначаются отношенія между мужчиной и женщиной. Слово *картъ* означаетъ у Вотяковъ мужчину, любовника, жениха и мужа; *кышно* — женщину и жену, *пэрасъ* любовницу, жену, стряпуху. Смѣшеніе различныхъ съ нашей точки зрѣнія значеній указываетъ на тотъ періодъ, когда права на обладаніе женщиной еще не индивидуализировались, когда достаточно было быть мужчиной извѣстнаго возраста для того, чтобы быть для каждой женщины тѣмъ, что позднѣе стали обозначать словами женихъ, мужъ, любовникъ. Далѣе — эпоха гетеризма не знаетъ различія между дозволенными и не дозволенными половыми отношеніями (прелюбодѣніемъ); не долженъ имѣть терминовъ для такихъ различій и языкъ народа ее переживающаго — и въ вотскомъ языкѣ мы, дѣйствительно, не находимъ такихъ терминовъ. Слова, записанныя Видеманомъ, означаютъ только фізіоло-

гическій процессъ, а не квалифицируютъ его съ юридической или нравственной стороны.

Въ соотвѣтствіи съ данными языка стоитъ современная бытовая картина. М. Buch приводитъ поразительный случай кровосмѣшенія — сожительства матери съ сыномъ, хладнокровно констатированный одной Вотячкой. Другія, менѣе рѣдкія формы кровосмѣшенія имѣютъ, по словамъ того-же автора, мѣсто во время пооекъ и не вызываютъ никакого смущенія въ виновникахъ ⁽¹⁾. Всѣ наблюдатели вотскаго быта единогласно свидѣтельствуютъ, что дѣвушки пользуются у Вотяковъ безграничной свободой въ своихъ отношеніяхъ съ мужчинами. „Парень дѣвушку не любитъ, говорить вотская пословица, Богъ не любить“ ⁽²⁾. Въ силу такого разсужденія родители игнорируютъ поведеніе дочерей, а женихъ не только мало заботится о дѣвственности невѣсты, но, какъ утверждаютъ нѣкоторые наблюдатели, бываетъ даже въ претензіи на невѣсту, которая сохранила ее. Дѣвушка иногда уже съ 12 лѣтъ обзаводится любовниками ⁽³⁾. Въ 15—16 л. любовника не имѣетъ уже рѣдкая ⁽⁴⁾. Если послѣдствіемъ вѣбращной любви является беременность, дѣвушка не теряетъ, а выигрываетъ въ общественномъ мнѣніи; она получаетъ массу предложеній отъ жениховъ, такъ какъ дала доказательство способности производить дѣтей. Н. Г. Первухину вотскіе старики Глазовскаго уѣзда разсказывали, что лѣтъ 50 тому назадъ невѣста цѣнилась тѣмъ дороже, чѣмъ больше разъ она родила, особенно, если родившіеся были мальчики и жили долгое время. Такую дочь родители долго не выдавали замужъ и го-

⁽¹⁾ М. Buch. Die Votjaken. Acta Soc. scient Finn T. XII, 511.

⁽²⁾ Островскій. I. с. 27.

⁽³⁾ Гавриловъ. I. с.

⁽⁴⁾ Островскій. I. с. 27.

ворили сватамъ: „она у насъ и сама хорошая работница и работниковъ въ домъ достаточно дала и безъ мужа“ (¹).

Лѣтомъ игрища (шудон'ы), зимой — посидѣнкі (пукон-ти) представляются временемъ, когда молодежь предается безъ всякихъ стѣсненій кратковременной любви. Мѣстомъ зимнихъ посидѣнокъ бывають обыкновенно нежилыя строенія, чаще всего бани. Здѣсь до поздней ночи парни плетуть лапти, дѣвушки прядуть, тѣ и другія не позыбываютъ угощаться кумышкой и затѣмъ нѣкоторые остаются тутъ-же попарно почевать. Дѣвушка даетъ право на себя парню, если позволяетъ ему снять съ своей руки кольцо (²). Воспоминаніемъ о свободѣ нравовъ, царившей на посидѣнкахъ, являются извѣстныя уже намъ изъ предыдущей главѣ игры.

Въ Глазовскомъ уѣздѣ посидѣнкі, сопровождаемыя жениханіемъ, имѣють мѣсто въ особенности около времени прохода рекрутовъ.

Связи между парнемъ и дѣвушкой не отличаются устойчивостью: бывають случаи, когда дѣвка цѣлое лѣто гуляетъ съ однимъ, чаще въ Глазовскомъ уѣздѣ — у дѣвушки бывають нѣсколько любовниковъ.

Полную противоположность правамъ, которыми пользуются дѣвушки, представляютъ права женщины. Замужество полагаетъ конецъ свободѣ чувства. Распущенная дѣвушка сразу становится вѣрной женой. Современное положеніе женщины относительно мужа представляетъ собою однако результатъ развитія супружескихъ правъ. Еще въ прошломъ столѣтіи Вотякъ такъ-же мало цѣнилъ вѣрность жены, какъ и невинность невѣсты. Палласъ говоритъ относительно Уфимскихъ Вотяковъ, что у нихъ былъ обычай предлагать пу-

(¹) Вят. Губ. Вѣд. 1889, №

(²) Верецагинъ. Вет. Сосн. кр. 6.

тешественнику свою жену⁽¹⁾. Г. Бехтеревъ говоритъ, что у языческихъ Вотяковъ Елабужскаго уѣзда этотъ гостепріимный гетеризмъ сохранился до сихъ поръ⁽²⁾. Свободой дѣвушки замужняя женщина пользуется и теперь еще до беременности. Дѣвушки зовутъ ее на посидѣнки и она держитъ себя на нихъ, конечно, такъ-же какъ, и ея подруги. Въ знакъ своего дѣвчества она носитъ такью. Когда у молодой женщины обнаруживается беременность, деревенскія женщины идутъ къ ней, чтобы снять съ нея такью и ввести въ свой кругъ⁽³⁾. Остаткомъ свободы, которой пользовались женщины, являются такъ называемые бабы праздники (кышно - праздникъ) у Глазовскихъ Вотяковъ. Первые указанія на нихъ въ литературѣ мы встрѣчаемъ въ не разъ уже цитованныхъ „эскизахъ“ Н. Г. Первухина. Въ старину Глазовскія Вотячки среди лѣта уходили на нѣсколько сутокъ въ такъ называемыя дээкъ - квалы и проводили время въ оргіяхъ съ жрецами⁽⁴⁾. Не обходились, вѣроятно, безъ нарушенія супружеской вѣрности и другіе бабы праздники — чистый понедѣльникъ и 7-ое Января. Въ настоящее время они заключаются только въ томъ, что бабы кутятъ, совершенно освободившись отъ опеки своихъ супруговъ⁽⁵⁾.

Съ коммунальнымъ бракомъ или гетеризмомъ весьма часто, если не всегда, связанъ такъ называемый матернитеть — то есть счетъ родства по матери. Одной изъ задачъ, которую мы предполагали выполнить во время своего путе-

⁽¹⁾ Путеш. по разн. пров. у. III, ч. 2.

⁽²⁾ I. с. VIII, 629. Ср. М. Вух. I. с. 512.

⁽³⁾ Вот. Сос. кр. 217.

⁽⁴⁾ I. с. II, 137.

⁽⁵⁾ Ibid. 109—110.

шествія къ Вотьякамъ, было изслѣдованіе вопроса—не сохранились-ли у Вотьяковъ слѣды этого явленія. Интересъ и важность вопроса обязываютъ насъ признаться, что добытыя нами данныя не способствуютъ еще окончательному рѣшенію вопроса въ томъ или другомъ направленіи.

Уже со времени изданія Видемановскаго словаря было извѣстно, что Вотьяки имѣютъ особый терминъ, точнѣе особый предикатъ для обозначенія родства по матери ч у ж—: ч у ж-м у р т ь отецъ матери или братъ ея, ч у ж ь-а п а й сестра матери, ч у ж-н э н э бабушка, ч у ж-б у б ы дѣдушка, ч у ж-а т а й отецъ матери, ч у ж-а н а й мать матери, ч у ж-о д ы к ь дѣти сестры матери. Мы встрѣчаемъ указанія на эту терминологию у г. г. Багаевского и Верещагина ⁽¹⁾. Но изслѣдователи ограничивались до сихъ поръ констатированіемъ факта, не пытаясь выяснить значеніе этого термина—и по понятнымъ, намъ кажется, причинамъ. Слово ч у ж—не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ вотскомъ языкѣ; оно употребляется лишь, какъ приставка, въ терминологіи родства. Пытаясь уяснить смыслъ этого предиката, мы обратились къ родственнымъ съ вотскимъ языкомъ зырянскому и пермяцкому и нашли корень ч у ж въ пермяцкомъ. Здѣсь имѣются глаголы ч у ж н ы, ч у ж т ы в н ы, ч у ж т ы н ы, существительныя ч у ж-й о м ь, ч у ж-т ъ о м ь, ч у ж-а к а и т. д. Глаголы означаютъ родить, существительныя рожденіе. Мы имѣемъ такимъ образомъ слово общаго пермячко-вотяцкаго достоянія, исчезнувшее у Вотьяковъ. Пермяцкій языкъ даетъ намъ возможность уяснить не только предикатъ ч у ж ь, но и абстрактный терминъ для обозначенія р о д с т в а. Г. Богаевскій недавно высказалъ убѣжденіе, что у Вотьяковъ не существуетъ такого термина ⁽²⁾. Почтенный авторъ, намъ кажется

⁽¹⁾ Богаевскій. Мат. III, 61. Верещагинъ. Вот. Сар. у. 36.

⁽²⁾ I. с. 61.

ся, правъ только на половину. Онъ самъ ниже приводитъ терминъ, которымъ пользуются для этой цѣли Вотяки—чыжи—выжи. Слово это обозначаетъ въ настоящее время совокупность родственниковъ по матери и отцу и состоитъ изъ архаическаго чыжи, означающаго родство по матери и выжи (вуж—корень), означающаго родство по отцу. Сложный терминъ, которымъ располагають современные Вотяки, даетъ намъ возможность выдѣлить названіе, обозначающее совокупность людей, связанныхъ актомъ рожденія отъ извѣстной матери—чижи. На этомъ названіи стоитъ остановить вниманіе. Оно показываетъ, что въ пониманіи родства Вотяки существенно отличаются отъ Русскихъ. И Русскіе, и Вотяки приписываютъ рожденію, происхожденію существенную роль при возникновеніи тѣхъ ближайшихъ связей, которыя принято опредѣлять словомъ родство. Но у Русскихъ родство означаетъ отношенія по отцу и матери; у Вотяковъ соответствующее слово (чыжи) означаетъ только отношенія по матери. Изъ этого различія терминовъ вытекаетъ, что Вотяки нѣкогда знали только родство по матери, придавали въ вопросѣ о рожденіи этой послѣдней преимущественное значеніе, тогда какъ Русскіе обоимъ родителямъ ⁽¹⁾. На этой точкѣ зрѣнія Вотяки остались и тогда, когда явилась потребность опредѣлить отношенія по отцу. Вотякъ не абстрагировалъ, какъ Русскій, стараго термина, а присоединилъ къ нему новый, описательный. Новыя отношенія онъ понялъ, какъ отношенія отдѣльныхъ частей дерева къ корню, и обозначилъ ихъ словомъ выжи (вужъ—корень). Въ тотъ моментъ, когда складывался терминъ для обозначенія родства; вообще, Вотякъ отношенія по матери ставилъ выше, чѣмъ отношенія по отцу: въ сложномъ словѣ первое мѣсто

(1) Ср. Г. Мэнъ. 155—156.

заняло слово, означающее отношенія по матери, второе—отношенія по отцу. Пробѣжавши эти строки, читатель может упрекнуть насъ въ томъ, что мы дѣлаемъ важные выводы изъ мелочей и случайностей языка. Этотъ упрекъ будетъ основателенъ только на половину. Слово, обозначающее бытовое явленіе, конечно мелочь въ сравненіи съ другими источниками, но возникновеніе его не случайно, оно представляетъ плодъ сознательнаго отношенія къ предмету. Вотакъ въ образованіи сложныхъ терминовъ, замѣняющихъ наши абстракціи, тщательно подчеркиваетъ, какому элементу онъ придаетъ большее значеніе, какому меньшее. Братья по Вотски а г а й о-в ы н о, т. е. старшій и младшій—и преимущество, которое Вотакъ отдаетъ старшинству, выразилась въ томъ, что агайо занимаетъ первое мѣсто; дитя—п и а л ь т. е. сынъ—дочь; преимущество, которое отдаетъ Вотакъ сыну, выразилось въ томъ, что п и (сынъ) стоитъ впереди н ы л (дочь).

Рядомъ съ данными языка, которыя намекаютъ на возможность материнства въ отдаленную пору жизни вотскаго народа, можно поставить нѣсколько фактовъ изъ широкой области обычнаго права. Н. Г. Первухинъ первый, сколько намъ извѣстно, обратилъ вниманіе на своеобразный обычай, котораго держатся Вотяки Глазовскаго уѣзда въ своихъ обращеніяхъ къ женамъ. Вотакъ называетъ жену не по имени и не по отчеству, а такъ сказать по материнству—именемъ, которое его жена унаслѣдовала отъ матери, а та въ свою очередь отъ своей матери или бабушки⁽¹⁾. Мы имѣемъ такимъ образомъ имя, которое обнимаетъ совокупность всѣхъ женщинъ, происшедшихъ отъ одной родоначальницы—явленіе, равнозначущее съ фамильнымъ прозвищемъ, которое гово-

(1) Эск. I, 37.

рить о происхожденіи отъ одного родоначальника. Этотъ обычай прекрасно гармонируетъ съ догадками, которыя мы сдѣлали на почвѣ языка. Мы имѣемъ въ немъ несомнѣнный обломокъ древняго матернитета. Мать уступила отцу право передавать свое имя сыну, но сохранила за собой право передавать собственное имя дочери. Въ Глазовскомъ уѣздѣ повивальная бабка, нарекая имя новорожденной дѣвочки, говоритъ „будь ты хорошая Чабья, Эбга (имя матери)“⁽¹⁾. Въ Бирскомъ уѣздѣ этотъ обычай начинаетъ уже понемногу выходить изъ употребленія. Тамъ довольствуются тѣмъ, чтобы имя дочери только походило на материнское—если мать зовутъ Шарби, дочь называютъ Шарбинатъ, Шарбике, Шарика, Шарназь (по указанію матери). Въ обычаѣ совершился такой-же компромиссъ, какъ и въ языкѣ. Пойдемъ далѣе.

Имена, которыми Вотяки называютъ своихъ женщинъ, совпадаютъ съ такъ называемыми воршудными или родовыми именами. Значеніе воршудныхъ именъ еще недостаточно установлено въ литературѣ. Иногда говорятъ о воршудномъ имени, какъ родовомъ прозвищѣ, иногда говорятъ объ „имени воршуднаго божества“, которое передается поклоняющемуся ему роду. Г. Первухинъ, посвятившій объясненію слова „воршудъ“ нѣсколько прекрасныхъ страницъ, повидимому колеблется въ рѣшеніи вопроса, духу-ли придается имя рода, которому онъ покровительствуетъ, или роду имя божества, покровительствующаго ему. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что воршудъ родовое божество, которое носить имя родоначальника или родоначальницы⁽²⁾, въ другомъ—объ имени воршуднаго божества, о коробахъ, посвященныхъ это-

⁽¹⁾ Вят. Губ. Вѣд. 1889,

⁽²⁾ Эск. I, 19.

му имени (1). Г. Богаевскій, лично признавая, что имена, съ которыми являются воршудныя божества, принадлежатъ родоначальникамъ, приводитъ народныя толкованія діаметрально противоположнаго характера. Основываясь на совпаденіи между воршудными именами и такъ называемыми банными женскими именами, нѣкоторые Вотяки выражали ему мнѣніе, что первыя имена принадлежатъ древнимъ, забытымъ теперь богинямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ богинь, по предположеніямъ вотскихъ мыслителей, были богаты и сильны, потому и роды ихъ отличаются силой и могуществомъ (2). Судя потому, что богинямъ приписывается возможность быть сильными и богатыми, можно предположить, что рѣчь идетъ не о богиняхъ, а о героиняхъ, подобныхъ патырямъ. Такое предположеніе оправдывалось бы тѣмъ, что Вотяки не имѣютъ слова для обозначенія богини. Г. Богаевскій отчасти обезцѣнилъ свое сообщеніе, не приведя вотскаго термина. Сказанія о женщинахъ - родоначальницахъ, женщинахъ-героиняхъ, окруженныхъ богатырями, имѣютъ мѣсто въ Глазовскомъ уѣздѣ; такова легенда объ Эбгарѣ, которымъ владѣла нѣкая Эбга (3).

Изъ приведенныхъ фактовъ очевидно, что самъ народъ не въ состояніи рѣшить вопроса, занимающаго этнографовъ. И затрудненіе народа вполне понятно. Мы знаемъ уже, что воршудныя имена не объясняются за ничтожными исключеніями изъ вотскаго языка; но мы знаемъ также и то, что однѣ изъ этихъ именъ соотвѣтствуютъ банному женскому, а другія мужскому, и это обстоятельство даетъ намъ право принять то рѣшеніе вопроса, въ силу котораго воршудное

(1) Эск. I, 36.

(2) I. с. 40.

(3) Эск. IV, 11.

имя представляется прозвищем рода, переносящимся и на его покровителя, гения-хранителя счастья. Если одни из родовых прозвищ представляют собою женскія имена, другія мужскія, то мы вправѣ сдѣлать изъ этого обстоятельства новый выводъ, благоприятный для констатированія у Вотяковъ матернитета: рядомъ съ родами, связанными сознаниемъ происхожденія отъ общаго родоначальника, у Вотяковъ были роды, связанные когда-то сознаниемъ происхожденія отъ общей родоначальницы и эта связь обнимала уже не однихъ женщинъ, но и мужчинъ. Мы имѣемъ другими словами предъ собой полное проявленіе матернитета, хотя уже на степени крайнаго вырожденія. Народное толкованіе, приводимое г. Богаевскимъ, также оправдываетъ его. Воспоминанія о былыхъ правахъ матери на дитя сохранились затѣмъ въ брачномъ обрядѣ. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ матери первой даритъ деньги челоуѣкъ, пріѣхавшій сватать невѣсту; къ ней обращаются за позволеніемъ выпить въ знакъ заключеннаго сватовства отецъ и остальные члены семьи и однодеревенцы. „Никто, повидимому, не осмѣливался безъ разрѣшенія матери выпить рюмку водки, даже отецъ семьи“, говоритъ г. Верещагинъ, наблюдавшій этотъ обрядъ у рода Пыпя (¹).

Послѣднимъ фактомъ, который можетъ свидѣтельствовать въ пользу существованія у Вотяковъ матернитета, является связь домоваго божества съ основательницей дома, какъ отдѣльнаго хозяйства. По словамъ Н. Г. Первухина коробъ посвящается божеству не основателя, а основательницы дома (²).

(¹) Вот. Сар. у. 130—131.

(²) Эск. I, 36.

Количество фактовъ, которое мы привели, не достаточно еще для того, чтобы можно было съ увѣренностью говорить о матернитетѣ, какъ одномъ изъ моментовъ въ развитіи вотской семьи, но оно даетъ намъ право поставить вопросъ о немъ и намѣтить тотъ путь, по которому совершился переходъ отъ него къ патернитету. Судя по характеру названій, обозначающихъ родство и по правамъ, которыя обычай до сихъ поръ предоставляетъ женщинѣ, мы имѣемъ основаніе предположить, что патернитетъ долгое время держался рядомъ съ матернитетомъ и не замѣнилъ его, а вошелъ съ нимъ въ компромиссъ.

Переходными стадіями къ современному строю семьи у Вотяковъ являются различныя формы полиандріи. Г. Верещагинъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ (Вотяки Сарапульскаго уѣзда) приводитъ любопытное преданіе Завьяловскихъ Вотяковъ о своихъ предкахъ. Давно, когда Завьяловскую мѣстность покрывали непроходимые лѣса, появились въ ней два Вотяка язычника — Кайванъ и Ондра-батыръ. Спустя нѣкоторое время къ нимъ присоединился Русскій, Завьяль. Однажды Завьяль ходилъ по берегу р. Позими и увидалъ на противоположной сторонѣ женщину. Завьяль предложилъ ей переправиться на ихъ сторону; женщина согласилась; бросили Завьяль съ Кайваномъ и Ондрой женщинѣ веревку и перетянули ее на свою сторону. Пока женщина переодѣвалась, товарищи стали совѣтъ держать, какъ раздѣлить женщину. „Она должна быть моей женой; первый нашелъ ее я“ — говоритъ Завьяль. Кайванъ и Ондра не соглашались на это. Чтобы рѣшить споръ, положили спросить женщину, кого она выберетъ мужемъ. Женщина не сразу рѣшилась. Завьяль между тѣмъ потихоньку ухаживалъ за ней и уговаривалъ выбрать его. Вотяки замѣтили это и положили быть женщинѣ женой всѣмъ троицъ. Жен-

щина получила кличку Кшно-кенакъ (жена-сноха)⁽¹⁾. Легенда о Кшно-кенакъ известна и Малмыжскимъ Вотьякамъ. Мы находимъ слѣды ея въ сказаніи о Бурсинѣ, записанномъ г. Мунваачи⁽²⁾. Поставимъ рядомъ съ этимъ вотскимъ преданіемъ слѣдующія слова Генри Мэна: „въ высокой степени вѣроятно, что въ теченіе продолжительнаго періода своей исторіи различныя части человѣчества страдали неравенствомъ въ количествѣ мужчинъ и женщинъ. . . Значительная часть его находилась въ состояніи передвиженія. Отъ болѣе обширныхъ агрегатовъ отбивались известныя части, скитались вдоль и поперекъ то подъ напоромъ непріятелей, то подъ вліяніемъ стремленій найти себѣ болѣе обильныя средства къ существованію. . . Весьма вѣроятно, что эти кочующія группы имѣли въ своемъ составѣ большее количество мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Излишне говорить о томъ, каковъ былъ-бы характеръ учреждений, которыя установились бы при такихъ условіяхъ (Мэнъ разумѣетъ гетеризмъ и полиандрію)“⁽³⁾.— Тирада Генри Мэна даетъ намъ ключъ къ вотскому преданію. Въ послѣднемъ мы видимъ случай полиандріи, возникшей на почвѣ недостатка женщинъ, случай, подобные которому были, вѣроятно, не рѣдки при тѣхъ скитаніяхъ, на которыя долгое время были обречены Вотьяки. На этой-же почвѣ развивается и другой видъ полиандріи, но уже скрытый — снохачество. Еще въ прошломъ столѣтіи у Вотьяковъ былъ распространенъ обычай женить сыновей еще въ дѣтскомъ возрастѣ на взрослыхъ дѣвицахъ. Г. Верещагинъ на основаніи указа вятской духовной консисторіи отъ 22 февр. 1757 г. свидѣтельствуетъ, что Вотьяки даже въ эпоху введе-

⁽¹⁾ Вот. Сар. у. 18.

⁽²⁾ Munkacsi B. Votjak Népköltészeti Hagyományok. 61.

⁽³⁾ Древній законъ и обычай. М. 1884. 163.

ніа христіанства женили своихъ сыновей въ возрастѣ отъ 8 до 12 л. на двадцатилѣтнихъ дѣвушкахъ. Духовное начальство запрещало эти браки, усматривая въ нихъ почву для снохачества, но обычаи стойко держался и сохранился почти до нашихъ дней ⁽¹⁾. Въ селѣ Кильмезь-Селты намъ указывали на стариковъ, которые были женаты, едва достигли девяти лѣтъ. Браки между несовершеннолѣтними мальчиками и взрослыми дѣвицами, имѣющіе мѣсто до сихъ поръ, поясняютъ намъ, какимъ образомъ возможны были еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія между Вотьяками - христіанами союзы подобные тѣмъ, на которые намъ указывали въ Селтѣ. „Иные малосемейные, говоритъ г. Верещагинъ, сватаютъ, когда жениху не болѣе пятнадцати лѣтъ и увозятъ невѣсту къ жениху до вѣнца, вѣнчаютъ, когда женихъ съ невѣстой успѣютъ уже пожить и послѣдняя забеременѣтъ“ ⁽²⁾.

Снохачество при такихъ условіяхъ брака—явленіе неизбежное. Женщина живетъ подъ кровомъ свекра цѣлыя годы прежде, чѣмъ мужъ ея достигнетъ возраста половой зрѣлости, живетъ рядомъ съ свекровью, которая вышла за мужъ, можетъ быть, также за ребенка и является уже старухой.

Не смотря на свою неизбежность при извѣстныхъ условіяхъ, снохачество рассматривается въ настоящее время Вотьяками, какъ позорное явленіе. Эта точка зрѣнія на него нашла свое выраженіе и въ народной поэзіи. Въ новѣйшемъ изданіи г. Первухина „преданія и сказки Вотьяковъ Глазовскаго уѣзда“ мы находимъ преданіе о Весея-батырѣ и его женѣ Эбгѣ, въ которомъ рассказывается о ссорѣ, возникшей между сыномъ и отцемъ изъ-за подозрѣнія въ снохачествѣ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Верещагинъ. Вот. Сар. у. 23.

⁽²⁾ Вот. Сос. кр. 24.

⁽³⁾ Эск. IV, 11.

Послѣдними, современными стадіями въ развитіи вотской семьи являются полигамія, точнѣе полигинія, и наконецъ моногамія. Полигамія держится, конечно, у язычниковъ, но составляетъ, благодаря матеріальнымъ условіямъ, довольно рѣдкое явленіе. Г. Ф. Миллеръ говоритъ относительно Вотяковъ, что у нихъ большая часть за скудостью по одной или по двѣ жены держитъ (¹). У Вотяковъ Уфимской губерніи случаи двоеженства довольно рѣдки и обусловливаются чаще всего бесплодіемъ первой жены. Не желая уйти отъ мужа, жена предоставляетъ ему право взять другую женщину (Варяжъ).

Намеки на архаическія формы семьи не исчерпываются тѣми фактами, которые мы привели. Остается обширная область обряда, церемоніи, гдѣ въ видѣ переживанія или символа сохраняются обычаи, связанные съ другимъ строемъ идей и общественныхъ отношеній. У Вотяковъ Сарапульскаго уѣзда во время свадьбы, можетъ быть, до сихъ поръ имѣетъ мѣсто слѣдующій своеобразный обычай. Когда поѣзжане, отправившіеся за невѣстой, остаются ночевать въ домѣ ея отца, старшій изъ нихъ спитъ на невѣстиной постели. Постель эта остается въ распоряженіи поѣзжанъ и тогда, когда невѣста привезена въ домъ жениха: на ней спятъ младшіе поѣзжане. Поспавшій кладетъ на утро подъ подушку немного денегъ. Намъ кажется, не будетъ натяжкой, если мы признаемъ, что этотъ обычай символизируетъ права всѣхъ мужчинъ семьи на вступающую въ него женщину и восходитъ къ эпохѣ полиандріи (²).

Формы и условія пріобрѣтенія невѣсты дополняютъ новыми чертами картину древнихъ семейныхъ отношеній. Периодъ беспорядочнаго полового сожителства есть вмѣстѣ съ

(¹) Опис. яз. нар. 67.

(²) Верещ. Вот. Сос. кр. 24. Ср. Lippert. Kulturgegch. II, 19.

тѣмъ періодъ такъ называемой эндогаміи, т. е. заключенія брачныхъ союзовъ внутри рода или племени. Найти какіе-либо слѣды эндогаміи въ обрядахъ и обычаяхъ Вотяковъ намъ не удалось. Экзогамія вошла въ обычай у Вотяковъ еще въ ту эпоху, когда у нихъ господствовалъ матернитеть. Въ обычномъ правѣ современныхъ Вотяковъ очень тщательно разработанъ вопросъ о степеняхъ родства, дальше которыхъ не можетъ заключаться бракъ. Въ селеніи Варяжъ Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи Вотяки говорили намъ, что въ старину у нихъ не позволялось вступать въ бракъ лицамъ, носящимъ одно и тоже воршудное имя. Человѣкъ, принадлежащій напр. къ роду Эгра не могъ взять за себя дѣвушку, носящую тоже имя. Въ с. Кильмезь-Селты Малмыжскаго уѣзда намъ говорили тоже, хотя другими словами—молодые люди изъ домовъ, молящихся въ одной квалѣ (бадзын-квала) не могутъ вступать между собой въ бракъ. Ограниченія, о которыхъ мы говоримъ, установились, повидимому, еще тогда, когда родство считалось по матери. Помимо связи ихъ съ культомъ воршудовъ въ пользу этого предположенія говорить и то обстоятельство, что особую заботливость о предупрежденіи запрещенныхъ обычаемъ союзовъ проявляютъ женщины (Варяжъ). Вліяніемъ строгой экзогаміи выясняется между прочимъ то обстоятельство, что въ празднествахъ, посвященныхъ памяти предковъ, у Вотяковъ Сарапульскаго уѣзда не участвуютъ замужня (т. е. взятая изъ другаго рода) женщины⁽¹⁾. Воспоминаніемъ о первичной эндогаміи служитъ обычай, воспевающій дѣвушкѣ данной деревни гулять съ парнемъ другой. У Вотяковъ этотъ обычай не имѣетъ мѣста—по крайней мѣрѣ въ Глазовскомъ уѣздѣ. Есть игрища въ поляхъ, на которыя схо-

(¹) М. Вuch. I. с. 610.

дятся съ нѣсколькихъ деревень. Зимой на посидѣнни данной деревни можетъ явиться парень изъ другой— правда, если его вводитъ азь-муртъ изъ мѣстныхъ парней.

Приобрѣтеніе невѣсты изъ чужаго рода прошло у Вотьяковъ нѣсколько стадій развитія. Началось оно, какъ и у Черемисъ, похищеніемъ и заканчивается свободнымъ союзомъ между брачащимися. Похищеніе еще недавно было широко распространеннымъ явленіемъ среди Вотьяковъ. Оно совершалось при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ: безъ согласія родителей и дѣвушки, съ согласія родителей, но безъ согласія дѣвушки и, наконецъ, съ согласія дѣвушки, но безъ согласія родителей. Первоначальной формой, конечно, является похищеніе безъ согласія дѣвушки и ея родителей. Домохозяинъ, задумавшій похитить дѣвушку, собиралъ себѣ помощниковъ изъ родичей. Съ наступленіемъ ночи похитители садились верхами на лошадей, вооружались палками и бичами и нападали на чумъ, въ которомъ спала намѣченная дѣвушка. Если на ея крики поднимались родные, на дворѣ происходила горячая борьба. Въ однихъ случаяхъ родители похищенной отбивали ее, въ другихъ похитители отражали ихъ и увозили дѣвушку, не взирая на ея крики и сопротивленіе (¹). Родители похищенной бросались въ погоню; имъ помогали въ этомъ сосѣди. Похитители ждали погони или нападенія родителей и ходили вооруженные, что чѣмъ попало— вилами и т. п. Г. Бехтеревъ сообщаетъ, что похищенная такимъ образомъ даже съ ея согласія дѣвушка предъ домомъ жениха поднимаетъ крикъ, зоветъ своихъ родныхъ. Когда женихъ силой вводитъ ее въ избу, она начинаетъ мотаться во всѣ углы, какъ будто ища выхода (²). Вотьяки Казанской гу-

(¹) Вят. Губ. Вѣд. 1851, №

(²) I. с. IX, 144.

берни, похитивши невѣсту безъ ея согласія, морили ее голодомъ до тѣхъ поръ, пока она согласится (¹). Съ похищеніемъ, которое совершается съ согласія невѣсты, знакомитъ слѣдующій рассказъ Вотяка, записанный нами въ селѣ Бильмезь-Селты. „Моя жена дѣвкой была просватана за другаго, я познакомился съ ней въ нашемъ селѣ, когда она пріѣзжала къ роднѣ. Я заранѣе спросилъ ее, пойдешь-ли за меня; она сказала пойду. Тутъ мы съ отцомъ подговорили сосѣдей, посулили имъ $\frac{1}{4}$ ведра водки, чтобы они помогли намъ украсть дѣвку у братьевъ, когда они пріѣдутъ съ ней опять въ наше село въ гости. Дѣвка съ братьями скоро пріѣхала, только выходить за меня раздумала: братъ засердился, а она не посмѣла. Тутъ мы рѣшили отнять ее насильно. Подвараулили за деревней, хотѣли захватить—угнали; сноха надъ нами посмѣялась: гдѣ вамъ, говорить, отнять! Сосѣди не отступались, запрягли въ почтовую повозку тройку лошадей, сѣли въ нее семь человекъ, закрылись циновкой; я сѣлъ ямщикомъ. Мы дали красную фуражку, какъ курьеру. Въ шести верстахъ отъ деревни нагнали дѣвкиныхъ родныхъ. Я кричу: давайте дорогу, курьеръ! Они заворотили. Тутъ мы ихъ обогнали, остановились и стали ловить дѣвку. Невѣста опять вырвалась и угнала съ однимъ мужикомъ. Мы опять за ней. На шестнадцатой верстѣ у нихъ лошадь пристала (устала). Мы догнали, отняли дѣвку и угнали ее на сторону, чтобы не нашли. Тутъ она недѣлю сидѣла подъ карауломъ. Караулили молодые ребята“.

Тотъ-же Вотякъ сообщилъ намъ, что въ ихъ селѣ бывали случаи, когда похититель ложился съ дѣвкой на дорогѣ въ виду погови, чтобы не отняли ее.

(¹) Ост. I. с. 30.

Дѣвушка, которая выражаетъ согласіе быть похищенной даетъ перстень.

Другой случай похищенія невѣсты съ ея согласія намъ разсказанъ въ деревнѣ Варяжъ Бирскаго у. Молодой парень познакомился во время осенняго богомолья въ дер. Алтаевой съ одной изъ мѣстныхъ дѣвушекъ; они вмѣстѣ ходили въ толпѣ молодежи по гостямъ и согласились вступить въ бракъ. Рѣшили, что она будетъ ждать, когда онъ пріѣдетъ за ней. На богомольи была и родня парня. Онъ посоветовался съ ней и родня рѣшила, что дѣвку стоитъ взять. Зимой парень пріѣхалъ въ Алтаево одинъ и остановился въ домѣ родственника. Дѣвка потихоньку пришла къ нему и онъ ее увезъ. Уѣзжая, онъ оставилъ своему хозяину полштофъ водки, чтобы угостить родителей невѣсты и сказать, куда она ушла.— Въ обоихъ описанныхъ случаяхъ похищеніе утратило уже свой первичный характеръ. Похитители признаютъ права родителей и выплачиваютъ за похищенную деньги.— Почему похищеніе держится въ этой переходной формѣ, мы узнаемъ ниже. Въ Глазовскомъ уѣздѣ похищеніе имѣетъ мѣсто только на границахъ съ Сарапульскимъ; въ окрестностяхъ города оно уже только символизируется: поѣзжане дѣлаютъ видъ, что похищаютъ невѣсту, невѣста и ея окружающіе дѣлаютъ видъ, что имѣютъ дѣло съ насиліемъ. Въ дер. Солдырь, по разсказамъ мѣстнаго уроженца Т. Р. Будина, во время сватъбы имѣютъ мѣсто слѣдующіе, напоминающіе о древнемъ умыканіи, обычаи. Когда женихъ съ поѣзжанами пріѣзжаетъ за невѣстой, она сидитъ въ чужомъ домѣ. Поѣзжане отправляются за ней и, выкупивши у родныхъ, ведутъ въ домъ жениха. На пути на нихъ нападаютъ однодеревенцы невѣсты и дѣлаютъ видъ, что стараются отнять ее. Встрѣтивши отпоръ

со стороны поѣзжанъ, обыватели деревни начинаютъ надъ ними насмѣхаться и хулить невѣсту. Нападеніе на поѣзжанъ повторяется, когда они, забравши приданое, выходятъ съ нимъ изъ клѣти. Передъ выѣздомъ поѣзжане въ послѣдній разъ вступаютъ въ борьбу съ однодеревенцами невѣсты, которые стараются не выпустить ихъ изъ воротъ.

Въ другихъ мѣстахъ поѣзжанамъ объявляютъ, что дѣвушки, которую они ищутъ, нѣтъ. Получивши такой отвѣтъ, они уѣзжаютъ, потомъ ворочаются вновь. Такъ идетъ дѣло до тѣхъ поръ, пока дружка не посоветуетъ поискать невѣсту гдѣ нибудь въ надворныхъ постройкахъ. Поѣзжане бросаются тогда на поиски, осматриваютъ избу, клѣти и наконецъ находятъ невѣсту въ какомъ нибудь уголкѣ, который извѣстенъ дружкѣ, лѣтомъ иногда въ полѣ, во ржи (¹).

Ее вытаскиваютъ; она упирается и плачетъ; дѣло доходитъ до того, что женихъ дѣлаетъ видъ, будто готовъ прибить ее. На дворѣ растягиваютъ коверъ, раскладываютъ невѣсту и женихъ ударяетъ палкой по подушкѣ, которая положена у ней на спинѣ. Невѣста на время смиряется, но когда поѣзжане начинаютъ сажать ее въ телѣгу, она снова поднимаетъ крикъ и упирается. Эта сцена повторяется предъ воротами жениховскаго дома. Невѣста до тѣхъ поръ воить и зоветь своихъ родныхъ, пока женихъ не прибѣгнетъ къ бичу (²) Слѣдующую стадію въ развитіи способовъ пріобрѣтенія невѣсты занимаетъ ея купля. Обычай продажи невѣсты сложился у Вотяковъ независимо отъ какого нибудь чуждаго вліянія. Въ вотскомъ языкѣ рядомъ съ заимствованнымъ у Тюрковъ словомъ кóлымъ имѣетъ мѣсто собственное слово йы р-

(¹) Харузинъ. Юрид. Вѣст. 1883,

(²) Бехтеревъ. I. с. IX, 144.

дунъ (цѣна головы). Въ своей позднѣйшей формѣ продажа невѣсты есть одно изъ проявленій отцовскихъ правъ надѣтя. Мы увидимъ ниже, что Вотьякамъ купля-продажа дѣтей знакома была и въ другихъ случаяхъ. Въ свадебныхъ обычаяхъ сохранились воспоминанія о томъ, когда цѣна невѣсты составляла достояніе цѣлой семьи или, что еще важнѣе, ея брата. Торговаться о калымѣ, по словамъ г. Бехтерева, ѣдетъ вся родня. Во время нахождения поѣзжанъ въ домѣ невѣстина отца, съ нихъ берутъ деньги всѣ члены семьи: мать беретъ за пеленки при выдачѣ сундука съ приданнымъ, дѣти при вносѣ приданого въ избу, однопоревенцы на улицѣ, при выѣздѣ жениха съ невѣстой и приданнымъ. Значеніе выкупа имѣютъ и тѣ дары, которыми невѣста уѣзжая въ домъ жениха, надѣляетъ всѣхъ своихъ родныхъ съ мала до велика.

Въ ряду лицъ, принимающихъ деньги отъ поѣзжанъ, особаго вниманія заслуживаетъ братъ невѣсты; въ Глазовскомъ уѣздѣ онъ выдаетъ ее поѣзжанамъ, когда они находятъ ее въ домѣ сосѣда, онъ усаживаетъ ее при проводахъ въ телѣгу и вновь беретъ деньги. Намъ кажется, не будетъ большой натяжкой, если мы скажемъ, что выдающаяся роль брата ведетъ насъ еще разъ въ далекую эпоху материнства. Братъ женщины (матери или невѣсты) является первымъ мужчиной, который рядомъ съ матерью предъявляетъ несомнѣнныя родственныя права.

Въ исторіи купли невѣсты слѣдуетъ различить два главныхъ момента: первый—когда родъ жениха выдаетъ родителямъ цѣну невѣстиной головы послѣ ея похищенія; второй, когда относительно цѣны происходитъ предварительное соглашеніе при посредствѣ свата. Въ настоящее время соглашеніе становится преобладающимъ. Посредникъ между двумя семьями или родами называется азь-муртъ. Купля-продажа

въ послѣднее время у Вотяковъ также, какъ у Черемисъ, уступаетъ мѣсто свободному соглашенію между брачащими-ся, но этотъ моментъ еще не ясно выступаетъ на фонѣ цѣлаго ряда обрядовъ, въ которыхъ отражается вся исторія семьи и брака.

Послѣ замѣчаній, сдѣланныхъ относительно прошлаго вотской семьи, мы переходимъ къ современному ея состоянію. Крупнымъ отличіемъ современной вотской семьи, хотя и не всеобщимъ, являются ея размѣры. У Вотяковъ перѣдки семьи изъ 25—30 человѣкъ, живущихъ въ одномъ домѣ. На С. отъ Чепцы, по рассказамъ Вотяковъ, существуютъ семьи еще большаго размѣра—человѣкъ въ 40. По своему составу и строю такая крупная семья очень близко подходитъ къ южно-славянской задругѣ. Во главѣ ея стоитъ куз'о—набольшій, хозяинъ. Это или способный еще къ работѣ отецъ нѣсколькихъ женатыхъ и неженатыхъ братьевъ или старшій изъ этихъ послѣднихъ. Власть куз'о есть одновременно продуктъ двухъ началъ—трудоваго и начала кровнаго родства. Роль трудоваго начала выражается въ томъ, что отецъ является куз'о, когда онъ способенъ къ работѣ; сдѣлавшись дряхлымъ, онъ передаетъ старшинство тому сыну, которому пожелаетъ. „Въ Зятцахъ, передавалъ намъ старикъ Вотякъ изъ с. Кильмезь-Селты, живуть вмѣстѣ шесть братьевъ и боятся большака пуще отца: при отцѣ жили плохо, держали одну лошадь, теперь поправились, держатъ шесть лошадей“. Братъ сохраняетъ старшинство, пока управляетъ семьей согласно съ ея интересами и самъ работаетъ впереди всѣхъ. Братъ смѣняетъ большака, когда онъ начинаетъ лѣниться и особенно растрачивать семейное достояніе. Тутъ вступаетъ уже въ дѣйствіе выборное начало.

Основаніемъ выбора является не возрастъ, а хозяйственныя способности даннаго лица: при этомъ избирающіе

относятся безразлично къ вопросу, женатъ или холостъ будущій куз'о. При дѣтяхъ малолѣткахъ большакомъ можетъ быть даже работникъ. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Богаевского, куз'о, выбранный не по старшинству, а по личнымъ качествамъ встрѣчается не часто.

Права старшаго въ семьѣ представляютъ собой перенесенныя на другихъ членовъ права отца. Объемъ личныхъ правъ главы вотской семьи очень обширенъ, хотя теперь уже значительно и прогрессивно уменьшается. При изслѣдованіи свѣдебныхъ обрядовъ мы имѣли уже случай указать на тотъ фактъ, что отецъ или семья властны продать дѣвушку другой семьѣ — и тогда-же замѣтили, что это только частный случай проявленія родительскихъ правъ. Сказки, преданія и обычаи Вотьяковъ даютъ нѣкоторые, хотя и скудные, указанія на то, что родителямъ и въ частности отцу принадлежало когда-то право жизни и смерти относительно дѣтей. Прежде, чѣмъ приводить доказательства, слѣдуетъ условиться относительно того значенія, которое можетъ имѣть народное творчество, какъ историко-юридическій матеріалъ. Варьируя извѣстное изреченіе „*nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu*“, можно сказать, что нѣтъ той бытовой черты въ сказкѣ, преданіи или пѣснѣ, которая не существовала-бы когда нибудь въ жизни: произведеніе народнаго творчества переживаетъ вѣка: каждое поколѣніе приспособляетъ его по возможности къ условіямъ окружающей жизни, но эти приспособленія имѣютъ мѣсто въ деталяхъ; крупные, основные факты, дающіе смыслъ и интересъ произведенію, остаются неизмѣнными, не смотря на весь свой архаизмъ.

Г. Верещагинъ приводитъ рассказъ жителей села Полома (Сарап. уѣзда?) объ одномъ Вотякѣ, который, узнавши, что въ озерѣ К о т ы р е с т ы лежитъ кладъ—бочка съ золотомъ и серебромъ —и добыть его можно, зарѣзавши на берегу

человѣка, заманилъ туда роднаго сына, но тотъ догадался и убѣжалъ. Вотяки называли деревню и даже, кажется, имя этого владыискателя (¹).

Признавая всю исключительность явленія, подобнаго тому, о которомъ говорить г. Верещагинъ, мы все же можемъ сдѣлать изъ него выводъ, что вотскому уму не чужда мысль о правѣ отца на жизнь своего порожденія. Другой примѣръ даетъ намъ помѣщаемая ниже въ приложеніи вотская сказка Уфимской губерніи. Оксей (князь), разсердившись на то, что маленькій сынъ нарушилъ его приказаніе, приказываетъ заложить лошадей и выгоняетъ на нихъ сына, куда его глаза будутъ глядѣть.

Въ новѣйшемъ (V-мъ) эскизѣ Н. Г. Первухина мы находимъ драгоцѣнные слѣды разсматриваемаго права въ нѣкоторыхъ обрядахъ, имѣющихъ мѣсто въ случаѣ болѣзни дѣтей. Когда ребенокъ очень захирѣетъ, надъ нимъ совершается „жагаэкуштонъ“ или „шакта-вылэкуштонъ“—т. е. выбрасываніе на соръ (отбросы разнаго рода?): совершенно голаго ребенка выбрасываютъ, т. е. кладутъ на сложенную предъ избой кучу сора. Когда операція продѣлана, на улицѣ по близости появляется какой-нибудь подговоренный заранѣе однодеревенецъ, поднимаетъ ребенка съ кучи, произноситъ надъ нимъ разныя благожеланія и входитъ за тѣмъ въ избу родителей, поздравляя ихъ съ новорожденнымъ, котораго тутъ-же называетъ новымъ именемъ (²). Г. Первухинъ совершенно основательно видитъ въ этомъ обрядѣ смягченное переживаніе древняго обычая выбрасывать или умерщвлять больнаго, негоднаго ребенка. Подобный обычай широко распространенъ у первобытныхъ народовъ и, естественно, могъ имѣть

(¹) Вот. Сос. кр. 123.

(²) Вят. Губ. Вѣд. 1889, № 56.

мѣсто у древнихъ Вотяковъ. Болѣе мягкое проявленіе родительской власти имѣеть въ подобныхъ же случаяхъ мѣсто въ другихъ мѣстностяхъ Глазовскаго уѣзда; здѣсь совершаютъ „пиналь воштонъ“ (промѣнъ, обмѣнъ ребенка): дожидаются перваго проходящаго (чаще подговореннаго) и отдають ему ребенка; спустя нѣкоторое время человекъ, взявшій ребенка, входитъ въ избу и говоритъ: „нашелъ ребенка; да благоустроится“. Въ актахъ, которые пріобрѣли въ настоящемъ случаѣ чисто символическій характеръ и совершаются тотчасъ одинъ за другимъ, нельзя не видѣть переживаній изъ другой поры, когда родители, не рѣшаясь убить ребенка или выбросить, отдавали его прохожему съ просьбой пристроить куда нибудь и найдти имъ новаго и черезъ нѣкоторое время дѣйствительно получили новаго ребенка, котораго отыскивалъ гдѣ нибудь у подобныхъ же родителей повѣренный (¹).

Въ связи съ этими обычаями и ихъ значеніемъ мы не считаемъ безусловно невѣроятнымъ предположеніе того-же автора, что у Вотяковъ нѣкогда имѣлъ мѣсто обычай, въ силу котораго отцу предоставлялось право принять новорожденнаго или непринять т. е. осудить на смерть. Г. Первухинъ основываетъ свое предположеніе на томъ обстоятельстве, что отецъ, извѣщая о новорожденномъ, не говоритъ: „у меня родился сынъ (или дочь)“, а „я нашелъ пахаря (или праху)“; въ формулѣ извѣщенія онъ видитъ указаніе на то, что отецъ оцѣнивалъ нѣкогда трудовую годность новорожденнаго и въ зависимости отъ этой оцѣнки принималъ или не принималъ его (²). Чтобы принять существованіе подобнаго обычая, нужны еще другія доказательства, но какъ пер-

(¹) Вят. Губ. Вѣд. 1889, № 56.

(²) Ibid.

вое указаніе на него, данныя г. Первухина заслуживаютъ вниманія.

Въ Сарапульскомъ уѣздѣ имѣетъ мѣсто обычай, въ которомъ сохранилось воспоминаніе о власти родителей продавать дѣтей. Если у Вотяка не живутъ дѣти, онъ продаетъ ребенка своимъ-же семейнымъ или нищему (символическая продажа). Покупатель беретъ дитя на руки и отдаетъ за него въ уплату какую нибудь мѣдную монету. Тотчасъ за совершеніемъ фиктивной сдѣлки ребенокъ переходитъ на руки матери (¹). Обычаи, которые имѣютъ мѣсто при вводѣ дѣтей въ домъ и усыновленіи, такъ-же говорятъ объ этомъ правѣ родителей. Приемышами являются въ настоящее время дѣти бѣдняковъ. Передавая дѣтей въ чужую семью, родители въ настоящее время берутъ за нихъ немного деньгами (около рубля) или хлѣбомъ (пуда два). О платѣ за приемышей говоритъ и г. Богаевскій, прибавляя, что по народнымъ понятіямъ ребенокъ иначе не будетъ жить. Названія, которыя существуютъ въ вотскомъ языкѣ для приемышей, обозначаютъ не только актъ приема или ввода, но и актъ купли (б а с' т э м-п и, п ы р т э м-п и; б а с' т ы н ы означаетъ брать и покупать).

Наиболѣе распространеннымъ въ настоящее время явленіемъ родительской власти является отдача сына въ наемъ, въ работники. Гораздо рѣже бываетъ, чтобы отецъ выгнать сына изъ дома за непочтительность и лишалъ его наслѣдства. За то воля отца въ подобныхъ рѣдкихъ случаяхъ безапелляціонна; за сыномъ не признается правъ жаковаться.

Власть надъ сыномъ распространяется и на его семью. Отецъ выбираетъ для сына невѣсту; онъ-же можетъ и выгнать жену сына, если недоволенъ ея поведеніемъ.

(¹) Верещагинъ. Вот. Сар. у. 44.

Дѣти составляютъ собственность родителей, какъ рабочая сила. Помимо приведенныхъ уже фактовъ это выражается и въ правахъ, которыя отецъ сохраняетъ на просватанную невѣсту. Согласившись выдать дочь въ извѣстную семью, отецъ выговариваетъ себѣ право пользоваться ея трудомъ еще въ теченіе условленнаго періода времени. Въ старину, по словомъ Селтинскихъ Вотяковъ, невѣсту держали дома лѣтъ до пяти; въ настоящее время держатъ отъ двухъ до трехъ лѣтъ. У Вотяковъ Бирскаго уѣзда невѣста живетъ послѣ сватовства въ домѣ отца иногда всего недѣлю. Передаемъ здѣсь рассказъ Селтинскаго Вотяка, который характеризуетъ эту ряду: „у меня сестра просватана съ уговоромъ на два года держать. У свата семья большая, у меня нѣтъ. Сватъ давалъ калымъ сразу, я не бралъ: возмешь калымъ, нужно дѣвку отдавать, а мнѣ работницу нужно. Рядились при болякахъ (безъ нихъ не ловко); были съ трехъ домовъ—мужики и бабы—роспили четверть водки“. Со смертью мужа отецъ вступаетъ вновь въ свои права на дочь. Если семья умершаго желаетъ удержать женщину у себя, устроивши напр. (у некрещеныхъ) ея бракъ съ братомъ умершаго, она должна снова испрашивать согласія отца. Въ старину по словамъ Фр. Миллера для этой цѣли практиковался и другой обычай: братъ умершаго публично вступалъ съ его вдовой въ супружескія сношенія ⁽¹⁾.

Имущественныя права отца соотвѣтствуютъ личнымъ. Дѣти при отцѣ не считаются экономически самостоятельными: если они дѣлаютъ долги или наносятъ ущербъ чьимъ нибудь интересамъ, за нихъ отвѣчаетъ отецъ. Наоборотъ экономическія обязательства отца распространяются на его дѣтей. Неотдѣленные дѣти отвѣчаютъ за неисправное отбываніе отцемъ повинностей, за долги отца; деревенскій судъ обязываетъ

⁽¹⁾ Опис. языч. нар. 70.

въ послѣднемъ случаѣ сына жить съ отцемъ до уплаты долга.

Всѣ права, съ которыми мы видимъ отца въ вотской семьѣ, принадлежать и заступающему его большаку—куз'о. Онъ также располагаетъ по своему усмотрѣнію членами семьи—отдаетъ напр. въ работники. Онъ является представителемъ семьи въ ея сношеніяхъ съ властями, судьей между членами семейной общины (ссоры между семейными рѣдко поступаютъ на разсмотрѣніе сельскихъ властей и суда).

Рядомъ съ чертами сходства слѣдуетъ однако указать и различіе въ положеніи отца и куз'о. Въ то время, какъ отецъ распоряжается по своему усмотрѣнію, куз'о уже ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ семейнымъ совѣтомъ. Безъ совѣта съ взрослыми членами семьи куз'о не можетъ ничего ни продать, ни купить. Возвращаясь съ базара или изъ города съ покупками, онъ отдаетъ семьѣ отчетъ—сообщаетъ, сколько и на что онъ истратилъ денегъ. Совѣщаніе съ семейными обязательно предшествуетъ каждому предпріятію. Роль семейнаго совѣта рядомъ съ куз'о далеко не фикція. Куз'о всегда подчиняетъ свои соображенія мнѣніямъ семейныхъ.

Права семейнаго совѣта опредѣляются экономическимъ строемъ семьи. Со смертью отца большая семья превращается въ семейную общину съ отвѣтственнымъ распорядителемъ. Члены семьи въ нѣкоторыхъ случаяхъ и теперь еще ведутъ общее хозяйство, обѣдаютъ за общимъ столомъ, хотя живутъ даже въ отдѣльныхъ избахъ, и предоставляютъ въ общее пользованіе заработанныя на сторонѣ деньги. Какъ бы ни былъ мелокъ тотъ расходъ, который какой нибудь членъ семьи предполагаетъ произвести изъ общихъ суммъ „(хоть табаку купить)“, онъ долженъ получить.

на него позволеніе куз'о. Только ускользящіе отъ контроля доходы („на воде“ у ямщиковъ) остаются въ полномъ распоряженіи работающаго. Рядомъ съ типомъ такой полной семейной общины имѣются семьи съ относительно широкой экономической независимостью членовъ; женатые братья, живущіе въ отдѣльныхъ избахъ, ведутъ самостоятельное хозяйство, копать, завѣщаютъ при смерти. Потребность экономической свободы, если она проснулась въ Вотягѣ, находитъ свое удовлетвореніе въ отдѣлѣ. Отдѣлъ рѣдко имѣетъ мѣсто при жизни отца, но если онъ становится необходимымъ, отецъ отпускаетъ сына, выдѣляя ему часть своего имущества. Доля, которую получаетъ отдѣляющійся, зависитъ исключительно отъ воли отца. Имущество находится въ полномъ распоряженіи послѣдняго; онъ можетъ, если вздумаетъ передать его при наличности дѣтей и жены зятю; на практикѣ рѣдко бывають, впрочемъ, случаи, чтобы отецъ отдавалъ предпочтеніе одному сыну предъ другимъ.

Отдѣляя сыновей, отецъ или мать оставляютъ себѣ обыкновенно меньшую часть сравнительно съ долей того или другаго отдѣляемаго члена. Женщины при дѣлежѣ не имѣютъ значенія. Замужнія дочери и вдовы не получаютъ ничего; дѣвушки также не получаютъ доли, но они остаются при томъ братѣ, котораго любятъ, и онъ одинъ выдаетъ ихъ замужъ.

Наибольшую стойкость семейная община проявляетъ тамъ, гдѣ Вотяки свободны отъ посторонняго вліянія — въ особенности татарскаго и башкирскаго. Въ Уфимской губерніи большія семьи у Вотяковъ совершенно неизвѣстны: два, три брата не могутъ ужиться послѣ смерти отца. Куз'о предъявляетъ такія притязанія, которыя неизвѣстны вятскимъ Вотякамъ: въ то время какъ у послѣднихъ куз'о первый работникъ, уфимскій кузо норовитъ отдѣлаться отъ

всякой работы и, естественно, вызываетъ неудовольствіе братьевъ.

Съ тѣми правами, которыя имѣеть куз'о относительно младшихъ членовъ семьи, является мужъ въ своихъ отношеніяхъ къ женѣ. Мужъ въ домѣ голова—по вотяцкимъ, какъ и по русскимъ, понятіямъ. Мы знаемъ уже, что онъ могъ въ старину уступать ее, какъ вещь, въ пользованіе другаго. Въ настоящее время некрещеные Вотяки Бирскаго уѣзда имѣють право прогнать жену въ случаѣ ея бесплодія или измѣны. Крещеные Вотяки такъ же признають за мужемъ право выгнать жену собственной властью изъ дома и лишить ее содержанія. Жена напротивъ не можетъ требовать, чтобы мужъ не уклонялся отъ сожителства съ нею. Народные суды не принимаютъ жалобъ на мужа. Всякое приказаніе мужа, хотя бы не законное, безнравственное, для нея законъ. Мужъ слѣдитъ за поведеніемъ жены и является отвѣственнымъ за него лицомъ.

О личныхъ правахъ жены сравнительно съ правами мужа лучше всего даютъ понятіе условія развода. Разводъ имѣеть мѣсто у некрещеныхъ Вотяковъ. Самое слово, служащее для его обозначенія, показываетъ, что онъ направленъ противъ женщины — *кышно дюкыс'кэм* (прогнаніе жены). Разводъ производится выбранными стариками отъ имени общины--по три человекъ для каждой стороны. Старики по жалобѣ мужа постановляютъ разводъ, спросивши для формы согласіе жены. Въ случаѣ жалобы жены на мужа кенешъ старается только примирить супруговъ.

Зависимое положеніе женщины въ семьѣ обнаруживается и въ мелочахъ обыденной жизни. Женщины обѣдаютъ отдѣльно отъ мужчинъ. У Вотяковъ Бирскаго уѣзда онѣ имѣють въ избѣ особое мѣсто вдалекѣ отъ стола. Помѣща-

емый въ приложеніи рисунокъ схематически представляетъ положеніе семейныхъ около стола.

На почетное мѣсто и на стулъ куз'о женщина не имѣетъ права сѣсть въ присутствіи мужчинъ. Положеніе молодой невѣстки обставлено еще большими стѣсненіями. На первыхъ порахъ она должна прятаться отъ свекра и закрывать въ его присутствіи лице платкомъ до подбородка; потомъ она въ теченіе цѣлаго года не имѣетъ права сказать свекру хотя-бы слово, не можетъ упомянуть даже его имени. За каждое нарушеніе этого запрета она должна уплатить ему пеню—рубашку или что нибудь подобное. Въ присутствіи свекра, старшихъ деверей, сосѣдей и старшихъ снохъ молодуха не можетъ показываться босикомъ или съ открытой головой (тоже явленіе имѣетъ мѣсто и въ отношеніяхъ зятя къ тестю и тещѣ). „Стыдѣніе“ молодухи предъ родными мужа имѣетъ мѣсто и въ Сарапульскомъ уѣздѣ. По словамъ г. Верещагина молодуха во время сѣнокоса не имѣетъ права сама снять съ себя верхній холщевый кафтанъ и работать въ одной рубашкѣ. Шот-деремъ предъ началомъ работы съ нея снимаютъ семейные и она угощаетъ ихъ за это кумышкой (1).

Въ экономическомъ отношеніи жена болѣе обезпечена, чѣмъ въ личномъ. Здѣсь оказываетъ свое вліяніе тоже уваженіе къ труду, которое мы видѣли регулирующимъ экономическія отношенія семейной общины. Любопытнымъ и осязательнымъ доказательствомъ уваженія къ трудовому началу являются права женщины на распоряженіе кумышкой. Кумышка готовится изъ хлѣба, который принадлежит обоимъ супругамъ, но трудъ, который женщина вложила въ ея приготовленіе, предоставляетъ ей право распоряжаться продук-

(1) Вот. Сос. кр. 216. Ср. Харуз. I. е. 272.

томъ и мужъ не смѣетъ безъ жены распорядиться хотя бы одной чашечкой любимаго напитка. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обычай предписываетъ выступать мужчинѣ, напр. въ религіозныхъ обрядахъ, женщина не поступаетъ въ пользу мужчины своими правами. Покойный Кошурниковъ сообщаетъ, что священную кумышку, сваренную изъ муки пожертвованной Воршуду, доликаетъ тайно отъ другихъ старшая женщина въ родѣ. Она одѣвается въ мужскую одежду, молится и дополняетъ пустѣющей сосудъ ⁽¹⁾. Тоже явленіе имѣетъ мѣсто относительно доходовъ отъ льноводства. Мужъ получаетъ за свой трудъ сѣмена, волокно, а добытый изъ него холстъ составляетъ полную собственность женщины. Личныя средства женщины въ вотской семьѣ состоятъ, по словамъ г. Первухина, въ Глазовскомъ уѣздѣ кромѣ того изъ доходовъ отъ поденщины въ семьѣ, отъ праздничныхъ заработковъ, отъ продажи приплода птицъ и животныхъ, полученныхъ ею въ приданое, отъ продажи тканей, приготовленныхъ изъ шерсти приданныхъ овецъ ⁽²⁾.

Въ то время, какъ въ семьѣ женщина находится въ значительной зависимости отъ мужчины, въ общинѣ она пользуется правами, какія не вездѣ выпадаютъ на ея долю даже у болѣе цивилизованныхъ народовъ. Женщина является равноправнымъ съ мужчиной членомъ общины именно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ въ другихъ мѣстахъ мужчина стремится завоевать для себя монополію—въ области религіи, культа. Вотьяки не устраниаютъ женщинъ отъ участія въ общественномъ богослуженіи. Мало того, есть случаи, когда женщина или дѣвушка играетъ въ немъ даже главную роль. Въ окрестностяхъ Ижевскаго завода дѣвушки однѣ совершаютъ обрядъ изгна-

(1) I. с. 23.

(2) Вят. Губ. Вѣд. 1889, № 73.

нія шайтана, вооружившись для этого палками ⁽¹⁾. Въ Сосновскомъ краю дѣвушки избираютъ жреца во время лѣтняго праздника гуждора; мужчины и замужнія женщины играютъ въ праздниѳ второстепенную роль ⁽²⁾. Во время такъ называемаго шортъ-мыс'кона старшая изъ женщинъ принимаетъ на себя роль жреца, читаетъ молитву и приноситъ жертву рѣкѣ, бросая въ нее хлѣбъ и возливая кумышку ⁽³⁾. Рычковъ говоритъ о весеннемъ жертвоприношеніи, которое совершали женщины въ честь богини Калдык-мумы, а Фуксъ объ освященіи женщиной-жрицей брачнаго союза. Въ другихъ случаяхъ женщины принимаютъ въ религіозныхъ актахъ равное участіе съ мужчинами. Передъ весеннимъ праздниѳомъ „тулысь куала пыронъ“ женщины и мужчины деревни вмѣстѣ избираютъ изъ среды мужчинъ двухъ жрецовъ и двухъ заклателей, парчасей ⁽⁴⁾. Во время жертвоприношенія женщины играютъ и здѣсь главную роль. Жрецы принимаютъ отъ нихъ для жертвы кумышку. Тоже явленіе имѣетъ мѣсто при домашнихъ моленіяхъ во время гер-бера, при экстренныхъ жертвоприношеніяхъ Ивмару во время засухи и Нюлесъ-Мурту весной. Въ послѣднемъ случаѣ жрецы принимаютъ отъ женщинъ не только кумышку, но и стряпню ⁽⁵⁾. Въ Глазовскомъ уѣздѣ во время гуждора съ жрецами сидитъ тырѣпукысь и тырѣбаба ⁽⁶⁾. Исключаются женщины только изъ нѣсколькихъ жертвоприношеній. По словамъ Макса Буха въ окрестностяхъ Ижевскаго завода замужнихъ женщинъ не

(1) I. с. 617.

(2) Верещагинъ. Вот. Сос. кр. 38.

(3) Первухинъ. Эск. II. 111.

(4) Вот. Сос. кр. 43.

(5) Ibid. 53.

(6) Первухинъ. I. с. 37.

допускають до участія въ общественныхъ жертвоприношеніяхъ предкамъ⁽¹⁾. Здѣсь исключеніе понятно: участвуютъ только лица, связанные кровнымъ родствомъ съ умершими; женщины, какъ взятая изъ другихъ родовъ, не имѣютъ никакихъ отношеній къ поминаемымъ предкамъ. Затѣмъ женщины не допускаются къ жертвоприношеніямъ Керемету⁽²⁾. И здѣсь мотивъ исключенія понятенъ: Кереметь есть духъ, заимствованный Вотяками, можетъ быть, чрезъ Черемись у Тюрковъ; при служеніи ему должны соблюдаться, естественно, тюркскіе обычаи. Въ иныхъ случаяхъ исключеніе женщинъ нужно приписать вліянію Татаръ—сосѣдей, напр. въ Мамадышскомъ уѣздѣ, гдѣ женщина не имѣетъ права войти въ священную рошу⁽³⁾. Женщина не участвуетъ при такъ называемомъ сизъ-копѣ и при экстренномъ жертвоприношеніи Нюлесь - мургу осенью въ случаѣ особаго множества волковъ, но здѣсь отсутствуютъ не однѣ женщины, а и всѣ члены семейства, кромѣ домохозяевъ⁽⁴⁾. Затѣмъ въ жизни Вотяковъ имѣетъ мѣсто цѣлый рядъ праздниковъ, когда женщины деревни держатъ себя совершенно независимо отъ мужей и послѣдніе не рѣшаются проникнуть въ ихъ компанію. Бабы выбираютъ себѣ изъ мужиковъ старшину и двухъ защитниковъ (помоложе) и кутятъ однѣ. Выбранные мужики должны защищать ихъ отъ остальныхъ мужиковъ деревни⁽⁵⁾. Старшина въ бабьей компаніи далеко не пользуется соответствующимъ своему званію авторитетомъ. За какое нибудь

(1) I. с. 610.

(2) Верецагинъ. Вот. Сос. кр. 53.

(3) Островскій. I. с. 37.

(4) Верецагинъ. Вот. Сок. кр. 45.²

(5) Первухинъ. Эск. II, 109.

неловкое распоряженіе и въ особенности за непослушаніе бабьей толпѣ его подѣ часъ порять розгами ^(*)).

Семейная община составляетъ элементарную общественную единицу, которую знаютъ Вотяки. За предѣлами ея имѣются другія, болѣе обширныя, но менѣе гѣсныя сочетанія индивидуумовъ. Первое мѣсто по близости къ семейному союзу представляетъ союзъ сосѣдей, или бѣляковъ. Новѣйшіе наблюдатели констатируютъ важную роль бѣляка въ жизни Вотяковъ, но недостаточно объясняютъ ее. Сосѣдскія отношенія у Вотяковъ представляютъ развитіе семейныхъ. Уяснить смыслъ ихъ всего лучше поможетъ намъ языкъ. У Вотяковъ Малмыжскаго уѣзда бѣ л а к означаетъ не всякаго сосѣда, но о т д ѣ л е н н а г о р о д с т в е н н и к а. Однородное явленіе представляетъ значеніе слова быче (биче) у Глазовскихъ и Слободскихъ Вотяковъ. Въ Слободскомъ уѣздѣ (д. Омеинская = Чабья-гурть) быче означаетъ сосѣда, въ Глазовскомъ близкаго родственника. Параллелизмъ этихъ значеній уясняется изъ обычая старинныхъ Вотяковъ, заводя отдѣльное хозяйство, селиться рядомъ съ своими родными. Бѣл'акъ — членъ рода, сохраняющій при экономической обособленности личныя, нравственныя связи съ семьей. Свидѣтельствомъ связей, соединяющихъ бѣлаковъ, являются общія по основнымъ элементамъ тамги (подѣм-пусы). Бѣл'акъ не участвуетъ въ экономическихъ операціяхъ давной семейной общины; какъ отдѣлившійся членъ, онъ не дѣлитъ ни ея тагостей, ни ея прибытковъ, — но въ вопросахъ личнаго характера онъ пользуется такими-же правами, какъ и членъ семьи. Мы видѣли уже, что его присутствіе необходимо для сдѣлки между сватами. Онъ призывается и въ другихъ предпріятіяхъ семьи. Въ Бирскомъ уѣздѣ бѣл'ави

(*) Ibid. 107.

призываются на моленіе, которымъ заканчивается обрядъ усыновленія. Усыновляющій варитъ кашу и молится съ ней одинъ на дворѣ, моля Инмара послать усыновляемому счастье; затѣмъ зоветъ въ избу бѣлаковъ, изъ которыхъ каждый также молится, взявши въ ложку каши и обернувшись лицомъ къ двери т. е. къ солнцу. На свадьбѣ совокупность участвующихъ лицъ составляютъ бѣляки. Бѣляк-же участвуетъ въ похоронахъ, онъ первый будетъ извѣщенъ и о всякомъ несчастіи, постигшемъ Вотяка ⁽¹⁾. Помимокровныхъ связей бѣляковъ объединяетъ и общность культа: люди, находящіеся въ отношеніяхъ бѣлаковъ между собою, молятся въ одной квалѣ. Въ средѣ бѣлаковъ не можетъ быть браковъ. Союзъ бѣлаковъ также экзогамиченъ, какъ и семейная община. Какъ въ главѣ семьи, такъ и въ главѣ бѣляковъ стоитъ куз'о, которому они оказываютъ, по словамъ одного наблюдателя, слѣпое повиновеніе. Случится бѣда, собирается секретный кенешъ и на немъ по совѣту коштана постановляется тотъ или другой способъ дѣйствій. Такой коштанъ пользуется значительными выгодами отъ своего положенія. Сосѣдъ ничего не посмѣетъ продать, не предложивши ему ⁽²⁾.

Бѣлацкія отношенія сливаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ отношеніями однопоселенцевъ, которыя можно обозначить отношеніями буск'ел'ей.

Громадная масса селеній своими названіями указываетъ на происхожденіе отъ одного основателя. На пространствахъ Глазовскаго, Малмыжскаго, Сарапульскаго и Елабужскаго уѣздовъ мы встрѣчаемся съ селеніями, которыя носятъ патронимическія названія—Налага-пи, Малек-пи, Шем-пи, Тава-пи, Маде-пи, Крюж-пи, Бисар-пи. Въ виду того, что п и по

(1) Богаевскій I. с. 41.

(2) Вят. кал. на 1880 г. 45.

вотски значить сынъ, мы можемъ поставить эти селенія рядомъ съ русскими: Марковцы, Аксеновцы и т. д. Не смотря на форму единственнаго члена, п и означаетъ группу людей, имѣющихъ общаго предка. Это очевидно изъ того, что въ Малмыжскомъ уѣздѣ совокупность бѣлаковъ обозначаютъ терминомъ п и такого-то (Ардашь-п и въ Кильмезь-Селты). Обычай называть жителей того или другаго селенія дѣтьми такого-то распространенъ гораздо шире, чѣмъ это позволяютъ констатировать официальные источники—списки населенныхъ мѣстъ. Въ то время, какъ селеніе носить официальное названіе Дзятца, Пышья, народъ называетъ жителей ихъ Дзятца - пийось, Пышья-пийось — сыновья Дзятцы, Пышья (¹). Въ Казанской губерніи, по словамъ г. Островскаго, почти каждая вотская деревня представляетъ совокупность индивидуумовъ одного рода (²).

Другимъ свидѣтельствомъ въ пользу того, что общинныя отношенія развились у Вотяковъ изъ родовыхъ, является значеніе слова г у р т ь. Мы уже видѣли, что это слово означаетъ одновременно и домъ — жилище семьи — и деревню. Само собою разумѣется, что послѣднее значеніе явилось позднѣе, какъ результатъ разрастанія семьи.

Происхожденіе общины до извѣстной степени даетъ намъ возможность уяснить себѣ объемъ правъ, которыми пользуется въ жизни Вотяка общинный совѣтъ — к е н е ш, з і и н и т ѣ связи, которыя объединяютъ однодеревенцевъ. Община охватываетъ своимъ вліяніемъ всю совокупность жизненныхъ отношеній — отношенія между родителями и дѣтьми, мужемъ и женой, членами отдѣльныхъ семей. Такія важныя въ жизни деревни дѣла, какъ начало тѣхъ или

(¹) Вят. Губ. Вѣд. 1851, 385 стр.

(²) I. с. 26.

другихъ полевыхъ работъ, совершаются неизмѣнно послѣ совѣщанія домохозяевъ. Передъ началомъ пашни (гѣрны-поттовъ) всѣ домохозяева собираются въ одну избу и послѣ совѣщанія опредѣляютъ день, въ который выѣзжать въ поле. Кенешъ опредѣляетъ затѣмъ время жертвоприношенія и родъ жертвы (¹). У некрещеныхъ Вотяковъ Бирскаго уѣзда совѣтъ деревенскихъ стариковъ слѣдитъ за поведеніемъ молодежи и регулируетъ семейныя дѣла. Мы знаемъ уже, что старики расторгаютъ связь между супругами. Извѣстны случаи, когда роль выборныхъ стариковъ въ жизни семьи обнаруживается и положительнымъ образомъ. У Бирскихъ Вотяковъ имѣетъ широкое распространеніе такъ называемый левиратъ, т. е. обычай меньшаго брата жениться на вдовѣ старшаго. Обычай этотъ держится въ виду выгоды, которая онъ представляетъ для дѣтей умершаго. Подобные браки обязательно устраиваются при участіи стариковъ деревни, которые уговариваютъ обѣ стороны. У крещеныхъ Вотяковъ вліяніе общины на брачныя дѣла сказывается въ тѣхъ же случаяхъ, но въ иной формѣ. Если умираетъ единственный работникъ семьи и остается молодая женщина, кенешъ указываетъ ей мужа, котораго она должна принять въ домъ (пѣртосъ) или предлагаетъ выйти замужъ въ другую деревню. Всякій раздоръ въ семьѣ подлежитъ суду кенеша. Кенешъ наказываетъ сына, который не повинуется отцу, семейныхъ, которые ссорятся между собою, жену, которая оказывается невѣрною мужу. Онъ является свидѣтелемъ при семейныхъ раздѣлахъ, когда они производятся полюбовно, — совершаетъ дѣлежъ собственной властью, когда между братьями нѣтъ согласія, гарантируетъ раздѣлившимся обладаніе ихъ долями. Если одинъ изъ дѣля-

(¹) Вот. Сос. кр. 35.

щихся не подчиняется постановленію кенеша, его наказываютъ тѣмъ, что лишаютъ участія въ принадлежащихъ общинѣмъ угодьяхъ или назначаютъ на какую нибудь хлопотливую общественную должность (въ разсылные). Въ случаѣ драки въ деревнѣ на другой-же день собирается кенешъ, который старается уладить дѣло.

Кенешъ, далѣе, является воспитателемъ и судьей по отношенію къ каждому члену общины. Онъ борется всѣми зависящими отъ него средствами съ нищенствомъ—оказываетъ помощь въ случаѣ независящихъ отъ воли человѣка бѣдствій, производитъ давленіе на лѣнтыя, который разстраиваетъ свои дѣла, заставляя его работать и указывая самую работу. Кенешъ является далѣе ближайшимъ, чаще единственнымъ судьей человѣка, нарушившаго своимъ поведеніемъ интересы общины. Онъ разбираетъ дѣло и налагаетъ на виновнаго штрафъ. Эрдманъ приводитъ замѣчательныя по своей архаичности формы испытанія, которымъ подвергаются тяжущіяся стороны. Въ случаѣ спора изъ-за межъ на истца возлагается обязанность пройти съ кускомъ земли на головѣ до границы своего участка. Немногіе рѣшаются переступить свою межу и вступить на чужую землю изъ страха керемета (sic!). Въ другихъ случаяхъ тяжущихся заставляютъ съѣсть съ ножа кусокъ хлѣба съ солью, вырѣзанный изъ цѣльнаго каравая въ мѣру специально для этой цѣли назначенной дощечки или выстрѣлить изъ лука въ поставленную на столъ медвѣжью голову (*).

Разъ заговоривши объ испытаніяхъ, приведемъ судебный обычай, имѣющій мѣсто не на кенешѣ, а въ домѣ потерпѣвшаго. Если воръ неизвѣстенъ, потерпѣвшій пригла-

(*) Reisen im Innern Rufflands II, 28.

шаетъ всѣхъ однопоревенцевъ и предлагаетъ съѣсть съ ножа кусокъ хлѣба, положеннаго на икону, перебирая въ рукахъ волчьи жилы и особыя травы (¹). Чтобы испытаніе не показалось обиднымъ, а искъ напраснымъ, потерпѣвшій первый продѣлываетъ всѣ требуемыя операціи (²).

Совокупность наказаній, которой располагаетъ кенешъ, довольно разнообразна. Кромѣ классическаго сиванія съ виновнаго, на него по усмотрѣнію общины налагается обязанность или уплатить часть недоимки за умершихъ членовъ общины или внести извѣстную сумму для покупки жертвы при общественномъ богослуженіи. Иногда наказаніемъ, которое налагаетъ община, является безчестье. Намъ рассказывали случай, когда Вотяку, укравшему дровъ, привѣсили на шею полѣно и водили въ такомъ видѣ по улицѣ подъ стувъ лутошекъ. Въ другой разъ такая-же процессія была устроена съ Вотякомъ, который укралъ мѣшокъ овса. Злополучный мѣшокъ висѣлъ на шеѣ у вора. Н. Г. Первухину старики - Вотяки сообщали, что въ былое время кенешъ располагалъ даже правомъ лишить жизни преступника. Стоило кенешу, обсуждающему дѣло, замолкнуть и виновный зналъ, что ему грозитъ смерть.

Ознакомившись съ происхожденіемъ вотской деревенской общины и ея внутреннимъ строемъ, мы можемъ сдѣлать попытку опредѣлить права въ ней отдѣльныхъ членовъ.

Языкъ даетъ намъ право заключить, что въ предѣлахъ вотской общины имѣетъ мѣсто нѣкоторая правовая дифференціація. Вотяки различаютъ массу, простыхъ людей „токма калыкъ“ (слов. Зеленова) и куз'о-йось, узыр-йось, толшак-йось. Первые состоятъ изъ извѣстныхъ уже намъ куз'о. Зна-

(¹) Врещагинъ. Вот. Сос. кр. 211.

(²) Ibid.

ченія богатый, руководитель, коштавъ, господинъ, купецъ, которыя имѣеть это слово рядомъ съ названіемъ старшаго въ семьѣ даетъ намекъ на ихъ соціальное значеніе. Узыр-йось — люди, выдающіеся ихъ толпы своимъ богатствомъ. Толшав-йось означаетъ коштановъ, людей, которые выдаются изъ толпы не богатствомъ, а личными качествами—умомъ, жизненнымъ опытомъ, характеромъ. Между коштанами встрѣчаются люди прямо бѣдные. Старый вятскій наблюдатель даетъ намъ картину кенеша, которая знакомитъ съ взаимнымъ положеніемъ всѣхъ этихъ общественныхъ элементовъ. „На кенешахъ рѣшаютъ дѣла узыр-йось и толшав-йось. Ктонибудь изъ этихъ лицъ высказываетъ свое сужденіе по дѣлу и обращается къ окружающимъ съ вопросомъ. „озь'-а“? (такъ-ли?)—озь, озь („такъ-такъ“), отвѣчаютъ другія вліательныя лица и толпа постановляетъ согласно мнѣнію лучшихъ людей.

Изъ преобладанія коштановъ не слѣдуетъ однако заключать о развитіи и роли въ вотской общинѣ кулачества. Вотяки вышли, конечно, давно уже изъ той поры, когда между ними не было имущественныхъ различій и возникающихъ на этой почвѣ зависимыхъ отношеній бѣднаго отъ богатаго. Уже одинъ языкъ, помимо живыхъ наблюденій, въ состояніи показать, что въ вотской общинѣ имѣютъ мѣсто долги (тырон, с'отон', шег) и проценты (пель), должники (уджась) и кредиторы (ростовщики—пел' бас'тыс'-йсс), хозяева (мод) и работники—наемщики (медо, вар). Но формы кредита отличаются у Вотяковъ особой суровостію. Въ вотскихъ общинахъ еще достаточно широко развита безвозмездная ссуда. Если у одного изъ сосѣдей есть лишняя лошадь, а у другаго нѣтъ, первый уступаетъ таковую второму на время безъ всякаго вознагражденія. Ссуда денегъ имѣеть такой же характеръ, какъ и ссуда вещей. Селтинскіе Вотя-

ки говорили намъ, что у нихъ рѣдкій беретъ проценты— въ особенности у богатыхъ. Во время податей богатые вносятъ за бѣдныхъ, не договариваясь на счетъ процентовъ. Въ случаѣ несостоятельности должникъ уплачиваетъ работой или позволяетъ кредитору отобрать у себя вещи на сумму долга. Вещи эти можетъ выкупить онъ самъ, а за смертью его наследники. Въ томъ случаѣ, если назначается процентъ, онъ не превышаетъ 10 въ годъ. Людей, которые спеціально занимались-бы ростовщичествомъ, въ такомъ большомъ селеніи, какъ Кильмезь-Селты, не оказалось.

При отсутствіи экономического гнета богатѣйшихъ членовъ общины роль узыр-йосъ и толшак-йокъ слѣдуетъ приписать той дисциплинѣ и уваженію къ старшимъ, которыя прививаются Вотьякимъ въ предѣлахъ большой семьи.

За деревенской общиной слѣдуютъ болѣе крупныя общественныя сочетанія мэр'ы и эл'и. При настоящихъ условіяхъ тѣ и другіе не имѣютъ уже гражданскаго характера и сохранились, какъ религіозные союзы. Мэръ представляетъ собою общественную группу, которая извѣстна не однимъ Вотьякамъ. Онъ извѣстенъ и Черемисамъ. Можно думать, что мэр'ы имѣли мѣсто и у Чуди. Нѣкоторымъ намекомъ на это является названіе одного урочища въ Малмыжскомъ уѣздѣ—Чудзимэръ-бусы. Это названіе можно перевести „поле чудскаго мэра (Чуди)“. Въ настоящее время мэр'ы сохранились въ Бирскомъ уѣздѣ и означаютъ союзы нѣсколькихъ деревень, связанныхъ общими жертвоприношеніями. Семь деревень, сосѣднихъ съ Варяжемъ, напр., составляютъ мэр'ы. Что касается эл'ей, то они означаютъ совокупность всѣхъ лицъ, связанныхъ происхожденіемъ отъ одного родоначальника. О количествѣ членовъ эл'я можно судить потому, что главы ихъ—эль-йыр'ы—являлись сотниками въ XVIII в. Эл'и, по своему значенію, мы думаемъ, совпадаютъ.

съ тѣмъ, что новѣйшіе изслѣдователи Вотяковъ обозначаютъ терминомъ „племя“, и что имѣетъ своимъ показателемъ общее родовое имя. Собранія эл'ей имѣютъ мѣсто такъ-же, какъ и мэровъ, исключительно для общихъ молитвъ и жертвоприношеній. На былую обособленность эл'ей указываетъ интересный обычай обучать родныхъ невѣстки своимъ пѣснямъ (молитвамъ?), имѣющей мѣсто на Ю. Сарапульскаго уѣзда.

Глава IV.

Вѣрованія Вотяковъ. Предварительныя замѣчанія о языкѣ въ связи съ вѣрованіями. Возрѣнія Вотяковъ на сонъ и смерть. Понятія о душѣ и духахъ умершихъ, обнаруживающіяся въ произведеніяхъ народнаго творчества, погребальныхъ и поминальныхъ обрядахъ. Происхожденіе культа предковъ.

Предшествовавшія главы были посвящены уясненію условій, среди которыхъ проходитъ жизнь вотскаго народа. Мы видѣли природу, которая его окружаетъ, познакомились съ тѣми средствами, которыми онъ поддерживаетъ свое существованіе, изучили по мѣрѣ возможности тѣ формы организаціи, которыя даютъ возможность личности извлекать наибольшую сумму выгодъ изъ своего труда. Съ настоящей главы мы вступаемъ въ новую область явленій, въ область идей, вѣрованій, обрядовъ и созданий творчества, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ и формами особенностямъ духовной природы народа.

Большая часть этихъ явленій говоритъ о прошлыхъ, пережитыхъ эпохахъ духовнаго развитія: слова языка, космологическія идеи, вѣрованія, обряды не сейчасъ возникли въ сознаніи народа; они держатся въ силу традиціи, не имѣя подчасъ въ немъ корней. Исслѣдователь долженъ пользоваться ими прежде всего, какъ матеріаломъ для исторіи духовнаго развитія народа.

Первымъ продуктомъ духовнаго творчества народа является языкъ. По своимъ связямъ съ фізіологіей и психологіей языкъ можетъ разсматриваться съ весьма разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Для историка и этнографа важны не звуковые и морфологическіе законы, а такъ называемая семазіологическая сторона языка—т. е. значенія составляющихъ его словъ. Здѣсь первое мѣрило духовныхъ силъ народа, здѣсь ключъ къ уясненію многихъ явленій изъ другихъ областей его духовной жизни.

Вотскій языкъ извѣстенъ еще весьма недостаточно. Единственный словарь Видемана, по отзывамъ спеціалистовъ, очень далекъ отъ желательной полноты. Это обстоятельство не должно однако удерживать насъ отъ попытки сдѣлать изъ наличнаго матеріала кое-какіе культурно - историческіе выводы.

Первое, что бросается въ глаза всякому изслѣдователю, болѣе или менѣе внимательно проштудировавшему названный вотскій словарь, это отсутствіе у Вотяковъ такихъ словъ, которыя требовали-бы предварительной обобщающей и абстрагирующей дѣятельности мысли. Мы знаемъ уже, что Вотякъ для обозначенія братьевъ употребляетъ описательный терминъ старшій-младшій (агайо-выно), для обозначенія понятія дитя—мальчикъ - дѣвочка (пиналь). Такой строй словъ указываетъ намъ на то, что они создавались на такой ступени умственнаго развитія народа, когда общія черты, соединяющія въ одну логическую категорію мальчика и дѣвочку, старшаго и младшаго брата были еще недоступны сознанію. На отсутствіе или слабое развитіе отвлекающей способности у древнихъ Вотяковъ указываетъ то, что слова отвлеченнаго характера они или заимствовали у Тюрковъ или по типу тюркскихъ, съ ихъ суффиксами, создали собственные слова. Въ первой главѣ, въ отдѣлѣ словъ, заим-

ствованныхъ Вотьяками у Татаръ, мы видѣли уже достаточное количество заимствованныхъ абстракцій; примѣромъ созданія собственныхъ словъ по аналогіи съ заимствованными можетъ служить слово б а д з ы м л ы в — начальство (отъ вотскаго корня б а д з ы м большой, начальникъ).

Всматриваясь далѣе въ семасіологію вотскаго языка, мы находимъ, что слабое развитіе анализирующей способности ума, породившее два первыя явленія, имѣетъ и другія послѣдствія въ языкѣ. Въ связи съ низкимъ развитіемъ анализа стоитъ обыкновенно неудовлетворительность представлений о сходствѣ и несходствѣ между предметами. Умъ, обладающій слабыми аналитическими способностями, по несущественнымъ признакамъ сближаетъ въ одну категорію различныя по существу явленія. Такія сближенія нашли свое выраженіе въ вотскомъ языкѣ въ рядѣ разнородныхъ значеній, которыя имѣетъ одно и тоже слово. И н (ин') означаетъ напр. небо, занавѣску у кровати и банный полкъ; п ы д (нога) въ сочетаніи съ словомъ ш у н д ы — солнце означаетъ лучъ (нога солнца); с и н (глазъ) въ сочетаніи съ словомъ о ш м е с' (ручей) означаетъ отверстіе, изъ котораго бьетъ вода. (Ср. Чер. шинза); б ö р (задъ) въ сочетаніяхъ означаетъ конецъ (арня-бөръ — суббота, конецъ недѣли) п ы д е с, означающее почву, поверхность на которую ступаетъ нога, употребляется для обозначенія темени и ладони; б а н (щека, лицо и остree) въ сочетаніяхъ гурез — б. холмъ, инмарбанъ — небо, п у н ы с — начало, конецъ, вершина, вѣтъ. Дальнѣйшимъ проявленіемъ слабого развитія анализа является неспособность разобраться между дѣйствіемъ и дѣятелемъ, дѣйствіемъ и причиною, дѣйствіемъ и предметомъ, на который оно простирается. Результатомъ такого состоянія сознанія являются такіе факты, какъ то, что о ж означаетъ войну, битву и войско, д ö й нужду, страданіе

болѣзнь и ядъ, порчу, колдовство; п у к с' о н—сидѣніе (въ смыслѣ акта, закаты) и стуль.

Особенности, которыя обнаруживаетъ вотскій языкъ, должны послужить основаніемъ для того, чтобы научнымъ образомъ истолковать вѣрованія и образы вотской мифологіи. Отсутствіе ясности и раздѣльности сознанія и слабость анализа, обнаружившіяся въ языкѣ, отразились и на тѣхъ представленіяхъ объ окружающемъ, которыя нашли себѣ выраженіе въ вѣрованіяхъ и космологическихъ идеяхъ, отразились въ силу того, что на первой стадіи развитія вѣрованіе ничѣмъ не отличается отъ какого бы то ни было сужденія, которымъ формулируется впечатлѣніе, произведенное на человѣка тѣмъ или другимъ явленіемъ природы.

Изъ массы сужденій, которыя ежедневно вырабатывалъ Вотякъ, одно легло въ основаніе всего зданія его міровоззрѣнія и системы обычаевъ; это сужденіе: всякій предметъ въ природѣ имѣетъ душу или духа. Духъ есть причина, *causa efficiens* явленія. Вотяки Бирскаго уѣзда очень опредѣленно выразили это воззрѣніе, когда говорили намъ, что урожай не бываетъ тогда, когда хлѣбный духъ (дію уртъ) уходитъ куда нибудь на другое поле (¹).

Прежде, чѣмъ приступить къ изученію духовъ отдѣльныхъ явленій, мы должны ознакомиться съ вотскими воззрѣніями на того духа, который подалъ поводъ создать массу другихъ—на человѣческую душу. Языкъ и поэзія Вотяковъ даютъ намъ возможность прослѣдить, какимъ образомъ у нихъ сложилось представленіе о присутствіи въ человѣкѣ особаго начала, которое они называли л у л или у р т и въ какихъ отношеніяхъ это начало представляется съ тѣломъ. Когда сильный испугъ парализируетъ на нѣкоторое

(¹) Ср. Тайлоръ. Перв. культ. I, 53—«душа риса».

время члены Вотяка, онъ, подобно окружающимъ, замѣчаетъ разницу между этимъ состояніемъ и послѣдующимъ и дѣлаетъ заключеніе, что изъ него сначала вышло, а потомъ опять вошло нѣчто, дававшее его тѣлу возможность совершать разнообразныя дѣйствія. Это воззрѣніе отражается въ языкѣ тѣмъ, что для обозначенія сильнаго испуга у Вотяковъ употребляется выраженіе у р т э з ко ш к ѣ м — духъ ушелъ. Подобнымъ же образомъ Бирскіе Вотяки объясняютъ путешествія, которыя человѣкъ совершаетъ во снѣ: въ то время, какъ тѣло лежитъ на одномъ мѣстѣ, духъ выходитъ изъ него и странствуетъ по разнымъ мѣстамъ. У Казанскихъ и Глазовскихъ Вотяковъ есть сказка, въ которой это вѣрованіе нашло яркое конкретное выраженіе. „Въ древнее время, читаемъ мы у Гаврилова, два человѣка пошли въ лѣсъ драть лыки. Одинъ изъ нихъ былъ „табачникъ“. Устали они драть лыко, сѣли отдыхать; одинъ курилъ, а другой спалъ. Когда одинъ курилъ, душа (дулыз) спящаго вышла изо рта со звукомъ ш ы р (т. е. скоро) и, полетѣвши на сосну, вошла въ дупло и опять вернулась назадъ; потомъ, вошедши въ ротъ, разбудила спящаго. Тотъ, когда проснулся, сказалъ товарищу: я сейчасъ видѣлъ сонъ. Тотъ сказалъ: какой?— Въ дуплѣ одной сосны я нашелъ деньги въ двухъ трубахъ. Потомъ они вернулись. Табачникъ пошелъ опять туда и, посмотрѣвъ въ дуплѣ сосны, нашелъ деньги въ двухъ трубахъ“ (1). Эта замѣчательная сказка заключаетъ въ себѣ полную вотскую теорію сновидѣнія; душа выходитъ изъ тѣла, приходитъ, видимо для окружающихъ, въ различныя соприкосновенія съ предметами внѣшняго міра, затѣмъ возвращается въ тѣло и будитъ его, т. е. возвращаетъ ему жизнедѣятельность; то, что человѣкъ видѣлъ во снѣ т. е. что видѣлъ его духъ, выйдя временно изъ тѣла, такъ же реально,

(1) Гавриловъ I. с. 124. Ср. Тайлоръ. I. 23. «душа Гуинтерама».

какъ и то, что человѣкъ видитъ въ бодрственномъ состояніи: именно тѣ предметы и именно на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ видѣлъ спавшій, находитъ другой человѣкъ, которому сновидѣніе сообщено. При такихъ воззрѣніяхъ на сонъ вполне понятно, почему Вотякъ спѣшитъ принести жертву умершимъ, когда увидитъ кого-либо изъ нихъ во снѣ: онъ вѣритъ въ то, что его духъ дѣйствительно встрѣтился съ духомъ покойнаго. Въ нихъ-же источникъ происхожденія вѣры въ оборотней: обращеніе человѣка въ звѣря, видѣнное во снѣ, признается также реальнымъ, какъ и все видимое на яву (¹).

Въ виду тѣхъ объясненій, которыя даются временному прекращенію полной жизнедѣятельности отъ испуга и во снѣ, естественно рѣшеніе, къ которому пришелъ умъ Вотяка предъ фактомъ смерти. То состояніе мысли, при которомъ различныя вещи сближаются по несущественнымъ, случайнымъ признакамъ сходства въ одну категорію, вполне объясняетъ намъ, почему древній Вотякъ понималъ смерть, какъ временный выходъ души изъ тѣла, подобный сну и испугу (луд потон—смерть, выходъ души, дыханія).

Лучшимъ матеріаломъ для изученія вотскихъ воззрѣній на смерть служатъ сказки, напечатанныя въ вышедшихъ за послѣдніе годы трудахъ г.г. Верещагина и Первухина. Молодая Вотячка, у которой умеръ мужъ, приглянулась Нюлесь-мурту, говоритъ одна сказка. Чтобы добиться ея любви, Нюлесь-муртъ является къ ней, принявши видъ мужа. Молодая женщина сначала удивилась, но когда мнимый мужъ объяснилъ ей, что ему стало тяжело смотрѣть на ея слезы и онъ рѣшилъ вернуться къ ней, она обрадовалась, накормила его ужиномъ и провела съ нимъ ночь.—Сказка эта имѣетъ, несомнѣнно, очень древнее происхожденіе: въ ней нѣтъ и помина о томъ

(¹) Ср. Г. Спенсеръ. Основ. соціол. I, 154.

страхъ предъ умершимъ, который былъ привить позднѣйшими воззрѣніями на покойника; она проникнута самой глубокой вѣрой въ то, что умершій можетъ, если вздумаетъ, снова возвратиться на землю, къ своей обыденной жизни. Другая сказка о покойницѣ-людоѣдкѣ вполне объясняетъ отношеніе молодой вдовы къ рѣчамъ Нюлесъ-мурта. Купецъ, нанимая мальчика караулить свою умершую дочь - ладоѣдку, обѣщаетъ черезъ третью ночь выдать покойницу за него замужъ. Мальчикъ на третью ночь запасся скрипкой и почти всю ночь игралъ плавовые мотивы. Покойница такъ увлеклась пляской, что позабыла время, когда ей нужно было ложиться въ гробъ, и вышла за мальчикомъ изъ церкви. Послѣ этого она вышла за мальчика замужъ ⁽¹⁾. Если возможность возвращенія въ среду живыхъ представляется естественной для человѣка, который умеръ на глазахъ людей, котораго завѣдомо погребли въ могилѣ, то тѣмъ естественнѣе вѣра въ возвращеніе такихъ людей, которые погибли невидимымъ для другихъ образомъ, напр. утонули. Вотскій эпосъ показываетъ, что люди не сразу приходятъ къ мысли о томъ, что утонувшій человѣкъ умеръ и не можетъ вернуться къ жизни. Въ томъ-же эскизѣ г. Первухина имѣются двѣ сказки, въ которыхъ разсказывается о томъ, какъ утопленницы, жившія въ работницахъ у водянаго, съ согласія этого послѣдняго выходятъ замужъ за людей и возвращаются на землю ⁽²⁾.

Древне-вотское воззрѣніе на отношеніе души и тѣла послѣ смерти нашло свое выраженіе въ сказкѣ, записанной г. Верещагинимъ въ Сосновскомъ краѣ: въ одномъ домѣ блуждалъ по ночамъ духъ неотпѣтаго покойника; нашелся сол-

⁽¹⁾ Первухинъ. Эск. IV, 79, 52.

⁽²⁾ Ibid. 67.

дать, который выслѣдилъ, откуда появляется привидѣніе; когда добрались до мѣста, откуда выходило оно, то увидѣли трупъ колодника въ кандалахъ. Тѣло покойника не обнаруживало признаковъ разложенія: щеки горѣли румянцемъ, какъ у спящаго. Конецъ сказки носить на себѣ печать христіанскаго вліянія: когда покойника отпѣли, трупъ рассыпался въ прахъ и привидѣніе болѣе не являлось (¹). Въ этой сказкѣ ясно выражено вѣрованіе, что при извѣстныхъ условіяхъ жизнь тѣла не прекращается послѣ смерти. Въ другой сказкѣ, записанной тѣмъ-же изслѣдователемъ, это возрѣніе выражается полнѣе: душа колдуньи входитъ въ тѣло и выходитъ изъ него. Чтобы предупредить такія путешествія умершаго колдуна, Вотяки считаютъ необходимымъ вколотить въ могилу осиновый колъ. Изъ содержанія сказокъ ясно, что смерть только на болѣе продолжительное время раздѣляетъ душу и тѣло, но не прекращаетъ существующей между ними связи. Съ этимъ выводомъ вполне согласны вотскія вѣрованія. Вотяки Сарапульскаго уѣзда говорятъ, что тѣло послѣ преданія землѣ видитъ сны, какъ и спящій, другими словами, духъ умершаго, какъ и духъ живаго человека, по временамъ выходитъ изъ тѣла и совершаетъ странствованія (²).

Погребальные и поминальные обряды дополняютъ тѣ представленія о смерти, которыя нашли свое выраженіе въ языкѣ, поэзіи и вѣрованіяхъ.

Опишемъ прежде всего тѣ обряды, съ которыми мы ознакомились лично во время путешествія къ Вотякамъ. Подобно черемисскимъ, вотскіе погребальные обряды свидѣлствуютъ прежде всего о мысли, что съ умершимъ или съ ду-

(¹) Вот. Сос. кр. 84. Ср. Тайлоръ I. с. I, 32.

(²) Ibid. 73, 83.

хомъ его можно говорить. Нѣтъ почти ни одного момента въ обрядѣ, который не сопровождался-бы обращеніями къ покойному. Когда обмытый и одѣтый покойникъ кладется на лавку, старшая женщина въ домѣ уставляетъ около трупа чашки и приготовляетъ лепешки съ мясомъ (тукмачи). Старшій мужчина въ семьѣ беретъ лепешку, отламываетъ отъ нея трижды по кусочку и кладетъ въ одну чашку, въ другую трижды-же отливаетъ кумышки, говоря при этомъ:

Таяз дуннэин дзэч улид, На этомъ свѣтѣ жилъ
сойаз-но дзэч ул. Мил'аэмыс хорошо, живи хорошо и на
ти эн лекат, эн аналты. Дзэч томъ. Насъ не мучь, не
животмэс дзэч ворды, кіяд пы- тѣсни. Хорошую нашу ско-
дат бас'ты, пиналійосмэс-но тину хорошо береги, въ ру-
дзэч ут'ы, кулэмйоссэ коты- ви и ноги возьми, нашихъ
рад окты, калты. Дзэч жи- дѣтей смотри хорошо. Мерт-
вотмэс шур-лэс', гоп-лэс' воз- выхъ вокругъ себя собери.
ма. Со лэс'ана шуныны, вера- Хорошую скотину нашу отъ
ны уг тодыс'ы, эн л'екат. рѣкъ и овраговъ побереги.
Сойаз дуннэин дзэч ул, бэр- Кромѣ этого ничего не могу
с'ад, аз'ад эн бас'ты, эн сказать, не сердись. На томъ
ул'йас'ы. свѣтѣ живи хорошо, сзади и
спереди не хватай, не го-
няйся.

За старшимъ ту-же операцію и съ тѣми-же рѣчами продѣлываютъ и остальные члены семьи. Это — тырон (плата) умершему.

Такая же бесѣда съ умершимъ происходитъ и тогда, когда трупъ кладутъ въ гробъ: „вотъ ты нашелъ новую избу, говорятъ умершему; ее хорошо выстроили, живи хорошо, не сердись“...

Покойникъ остается въ домѣ самое незначительное время. Если смерть произошла утромъ, въ вечеру его уже стараются схоронить.

Передъ тѣмъ, какъ выносить гробъ, въ избу умершаго являются сосѣди и другіе жители деревни. Каждый приноситъ кумышкѣ, отливаетъ въ чашку покойника, пьетъ самъ и желаетъ ему счастья въ новой жизни: „будь здоровъ, живи хорошо, за нами не гоняйся, не сердись на насъ“. Когда покойника поднимаютъ, чтобы выносить изъ избы, оставшіеся просятъ его оставить свое счастье:

Шуд-дэ, дэлэт-дэ со с'эры счастье и удача съ нимъ пусть
эн лэз', мэд кыл'оз маным. не уходятъ, пусть останется
мнѣ.

Вывозъ трупа совершается при обстановкѣ, къ которой мало привыкли Русскіе. До околицы покойника несутъ на рукахъ съ пѣснями, потомъ кладутъ гробъ на сани или на телѣгу и везутъ на кладбище. Съ провожающими бываетъ обильный запасъ съѣстнаго и питій: блины, яичница, яйца, пироги, кумышка, пиво или водка. Провожать собираются съ нѣсколькихъ домовъ и всѣ являются съ своей провизіей. Надъ могилой умершаго происходитъ трапеза; умершаго приглашаютъ вмѣстѣ съ старыми покойниками прійти поѣсть и попить съ своей родней. Часть запасовъ оставляется имъ на могилѣ, часть закапывается въ ямки. Настроеніе пирующихъ далеко отъ печали—они распѣваютъ веселыя пѣсни.

Въ могилу въ Глазовскомъ уѣздѣ бросаютъ кусочки пирога, дѣтямъ сезонныя лакомства—ягоды, овощи. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ къ съѣстному присоединяются деньги.

Тани азвэс', зарни с'отыс'- Тебѣ даю серебра и зо-
ко, кійат пыдат кут, вождэ лота, не давай гнѣва, не бро-
эн вай, у'род-лы эн кушты, сай злобу, сыновей и дочерей
нылдэ, пидэ дзэч ворды, бэр- хорошо смотри, остатки смо-
кы'лэмзэ дз'эч ут', ворды; со три хорошо, на томъ свѣтѣ
дун'йад ачиннэ дз'эч ул. самъ живи хорошо.

Деньги эти называются въ Бирскомъ уѣздѣ „муз'ямъ вартымъ“—плата землѣ. Изъ поминокъ, которыя устраиваются для покойнаго, наиболѣе важными являются годовичныя, послѣ которыхъ покойникъ удаляется уже изъ сосѣдства живыхъ. Въ этотъ день колятъ животное, которое общали покойнику, когда оно родилось. Приглашается жрецъ, который передъ трапезой обращается къ усопшему съ приглашеніемъ придти на свой пирь.

ар-уйэд вуиз, виро вѣ-
раммы, вал, в'иро с'отыс-
ком, чун'и сабрас гонніэм,
бур изнэчо, вождэ эн вай,
дзэч-животмэс дзэч ворды,
асмэс-но. Бэрс'амы, азѣмы
энни в'этлы ул'йас'кы, уан',
күлэмзэ котрадъ окты, калты.
С'абас'. Лыкты с'инны, юны
чоч котырад калыкэннд.
Тино п'эр'эс' айос, п'эр'эс'
мумыйос лыктэлэ чоч с'инны,
юны.

Твои години поспѣли, да-
емъ кровавую жертву, же-
ребенка саврасаго по шерсти,
съ густой гривой. Не сердись,
хорошую скотину хорошо смо-
три и самихъ насъ сзади, спе-
реди не хватай. Всѣхъ умер-
шихъ около себя собери. Будь
здоровъ! Вмѣстѣ съ окружаю-
щимъ народомъ приходи ѣсть,
пить. И вы дѣды, бабушки
выходите ѣсть, пить.

Стоитъ покойнику явиться послѣ похоронъ во свѣ и ему немедленно устраивается т ы р о н ъ. Тотчасъ послѣ пробужденія на жолобъ поGREBA или на какоенибудь другое высокое мѣсто кладутъ яйцо и общаютъ устроить поминки, т. е. приготовить кушанье. Общанное угощеніе (каша, щи) тотчасъ же варится. Часть его съѣдаетъ семья, часть кладется въ чашку и выносится за уголь квалы. Совершая этотъ т ы р о н ъ, глава семья обращается къ умершему съ тѣми-же мольбами, что и при первомъ.

Дополнимъ эту картину отдѣльными подробностями, которыя даютъ другіе авторы. Въ былое время въ Глазов-

скомъ уѣздѣ умершему клали въ ротъ масла или сушеной говядины ⁽¹⁾, мать и теперь кормить ребенка грудью. Чтобы покойникъ не нуждался въ пищѣ, ему на ночь выбрасывали кое-чего на крыльцо ⁽²⁾. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Богаевского, тыровъ, устраиваемый тотчасъ послѣ смерти, совершается иначе, чѣмъ въ Глазовскомъ: подъ порогъ крошится хлѣбъ, поливаемый кумышкой, на столъ подъ образами въ тоже время ставятся всевозможныя кушанья и кумышка ⁽³⁾. Тотъ же авторъ сообщаетъ, что кумышка льется и въ гробъ покойнику. Г. Верещагинъ говоритъ, что Сосновскіе Вотяки провожаютъ умершаго для того, чтобы задобрить его; каждый изъ провожавшихъ онъ потомъ будетъ встрѣчать на томъ свѣтѣ и знакомить съ тѣми мѣстами, гдѣ живутъ умершіе ⁽⁴⁾. По словамъ М. Висъ Вотяки окрестностей Ижевскаго завода провожаютъ покойниковъ съ пожеланіями, которыя мы знаемъ у Черемисъ: ребенку желаютъ вырасти, не женатому парню или дѣвушкѣ счастливо вступить въ бракъ ⁽⁵⁾. Обстановка, которой окружаютъ умершаго, показываетъ, что похоронный обрядъ сложился въ ту пору, когда Вотяки считали тѣло способнымъ ко всѣмъ тѣмъ функціямъ и ощущеніямъ, которыя оно проявляетъ у живаго человѣка. Мертвый сохраняетъ, судя по ней, всѣ свойства и потребности живаго человѣка. Онъ нуждается не только въ пищѣ и питьѣ, но и въ одеждѣ, теплѣ, въ вещахъ, животныхъ и людяхъ, къ которымъ онъ привыкъ на землѣ. Въ былое время зимой покойника накрывали въ гробу шубой ⁽⁶⁾, теперь въ могилу опускаютъ съ покой-

⁽¹⁾ Бехтеревъ. I. с. IX, 154.

⁽²⁾ Гавриловъ. I. с. 184. Бехт. I. с.

⁽³⁾ I. с. 63.

⁽⁴⁾ Вот. Сос. кр. 29.

⁽⁵⁾ I. с.

⁽⁶⁾ Вят. г. 1839. Прил. къ № 3.

никомъ котель, кочедыкъ для плетенія лаптей, топоръ и др. вещи; спустя нѣкоторое время для покойника мужчины колется любимая лошадь, для женщины корова (¹). Г. Богаевскій приводитъ разсказъ о томъ, какъ объясняли Вотяки смерть двухъ церковныхъ сторожей въ одномъ селѣ: „ихъ взялъ батько“ (равѣ умершій) (²). По словамъ г. Филимонова Вотяки и Черемисы убѣждены, что если умершихъ не поминать, то они уведутъ съ собой не только скоть, но и живыхъ родственниковъ, которые имъ нужны въ будущей жизни для работъ (³).

Какъ долго по воззрѣнiямъ Вотяковъ продолжается такое существованiе умершаго, можно видѣть изъ вѣрованiй, которыя высказываются самими ими вообще, изъ произведенiй народнаго творчества и наконецъ изъ поминальныхъ обрядовъ. Идеи вѣчности Вотяки, какъ мы уже знаемъ, не имѣютъ; они взяли слово для обозначенiя ея у Тюроевъ (emgaz-dünja), но все же усопшiе считаются способными существовать неопредѣленно долгое время. По словамъ г. Верещагина, Вотяки питаютъ убѣжденiе, что души умершихъ людей одного колѣна живутъ вмѣстѣ, составляя какъ бы общую семью, въ главѣ которой стоитъ родоначальникъ (⁴). Это убѣжденiе лежитъ въ основѣ обычая отъ времени устраивать кормежки всѣмъ умершимъ родичамъ.

Съ способностью ощущать твердость или мягкость окружающихъ предметовъ, потреблять пищу и питье, съ чувствительностью къ температурѣ Вотяки представляютъ себѣ тѣло человѣка до тѣхъ поръ, пока не зарюютъ его въ мо-

(¹) Бѣст. Геогр. Общ. 1859. II, 107.

(²) I. с. 65.

(³) Черемисы. Каз. 1889. 133.

(⁴) Вот. Сар. у. 73.

гилу. Съ тѣми затрудненіями, которыя представляетъ для существованія погребеннаго человѣка насыпанная на него земля, вотская мысль справляется очень нехитрымъ способомъ. Могила съ поселеніемъ въ ней умершаго обращается въ избу обыкновеннаго земнаго типа. Въ обѣихъ сказкахъ, говорящихъ о визитѣ къ усопшимъ, на это имѣются опредѣленные указанія. Какъ совершается эта перемѣна обстановки, до этого Вотяки не додумываются. Что касается другаго вопроса, какимъ образомъ умершій выходитъ изъ могилы, когда надъ ней возвышается земляная насыпь — то Вотяки рѣшаютъ его двояко. Во первыхъ умершему приписывается искусство оборачиваться. Въ сказкѣ о колдунѣ, которую мы приводили уже раньше, обстоятельно рисуется способъ, путемъ котораго духъ умершаго выходитъ изъ могилы на землю. Колдунья-покойница выходитъ мышкой изъ маленькаго отверстія въ могилѣ; затѣмъ она обращается изъ мышки въ кошку, изъ кошки въ собаку, добѣгаетъ до деревни и въ деревнѣ обращается изъ собаки въ человѣка ⁽¹⁾. Рядомъ съ этимъ фактомъ слѣдуетъ поставить широко распространенное вотское вѣрованіе, что покойники собираются на мѣста, куда имъ выбрасывается пища, въ видѣ звѣрей ⁽²⁾. Въ другой сказкѣ разсказывается, какъ Вотякъ встрѣтилъ на кладбищѣ свою умершую свояченицу. Она стояла на своей могилѣ и заговорила съ нимъ. Спросивши, куда онъ идетъ, она велѣла закрыть ему глаза. Когда спустя нѣкоторое время онъ по призыву покойницы открылъ глаза, то увидѣлъ себя въ четырехугольной избѣ. Хозяйка покойница предупредила его, что къ ней скоро придетъ сватьба, надѣла на него рубашку своего приготовленія и спрятала подъ заловокъ. Ско-

⁽¹⁾ Вот. Сос. кр. 91.

⁽²⁾ Вот. Сар. у.

ро къ ней, дѣйствительно, съ пѣснями взошли покойники и принесли два ведра крови. Хозяйка обмакнула палецъ въ кровь и вышла провожать своихъ гостей. Вернувшись, она велѣла зятю снова закрыть свои глаза и онъ очутился на бѣломъ свѣтѣ. Когда онъ вернулся домой и сталъ разговаривать съ родными, они съ изумленіемъ стали смотрѣть по сторонамъ—слышенъ знакомый голосъ, а чело-вѣка не видно. Вотякъ догадался, въ чемъ дѣло, вышелъ въ сѣни, снялъ рубашку, подаренную свояченицей, и тутъ всѣ стали его видѣть (¹). Варіантъ этой сказки, приводимый тѣмъ-же авторомъ далѣе, рассказываетъ просто, что парень и умершая дѣвушка черезъ небольшую нору проникли въ могилу (²).

Въ обѣихъ сказкахъ мы видимъ указанія на то, что покойники пріобрѣтаютъ знанія, которыхъ не имѣютъ и не должны имѣть живые люди. Они могутъ въ своихъ чудесныхъ рубашкахъ незримо присутствовать среди живыхъ. Способы, посредствомъ которыхъ мертвые выходятъ изъ могилъ и приходятъ въ соприкосновеніе съ живыми, показываютъ, что по вотскимъ вѣрованіямъ духъ умершаго тотчасъ послѣ погребенія пріобрѣтаетъ сверхъестественныя силы и способности, которыхъ онъ не имѣлъ въ земной жизни. Этотъ выводъ стоитъ въ полной гармоніи съ тѣми представленіями о покойникахъ, слѣды которыхъ мы открываемъ въ молитвахъ, обращаемыхъ къ нимъ на поминкахъ. Таинственныя силы, которыми, судя по нимъ, обладаютъ умершіе, вполне объясняютъ и то почтеніе, которое къ нимъ питаютъ живые: Приводимъ одну изъ такихъ молитвъ, записанную нами въ селѣ Кильмезь-Селты Малмыжскаго уѣзда:

(¹) Вот. Сар. у. 178—179.

(²) Ibid. 180.

П'эр'эс ай эн чэрэ кар Дѣдушка не посылай бо-
пэ'рэс' мумы чэр эн кар, ас- лѣзни, бабушка не посылай бо-
лам муму чэр эн кар, аслам болѣзни, мать не посылай бо-
ай чэр эн кар, п о м и н а т ь лѣзни, отецъ не посылай бо-
в о т карыс'ко, уродлы эн лѣзни, я вотъ устраиваю по-
кушты, джэч' ут', джэч' вор- минки, не отдавай злу, хо-
ды, ачидно джэч ул, монэно рошо смотри, хорошо береги,
джэч ворды. самъ живи хорошо и намъ
и намъ хорошее создай.

Вотяки Сарапульскаго уѣзда изъ окрестностей Ижев-
скаго завода къ перечисленнымъ просьбамъ прибавляютъ
прошеніе, чтобы умершіе дали хорошиій хлѣбъ и всякую
ѣду ⁽¹⁾. Тексты Аминова вносятъ новыя черты въ характе-
ристику того вліянія, которое приписывается умершимъ:
„берегите нашу скотину и лошадей, дайте здоровье дѣтямъ“ ⁽²⁾.
Ярче всего рисуется жизнь и могущество умершихъ въ слѣ-
дующей молитвѣ, сообщаемой Первухинымъ: „въ свѣтѣ хо-
дите, о старики, въ иную землю ушли вы; пусть же будетъ
у васъ и хлѣба и соли вдоволь и съ пріятелями пусть вы
дружно живете! Мы остались послѣ васъ сиротами и мало-
мощными; не отрывайте-же вы нашихъ рукъ отъ работъ,
семействъ нашихъ не разстраивайте, скотину не мучьте. . .
ѣшьте, пейте и пойте пѣсни!“ ⁽³⁾. Представленія объ отно-
шеніяхъ умершихъ къ живымъ обнаруживаются въ обсто-
ятельствахъ, при которыхъ имъ приносятся жертвы.

Нѣтъ мало-мальски выходящаго изъ обыденной жизни пред-
пріятія, по случаю котораго Вотякъ не счелъ бы нужнымъ за-
добрить умершихъ предковъ подачами. Отправляется-ли Во-

(1) М. Вух. I. с. 609.

(2) Ibid.

(3) Первухинъ. Эск. II, 122.

тякъ на сватьбу или въ гости, онъ бросаетъ къ забору или къ деревенскимъ воротамъ кусочки хлѣба и просить у умершихъ благословенія. „Ярашыси“, везущіе невѣсту къ жениху, при выѣздѣ изъ деревни и у каждаго встрѣчающихся полевыхъ воротъ бросаютъ съ той-же просьбой кусочки хлѣба ⁽¹⁾. Оканчивается пашня—и деревня приноситъ жертву предкамъ, прося ихъ не сердиться ⁽²⁾. Приступаетъ семья къ жатвѣ, сѣнокосу—и старикамъ возносится молитва, чтобы они не покидали свою родню и дали полный урожай ⁽³⁾. Таже стереотипная просьба повторяется, когда переносятъ воршуда въ новую куалу ⁽⁴⁾. Выстроить Вотякъ новую конюшню и первымъ дѣломъ торопится принести въ ней жертву предкамъ, чтобы они не давили лошадей и не мучили коровъ ⁽⁵⁾. Въ случаѣ недостаточной внимательности „старики“ самими разнообразными способами даютъ почувствовать свое неудовольствіе. Если у человѣка во время ѣды выпалъ изо рта хлѣбъ, онъ знаетъ уже, что этотъ кусокъ вытащилъ покойникъ ⁽⁶⁾. Умершіе затрудняютъ для мучающейся женщины роды, задерживаютъ душу у родившагося младенца и заставляютъ упрашивать себя бабку; „предки, братья, дайте душу“—умоляетъ въ такихъ случаяхъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ бабка ⁽⁷⁾. Затѣмъ они посылаютъ на провинившихся потомковъ болѣзни, затаскиваютъ въ лѣсъ свотъ или посылаютъ на него моръ ⁽⁸⁾. Однимъ изъ наказаній, которыя практикуются

⁽¹⁾ Вот. Сар. у. 104, 125—126.

⁽²⁾ Вот. Сос. кр. 47.

⁽³⁾ Ibid 215.

⁽⁴⁾ Вот. Сар. у. 93.

⁽⁵⁾ Вот. Сос. кр. 59.

⁽⁶⁾ Munkacsí B. *Vot. Népk.* 14.

⁽⁷⁾ Вот. Сос. кр. 85.

⁽⁸⁾ Ibid. 207. Отсюда всегдашняя просьба: «эн чырты, эн мыжты».

покойниками, являются щипцы: если у Вотяка появится на шеѣ небольшое синеватое пятно, онъ говорить, что его ущипнулъ покойникъ — родственникъ (¹). Покойники между прочими винами наказываютъ за истребленіе своихъ насѣкомыхъ; такова напр. молочайная гусеница (кулэмъ муртъ бубыли) (²).

Откуда же взялось представленіе, что покойники, обладаютъ сверхъестественными силами? Происхожденіе этого вѣрованія намъ представляется совершенно яснымъ. Мы знаемъ уже, что мертвые сохраняютъ всѣ свойства живыхъ, а о древнихъ людяхъ Вотяки рассказываютъ, какъ о богатыряхъ и существахъ, способныхъ творить чудеса, оборачиваться въ разныхъ звѣрей и т. д. Эти древніе богатыри и дали, конечно, первую идею о могуществѣ предковъ. Сказки даютъ намъ ключъ къ объясненію и того обстоятельства, какимъ образомъ обыкновенные смертные пріобрѣтаютъ сверхъестественное могущество: какъ дѣвушка даетъ парню рубашку, которая дѣлаетъ его невидимымъ, такъ ранѣе умершіе предки вообще могутъ обучать своимъ тайнамъ позднѣйшихъ. Что касается ст р а х а предъ умершими, то основаніемъ его является, конечно, вѣра въ то, что умершій можетъ взять къ себѣ живущаго, если тотъ не будетъ улаживать его.

Поэзія, вѣрованія и поминальные обряды привели насъ къ убѣжденію, что Вотяки смотрятъ на смерть, какъ на переходъ въ другую жизнь, гдѣ человѣкъ сохраняетъ свою природу, свои потребности, привычки и обстановку. Есть основанія думать, что совокупность этихъ представленій держится въ настоящее время у Вотяка наполовину уже въ

(¹) Вот. Сос. вр. 76. Ср. Тайлоръ. —душа бабочка.

(²) Ibid.

силу традиціи. Лучшимъ свидѣтелемъ того разрушенія, которому, незамѣтно для самихъ Вотяковъ, подвергается ихъ взглядъ на усопшихъ и загробную жизнь, служитъ культъ или точнѣе одинъ изъ элементовъ его—жертвы, приносимыя усопшимъ. Здѣсь замѣчается колебаніе между двумя воззрѣніями: 1) что покойникъ живетъ духомъ и тѣломъ, 2) что покойникъ живетъ только духомъ. Первое вѣрованіе выражается въ томъ, что покойнику поступаетъ въ пищу то же, что и живымъ—хлѣбъ, кумышка, мясо; второе сказывается въ представленіи, что умершему въ пользованіе поступаетъ душа жертвы — подобное ей существо. Въ одной вотской сказкѣ говорится, что солдату, котораго принимали за умершаго и поминали въ то время, какъ онъ возвращался на родину все мерещилась утка; когда онъ пришелъ домой, оказалось, что его поминали уткой⁽¹⁾.

Что первое воззрѣніе утратило уже свою ясность, начинаетъ стираться, видно изъ качества и количества яствъ, достаемыхся усопшимъ отъ поминальной трапезы. Отъ поминальныхъ яствъ умершимъ откладываютъ лишь по кусочку въ буракъ или въ ямку, сдѣланную въ могилѣ съ пожеланіями, чтобы это предстало предъ ними⁽²⁾ (у нѣкоторыхъ родовъ кусочки, предназначенныя для умершихъ, выставляются на столбъ на дворѣ),⁽³⁾ отъ животнаго, которое колетъ Вотякъ, имъ посвящается кровь и кости, которыя выбрасываются на особое мѣсто⁽⁴⁾. При жертвоприношеніи въ новой конюшнѣ для умершихъ зарываются въ передній уголъ кости⁽⁵⁾. При закланіи въ память мужчины лошади,

(1) Вот. Сос. кр. 208.

(2) М. Вух. I. с. 610. Перв. Эск. II, 120—121.

(3) Верещагинъ. Вот. Сар. у. 101.

(4) Ibid. 611. «Лы-куйан».

(5) Вот. Сос. кр. 59.

въ память женщины коровы для нихъ выцѣживается въ особую посудину кровь ⁽¹⁾. Мясо ѣсть семья, кости собираются для усопшихъ въ одно мѣсто, затѣмъ въ головной черепъ кладется копѣйка, все это двое мужиковъ относятъ ночью въ пестерикѣ въ лѣсъ подѣ елку; тамъ же оставляютъ рюмку съ кумышкой ⁽²⁾.

Если во всемъ подобныя людямъ существа начинаютъ довольствоваться ничтожными частицами принесенной жертвы или негодными для живущихъ ея элементами, это самымъ положительнымъ образомъ свидѣтельствуемъ о разрушеніи прежняго вѣрованія въ полное тождество умершихъ съ живыми по природѣ и говоритъ о зародышахъ новыхъ, болѣе спиритуалистическихъ представленій. Намекомъ на возникновеніе ихъ является извѣстное уже представленіе, что умершему (духу) поступаетъ въ распоряженіе духъ же жертвы; обычай отдавать усопшимъ кровь (жизнь) жертвы составляютъ переходъ къ этимъ новымъ представленіямъ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Вот. Сос. кр. 60.

⁽²⁾ Вот. Сар. у. 101, 207—208.

⁽³⁾ Ср. «Кровь—душа». Тайлоръ. Перв. культ. II, 422. Bastian. Beitr. fur vergleich. Psych.

Глава V.

Вѣрованія Вотяковъ. Духи явленій природы. Исторія Инмара. Фетишизмъ и антропоморфизмъ. Зарожденіе спиритуалистическихъ представленій о божествахъ и слѣды его въ культѣ. Вопросъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Вотяковъ и связь ихъ съ эпохой каннибализма. Вліяніе ислама и христіанства на развитіе вотскихъ религіозныхъ идей.

Въ предыдущей главѣ было высказано общее положеніе, что сужденія объ окружающихъ предметахъ Вотякъ формировалъ по образцу сужденій о самомъ себѣ. Признавши въ себѣ тѣло и духъ, Вотякъ перенесъ это воззрѣніе на весь окружающій міръ и населилъ его массой существъ, по своей природѣ подобныхъ человѣку. Жертвуя іерархическимъ порядкомъ и культурно-исторической перепективой ради большей доказательности, мы начнемъ наше изложеніе съ сравнительно высокой стадіи развитія вотскаго анимизма, съ антропоморфныхъ духовъ дома, водъ, полей, лѣсовъ, вѣтровъ, огня, земли, неба, солнца и луны. Лучшій матеріалъ для изученія ихъ природы заключается въ народномъ эпосѣ.

Ранѣ стихійныхъ духовъ, несомнѣнно, Вотяки создали цѣлый рядъ духовъ, обитающихъ въ разныхъ людскихъ постройкахъ; таковы Корка-муртъ (домовой), Гондырь-муртъ, живущій въ конюшняхъ, Тэди-муртъ — въ банѣ (= Мунчо-муртъ), Обинь-муртъ — въ овинѣ, Вожо — въ заброшенныхъ постройкахъ.

Корка-муртъ—пожилой мужикъ въ тулупѣ, вывернутомъ наружу; видѣть его невозможно, но можно ощупать и схватить. Подобно русскому домовому, онъ исполняетъ иногда за хозяйку ея работы (¹). О его близости къ человѣку по природѣ свидѣтельствуютъ два обстоятельства. Во первыхъ Корка-мурты подмѣниваютъ своихъ дѣтей вмѣсто человѣческихъ ребятъ; чтобы обезпечить ребенка, отъ подмѣна ему, когда оставляютъ одного, кладутъ какое нибудь рѣжущее орудіе (²). Во вторыхъ нѣкоторые Корка-мурты были обращены въ людей; для этого стоило только надѣть на нихъ кресты. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ называютъ деревни, населеніе которыхъ будто-бы произошло отъ окрещенныхъ Корка-муртовъ. Жители ихъ отличаются темнымъ цвѣтомъ кожи и волосъ (³).—Гидь-муртъ ухаживаетъ за лошадьми. Это маленькій старикашка ростомъ не болѣе 1/2 аршина (⁴). О природѣ его можно судить по тому, что въ Глазовскомъ уѣздѣ рассказываютъ про мужика, который сжегъ Гидь-мурта (⁵). По другимъ рассказамъ Гидь-муртъ имѣетъ видъ медвѣдя.—Тэди-муртъ—высокій мужикъ среднихъ лѣтъ: одѣвается въ бѣлую рубаху и такія-же штаны (⁶). Въ пустыхъ, заброшенныхъ за смертью хозяевъ, домахъ живутъ Вожо-йось. Въ первой книгѣ г. Верещагина мы находимъ темное опредѣленіе: „Вожо богъ страха и привидѣній; ему приносятъ въ жертву кодъ (?) по случаю болѣзни ногъ и въ женскихъ болѣзняхъ, получаемыхъ отъ страха“ (⁷). Природа Вожо отчетливо вы-

(¹) Первухинъ. Эск. I, 91.

(²) Первухинъ. Эск. V. В. Г. В. 1889, №

(³) Верещагинъ. Вот. Сар. у. 27, 30.

(⁴) Первухинъ. Эск. I, 94.

(⁵) Ibid. 93.

(⁶) Ibid. 95.

(⁷) Вот. Сос. кр. 31.

яснилось благодаря сказкамъ, изданнымъ въ текущемъ году г. Первухинымъ. Вожо-йос могутъ принимать разные виды; они являются предъ идущими поздно ночью людьми то угломъ избы, то столбомъ ⁽¹⁾; когда нужно Вожо, принимаютъ на себя, видъ людей ⁽²⁾. Сказки много говорятъ о ихъ продѣлахъ, но даютъ недостаточно ясное представленіе о ихъ внѣшнемъ видѣ и природѣ. Между Вожо есть мужчины и женщины; тѣ и другіе не прочь отъ сношеній съ людьми и людскихъ работъ. Одинъ паренъ видалъ ихъ на своемъ гумнѣ молотащими ⁽³⁾; другой, говоритъ Гынская сказка, чуть не женился на дѣвкѣ Вожо; попъ надоумилъ его и сказалъ, что это вовсе не дѣвка, а деревянный чурбанъ ⁽⁴⁾. Они плодятся, какъ люди; плачь маленькихъ Вожо Вотяки часто слышать около нежилыхъ построекъ ⁽⁵⁾. Сказка, записанная г. Первухинымъ въ Цоломской волости, устанавливаетъ какую-то связь между Вожо и Ву-муртами. Съ пѣніемъ пѣтуха Вожо убѣгаютъ съ земли и скрываются въ воду ⁽⁶⁾. Въ Вожо можетъ обратиться всякій человѣкъ, стоитъ только Вожоямъ снять съ него крестъ ⁽⁷⁾.

Къ числу существъ, охраняющихъ интересы человѣка относятся Межа-Утисъ, Мушуръ-Утисъ, Шудъ, Воршудъ. Межа-Утисъ—бородатый мужикъ въ бѣлой одеждѣ и сѣрой шапкѣ; онъ ходитъ по межамъ и охраняетъ отъ насѣкомыхъ

⁽¹⁾ Первухинъ. Эзк. I, 100.

⁽²⁾ Ibid. IV, 56.

⁽³⁾ Ibid. 59.

⁽⁴⁾ Ibid. 58.

⁽⁵⁾ Ibid. 60.

⁽⁶⁾ Ibid. 61.

⁽⁷⁾ Ibid.

и птицъ засѣянные поля⁽¹⁾. Мушур-утись оберегаетъ рѣчки отъ пересыханія⁽²⁾.

Образъ Шуда рисуется отчетливо въ сказкѣ, записанной въ Елабужскомъ уѣздѣ г. Потанинымъ. Раздѣлились два брата. Одинъ послѣ раздѣла сталъ богатѣть, другой бѣднѣть. Проснулся разъ бѣднякъ во время страды на полосѣ и видитъ, что какой то человѣкъ ходитъ по полю, собираетъ рассоренные колосья и зерна и прячетъ ихъ въ снопы. Этотъ человѣкъ былъ Шудъ брата - богача. Гдѣ-же мой Шудъ? — спросилъ бѣднякъ. Шудъ богача сказалъ ему, что онъ увидитъ своего Шуда въ лѣсу подъ елкой; пошелъ Вотякъ въ лѣсъ, сталъ подъ елку и явился къ нему его Шудъ въ видѣ мужика въ плисовыхъ штанахъ и Александровской рубашкѣ. Щеголь Шудъ объявилъ Вотяку, что только тогда будетъ помогать ему, когда онъ начнетъ торговать⁽³⁾.

Духи явленій окружающей природы обладаютъ, подобно духамъ домовымъ, способностью обращаться въ различныя существа. Нюлесъ муртъ является иногда старикомъ въ телеграфный столбъ вышиной, иногда обыкновеннымъ человѣкомъ; случалось, что онъ оборачивался солдатомъ⁽⁴⁾. Нюлесъ-муртовъ множество, они живутъ въ лѣсу въ избушкахъ похожихъ на вотскія⁽⁵⁾. Избы эти устроены совершенно, какъ вотскія, съ полатами и печкой⁽⁶⁾. Иногда Нюлесъ мурты живутъ въ ямахъ-землянкахъ⁽⁷⁾. Они носятъ такую же

(1) Верещагинъ. Вот. Сор. у. 92.

(2) Ibid.

(3) Изв. К. О. А. И. и Э. III, 231.

(4) Верещ. Вот. Сос. кр. 155, 167.

(5) Ibid. 157.

(6) Перв. IV, 81.

(7) Ibid. 82.

одежду, какъ и люди (ихъ видали, какъ они плетутъ лапти), ведутъ хозяйство и забираютъ людей въ работники (¹). Какъ люди, Нюлесъ-мурты устраиваютъ браки и пируютъ на нихъ. Мѣсто, по которому проѣхала сватья Нюлесъ - муртовъ, можно узнать по тому, что тутъ бываетъ навалено множество сломанныхъ деревьевъ. Для своихъ поѣздовъ Нюлес-мурты выбираютъ участки людей, которые не приносятъ имъ жертвъ (²). Лошади Нюлес-муртовъ отличаются отъ человѣческихихъ тѣмъ, что летаютъ надъ лѣсомъ (³). По своему внѣшнему виду Нюлесъ-мурты отличаются отъ людей чернымъ цвѣтомъ кожи (⁴). Отношенія Нюлес-муртовъ къ людямъ часто бываетъ дружественныя (⁵). Они вступаютъ въ связи съ женщинами (⁶). Сходство Нюлесъ-муртовъ съ людьми заключается въ томъ, что, подобно людямъ, ихъ можно убивать, напр. застрѣлить изъ обыкновеннаго ружья, только зарядивши его лицевой щепкой (⁷). Глазовскіе Вотяки рассказываютъ объ охотникѣ, который сжегъ на кострѣ нѣсколько маленькихъ нюлесъ-муртенковъ, которые подошли къ нему погрѣться (⁸). Въ отличіе отъ людей Нюлес-мурты обладаютъ необыкновенной силой. Они съ корнями вырываютъ небольшія деревья и пользуются ими, какъ простой палкой (⁹). Неподростій еще нюлес-муртенковъ, прыгнувши въ избѣ Вотяка, проламыва-

(¹) Вот. Сос. кр. 158.

(²) Перв. Эск. IV, 83.

(³) Ibid. 78.

(⁴) Ibid. 80.

(⁵) Ibid. 81.

(⁶) Ibid. 80.

(⁷) Вот. Сар. у. 195.

(⁸) Перв. Эск. IV, 77.

(⁹) Вот. Сар. у. 158.

еть дыру въ потолокъ ⁽¹⁾. Свистъ Нюлесъ-мурта производить бури, которыя способны разметать человѣческія постройки ⁽²⁾. Благодаря его способности производить вѣтеръ, безъ его участія не проходитъ ни одной войны: пустить Нюлесъ-муртъ на встрѣчу войску вѣтеръ и пыль—и тѣ, которымъ онъ помогаетъ, навѣрное побѣждаютъ ⁽³⁾. Роль Нюлес-муртовъ въ лѣсу выражается между прочимъ въ томъ, что они разрѣшаютъ звѣрямъ залегать въ норы и берлоги, посылаютъ охотникамъ добычу, скотинѣ кормъ ⁽⁴⁾.

Казанскіе Вотяки говорили о Миропольскому, что въ старину въ лѣсахъ было много разныхъ духовъ—но перевелись лѣса, перевелись и духи ⁽⁵⁾. Слова своихъ казанскихъ родичей могли бы подтвердить вятскіе Вотяки, окруженные досихъ поръ еще дремучими лѣсами. Въ ихъ лѣсахъ живутъ Искаль-пыдъ-мурты, Палэсъ-мурты, Кузьпинэ-мурты, Кукрибаба, калмык-кышно. Искаль-пыд-муртъ имѣетъ видъ человѣка съ ногами, покрытыми шерстью и заканчивающимися копытами. Онъ врагъ людей и питается ихъ мясомъ ⁽⁶⁾. Палэсъ-муртъ представляетъ собою нѣкоторымъ образомъ половину человѣка. У него одна рука, одна нога, одинъ глазъ: только носъ и ротъ, какъ у человѣка ⁽⁷⁾. Кузьпине-муртъ—человѣкъ страшнаго вида съ длинными, какъ-бы волчьими зубами. Онъ живетъ въ лѣсу и питается человѣческимъ мясомъ ⁽⁸⁾.

⁽¹⁾ Вот. Сар. у. 191.

⁽²⁾ Вот. Сос. кр. 158.

⁽³⁾ Вот. Сар. у. 190.

⁽⁴⁾ Перв. Эск. IV, 82—83.

⁽⁵⁾ Прав. Соб. 1876, XII, 354.

⁽⁶⁾ Перв. I, 88.

⁽⁷⁾ Ibid.

⁽⁸⁾ Вот. Сос. кр. 158.

Какъ и другіе духи, Кузьпине - мурты не обезпечены отъ смерти. Г. Верещагинъ приводитъ сказку о томъ, какъ три брата - Вотяка попали въ избушку Кузьпинэ-муртовъ, изжарили двухъ изъ нихъ въ печи, а третьяго убили ⁽¹⁾. Цукрибаба и Калмык-кшно тождественны по своему виду съ нашей бабой-ягой⁽²⁾.

Природа Ву-муртовъ въ вотскомъ эпосѣ обнаруживается еще ярче. Ву - мурты живутъ въ рѣкахъ, озерахъ и колодцахъ. Ихъ матеріальность выражается въ томъ, что людоѣды вотскихъ сказокъ имѣютъ заготовленнымъ мясо людей и Ву-муртовъ ⁽³⁾. Наружность Ву-мурта описывается Вотяками различно. Чаще всего онъ рисуется въ видѣ обыкновеннаго человѣка, но, по словамъ г. Верещагина, нѣкоторые описываютъ его чудовищемъ съ однимъ глазомъ въ спинѣ и длинными волосами. Иногда у нихъ отпадаютъ пальцы и вырастаютъ новые. Женщины Ву-муртовъ отличаются необыкновенной красотой ⁽⁴⁾. Ву-мурты, подобно людямъ, нуждаются во врачебной помощи и обращаются за ней по временамъ къ людямъ. Безусловно необходимой для Ву-муртовъ человѣческая помощь оказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь бросить въ воду живыми щенковъ. Щенки вдѣпляются зубами въ грудь женѣ Ву-мурта и она не въ состояніи оазываться освободиться отъ нихъ ⁽⁵⁾. Подобно людямъ, они живутъ семьями и плодятся. Жены Ву - мурты испытываютъ такія - же муки роженія, какъ и обыкновенныя женщины ⁽⁶⁾. На помощь

⁽¹⁾ Вот. Сос. кр. 160.

⁽²⁾ Ibid. 166. Ср. Вот. Сар. у. 185.

⁽³⁾ Гавр. Произв. Нар. Слов. Вот. 130.

⁽⁴⁾ Вот. Сар. у. 87.

⁽⁵⁾ Перв. I. с. 63.

⁽⁶⁾ Перв. IV, 62.

родильницамъ Ву-мурты приглашаютъ бабъ повитухъ съ земли. Говорятъ между собою Ву-мурты по человѣчески⁽¹⁾. Одѣваются они какъ деревенскіе богачи⁽²⁾. Подобно Ню-лесь-муртамъ, они хорошо живутъ съ людьми, принимаютъ ихъ къ себѣ въ гости, сами ходятъ къ нимъ и караютъ только за непочтеніе⁽³⁾. Дочери Ву-муртовъ выходятъ иногда замужъ за людей⁽⁴⁾. Въ свою очередь Ву-мурты не прочь вступать въ браки съ дочерами людей⁽⁵⁾. Иногда Ву-мурты совсѣмъ даже устраиваются на житье среди людей. Въ одномъ городѣ Ву-муртъ открылъ торговлю рыбой⁽⁶⁾. Ву-мурты такъ-же, какъ и люди, смертны. Одинъ Вотакъ застрѣлилъ Ву-мурта изъ ружья; убитый упалъ въ воду и вся вода сдѣлалась отъ крови красной⁽⁷⁾.

Какъ могутъ существовать Ву-мурты въ водѣ, это такая-же тайна, какъ и существованіе умершихъ въ могилахъ. Въ водѣ для Ву-муртовъ такая-же дорога, какъ на сушѣ. Намазавшись особой, извѣстной имъ мазью, здѣсь можно ходить, какъ по землѣ⁽⁸⁾. Эта же мазь дѣлаетъ человѣка невидимымъ и помогаетъ ему видѣть Ву-муртовъ. Человѣкъ, знакомый съ Ву-муртами, можетъ ходить въ водѣ, какъ въ пузырь⁽⁹⁾.

Когда человѣку случается вступить въ владѣнія Ву-мурта, онъ такъ же долженъ закрыть глаза, какъ и живой, прони-

(1) Перв. Эск. IV, 70,

(2) Ibid. 72

(3) Ibid. 70.

(4) Ibid. 69.

(5) Ibid. 73.

(6) Ibid. 76.

(7) Ibid.

(8) Вот. Сар. у. 193—194.

(9) Вот. Сос. кр. 114.

кающій за мертвецомъ въ могилу ⁽¹⁾. Но разъ проникнувши въ воду, человѣкъ, какъ и въ мірѣ усопшихъ, видитъ такую-же близкую къ человѣческой обстановку—избу, дворъ, устланный тесовымъ поломъ, кругомъ двора высокіе амбары ⁽²⁾. Передъ амбарами Ву-мурты, какъ и люди, держатъ собакъ ⁽³⁾. У нѣкоторыхъ Ву-муртовъ дома стеклянные. Для своихъ хозяйственныхъ надобностей они, подобно Нюлесьмуртамъ, берутъ людей въ работники ⁽⁴⁾. Дома ихъ отапливаются дровами, которыя они возятъ изъ лѣсовъ (какихъ?) на лошадахъ ⁽⁵⁾. Лошади эти—превращенные люди, которыхъ Ву-мурты хватаютъ во время купанья ⁽⁶⁾. Прониквая въ воду, Ву-муртъ ударяетъ по ней палкой и она разступается. Ву-мурты обладаютъ искусствомъ оборачиваться въ разныхъ звѣрей и неодушевленные предметы ⁽⁷⁾. Въ нашей сказкѣ Ву-пери оборачивается пламенемъ, периною. Оборачиваясь въ людей, Ву-мурты разгуливаютъ по базарамъ и ихъ не отличаютъ отъ другихъ въ базарной толпѣ. Но средства узнать Ву-мурта есть: одна старуха, принимая ребенка у жены Ву-мурта, помазала себѣ дѣтскими испраженіями глазъ и стала съ тѣхъ поръ видѣть Ву-муртовъ ⁽⁸⁾; другая примѣта Ву-мурта заключается въ томъ, что лѣвая пола его кафтана всегда мокра ⁽⁹⁾.

⁽¹⁾ Перв. I. с. 62.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid. 64.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid.

⁽⁶⁾ Ibid.

⁽⁷⁾ Перв. IV, 73. Ср. наши приложенія.

⁽⁸⁾ Ibid. 62.

⁽⁹⁾ Ibid. 65.

Лудь - мурты не встрѣчаются въ извѣстныхъ до сихъ поръ произведеніяхъ вотской народной словесности. Вотскими съ представленіями о нихъ насъ знакомить рассказъ одного Казанскаго Вотяка, записанный священникомъ Миропольскимъ. Вотякъ во время болѣзни видѣлъ цѣлую семью Лудь - муртовъ — мужчину и женщину съ груднымъ ребенкомъ ⁽¹⁾. По представленію Глазовскихъ Вотяковъ это маленькій человѣчекъ ростомъ съ пятилѣтняго ребенка. Ростъ его можетъ уменьшаться или увеличиваться, смотря по тому, гдѣ онъ находится—между колосьями или луговой травой ⁽²⁾. Имя духа вѣтровъ Тылъ-мурта упоминается впервые у Шестакова ⁽³⁾; о Тылъ-пэри говоритъ въ своемъ первомъ эскизѣ г. Первухинъ. У Глазовскихъ Вотяковъ этотъ духъ рисуется по видимому, съ недостаточной ясностью: г. Первухинъ говоритъ, что свойства и наружность этого божества неизвѣстны: именемъ Тылъ-пэри Вотяки называютъ вихрь ⁽⁴⁾.—

Намъ посчастливилось найти матеріалы, въ которыхъ природа Тылъ-пэри обнаружилась съ такой-же ясностью, какъ и природа выше описанныхъ муртовъ; это прилагаемыя ниже сказки Вотяковъ Бирскаго уѣзда. Въ воображеніи Бирскихъ Вотяковъ Тыл-пэри рисуются въ тѣхъ-же очертаніяхъ, какъ и другіе стихійные духи. Тылъ-пэри или Даупэри имѣютъ человѣкообразную природу: они живутъ подъ землей въ роскошныхъ домахъ и похищаютъ себѣ въ жены земныхъ женщинъ. Они отличаются громадной силой, но человѣкъ можетъ, напившись особаго питья, бороться съ Тылъ-пэри и даже побѣждать ихъ. О приближеніи Тылъ - пэри свидѣтельствуютъ черныя тучи.

⁽¹⁾ Прав. Соб. 1876, XII, 353.

⁽²⁾ Перв. Эск. I, 87.

⁽³⁾ Вѣст. Геогр. Общ. 1859. II,

⁽⁴⁾ Перв. I, 87.

За духами, которые во множествѣ населяютъ окружающую Вотяка міръ, слѣдуютъ одиночные духи, свойственные одиночнымъ же явленіямъ природы—таковы духи солнца, луны, неба и земли, грома, молніи, дождя. Въ представленіяхъ объ этихъ духахъ у Вотяковъ совершился тотъ-же процессъ, который намъ извѣстенъ у Черемисъ. Вотяки знаютъ Шунды-мумы, Музьамъ-мумы, Гудури-мумы, т. е. мать солнца, мать земли, мать грома и рядомъ съ ними въ сказкахъ солнце и луна рисуются въ видѣ мужчинъ.

Нѣкоторые изъ этихъ духовъ имѣютъ въ сказкахъ вполне ясныя антропоморфныя черты. Солнце и луна рисуются въ воображеніи Вотяковъ въ видѣ существъ мужескаго пола, столь близкихъ по природѣ своей къ людямъ, что между ними возможны брачные союзы. Венгерскій изслѣдователь Вотяковъ г. Мункачи приводитъ въ своемъ сборникѣ сказку, въ которой рассказывается о томъ, какъ одинъ человѣкъ женился на сестрѣ солнца—дочери Шунды-мумы. У г. Верещагина напечатана другая сказка—о мужикѣ, который выдалъ двухъ своихъ дочерей за Солнце и Луну. Обѣ сказки опредѣленными чертами рисуютъ природу этихъ существъ. Солнце и Луна—человѣкообразныя существа. Солнце—плѣшивый старикъ, на голомъ темени котораго, какъ на сковородѣ, можно печь блины. Луна—мужикъ, у котораго пальцы испускаютъ свѣтъ. Оба живутъ въ избахъ, съ разными хозяйственными пристройками—погребами и пр. Изба солнца отличается отъ обыкновенной человѣческой только тѣмъ, что въ ней нѣтъ печи ⁽¹⁾. Въ сказкѣ г. Мункачи обстановка солнца рисуется болѣе подробно. На краѣ земли стоитъ пышный дворецъ, какого нѣтъ и у царя. Здѣсь живетъ солнцева мать. Сюда прилетаетъ каждый вечеръ, отсюда выле-

(1) Вот. Сос. кр. 139—140.

таетъ каждое утро солнце. Во дворцѣ стоитъ два котла: одинъ съ ледяно-холодной, другой съ кипящей водой. Вылетая изъ своего дворца утромъ, солнце сначала погружается въ холодный, потомъ въ кипящій котелъ; возвращаясь оно проходитъ сначала черезъ кипящій, а потомъ черезъ холодный. Способность не мерзнуть, не жечься и держаться на небесной высотѣ солнце можетъ сообщить человѣку, какъ Вумуртъ способность ходить въ водѣ и духи умершихъ способность проникать въ могилы. Герой сказки, записанной г. Мункачи, въ теченіе одного дня выполняетъ на небѣ должность солнца—съ его позволенія. Но царь, которому онъ сообщилъ секретъ, погибъ въ кипящемъ котлѣ. Сестры солнца обладаютъ такимъ же могуществомъ, какъ и Вумурты: жена Вотяка въ одну ночь, созвавши духовъ, воздвигаетъ громадныя постройки⁽¹⁾. Вотскія легенды, изданныя въ новѣйшее время г. Первухинымъ, даютъ матеріалъ для характеристики вотскихъ воззрѣній на природу духа земли—Мукылдысина. Пока свѣдѣнія объ этомъ существѣ ограничивались именемъ и устраиваемыми въ честь его жертвоприношеніями, его—природа была неясна. Одни говорили о женскомъ божествѣ, матери—землѣ, другіе о мужскомъ, третьи видѣли въ словѣ Кылдысинъ простой эпитетъ Инмара—творецъ-небо⁽²⁾. Два обстоятельства даютъ намъ въ настоящее время право констатировать, что въ представленіяхъ о землѣ у Вотяковъ имѣетъ мѣсто таже двойственность, что и въ представленіяхъ о солнцѣ. Было время, когда земля представлялась женщиной. Кромѣ имени, которое держится еще до сихъ поръ, въ пользу этого предположенія говоритъ и аналогія. У родственныхъ Вотякамъ Зырянъ со-

(1) Munkacsi B. Votjak Népköl. Nag. 69—72.

(2) Гавр. I. с. 157, М. Buch. I. с. 593, Перв. I, 12.

хранилось воспоминаніе о богинѣ, которая исполняла функціи вотскаго Кылдысина—ходила по межамъ и охраняла посѣвы. Эта богиня носить въ настоящее время русское имя полосницы—пѣлѣзничка⁽¹⁾. Позже въ этихъ представленіяхъ совершился переворотъ; мѣсто женщины у Вотяковъ занялъ старикъ съ длинными сѣдыми волосами, въ длинной бѣлой одеждѣ. Онъ жилъ въ такой-же куалѣ, какъ и всѣ Вотяки и ходилъ по широкимъ межамъ, заботливо поднимая каждый вагнувшійся хлѣбный колосокъ⁽²⁾. Два образа, которые явились одинъ за другимъ въ сознаніи Вотяка, онъ примирилъ, породнивши земную мать и Кылдысина. Вмѣсто матери—земли явилась Кылдысинъ-мумы.

Особо отъ цѣлаго ряда антропоморфныхъ божествъ стоятъ Инмаръ и Квась. Надъ объясненіемъ имени перваго божества работаль не одинъ этнографъ. Всѣ толкованія сводятся къ тому, что имя Инмара составилось изъ двухъ вотскихъ словъ ин или ин'—небо и мар—что. Такое толкованіе намъ представляется недостаточно удовлетворительнымъ. Прежде всего противъ него говорить довольно таки бессмысленная композиція; перевода буквально это сочетаніе словъ, мы получимъ „небо-что“. Можно сказать навѣрное, что другаго примѣра такого построенія слова не укажетъ въ вотскомъ языкѣ ни одинъ филологъ. Пускай этимъ именемъ первобытный Вотякъ пытался обозначить то нѣчто, которое владычествуетъ надъ доступнымъ его чувствамъ объектомъ, и не сумѣлъ оформить яснѣе свою свою мысль. Но почему-же тогда мы не имѣемъ рядомъ съ Инмаромъ — Шунды-мар'а, Ву-мар'а, Гудуры-мар'а Нюлес-мар'а, Тыл-мар'а. Вѣдь нѣчто, предполагаемое Вотяками за этими

⁽¹⁾ Рефер. Кавдинскаго въ М. О. Л. Е. А. и Этн.

⁽²⁾ Перв. Эск. I, 8.

явленіями также мало ясно для нихъ, какъ и вѣчто, стоящее за видимымъ небомъ. Какъ объяснить то, что обозначивши для воды, лѣса, вѣтра, грома и солнца стоящаго за ними духа именемъ м у р т ь или м у м ы, Вотякъ сочинилъ для неба неуклюжую смѣсь вопросительнаго мѣстоименія съ названіемъ предмета? Не логичнѣ ли было бы ожидать, что создавши муртовъ воды, вѣтра, лѣса и т. д. онъ создалъ и Ин-мурта или Ин-морта — небснаго человѣка? Мы рѣшаемся утверждать, что имя И н м а р ь смѣвило первичное И н м у р т ь: за такое толкованіе логика вотской миеологіи, противъ него, повидимому, и фонетическій составъ слова — гласный а вмѣсто у или о и отсутствіе въ концѣ согласнаго т. Было-бы желательно, чтобы специалисты-филологи высказались въ пользу или противъ подобнаго измѣненія слова. Считать такую замѣну теоретически невозможной мы не видимъ основанія. Въ пользу нашего предположенія говорить одна изъ индукцій общаго языковѣдѣнія: у с т о й ч и в о с т ь ф о н е т и ч е с к и х ь э л е м е н т о в ь с л о в а з а в и с и т ь о т ь т о г о , в ь к а к о й с т е п е н и н а р о д ь с о з н а е т ь з н а ч е н і е м о р ф о л о г и ч е с к и х ь ч а с т е й е г о (Будуэнъ-де-Куртэнэ). Теряетъ народъ въ силу тѣхъ или другихъ причинъ представленіе о томъ, что означаетъ данный комплексъ звуковъ и устойчивое равновѣсіе его нарушается: звуки, не сдерживаясь морфологическимъ чутьемъ, подвергаются разнообразнымъ измѣненіямъ, которыя вызываются физиологическими и другими причинами. Представимъ себѣ, что по какимъ нибудь причинамъ Вотякъ, произнося слово Ин-муртъ, пересталъ понимать его, какъ небо-человѣкъ или небсный человѣкъ, что для него стало невозможнымъ сочетать понятіе о небѣ и человѣкѣ. Чего должны мы ожидать въ силу приведеннаго выше положенія? Морфологическая часть сложнагослова Ин-муртъ — м у р т ь перестанетъ

вызывать идею человѣка, утратить свои корни въ сознаниі, обратится въ ничего не знающій комплекс звуковъ, сольется нераздѣльно съ первой частью (И н) и можетъ подвергнуться самымъ разнообразнымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ фонетическихъ законовъ вотскаго языка; согласный т въ концѣ слова отпадетъ, какъ отпадаютъ лишніе согласные въ сотняхъ подобныхъ случаевъ. Исторія религиозныхъ идей у Вотяковъ констатируетъ, какъ фактъ, то, что мы приняли, какъ предположеніе. Принятая нами перемѣна въ представленіяхъ о небѣ, дѣйствительно, совершилась у Вотяковъ. Вотскій анимизмъ, вѣроятно, не позже XIII в. пришелъ въ соприкосновеніе съ мусульманскимъ монотеизмомъ. Въ сознаниі Вотяковъ вторгнулись новыя идеи. вмѣсто сонма разныхъ духовъ, управляющихъ явленіями природы, имъ стали говорить о единомъ Богѣ, создавшемъ міръ и управляющемъ имъ. Гдѣ обитаетъ этотъ великій Богъ—спрашивалъ естественно анимистъ-Вотякъ мусульманина и получилъ отвѣтъ на небѣ. Какъ смотрѣть на духовъ, управляющихъ водами, лѣсомъ и т. д.?—Это шайтаны, враги Бога. Прошли вѣка, въ теченіе которыхъ Вотякъ колебался между двумя религиозными міровоззрѣніями; на смѣну ислама явилось христіанство и снова Вотякъ слышитъ о единомъ Богѣ, снова въ отвѣтъ на вопросъ, гдѣ его жилище, ему указываютъ на небо, снова называютъ шайтанами, бѣсами тѣхъ духовъ, которыми онъ населялъ міръ. Не естественно-ли было при такихъ условіяхъ, что у Вотяка подъ давленіемъ новыхъ идей исчезла изъ сознаниа та черта, которая объединяла духа неба съ другими духами—его человѣчность (мурт-ство, если простителенъ въ интересахъ ясности такой варваризмъ). Съ тѣхъ поръ, говоря Инмуртъ, Вотякъ не представлялъ уже себѣ небснаго человѣка; это имя оторвалось отъ цѣпи родственныхъ по морфологическимъ элементамъ и строю именъ

другихъ стихійныхъ духовъ—и слово муртъ обратилось въ простой комплексъ звуковъ, устойчивость котораго утратила свою основу въ сознаниі. Что такой разрывъ между духами совершился въ сознаниі Вотяковъ, мы видимъ изъ отношеній, которыя возникли между духами земли и небомъ. Вумурты и Нюлес-мурты сохранили свои добрыя отношенія къ человѣку, по старому дружатъ съ нимъ; но съ небеснымъ духомъ они уже во враждѣ: стоитъ помянуть его имя и могущество ихъ обращается въ ничто. Подробнѣе объ этомъ переворотѣ въ міросозерцаниі Вотяка мы скажемъ ниже. Здѣсь намъ нужно было констатировать его только для того, чтобы включить Ин-мара въ серію муртовъ, управляющихъ отдѣльными явленіями природы.

Въ сторонѣ отъ всѣхъ духовъ, имя которыхъ ясно указываетъ на ихъ функцію, остается Квась, котораго рядомъ съ Инмаромъ и Кылдысиномъ призываютъ въ своихъ молитвахъ Глазовскіе и Слободскіе Вотяки. Квась неизвѣстенъ, какъ божество нигдѣ, кромѣ этихъ уѣздовъ. Н. Г. Первухинъ на основаніи а) выраженія к в а з ь-л э н, употребляемаго Вотяками въ случаѣ какой нибудь болѣзни б) того, что Глазовскіе Вотяки употребляютъ три способа передачи костей божеству (сожженіе, зарываніе въ землю и складываніе на сучья), в) обычая ихъ молиться Инмару подъ сосной, Кылдысину подъ березой, приходитъ къ заключенію, что Квась богъ—атмосферы и властитель надъ жизнью и смертію людей. Мы позволяемъ себѣ не вполне согласиться съ толкованіемъ уважаемаго изслѣдователя. Въ виду недостаточности данныхъ, на которыхъ онъ строитъ свой выводъ, мы во время своей поѣздки по Глазовскому и Малмыжскому уѣзду произвели спеціальныя распросы относительно Квазя. Намеки на значеніе слова к в а з ь мы нашли еще предварительно въ Вят. Губ. Вѣд. Здѣсь въ статьѣ 1839 г. имѣется указаніе, что

у Вотяковъ Глазовскаго уѣзда К в а з ь значить богъ. Въ рукописныхъ вотскихъ словаряхъ священниковъ Мышкина и Зеленова мы нашли подь словомъ к в а з ь выраженія, дающія нѣкоторые намеки на природу этого существа. Показаніе стараго автора подтвердилось переводомъ кваз'-лэп эрикъ = воля судьбы, божья.

Затѣмъ выраженіе „Квазь шукурйаскэ = гремитъ, градъ идетъ“ навело насъ на мысль, что подь Кваземъ пужо разумѣть или небо или громовника. Въ с. Ежевскомъ на вопросъ, предложенный бесермянину: „какъ по вашему небо?“ мы получили въ отвѣтъ—Куаз'. На заданные затѣмъ вопросы: „какъ сказать—громъ гремитъ, молнія блеситъ“, мы получили отвѣты: „К у а з' г ы д ы р'й а, К у а з' ш у э р'й а с'к э“. Представленіе о небесномъ богѣ, творцѣ грома и молніи выяснилось изъ этихъ отвѣтовъ вполне. Въ деревнѣ Чурашурѣ (бесермянско-вотяцкой) на вопросъ: „какъ по вашему—богу молюсь?“ мы получили отвѣтъ „Куаз'лы вос'ас'ко“. Въ селѣ Кильмезь-Селты на вопросы: „какъ по вашему небо, громъ гремитъ, молнія блеситъ“ мы получили тотъ-же отвѣтъ, что и въ Ежевскомъ: „Кваз', Кваз' гудыр'йа, Кваз' чил'екйа“ (тѣже фразы мы слышали въ д. Варяжъ Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи). Русскую фразу „сегодня небо синее“ намъ перевели по вотски; „т у н н э К у а з' л ы з“. На новые вопросы: „какъ сказать: дождь идетъ, снѣгъ идетъ“ мы получили: „К у а д з' з о р э, К у а д з' л ы м'й а“. Небо, покрытое тучами, Вотякъ назвалъ К у а д з' п и л е м о, небо безоблачное—К у а д з' п и л е м т э м. Въ то же время на вопросъ, какъ по вашему „богъ“, „молиться богу“ намъ отвѣчали „И н м а р т ъ“, „И н м а р л ы в о с' а с'к о н“. Мы повторяли затѣмъ тѣже вопросы въ селеніяхъ Пудга и Ягшуръ—Бодья Сарапульскаго уѣзда и въ отвѣтъ получали: небо—И н м а р т ъ, И н м а р б а м т ъ, громъ гремитъ — И н

маръ гудурйа, молнія сверкаетъ — Инмаръ чилекйа. Фразу „на небѣ звѣзда“ здѣсь намъ переводили „Инар-бамъ-кизили“. Синонимичность словъ Инмаръ и Ин обпаружилась въ томъ, что въ Варяжѣ Уфимской губерніи ту же фразу — „на небѣ звѣзда“ намъ перевели „Инын кизили“. Власть повелителя неба надъ громомъ и молніей констатирована была кромѣ того всеобщимъ употребленіемъ выраженія „Инчашшем (или чашшем)“ для русской фразы „громъ разбилъ (дерево) или убилъ (человѣка, животное).

Сопоставляя данныя языка, мы приходимъ къ заключенію, что Квазь и Инмаръ тождественны по своей природѣ и кругу дѣятельности: оба являются въ глазахъ Вотяковъ одухотвореннымъ небомъ, оба располагаютъ громомъ и молніей. Фигура Квазя рисуется яснѣе въ языкѣ—онъ не только производитъ молнію и громъ; въ его власти тепло и холодъ, свѣтъ и тѣма, дождь и снѣгъ—т. е. все то, что видимымъ образомъ даетъ небо. Какимъ образомъ у Инмара явился двойникъ, которому нельзя выдѣлать особой сферы дѣятельности? Намъ кажется, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ образомъ только въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что образъ Квазя заимствованъ Вотяками у одного изъ тѣхъ народовъ, съ которыми они пришли въ соприкосновеніе на первыхъ порахъ своей исторіи (у Чуди или Булгарь). Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что культъ Квазя распространенъ главнымъ образомъ въ Глазовскомъ уѣздѣ въ бассейнѣ Чепцы. Отсюда съ Вотяками переселенцами онъ проникъ, нужно думать, на с. Малмыжскаго уѣзда. Чѣмъ далѣе удаляемся мы отъ Чепцы, тѣмъ блѣднѣе становится образъ Квазя въ сознаніи Вотяковъ и на вопросъ „что такое Квазь!“ въ отвѣтъ получается не „богъ“, какъ на югѣ Глазовскаго уѣзда, а „погода“.

Предъ нами прошли образы духовъ, стоящихъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ явленіямъ природы. Сведемъ теперь черты, соединяющія ихъ въ сознаніи Вотяка въ одну категорію существъ. Существа эти вполнѣ чело-вѣкообразны. Вотская мифологія знаетъ случаи полного превращенія духа въ чело-вѣка и обратно. Они тѣлесны, смертны, плодятся и множатся, какъ люди, женятся сами на земныхъ женщинахъ и отдають за людей своихъ дочерей. Сверхъестественными ихъ дѣлають нѣкоторыя тайныя знанія, которыми они обладаютъ. Прежде всего они обладаютъ способностью принимать разные виды: по желанію они являються великанами или обыкновенными людьми, животными, рыбами, птицами, неодушевленными предметами (столбомъ, периной) и стихіями (огнемъ). Затѣмъ у отдѣльныхъ духовъ есть свои спеціальныя тайны. Ву-мурты обладаютъ таинственной мазью, которая ихъ дѣлаеть невидимыми и позволяетъ имъ ходить по водѣ, какъ по сушѣ, и не приходить въ соприкосновеніе съ стихіей. Солнце владѣеть тайной не жечься, проходя сквозь котель съ кипящей водой. Эти тайны не составляютъ однако спеціальныхъ отличительныхъ чертъ духовъ; отдѣльные люди (колдуны, ведиг'-йос) при жизни обладаютъ тѣми же способностями (умѣемъ оборачиваться); всѣ люди вообще по смерти пріобрѣтають тайну являться незримо среди живыхъ въ особыхъ рубашкахъ или саванахъ и преодолевать препятствія, которыя ставить могильная насыпь. Въ положеніи стихійныхъ духовъ и умершихъ могутъ съ ихъ соизволенія оказаться и обыкновенные люди и никакихъ затрудненій отъ новаго, необычнаго положенія не испытываютъ; но проникать въ свои тайны людямъ духи позволяютъ не охотно. Чело-вѣкъ долженъ за к р ы т ь г л а з а, не видѣть, какъ совершается то, что переходитъ за предѣлы обыкновенныхъ чело-вѣческихъ силъ; за попытку овла-

дѣтъ ихъ тайной души жестоко наказываютъ виновныхъ—вырываютъ напр. глаза, намазанныя таинственной мазью.

Въ представленіяхъ объ отношеніяхъ, въ которыхъ стоятъ антропоморфные духи къ предметамъ и явленіямъ природы, у Вотяковъ совершился тотъ-же процессъ, что и у Черемисъ. На первыхъ порахъ явленія были связаны съ духами отношеніями рожденія; духи представлялись въ видѣ женщинъ — матерей явленій (Шунды-мумы, Гудыри-мумы, Муземъ - мумы, матери болѣзней) ⁽¹⁾. Эта стадія развитія антропоморфнаго анимизма соотвѣтствуютъ эпохѣ материнства въ развитіи общественныхъ отношеній. Слѣдующій моментъ въ развитіи идеи о духахъ явленій составляетъ представленіе о духѣ властителѣ, хозяинѣ стихіи или группы явленій. Ву-муртъуводитъ съ собой воду, не допускаетъ пловца двигаться по водной поверхности ⁽²⁾, Тылъ-пэри производитъ бури и т. д.

Исторія Воршуда даетъ намъ возможность перейти отъ яснаго антропоморфизма къ такимъ вѣрованіямъ, которыя восходятъ къ болѣе раннимъ, предшествующимъ эпохамъ развитія космологическихъ идей. Опредѣленіемъ Воршуда съ давнихъ поръ уже занимаются изслѣдователи и наблюдатели вотскаго быта. Наиболѣе интересныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ передаются покойнымъ Кошурниковымъ, хотя онъ думаетъ, что именованъ Воршуд Вотяки называютъ Инмара имени жреца. Воршудъ (въ однихъ квалахъ)—это идолъ, помѣщающійся въ переднемъ углу квала на возвышеніи, къ которому ведутъ три ступени. Идолъ состоитъ изъ деревянной, грубо сдѣланной головы, къ которой прикрѣплены въ видѣ бороды болотныя травы; въ другихъ—ящикъ съ малень-

⁽¹⁾ Гавриловъ. I. с. 165.

⁽²⁾ В. Г. В.

кимъ отверстіемъ въ видѣ оконца, съ боку, въ которомъ ставится слѣпленный изъ хлѣбнаго тѣста идолъ; ящикъ стоитъ на столѣ или тумбѣ. Во время моленія оконце открывается, чтобы идолъ могъ наблюдать усердіе молящихся; для Воршуда на особыхъ полотнахъ хранятъ въ особыхъ коробкахъ кости жертвенныхъ животныхъ ⁽¹⁾. Съ показаніями Кошурникова совпадаютъ позднѣйшія свѣдѣнія относительно тѣхъ-же Сарапульскихъ Вотяковъ М. Вич'а. Вичъ выражаетъ предположеніе, что Воршудъ въ былое время представлялъ собою домашняго идола, который стоялъ на связкѣ древесныхъ вѣтвей, называемой м у д р о м ь ⁽²⁾. Г. Верещагинъ въ первомъ своемъ трудѣ опредѣляетъ Воршуда во первыхъ, какъ духа— „бога счастья семейной жизни“, во вторыхъ какъ предметъ—коробку съ монетой или оловянной и свинцовой бляшкой, ложкой, хвостикомъ бѣлки, золой. Во второй книгѣ своей г. Верещагинъ устанавливаетъ отношеніе между двумя этими значеніями—обиталище Воршуда. Тутъ-же онъ прибавляетъ, что подъ коробкой находятся всегда древесныя вѣтви, которыя мѣняются хозяиномъ куалы каждый годъ. Вѣтви у каждаго рода принадлежать особому дереву ⁽³⁾. Изъ темныхъ до нельзя выраженій, которыя мы встрѣчаемъ далѣе, можно вывести, что Воршуды принимаютъ имя своего поклонника.

Г. Первухинъ подтверждаетъ сообщенія Кошурникова и М. Вич'а относительно того, что Воршудъ означалъ идола или вообще предметъ, который носился между прочимъ на шеѣ, и дополняетъ сообщенія г. Верещагина о содержаніи воршудной коробки. По его словамъ кромѣ ден-

⁽¹⁾ I. с. 20—21.

⁽²⁾ I. с. 506.

⁽³⁾ I. с. 212—213.

дорки или серебряныхъ денегъ въ коробкѣ имѣли мѣсто бѣличья шкурка, перевязанная красной досталью, крылышки или хвостъ рябчика, перья тетерева, жертвенная посуда, кусокъ особо-приготавлимаго хлѣба, сучекъ дерева, чаще всего березы, сушеная рыбка, частица послѣдней принесенной жертвы (косточка съ частью мяса), комки шерсти, пасмы льна, мука и крупа завязанная въ тряпички, л э м н я н' — смѣсь сливаемыхъ при жертвоприношеніи пива, браги и кумышки. Къ тремъ извѣстнымъ уже ранѣе значеніямъ слова воршудъ г. Первухинъ прибавилъ новое четвертое; воршудъ есть слово, обозначающее родъ и относящееся исключительно къ лицамъ женскаго пола (¹).

Всѣ эти опредѣленія не даютъ еще намъ точнаго понятія о воршудѣ. Мы видимъ предметы, но не видимъ духа, котораго призываютъ Вотяки въ своихъ молитвахъ.

Съ природой Воршудовъ знакомить насъ впервые сказка, записанная г. Верещагинымъ.—Давно, когда еще Вотяки только начинали принимать христіанство, былъ одинъ Вотякъ, который разомъ порѣшилъ бросить языческую вѣру. Вѣру бросилъ—а куалу не разрушилъ. Вотъ и стали его каждую ночь мучить Воршуды, давили ему грудь, какъ тяжелымъ камнемъ. Долго мучился Вотякъ, наконецъ рѣшился разстрѣлять Воршудовъ: зарядилъ ружье и легъ посреди двора, направивши дуло ружья къ каулѣ. Около полуночи выходятъ изъ куалы три Воршуда въ бѣлыхъ одеждахъ: одинъ юноша безъ бороды, другой постарше съ бородой, третья женщина. Выстрѣлилъ Вотякъ и Воршуды исчезли (²). Съ этого времени Воршуды переселились въ другую куалу, но за то напустили на Вотяка жестокою болѣзнь. Если-бы г. Вер-

(¹) Эск. I, 18—41.

(²) Вот. Сар. у 175.

цагинъ оказался менѣе строгимъ къ произведеніямъ народнаго творчества, мы имѣли-бы въ своемъ распоряженіи болѣе обильный матеріалъ для рѣшенія вопроса. „По словамъ Сарапульскихъ Вотяковъ, читаемъ мы у него, Воршуды многимъ являлись на яву, о чемъ въ устной словесности ихъ существуютъ отдѣльные рассказы“. Къ сожалѣнію авторъ „Вотяковъ Сарапульскаго уѣзда“ призналъ ихъ бессодержательными и почелъ за лучшее познакомить читателей съ своими соображеніями о „причинахъ явленій некультурнымъ людямъ разныхъ мифическихъ существъ“.—Для большаго уясненія природы Воршуда слѣдуетъ еще привести обрядъ перенесенія его изъ старой квалы въ новую. Г. Верецагинъ несовсѣмъ вразумительно описываетъ его въ своемъ послѣднемъ трудѣ. Когда сынъ, отдѣляясь отъ отца, обзаводится новымъ хозяйствомъ, то первымъ дѣломъ строить новую квалу и переносить (переводить) изъ отцовской квалы Воршуда (какъ родительское благословеніе). Сопровождаемый женой, отцомъ, матерью, новый хозяинъ входитъ въ отцовскую квалу и черезъ особо выбраннаго жреца проситъ Воршуда идти за нимъ въ новое мѣсто (въ то же время предки приглашаются не сердиться).

Принявши отъ торе хлѣбъ, приготовленный отцемъ, новый хозяинъ откалываетъ кусочекъ дерева отъ крюка, на который въ квалѣ вѣшается котелъ и беретъ щепотку золы изъ очага квалы (очагъ каждаго Вотяка сохраняетъ связь съ очагомъ родоначальника, такъ какъ въ немъ сохраняется частица золы этого послѣдняго, передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ дома въ домъ). То и другое бросается въ огонь въ новой квалѣ. Перенесеніе совершается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при звонѣ колокольчиковъ⁽¹⁾. описа-

(1) Вот. Сар. у. 81, 93—94.

ніе, сдѣланное г. Верещагинымъ, неудовлетворительно въ томъ отношеніи, что заставляетъ предполагать, будто сынъ уводитъ Воршуда въ новую квалу, оставляя старую, отцовскую, безъ покровителя. По вотскимъ воззрѣніямъ этого не можетъ быть, да въ такомъ отчужденіи Воршуда нѣтъ и надобности. Мы видѣли уже выше, что въ квалѣ Воршудовъ бываетъ по нѣскольку. Сомнѣніе увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что опредѣленія, которыя Верещагинъ даетъ Воршуду самъ, представляютъ нѣчто до крайности трудно понимаемое. М. Buch поясняетъ то, что оставляетъ темнымъ г. Верещагинъ. Переселяющійся въ новую квалу зоветъ съ собой изъ старой квалы именно одного, младшаго изъ Воршудовъ (¹).

Сопоставляя значенія слова Воршудъ съ тѣмъ представленіемъ, которое даетъ намъ народная поэзія, мы получаемъ слѣдующую исторію слова и обозначаемого имъ предмета. Воршудъ означаетъ прежде всего антропоморфнаго духа-покровителя; затѣмъ это слово стало употребляться для обозначенія его идола, мѣста на которомъ стоитъ идолъ, ящика съ частями или изображеніями принесенныхъ ему жертвъ и наконецъ совокупности людей ему поклоняющихся. Далекое не всѣ эти значенія сохраняются въ сознаніи народа: Сарапульскіе и Елабужскіе Вотяки слово Воршудъ иногда употребляютъ, какъ синонимъ Инмара.

Исторія Воршуда не ограничивается тѣми рамками, которыя мы сейчасъ намѣтили. Въ Сарапульскомъ, Елабужскомъ и Бирскомъ уѣздахъ или вмѣстѣ съ воршудомъ или какъ синонимъ его употребляютъ слово м уд о р ь. Значенія этого послѣдняго слова также разнообразны, какъ и значенія слова Воршудъ. Г. Богаевскій говоритъ, что му-

¹) Вот. Сар. у. 80—82. М. Buch. I. с.

дородомъ называется на Ю. Сарапульскаго уѣзда духъ - покровитель рода (¹). Въ словарь Зеленова мы нашли объясненіе: мудоръ — икона, образъ. М. Buch говоритъ, что мудоромъ называется постилка изъ древесныхъ вѣтвей, на которой стоялъ идолъ Воршуда. Вотякъ изъ Ягшуръ-Бодьи Сарапульскаго уѣзда употребилъ въ разговорѣ съ нами слово мудоръ въ значеніи жертвы (осенняя жертва — с и з и л м у д о р ь). У слова мудоръ есть наконецъ значеніе, котораго не имѣетъ Воршудъ, значеніе, констатированное единственнымъ разъ въ XVIII в. Рычковымъ, это—пукъ вѣтвей отъ дерева-покровителя. Уфимскіе Вотяки говорили Рычкову, что въ этихъ вѣтвяхъ заключается счастье семьи (²). Если съ извѣстіемъ Рыčkова мы сопоставимъ новѣйшее и опять таки единственное въ литературѣ сообщеніе М. Buch'a о томъ, что у Вотяковъ изъ окрестностей Сарапульскаго уѣзда каждый основатель новаго хозяйства идетъ въ лѣсъ и выбираетъ себѣ березу-покровителя, тогда цѣль фактовъ, относящихся къ мудору, или Воршуду будетъ закончена (³). Мудоръ возводитъ насъ къ первичной стадіи анимизма, къ эпохѣ, когда каждому отдѣльному предмету приписывался особый духъ, къ фетишизму. Исторія развитія понятія о мудорѣ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Это дерево-покровитель, или точнѣе духъ дерева покровителя, и его части—вѣтви, хранимыя въ куалѣ, затѣмъ духъ покровитель вообще и его изображеніе, наконецъ мѣсто присутствія духа и приносимая ему жертва. Появленіе антропоморфнаго духа вмѣсто вѣтвей дерева покровителя представляется намъ слѣдующимъ образомъ. Когда анимистическія воззрѣнія вступи-

(¹) I. с. 40.

(²) Днев. Зап. 159—160. М. Buch. 587.

(³) I. с. 590.

ли въ высшій фазисъ и мѣсто духовъ отдѣльныхъ предметовъ заняли духи, управляющіе группами однородныхъ предметовъ, деревья должны были дать два рода духовъ: какъ одинъ изъ элементовъ окружающей природы, они должны были дать духовъ, управляющихъ совокупностью деревьевъ — лѣсомъ, лѣшихъ, Нюлес-муртовъ; какъ носители духовъ, покровительствующихъ отдѣльнымъ человѣческимъ семьямъ, они должны были выдѣлить изъ себя группу духовъ-покровителей, подателей счастья—Воршудовъ. Къ этому моменту относится, несомнѣнно, возникновеніе антропоморфныхъ представлений объ особомъ существѣ Воршудѣ, живущемъ уже въ квалѣ. Если бы измѣненіе воззрѣній на природу духовъ, управляющихъ деревьями, сопровождалось тѣми послѣдствіями, которыя мы сейчасъ предположили, мы должны были бы предположить нѣкоторую аналогію между отношеніями Нюлес-мурта и Воршуда къ быту человѣка—и эта аналогія оказывается въ дѣйствительности. Исслѣдователи вотскаго быта отмѣтили то обстоятельство, что помощь Нюлесъ-мурта призывается далеко не въ тѣхъ только дѣлахъ, которыя подлежатъ его настоящей компетенціи. Если на беременную женщину нападаетъ по ночамъ бессонница или она видитъ страшные сны, свекровь потихоньку отъ всѣхъ запекаетъ айцо, а свекоръ уноситъ его куда либо на дворъ въ жертву Нюлесъ-мурту и проситъ его объ облегченіи беременной⁽¹⁾. Во время родовъ повитуха въ затруднительныхъ случаяхъ призываетъ помощь Инмара, Кылдысина, Кваза и Воршуда; не замѣчая облегченія, она адресуется къ Нюлесъ-мурту, а за нимъ къ предкамъ⁽²⁾. У Вотяковъ Казанской губерніи, живущихъ въ мѣстности, гдѣ лѣсовъ

(¹) Вят. Губ. Вѣд. 1889, № 18.

(²) *ibid.*

уже не сохранилось, роль Нюлесь-мурта занимает Лудь-муртъ. Ему стараются напр. угодить, нарекая имя ребенку, и убѣждены, что онъ не любитъ христіанскихъ именъ⁽¹⁾. Какое отношеніе имѣетъ Нюлесь-муртъ при настоящихъ условіяхъ къ семейнымъ событіямъ, не ясно, но если мы примемъ во вниманіе, что онъ замѣнилъ массу духовъ отдѣльныхъ деревьевъ, среди которыхъ находилось и дерево-повровитель данной семьи, то его роль станетъ для насъ понятной, понятно будетъ и то, почему онъ призывается съ Воршудомъ и умершими предками.

Анализъ понятій о Мудорѣ-Воршудѣ, привелъ насъ къ фетишизму, однимъ изъ проявленій котораго служитъ культъ растений. Культъ этотъ въ настоящее время находится у Вотяковъ на степени полного вырожденія. Въ каждой родовой воршудной коробкѣ находятся вѣтви особаго дерева; каждый родъ, читаемъ мы у г. Берещагина, молится съ особыми вѣтвями,—но почему это дѣлается, ни авторы, сообщающіе эти свѣдѣнія, ни ихъ источники не объясняютъ. На былое значеніе его указываютъ однако отдѣльные обычаи, въ которомъ онъ выступаетъ довольно ярко. При переходѣ въ новый домъ Вотякъ-хозяинъ (въ Сосновскомъ краѣ) беретъ съ собою молодую елочку съ аршинъ вышиной, втыкаетъ ее въ передній уголь, отламываетъ отъ нея вѣтвь, становится передъ ней на колѣни и молится... Процедура моленія ясно говоритъ о поклоненіи дереву—фетишу, но молитвы и просьбы относятся уже къ другому періоду развитія религіозныхъ вѣрованій: молитва возносится Инмару, жертва обѣщается Б у с т у р г а н у⁽²⁾.

(1) Прав. Соб. 1876, XII, 353.

(2) Вот. Сос. Кр. 57.

Сюда же можно было бы отнести извѣстіе, сообщаемое Бехтеревымъ, что въ лудѣ (жертвенной рощѣ) каждый Вотякъ имѣетъ свое собственное дерево, подъ которымъ и молится (¹).

Остаткомъ культа растений въ настоящее время можно считать, кромѣ Мудора, вѣру въ предохранительную силу отъ глаза и болѣзней, насылаемыхъ нечистыми духами и колдунами вѣточекъ можжевельнаго дерева и шиповника. Ихъ носятъ завернутыми въ тряпку на шеѣ не только люди, но и животныя, ихъ втыкаютъ около оконъ и дверей (²). Сюда же относится уваженіе къ осокѣ, которую въ былое время держали на мѣстѣ нынѣшнихъ иконъ (³). Въ Глазовскомъ уѣздѣ вѣтви можжевельника, которыми изгоняютъ въ ночь на великій четвергъ шайтановъ, прикрѣпляютъ и къ деревенскимъ воротамъ (⁴). Былая связь деревьевъ съ духами оставила и другіе слѣды въ міровоззрѣніи народа. И теперь Вотяки рассказываютъ, что лѣсные духи (напр. Палес-мурты) забираютъ съ наступленіемъ дня въ дупла деревьевъ. Въ связи съ старой идеей о связи деревьевъ съ духами-фетишами стоитъ несомнѣнно мысль, что богамъ и духамъ умершихъ нужно молиться и приносить жертвы предъ спеціально для того выбранными деревьями: боги спускаются на вѣтви такихъ деревьевъ внимать мольбамъ своихъ поклонниковъ и принимать ихъ дары. „Сойди благосклонно, о Инву, на березовыя вѣтви“—молить жрецъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ Воршуда - Инву въ день общественнаго моленія (⁵). Молитвенныя рощи и кладбища, гдѣ позволяютъ обсто-

(¹) I. с. IX, 155.

(²) Прав. Соб. 1876, XII, 356. Вот. Сос. кр. 65.

(³) Вот. Сос. кр. 96.

(⁴) Перев. II, 117.

(⁵) М. Buch. I. с. 632.

ательства, устраиваются непременно въ лѣсу. У каждаго божества есть свое излюбленное дерево. Инмару напр. преимущественно молятся подь сосной, Кылдысину подь березой, остальнымъ духамъ чаще всего подь елкой (¹).

Тотъ процессъ мысли, въ силу котораго за существующими въ отдѣльныхъ деревьяхъ духами фетишами явились особо живущія, антропоморфныя существа, имѣль мѣсто и въ отношеніи остальныхъ явленій природы. Антропоморфнымъ Вумуртамъ, живущимъ въ водѣ такъ же, какъ люди живутъ на землѣ, предшествовали духи воды, нераздѣльно сливавшіеся съ самымъ существомъ ея. Былая связь водянаго духа съ водяной стихіей помнится однако, хотя смутно, и до сихъ поръ Вотяками. Г. Верещагинъ въ очень короткомъ разказѣ сообщаетъ споръ между Нюлесъ-муртомъ и Ву-муртомъ о томъ, кто изъ нихъ могущественнѣе. Я уйду, сказалъ Ву-муртъ — и воды не будетъ. Болѣе ярко одухотворенная вода рисуется въ разказѣ Вотяковъ Казанской губерніи, записанномъ священникомъ Миропольскимъ, о томъ, какъ озеро ушло, разсердившись на то, что проѣзжавшіе по близъ лежащей почтовой дорогѣ люди оскверняли его воды мытьемъ нечистаго бѣлья. Приводимъ этотъ характерный разказъ цѣликомъ. „(Когда озеро рѣшило уйдти) появилось изъ озера нѣсколько солдатъ, приготовили ему мѣсто на горѣ въ двухъ верстахъ отъ дороги. Въ одну ночь всколыхнулось озеро и стали изъ него выходить черные быки; потомъ тронулась вода съ шумомъ отъ волнъ и въ сопровожденіи множества солдатъ и огромнаго стада черныхъ быковъ двинулась на то мѣсто, гдѣ находится теперь. Переходить озеру пришлось чередъ довольно большую рѣку Шошму. Когда оно дошло до этой рѣки, быки подняли ревъ.

(¹) Перв. I, 14—15.

отъ неудобства переходитъ черезъ воду. Услышавъ ревъ, рѣка раздѣлилась на двое и озеро съ солдатами и быками перешло по сухому дну, не смѣшавъ своихъ водъ съ водами рѣки“.

Въ замѣчательной по чистотѣ первично-анимистическаго міросозерданія сказкѣ Казанскихъ Вотяковъ мы видимъ, какъ смотрѣли на воду Вотяки на первой стадіи анимизма. Воды извѣстной рѣки или озера обладаютъ связностью, единствомъ и способностью проникаться единымъ общими чувствами и рѣшеніями. Благодаря этимъ свойствамъ воды озера покидаютъ свое бывшее ложе и передвигаются, не растекаясь, не пропадая, на другое мѣсто; благодаря имъ рѣка раздѣляется на двѣ половины и пропускаетъ озеро черезъ свое русло, не смѣшавши своихъ водъ.

Какимъ образомъ возникъ у Вотяковъ фетишизмъ, при современномъ состояніи нашихъ знаній о вотскихъ вѣрованіяхъ рѣшить еще трудно. Есть факты, которые позволяютъ предположить нѣкоторую генетическую связь между духами умершихъ и духами явленій природы. Нѣкоторые духи находятся въ настоящее время въ народномъ сознаніи на пути превращенія изъ духовъ умершихъ въ духовъ стихійныхъ. Таковы напр. Кутыси и Убиры. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляется выраженіе Ву-кутысь для обозначенія существа, производящаго извѣстныя болѣзни напр. коросту, зудъ. Существо это предполагается живущимъ въ ручьяхъ и по близости ихъ ⁽¹⁾. Жертва ему приносится путемъ возліанія крови въ ручей. Если-бы мы знали о свойствахъ ихъ только то, гдѣ они живутъ и что производятъ, мы имѣли бы полное основаніе соединить ихъ въ одну категорію съ стихійными духами; всѣ писатели, упо-

(1) Перв. I, 60—62. Верещ. Вот. Сос. кр. 30.

минающіе о кутысахъ, такъ именно и дѣлають; между тѣмъ намъ, во время путешествія, удалось собрать свѣдѣнія, которыя представляютъ природу кутысей совсѣмъ иной; кутыси—духи умершихъ не своей смертью, не получающіе обычнаго прочитанія: духи утопленниковъ, убитыхъ, подкидышей, духи погубленныхъ незаконорожденныхъ младенцевъ и т. д. Озлобленные, голодные, они напускають на тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе съ ними столкнуться, болѣзни и вынуждаютъ дать жертву, который никто имъ не приноситъ добровольно, точь въ точь какъ черемисскіе вадыши. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства появленія кутыся помнятся, онъ занимаетъ мѣсто между душами умершихъ,—но наступаетъ моментъ, когда они забываются и являются в у к у т ы с и, которые естественно помѣщаются рядомъ съ душами ручьевъ, рѣкъ—Ву-муртами. Другой классъ духовъ, находящихся на пути къ превращенію въ стихійные, представляютъ собою Убири. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ они рисуются уже, не какъ духи колдуновъ, выходящіе у могиль, а какъ дѣти Ву-мурта, живущіе въ лѣсу и своими внѣшними чертами сливающіеся съ другимъ классомъ лѣсныхъ обитателей Кузьпинэ-муртами (¹) Духовъ, заключенныхъ въ животныя, вотская мифологія прямо представляетъ человѣческими. Вотяки Елабужскаго уѣзда, по словамъ г. Потанина, рассказываютъ, что медвѣдь образовался изъ колдуна, который принималъ такой видъ (²). Вотяки Сарапульскаго уѣзда убѣждены, что медвѣдь и лягушка произошли отъ провлятыхъ богомъ людей. Медвѣдь можетъ вступать въ половыя отношенія съ женщинами. Кукушка, по повѣрью Бирскихъ Вотяковъ, произошло изъ дѣвушки, которую обольстил Ву-

(¹) I. с. 223.

(²) Вот. Сос. кр. 70. Вот. Сар. у. 147.

муртъ.—Мы далеки отъ того, чтобы ради нѣсколькихъ фактовъ вмѣстѣ съ Спенсеромъ сдѣлать всѣхъ стихійныхъ духовъ духами давно умершихъ людей, но считаемъ нужнымъ констатировать несомнѣнную генетическую связь, существующую между тѣми и другими въ отдѣльныхъ случаяхъ и обратить на нее вниманіе дальнѣйшихъ изслѣдователей.

Особо отъ стихійныхъ духовъ стоитъ рядъ существъ, которыя можно назвать возведенными на степень особаго существа состояніями людей. Мы сдѣлали уже изъ особенностей языка выводъ, что Вотякъ не могъ разобраться между дѣйствіемъ и дѣятелемъ, причиной и слѣдствіемъ, предметомъ и свойствомъ. Въ силу этого обстоятельства, рядомъ съ чер и дей, которыя означаютъ болѣзненное состояніе, явились Черъ и Дей—болѣзнетворныя существа. Встяки представляютъ болѣзненное состояніе, какъ поѣданіе человѣка болѣзнетворнымъ существомъ. Въ наговорахъ, записанныхъ г. Мункачи этотъ взглядъ выражается самымъ опредѣленнымъ образомъ „когда будетъ то-то и то-то (невозможное), тогда, говоритъ ворожецъ, ѣшь-пей этого человѣка“ (1). Логическимъ послѣдствіемъ такого взгляда являются мѣры, которыя принимаются для предотвращенія или исцѣленія болѣзни. Болѣзнетворному существу предлагается угощеніе въ томъ и другомъ случаѣ. Что Черъ есть одухотворенная абстракція состоянія, испытываемаго человѣкомъ, показываетъ языкъ: для обозначенія акта, посредствомъ котораго производятся въ человѣкѣ такія состоянія, Вотяки располагаютъ двумя глаголами, сохранившимися въ молитвахъ: чыртыны, мыжтыны. Случай, въ которыхъ эти слова употребляются, объясняютъ намъ происхожденіе Чера (овъ?). Формула съ названными глаголами употребляется исключи-

(1) Munkacsí V. Votjak Népköl. 177—178, 185.

тельно въ обращеніяхъ къ умершимъ ⁽¹⁾. Стало-быть, имъ приписывается способность производить болѣзни.

Антропоморфный анимизмъ не представляетъ собою высшей стадіи вѣрованій, до которой дошли Вотяки самостоятельнымъ путемъ.—Первобытно-анимистическія и антропоморфныя представленія о духахъ, управляющихъ явленіями природы, имѣютъ одну общую черту: они одинаково матеріалистичны. На первой стадіи анимизма духи сливаются съ самымъ существомъ той или другой стихіи,—на другой они воплощаются въ матеріальныя, но антропоморфныя существа. Формы культа позволяютъ намъ установить переходъ къ инымъ, спиритуалистическимъ воззрѣніямъ на существо духовъ. Что предлагается въ настоящее время поклонниками антропоморфнымъ, обладающимъ человѣческимъ аппетитомъ богамъ?

Сроки, въ теченіе которыхъ богамъ предлагается угощеніе, служатъ первымъ свидѣтельствомъ вырожденія первоначальныхъ антропоморфно-матеріалистическихъ воззрѣній. Хотя Вотяковъ до сихъ поръ еще нельзя упрекнуть за скудность по отношенію къ богамъ, но все же они заставляютъ ихъ поститься въ теченіе большихъ промежутковъ времени.

Боговъ угощаютъ, когда въ нихъ является надобность. Весной, только что просохнетъ земля, каждая деревня на общественный счетъ устраиваетъ напольное моленіе—бусы-вос'. Количество и родъ предлагаемаго угощенія варьируется по мѣстностямъ. Въ Бирскомъ уѣздѣ напр. даютъ двухъ овецъ черную и бѣлую. Во второй разъ и также на общественный счетъ жертва приносится въ Бирскомъ уѣздѣ послѣ яроваго сѣва (бѣлая овца). Затѣмъ около 29 Іюня устраивается такъ называемый мѣр'эн-вос'—жертвоприношеніе отъ нѣсколькихъ сосѣднихъ и связанныхъ единствомъ происхож-

(1) Вер. Вот. Сар. у. 125.

денія деревень. Въ Елабужскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Потапина, на одни моленія собираются съ 5—7 деревень, на другія съ нѣсколькихъ десятковъ⁽¹⁾. Кромѣ того разъ въ годъ устраивается угощеніе боговъ болѣе крупными общественными союзами—эл'ями. Бирскіе Вотяки на эл'эн-вос'яхъ сходятся вмѣстѣ съ Осинскими Пермской губерніи. Мѣсто сходовъ назначается въ одной изъ трехъ (старѣйшихъ)? деревень Бирскаго и Осинскаго уѣздовъ—Варяжѣ, Алтаевой и Каргѣ. Аналогичное явленіе имѣетъ мѣсто въ Елабужскомъ уѣздѣ, гдѣ такъ называемая „булда“ празднуется поочередно въ одной изъ трехъ деревень уѣзда—Ст. Зюмѣ, Арліановой и Варзи-ятчи⁽²⁾. Здѣсь угощеніе предлагается болѣе обильное, чѣмъ когда либо; колятся двѣ лошади (гнѣдая и рыжая), двѣ коровы (рыжая и бѣлая), двѣ овцы (черная и бѣлая) и нѣсколько птицъ, между которыми занимаетъ мѣсто бѣлая гусыня для Шунды-мумы. О времени и мѣстѣ моленія объявляютъ недѣли за двѣ на базарахъ. Скотина оплачивается всеми молящимися. Осенью у Бирскихъ Вотяковъ каждый приноситъ жертву за свою семью.

Тѣ періоды, въ которые предлагаются богамъ жертвы въ Бирскомъ уѣздѣ, соблюдаются и въ другихъ мѣстахъ вотскаго края.

Кромѣ жертвъ очередныхъ имѣютъ мѣсто и экстренныя угощенія, обусловленныя какими нибудь бѣдствіями—моромъ, неурожаемъ. Тогда устраиваются общественныя моленія (=эл'ен-вос') иной разъ нѣсколькихъ десятковъ деревень, приносятся въ жертву коровы, жеребята⁽³⁾. Частныя моленія совершаются въ случаѣ болѣзни по указанію ворожеца то-

(1) И. К. О. А. И. и Э. III, 204.

(2) Ibid.

(3) Вот. Сир. у. 84.

му или другому кутысю (¹).

Рѣдко угощаемые, боги и въ двѣ своихъ пировъ получаютъ немного отъ своихъ поклонниковъ. Во время весенняго праздника гѣрны—поттонъ Му-былдыснуну зарывается въ землю каждымъ домохозяиномъ яйцо, кусокъ говядины, яичный блинъ, стаканъ пива, рюмка кумышки, въ домахъ въ Глазовскомъ уѣздѣ бросается въ очагъ ребро съ мясомъ. Тогда же (въ гуждоръ) другимъ богамъ (Инмару) отливается въ огонь кумышка (²), бросаются кровь и кости бѣлаго быка. По окончаніи пашни совершается угощеніе духовъ покровителей рода (Инву-йос, Воршудъ-йос); имъ также достаются отъ жертвенныхъ птицъ—гуся и утки—одни кости, которыя жертвующіе бросаютъ въ огонь (³). Тоже дѣлается во время совершаемаго за тѣмъ въ полѣ сизькона (обѣщаніе жертвы). Кромѣ костей, божеству достается небольшое количество кумышки, которое оставляется въ берестяной коробѣ на специально для этого пристроенной къ ели полочкѣ (⁴). Самое обильное по количеству жертвъ угощеніе предлагается богамъ во время общественныхъ напольныхъ праздниковъ—въ Глазовскомъ дзег-луд-дурѣ, въ Сарапульскомъ и другихъ южныхъ уѣздахъ тулыс' сура и бусы-вос'а. На первомъ отъ цѣлой деревни богамъ предлагаются черный быкъ (въ Глазовскомъ красный), черная или сѣрая овца, гусь; на второмъ два жеребенка, два теленка, два барана. Достается на ихъ долю отъ этого обилія очень немного. Попъ бросаетъ въ огонь по небольшому кусочку отъ печени, сердца и легкихъ каждаго животнаго; жрущіе — обглоданныя кости (въ

(¹) Верещ. Вот. Сар. у. 103.

(²) Вот. Сос. кр. 36. Перв. II, 53.

(³) Ibid. 44.

(⁴) Ibid. 45. Ср. Перв. II, 49.

Глазовскомъ у. кости зарываются) (¹). Только въ случаѣ грозящаго неурожая зарываются въ землю остатки мяса, кости и шкура жертвенной лошади. Въ гѣрбѣр (конецъ пашни), который совершается около 29 Юня, въ Бирскомъ и Осинскомъ уѣздахъ, какъ мы знаемъ уже, предлагается значительное количество животныхъ, но богамъ отъ нихъ достается только кровь, которую спускаютъ въ выкопанныя въ землѣ ямки, и кости, выбрасываемыя въ мелкорастущій лѣсокъ. Въ Елабужскомъ уѣздѣ кровь (на будахъ) сливается въ берестяной чумань (корыто), куда бросаются кромѣ того кусочки лепешекъ, плещется кумышка и наваръ отъ жертвеннаго мяса. Это корыто оставляется въ полѣ.—На третій день праздника Му-кличину приносится въ жертву черный быкъ, кости котораго зарываются въ большую яму и прикрываются сверху бревнами (²). Въ ту же, яму опускается чумань съ кусками лепешекъ и ковригъ и выливается чаша съ кровью (³). Въ Елабужскомъ уѣздѣ болѣе состоятельныя хозяева колятъ передъ посѣвомъ ржи на своемъ полѣ черную овечку и кости ея зарываютъ въ землю (⁴). Во время осеннаго озимь-дурэ каждый домохозяинъ закалываетъ на своей полосѣ птицу, кровь которой выпускается въ землю. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда угощеніе боговъ совершается по экстреннымъ поводамъ напр. по случаю засухи, когда колятъ заразь быка, двухъ жеребятъ, телку, утку, двухъ гусей, на долю Инмара достаются капельки кумышки, первая струя крови отъ каждаго закалаемаго животного, по частицѣ отъ печени и сердца каждаго животного, въ рѣдкихъ случаяхъ оставшіяся части мяса.

(¹) Вот. Сос. кр. 47—8. Перв. II, 59.

(²) И. К. О. А. И. и Э. III. 204.

(³) Ibid.

(⁴) Ibid.

Въ Глазовскомъ уѣздѣ въ былое время оставялась на деревѣ кожа жертвеннаго животнаго; теперь она виситъ, пока только молятся.

Нюлесъ-муртъ во время спеціальныхъ моленій ему весной объ охраненіи скотины, осенью о подачѣ счастья на охотѣ получаетъ тѣже капельки кумышки, кости сѣраго барана и гуся, заколотыхъ въ честь его, въ Глазовскомъ уѣздѣ кровь и кости краснаго быка ⁽¹⁾. Ему-же осенью въ Глазовскомъ уѣздѣ на землѣ оставляютъ кровь, потроха и перья жертвеннаго гуся, на дерево подвѣшиваются блины, часть мяса и полотенце. Въ южныхъ частяхъ Сарапульскаго уѣзда кости послѣ весенняго общественнаго моленія не сожигаются, а складываются въ лукошко, накрываются лоскуткомъ холста, поверхъ котораго кладется монета и относятся въ глубину лѣса, гдѣ и подвѣшивается на сучкѣ ели ⁽²⁾.

Ву-мурту весной во время э-кеяна льется въ воду пиво, бросаются куски хлѣба и яичницы, передъ сѣнокосомъ и въ случаѣ прорыва мельницы льется въ воду бульйонъ отъ сваренной утки и бросаются обглоданныя кости; ему-же, чтобы курицы не переставали нестись бросаютъ въ рѣчку яичную скурлупу, въ Глазовскомъ уѣздѣ кромѣ того осенью бросаютъ кровь и потроха двухъ утокъ ⁽³⁾. Обычныя кости получаютъ и домовою (бустурганъ) при переходѣ въ новый домъ; эти кости зарываются въ землю ⁽⁴⁾. Воршудъ при новосельи довольствуется даже меньшимъ: ему бросаютъ въ

⁽¹⁾ Вер. Вот. Сос. кр. 53. Перв. II, 93.

⁽²⁾ Вот. Сар. у. 97—8. Перв. II, 98.

⁽³⁾ Перв. II, 44, 95, 102. Вот. Сос. кр. 56.

⁽⁴⁾ Вот. Сос. кр. 102.

огонь горбушку хлѣба и кусочекъ блина. Луд-мурть получаетъ около времени смотрѣнія пчель кровь жертвенной утки ⁽¹⁾.

Кутысь, поразивши коростой Вотяка, получаетъ за излеченіе кровь, перья и кости зарѣзаннаго для него пѣтуха ⁽²⁾.

Не больше другихъ духовъ получаетъ и Обинь-мурть: ему послѣ окончанія молотбы бросаютъ въ овинную яму кусокъ хлѣба съ солью и немного кумыши ⁽³⁾.

Одинъ Черъ (болѣзнетворное существо) получаетъ въ случаѣ конской эпизоотіи кромѣ обычныхъ костей и крови еще шкуру заколотой лошади, которая развѣшивается на четырехъ воткнутыхъ въ землю кольяхъ ⁽⁴⁾.

Резюмирую все, что сказано объ угощеніи боговъ, мы приходимъ къ выводу, что въ настоящее время имъ предлагается и меньше, чѣмъ нужно для обыкновеннаго человѣка, и худшее—то, что остается за удовлетвореніемъ человѣческаго аппетита.

Мы констатировали такое же явленіе въ этюдѣ о Черемисахъ, и указали, что оно представляетъ собою результатъ длинной исторіи жертвы. На первыхъ порахъ богамъ приносилось жертвенное животное цѣликомъ; потомъ люди стали дѣлить съ ними трапезу и подъ конецъ захватили себѣ львиную долю. Не всегда боги довольствовались у Вотяковъ такими ничтожными подачами. Намекъ на то, что въ былое время жертва поступала всецѣло въ пользу боговъ, мы видимъ въ словахъ молитвъ, записанныхъ г. Первухинымъ: „вмѣстѣ съ добрыми сосѣдями и милой семьей мы приносимъ бычка. . . руками ногами примите его“; „обѣщаннаго тебѣ во время посѣва ржи ягненка вотъ мы въ насто-

⁽¹⁾ Перв. II, 102.

⁽²⁾ Вот. Сар. у. 103.

⁽³⁾ Вот. Сос. кр. 54.

⁽⁴⁾ Перв. II, 86.

ящее время отдаемъ тебѣ... прими руками и ногами“ (¹). Тому духу, обирать котораго рискованно, до сихъ поръ приносится жертва цѣликомъ. Г. Брызгаловъ сообщаетъ, что Вотякъ, котораго онъ сопровождалъ на мѣсто жертвоприношеній Керемету, зарылъ утку цѣликомъ въ землю, а блины, яйца и ватрушки подвѣсилъ къ елкѣ въ корзинѣ (²). Лучше, чѣмъ по молитвамъ, первоначальный обычай отдавать богамъ жертву цѣликомъ можно констатировать по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ еще обычаямъ и переживаніямъ, относящимся къ человѣческимъ жертвоприношеніямъ. Написавши два послѣднихъ слова, мы считаемъ необходимымъ войти въ подробное разсмотрѣніе затрогиваемаго ими вопроса. Въ публичной лекціи „слѣды человѣческихъ жертвоприношеній у приволжскихъ Финновъ“ мы высказали мысль, что было время, когда всѣ приволжскіе Финны приносили въ жертву людей и выяснили по мѣрѣ возможности связь этого ужаснаго обычая съ еще болѣе отдаленнымъ явленіемъ въ исторіи этихъ народовъ—съ каннибализмомъ. Наша мысль была встрѣчена съ недоумѣніемъ. Рецензентъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ упрекнулъ насъ въ поспѣшности обобщеній и злоупотребленіи теоріей переживанія. Чтобы не вызывать подобныхъ—по нашему неосновательныхъ—нареканій вновь, мы начинаемъ съ положительныхъ указаній, которыя имѣются по этому вопросу и которыя, признаемся, въ пору составленія лекціи намъ оставались неизвѣстными. Первое указаніе на человѣческія жертвы у Вотяковъ мы встрѣчаемъ въ статьѣ г-жи Фуксъ, которая говоритъ объ обычай приносить въ жертву предкамъ самаго дряхлаго старика деревни (³). Затѣмъ о принесеніи въ

(¹) Первухинъ. III, 18, 29.

(²) К. Г. В. 1885, № 36.

(³) Каз. В. Г. В. 1844, 338.

жертву предкамъ старика сообщилъ въ 1855 г. со словъ одного священника Вятской губерніи г. Максимовъ ⁽¹⁾. При всемъ сходствѣ его извѣстія съ извѣстіемъ г-жи Фуксъ мы не считаемъ возможнымъ обвинять извѣстнаго этнографа въ плагиатъ и сочинительствѣ. Оба автора говорятъ объ обычаяхъ, какъ о дѣлѣ давно минувшихъ дней. Въ статьѣ неизвѣстнаго автора, напечатанной въ В. Г. В. за 1861 г., мы читаемъ о человѣческихъ жертвахъ не предкамъ, а богамъ. Авторъ говоритъ, что Вотяки принимали громадныя хлопоты, чтобы добыть человѣка того цвѣта волосъ, который указанъ туно. Въ 1877 г. рѣчь о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Вотяковъ шла на IV археологическомъ съѣздѣ въ Казани. Е. Т. Соловьевъ заявилъ о древнемъ обычаѣ Казанскихъ Вотяковъ приносить въ жертву богамъ человѣка чуждаго племени ⁽²⁾. Сообщение его было встрѣчено съ недоумѣніемъ, но г. Соловьевъ обрисовалъ этотъ обрядъ такими спеціально-вотскими и архаическими чертами, что мы безъ колебанія принимаемъ его рассказъ за вотское преданіе человѣка, говорилъ онъ, привязывали къ дереву и разстрѣливали всѣ участвующіе въ жертвоприношеніи. Обычай убивать жертву міромъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ вотскихъ мѣстностяхъ не вышелъ изъ употребленія. Въ селѣ Ежевскомъ намъ со словъ очевидцевъ рассказывали, что сосѣдніе Вотяки убивали жертву медленной смертью, ударами ножей, которые наносились всѣми участвующими въ жертвоприношеніи. Онъ констатированъ былъ и въ литературѣ—въ статьѣ И. Попова въ В. Г. В. за 1851 г. Последнее, сбивчивое и, кажется, умышленно сбивчивое ука-

⁽¹⁾ Библи. для чт., 1855, XII;

⁽²⁾ Труды IV арх. съѣзда. Т. I,

заніе на человѣческія жертвоприношенія мы находимъ въ книгѣ г. Верещагина „Вотяки Сосновскаго края“. Авторъ говоритъ о недоброй молвѣ, которая идетъ объ одномъ родѣ Сарапульскихъ Вотяковъ, будто они приносили или приносятъ въ жертву людей. „Нѣкоторыя вотскія деревни пользуются недоброй молвой о приносящихъ въ жертву людяхъ, которыхъ, по повѣрью требуетъ шайтанъ за предлагаемые имъ клады“—говоритъ авторъ на своемъ не совсѣмъ вразумительномъ языкѣ и прибавляетъ, что нѣкоторые вмѣсто головъ приносятъ „шайтану“ волосы, срѣзанные съ человѣка, и шайтанъ уже самъ забираетъ послѣдняго. Затѣмъ онъ рассказываетъ туманно и съ собственными домыслами, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, преданіе о томъ, какъ Вотяки (этого рода)? въ пугачевскую пору убили (принесли въ жертву?) купца, бѣжавшаго къ нимъ отъ пугачевцевъ, какъ онъ ихъ проклиналъ и какъ подъ вліяніемъ его проклятія они продолжали убивать (приносить въ жертву) людей. Только въ заключеніи туманнаго рассказа мы узнаемъ, что г. Верещагинъ несомнѣнно говоритъ о жертвоприношеніи, такъ какъ онъ прямо употребляетъ это слово ⁽¹⁾.

Послѣ ряда литературныхъ данныхъ прибавимъ то, что мы слышали сами во время своей поѣздки. Въ Бирскомъ уѣздѣ насъ прямо спрашивали, правда-ли, что вятскіе Вотяки жертвуютъ богамъ людей, и затѣмъ сообщали, что среди Бирскихъ Вотяковъ упорно держится такое убѣжденіе и они знаютъ или знавали будто-бы людей, которымъ удалось съ незначительными поврежденіями урваться отъ Вотяковъ,—которые были обречены на жертву. Послѣ ряда фактовъ, которые мы привели, насъ, надѣмся, не будутъ упрекать въ натяжкахъ, если мы, пользуясь теоріей переживанія,

(1) Вот. Сос. кр. 80—81.

истолкуемъ согласно съ перечисленными прямыми указаніями нѣкоторые жертвенные обряды. Въ лекціи, о которой уже сказано выше, мы замѣтили, что рассматриваемъ, какъ переживаніе изъ эпохи, когда приносились человѣческія жертвы, обычай подвѣшивать въ деревьямъ кладбища человѣческихъ куколъ, имѣющій мѣсто въ приходѣ села Игринскаго Глазовскаго уѣзда (¹). Въ настоящее время мы болѣе, чѣмъ прежде расположены такимъ именно образомъ комментировать упомянутый обычай въ виду извѣстій о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ предкамъ. Тамъ-же мы истолковывали, какъ переживаніе весенней человѣческой жертвы водѣ обычай во время такъ называемыхъ „проводъ льда“ пугать одну изъ молодушекъ, поднявши ее подъ водой и угрожая бросить. Слѣды обычая приносить человѣческія жертвы, намъ кажется, можно отыскать и въ поэзіи народа. Припомнимъ рассказъ о быкахъ и солдатахъ, которыхъ увело съ собою озеро, переходя на новое мѣсто. Рассказчики объясняли происхожденіе быковъ—это жертвы, принесенныя озеру. Такимъ же образомъ нужно объяснить и происхожденіе солдатъ (sic), которыми располагало озеро. Это принесенные въ жертву озеру люди.

Чтобы покончить съ вопросомъ вполне, намъ нужно разсмотрѣть его съ другой стороны, нужно показать, что духи способны требовать человѣческихъ жертвъ. Не имѣя возможности сказать этого относительно всѣхъ, мы приведемъ здѣсь данныя, извѣстныя намъ относительно духовъ дома, земли и воды. Въ одной изъ сказокъ, помѣщаемыхъ въ приложеніи, рассказывается, какъ Ву-пери потребовалъ отъ одного мужика, чтобы онъ отдалъ ему своего двѣнадцатилѣтняго сына, котораго онъ задумалъ съѣсть.

(¹) Стр. 8.

Въ сказкахъ, записанныхъ г. г. Верещагинымъ и Мункачи, Албасты или домовые съѣдаютъ дѣвущку, которая не могла ночью попасть въ домъ и легла переночевать на сѣнницѣ⁽¹⁾. Въ связи съ людоедствомъ Албастовъ или Корка-муртовъ стоитъ несомнѣнно повѣрье, записанное г. Мункачи: если при переходѣ въ новый домъ умереть хозяинъ, семья его будетъ жить счастливо и богато⁽²⁾. Смыслъ этого повѣрья заключается въ томъ, что домовый духъ, удовлетворенный человѣческой жертвой, которую онъ самъ взялъ у семьи, будетъ милостиво относиться къ потомству. Между лѣсными обитателями Паласъ-мурты и Кузьпина-мурты являются специальными людоедами. Человѣческихъ жертвъ требуютъ затѣмъ духи—хранители кладовъ⁽³⁾.

Какимъ образомъ антропоморфные боги приобрѣли вкусъ къ человѣческому мясу и человѣческимъ жертвамъ, мы объяснили въ своей лекціи: именно антропоморфизмомъ боговъ объясняется здѣсь, какъ и вездѣ, происхожденіе человѣческихъ жертвъ; обычай приносить человѣческія жертвы возстановляетъ предъ нами стертую страницу исторіи народа: боговъ каннибаловъ создали по своему образу люди—каннибалы. Если-бы мы не имѣли другихъ указаній на былой каннибализмъ Вотяковъ, одного факта человѣческихъ жертвоприношеній было-бы достаточно для его констатированія—но у насъ есть и другія свидѣтельства; они заключаются въ вотскомъ эпосѣ. Анализу этихъ свидѣтельствъ мы намѣрены посвятить особый этюдъ.—Въ человѣческихъ жертвахъ больше, чѣмъ въ другихъ, удержался, стало быть, первоначальный обычай отдавать всю жертву божеству.

⁽¹⁾ Верещагинъ. Вот. Сос. Кр. 166. Munkacsi. 82.

⁽²⁾ I. с. 14.

⁽³⁾ Вот. Сос. кр. 115—127.

Постепенное сокращеніе жертвенныхъ приношеній показывается, что боги въ сознаниі народа уже нѣсколько отдѣлились отъ людей: они довольствуются кровью, которая является основой жизни, и тѣми элементами, которыя даютъ форму животному—костякомъ и кожей или опереніемъ. Здѣсь заключаются первые элементы для перехода къ спиритуалистическимъ воззрѣніямъ на божество. Отъ жизненнаго начала и формы жертвуемаго животнаго не труденъ переходъ въ духу или душѣ жертвы, которая поступаетъ въ пользу боговъ. Мы не встрѣчаемъ въ литературѣ о Вотякахъ указанія на то, чтобы они формулировали подобное вѣрованіе, какъ это извѣстно относительно Черемисъ, но два факта говорятъ намъ, что такое воззрѣніе имѣется у Вотяковъ, и знакомятъ насъ по пути съ вотскими взглядами на природу души животнаго. Припомнимъ прежде всего случай, констатированный въ предыдущей главѣ—видѣніе утки, которое преслѣдовало солдата, въ память котораго по ошибкѣ была съѣдена эта птица. Другой фактъ заключается въ приведенномъ уже выше рассказѣ о переходѣ озера съ одного мѣста на другое. За озеромъ шло стадо быковъ: это стадо, поясняли г. Миропольскому Вотяки, накопились изъ быковъ, принесенныхъ въ жертву озеру. Чтобы устранить всякое недоразумѣніе въ комментаріи этого факта, прибавимъ, что быкъ здѣсь, какъ и вездѣ, съѣдался поклонниками и озеру на берегу оставались одни кости (и, вѣроятно, кровь). Эти два факта даютъ намъ достаточный матеріаль для того, чтобы характеризовать вотскія воззрѣнія на душу животнаго: это нѣчто, остающееся послѣ потребленія животнаго и сохраняющее его форму. Нѣкоторая матеріальность этого нѣчто выражается въ томъ, что быки кричатъ, птица производитъ движенія о воздухѣ. Отъ такого представленія далеко еще до чистаго спиритуализма или метафизическаго представ-

ленія о душѣ, но шагъ къ этому послѣднему оно уже представляетъ. (Сравнимъ при этомъ представленіе о чело-вѣческой душѣ, которая производитъ своимъ перелетомъ звукъ ш р и опущенное въ IV главѣ представленіе о тѣни, какъ средѣ, въ которой помѣщается духъ чело-вѣка. Г. Верещагинъ сообщаетъ, что кто хочетъ убить колдуна, тотъ дол-женъ стрѣлять или бить его тѣнь⁽¹⁾).

Переходимъ въ область религіозныхъ заимствованій, сдѣланныхъ Вотяками. Поволжье, съ которымъ въ лицѣ Болгаръ столкнулись Вотяки, представляло собою почву, на которой пришли въ соприкосновеніе самые разнообразныя элементы. Здѣсь нашелъ себѣ пріютъ монотеизмъ въ видѣ юдаизма на Югѣ въ Этилѣ, и въ видѣ ислама на С. въ Булгарахъ; здѣсь стали своими иранскіе духи пэри и, можетъ быть, иранскій дуализмъ; здѣсь наконецъ у кореннаго на-селенія были свои, неизвѣстныя намъ вѣрованія, обломки которыхъ, можетъ быть, сохранились въ тѣхъ духахъ, которыми населяютъ міръ Татары, Башкиры, Чуваши. Всю эту пеструю смѣсь элементовъ принесли съ собою къ Вотякамъ Булгары и Татары. Нѣкоторые изъ новыхъ элементовъ Вотяки переварили, ассимилировали: иранскіе п э р и напр. замѣнили собою вотскихъ муртовъ. Другіе образы остались на степени явныхъ заимствованій, не породившись съ міро-воззрѣніемъ народа; къ числу такихъ заимствованій слѣду-етъ отнести дуализмъ началъ добраго и злаго—бога и шай-тана (сатаны). Онъ находится въ противорѣчii съ тѣми от-ношеніями, въ которыхъ стоятъ духи, созданныя благодаря анимистическимъ воззрѣніямъ на природу. Мурты, которыхъ знаетъ вотская мифологія, не всѣ въ ладахъ между собою (Нюлесъ-мурты напр. постоянно воюютъ съ Ву-муртами);

(¹) Вот. Сар. у. 140.

но они не раздѣляются на два враждебныхъ одинъ другому лагеря—въ сторонѣ отъ борьбы лѣшаго и водянаго стоятъ полевикъ, вѣтеръ, домовой, Вотякъ не представляетъ себѣ однихъ изъ нихъ источниками зла, другихъ источниками добра. Они всѣ могутъ быть по своему полезны человѣку, всѣ почти не прочь съ нимъ породниться, со всѣми онъ находитъ возможность безъ вреда для себя дружить. Даже тогда, когда Ин-муртъ выросъ въ сознаніи народа на степень единаго бога въ смыслѣ ислама и христіанства, прочіе мурты потихоньку отъ него сохраняютъ свои прежнія, простыя и добрыя отношенія къ человѣку. Подъ двойнымъ давленіемъ христіанства и ислама Вотякъ начинаетъ, правда, отъ времени до времени называть шайтанами всѣхъ духовъ природы, — но тамъ, гдѣ это давленіе слабѣе, Вотяки не смѣшиваютъ своихъ муртовъ съ шайтанами и помѣщаютъ рядомъ съ ними шайтана или керемета, какъ особое, злое существо. Имя Керемета всего чаще можно слышать въ юго-западныхъ волостяхъ Глазовскаго уѣзда ⁽¹⁾. Любопытно противорѣчіе, въ которомъ стоятъ легенды о шайтанѣ и его роли въ мірозданіи съ тѣми образами, которые даетъ этой идеѣ фантазія народа. Глазовскіе называютъ шайтанами духовъ, которыя живутъ въ лѣсахъ, въ темныхъ оврагахъ, на кладбищахъ и отдѣльныхъ могилахъ ⁽²⁾ (воззрѣніе, въ силу котораго умершій обращается въ злаго духа, дѣлается „добычей шайтана“, находится въ несомнѣнной связи съ дуализмомъ добраго и злаго начала, отводящимъ первому область блага, и eo ipso жизни, другому сферу зла и смерти). Шайтанъ, или Кереметь, какъ братъ Инмара, стремящійся по злобѣ испортить его созда-

⁽¹⁾ Первухинъ. I, 57.

⁽²⁾ Ibid.

нія, —образъ совершенно чуждый основамъ вотской мѳологіи, которая между прочимъ не устанавливаетъ родственныхъ отношеній между богами.

Г. Потанинъ сообщаетъ легенду о шайтанѣ, слышанную имъ отъ Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. На небѣ было семь братьевъ, которые молотами разбивали камень; всѣ братья говорили при каждомъ ударѣ: Господи благослови (Осте, Инмаре?), а шайтанъ—одинъ изъ братьевъ—говорилъ: будь проклятъ! Изъ каждаго, осколка, отбиваемаго шайтаномъ, становился ему товарищъ (¹). Преслѣдуемый несчастьями, Вотякъ стремится умиловить шайтана, ихъ виновника, жертвами.

Къ числу заимствованій, примиренныхъ съ собственнымъ міровоззрѣніемъ, относятся образы Албаста, Бустургана, Алиды, Дерсію, смѣнившихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вожо, Корка-мурта и Нюлесь-мурта.

Въ связи съ солнцемъ стоитъ заимствованное, повидимому, у сосѣдей-же представленіе объ особомъ существѣ зарѣ—Акшанѣ (²). У Бесермянъ ежедневная вечерняя и утренняя заря называется акшанъ.

Бирскіе Вотяки называютъ зарю джужа или дюгыть.

Личный характеръ Акшана едва-едва намѣчается въ томъ, что есть дѣйствія угодныя и неугольны ему: дѣлать, что нибудъ напр. утромъ до появленія первыхъ лучей солнца, вечеромъ до наступленія полной темноты считается не угоднымъ для Акшана.

Религіозныя идеи высшаго порядка Вотяки заимствовали уже изъ болѣе развитыхъ религій — ислама и христіанства

(¹) Вот. Сос. кр. 30.

(²) Изв. К. О. А. И. и Э. III. 222.

черезъ посредство Тюрковъ и Русскихъ. При заимствованіи этомъ съ Вотяками произошло совершенно то же, что съ Черемисами. Они приняли эпитеты, съ которыми обращались мусульмане къ единому Богу за особія божественныя сущности. Такъ явился напр. Салтанъ-дисъ („благой владыка“), о которомъ говорилъ еще Георги и которому, по словамъ г. Потанина, приносятся особія отъ Инмара жертвы.

Монотеистическія представленія ислама не въ состояніи были вытравить изъ народнаго сознанія вѣрованій, возникшихъ на почвѣ анимизма. Вотяки говорятъ о единомъ Богѣ, считаютъ его въ антагонизмѣ съ духами явленій природы, признаютъ по мѣстамъ этихъ послѣднихъ противниками Инмара, шайтанами и тѣмъ не менѣе поклоняются имъ по старому. Христіанство оказалось также не въ состояніи вытѣснить старыхъ вѣрованій. Напротивъ, съ своими святыми и тремя постасями божества оно показалось удобнымъ для религіознаго компромисса, которому помогали между прочимъ и сами миссіонеры. Инмаръ, Кылдысинъ и Квазъ слились съ христіанскимъ Богомъ Отцомъ, Сыномъ и Духомъ Святымъ, Воршуды съ ангелами (—хранителями), а отдѣльные святые съ духами явленій природы—Нюлесъ-муртъ напр. съ Николаемъ Чудотворцемъ.

Сліяніе русскихъ святыхъ съ языческими богами имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что Вотяки-язычники начинаютъ имъ молиться наравнѣ съ христіанами. Въ село Николо-березовку ходятъ молиться язычники Бирскаго и Осинскаго уѣздовъ; Березовскимъ Николой пугаетъ Вотякъ-язычникъ своего врага и страшнѣе этой угрозы онъ не знаетъ ничего.

Усвоивши мусульманскія и христіанскія представленія о божествѣ, Вотяки приписали имъ свойства, которыми обладали ихъ собственные боги — потребность въ пищѣ и питьѣ.

Въ селахъ Глазовскаго уѣзда всюду распространены такъ называемыя напольныя молебны—въ Понинскомъ приходѣ около Троицы въ озимомъ предъ началомъ пашни подъ рожь. Молебенъ пригоняется обыкновенно къ вокресенью; накануне въ субботу совершается языческое моленіе. Въ полѣ устраивается скамейка для иконы и обставляется срубленными березками. Предъ иконой служатъ молебенъ и приносятъ жертву. Жертва состоитъ въ томъ, что въ поле приводится жертвенный быкъ, купленный на общественныя деньги. Здѣсь его колятъ. Парчасемъ является или выборное лице или первый желающій. Жрецъ беретъ въ руки березовую вѣтку и читаетъ вотскую молитву. Въ это время съ мясомъ заколотаго животнаго варится каша для всей деревни. По окончаніи языческаго моленія приѣзжаетъ священникъ, служитъ молебенъ и освящаетъ жертвенныя яства; по окончаніи молебна священнику подносятъ на блюдѣ голову животнаго, священникъ кропитъ ее водой и дѣлаетъ на ней крестъ. Голова и внутренности поступаютъ на угощеніе духовенства; остальное съѣдаютъ молящіеся; кожа идетъ на церковь. Для освященія своего жертвеннаго мяса Вотяки являютъ даже въ Глазовскія церкви: въ нѣкоторыхъ случаяхъ кусками жертвеннаго мяса уставляется весь церковный помостъ.

При нѣкоторыхъ церквахъ Вятской губерніи, какъ намъ передавали, устраиваются спеціальныя „жертвенники“, напоминающіе своимъ расположеніемъ вотскія дзекъ-квалы; это палатки, въ которыхъ по краямъ разставлены скамьи, въ серединѣ столы. Столы уставляются жертвоприношеніями, которыя послѣ благословенія священника тутъ-же и поѣдаются съ возліаніемъ кумышки. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ также весной въ озимомъ полѣ закалается быкъ, надъ которымъ совершается сначала вотская молитва, а затѣмъ хри-

стіанское благословеніе. Закланіе жертвеннаго животнаго совершается послѣ отъѣзда священника. Около Петрова дня совершается при такомъ-же участіи христіанскаго священника общественное моленіе въ ржаномъ полѣ Му-вылчину: голова и кости жертвеннаго животнаго кладутся въ яму, вырытую на полѣ.

Ярче всего вліяніе старыхъ воззрѣній сказалось на языческомъ празднованіи прямо христіанскихъ праздниковъ— напр. престольнаго дня и Ильи-пророка. Въ оба праздника обязательно приносится рѣзанное мясо. Пріѣхавши въ церкви одни раскладываются въ сторожкѣ, другіе около ограды, третьи несутъ части мяса въ церковь (голову и бокъ).

По окончаніи службы сидящіе въ сторожкѣ просятъ священника отслужить молебенъ; священникъ служитъ, благословляетъ и кропитъ св. водой кушанья и кумышку, выпиваетъ и закусываетъ первый; за нимъ начинаютъ угощаться и прихожане. Такое же благословеніе даетъ священникъ и тѣмъ, которые расположились съ своими припасами около церковной ограды.

На компромиссѣ между язычествомъ и христіанствомъ мы заканчиваемъ очеркъ вотскихъ вѣрованій и переходимъ къ послѣдней главѣ нашей книги.

Глава VI.

Характеристика духовной природы современных Вотяковъ. Умъ воображеніе, чувства, воля. Поэзія и мораль.

Рядъ переживаній въ обрядахъ и церемоніяхъ, связанныхъ съ важнѣйшими моментами жизни человѣка, языкъ, поэзія, вѣрованія и формы культа дали намъ возможность проникнуть въ духовное прошлое вотскаго народа. По разнымъ, случайнымъ поводамъ мы имѣли уже случай высказать, что культурныя состоянія, которыя нашли свое выраженіе во всѣхъ этихъ видахъ духовной дѣятельности человѣка, стоятъ въ извѣстной преемственности. Далекое не къ одному и тому же періоду развитія мысли относятся данныя языка и поэзіи, культа и вѣрованій. Языкъ позволяетъ намъ составить понятіе о размѣрахъ тѣхъ классифицирующихъ, обобщающихъ способностей, которыя обнаружилъ народъ въ древнѣйшую эпоху своей духовной исторіи, въ эпоху созданія звуковыхъ символовъ для сложившихся въ его мысли понятій. Поэзія сохранила въ неприкосновенными образы духовъ, создавшіеся въ воображеніи народа въ другую пору, когда зародились вопросы о причинахъ явленій, и сущности въ пору анимистическаго созерцанія природы. Формы культа носятъ слѣды борьбы, которая позднѣе происходила въ сознаніи Вотяковъ между старыми матеріалистическими воззрѣніями

на духовъ и зарождавшимися спиритуалистическими съ одной стороны, между стремленіемъ угодить жертвой богу и своими собственными потребностями съ другой. На почвѣ этой борьбы сложились компромиссы между старыми и новыми идеями и эти компромиссы стоятъ въ противорѣчїи съ образами, которые сохранила отъ предшествующей эпохи поэзія. Вѣрованія стоятъ еще въ большемъ противорѣчїи съ стариной, нашедшей свое выраженіе въ поэзіи. Въ нихъ выражались когда-то сужденія народа о природѣ и генезисѣ явленій окружающаго міра. Эти сужденія пришли со временемъ въ столкновеніе съ чуждыми, сильнѣйшими: рядомъ съ рассказами о множествѣ духовъ—источниковъ явленій—Вотякъ сталъ слышать о единомъ творцѣ и причинѣ всего существующаго; въ то время, какъ одни говорили ему о борьбѣ человѣка съ духами природы и о случаяхъ гибели послѣднихъ, другіе говорили о безконечномъ, бессмертномъ и всесильномъ Богѣ; рядомъ съ морально безразличными, при однихъ условіяхъ злыми, при другихъ добрыми духами въ его сознаніи заняли мѣсто благой, хотя и карающій иногда, Богъ и враждебные ему и человѣку сонмы низшихъ духовъ. И здѣсь оказались необходимыми компромиссы, послѣ которыхъ завѣщанные дѣдами образы вышли стертыми до неузнаваемости: при самыхъ отчаянныхъ усиліяхъ мысли Вотякъ XVI—XVII в., очутившійся среди своихъ выѣзженныхъ соплеменниковъ, не узналъ бы своего Нюлесъ-мурта въ стоящей въ церкви иконѣ Николая Чудотворца. Вотякъ выѣзженный признаетъ эту комбинацію возможной.

Сочетаніе въ одной головѣ идей о единой причинѣ вещей и множествѣ таковыхъ, о смертности и вѣчности духовъ и т. д. одно уже въ состояніи показать, на какой высотѣ стоитъ въ настоящее время вотская мысль, но мы по-

свящаемъ спеціальную главу характеристикѣ духовнаго habitus'a Вотьяковъ для того, чтобы ввести въ предѣлы своего очерка факты, которыхъ до сихъ поръ не имѣли еще случая касаться. Планомъ этой характеристики мы обязаны между прочимъ заключительнымъ главамъ „Основаній психологіи“ и первымъ главамъ „Основаній социологіи“ Г. Спенсера. Нашъ анализъ мы начинаемъ съ умственныхъ свойствъ Вотьяка.

Всѣ изслѣдователи, которые обращали вниманіе на умственныя способности Вотьяковъ, говорятъ о высокомъ развитіи у нихъ наблюдательности. „Въ лѣсу Вотьякъ, говоритъ г. Бехтеревъ, никогда не потеряется: по жорѣ деревъ, толщинѣ ихъ, по просвѣту и чащѣ, по запаху, по мху и т. д. — по тѣмъ признакамъ, которые для насъ неуловимы, онъ легко ориентуруется въ самыхъ глухихъ мѣстахъ“ (¹). Кошурниковъ рассказываетъ, что въ его присутствіи два вотскихихъ мальчика вытащили изъ подъ прилегающихъ къ землѣ вѣтвей ели шесть молодыхъ тетеревовъ, которыхъ никакъ нельзя было замѣтить подъ скрывающими ихъ вѣтвями. Мальчики съ весны подмѣтили частный перелетъ около этого дерева двухъ старыхъ тетеревовъ ²). Оба свидѣтельства стоятъ въ связи съ той суммой опытовъ, которая давала жизнь цѣлому ряду предшествовавшихъ поколѣній Вотьяковъ и въ заключеніе современному; оба говорятъ о тонкой способности воспринимать впечатлѣнія, входяція въ сферу повседнежнаго опыта, о быстротѣ, съ которой возникаютъ въ сознаніи въ силу ассоціаціи представленія, сотни разъ связывавшіяся ранѣе. Перейдемъ теперь къ другимъ случаямъ, гдѣ классифицирующая способность мысли обнаруживается

(¹) Бехтеревъ. I. с. VIII, 652.

(²) Кошурниковъ. I. с. 12—13.

при иныхъ условіяхъ. Въ распоряженіи нашемъ имѣются два источника для уясненія вопроса, въ какой степени Вотякъ способенъ классифицировать факты и отношенія окружающаго міра. Это загадки и народныя примѣты. У народа, умственные интересы котораго ограничены, а духовное творчество только начинается, загадка имѣетъ иное значеніе, чѣмъ у людей развитыхъ. Загадка есть одинъ изъ побочныхъ продуктовъ классификаціи фактовъ и отношеній, которая совершается въ умѣ Вотяка. Возникло у Вотяка случайно представленіе о сходствѣ между двумя ранѣе стоявшими обособленно предметами и онъ спѣшитъ подѣлиться своимъ открытіемъ, какъ дѣлится ученый нашего времени своимъ, — но дѣлится не вдругъ, а заставивши предварительно свсего собесѣдника перебрать весь запасъ своего опыта, всѣ факты и отношенія, обладающіе нѣкоторыми общими чертами. Разсматривая вотскія загадки, помѣщенные въ сборникѣ Гаврилова, мы находимъ между ними рядъ такихъ, которыя поражаютъ отсутствіемъ всякихъ общихъ чертъ, въ силу которыхъ ихъ можно классифицировать въ одну группу. Такова напр.

Царская шапка безъ шва = яйцо.

Шилькъ-шалькъ (шумать) колосья полбы = вышиваніе
женскаго платка.

Мелкіе кусочки говядины = огарки лучины.

Среди огня дай батманъ = перина.

Кругомъ поля лѣстница изъ говядины = рябина.

Одинъ сурымъ (участокъ) загороди разберешь, а послѣ
какъ сложить не знаешь = щепаніе лучины.

Сидить, сидить, а тѣни отъ него нѣтъ = погребъ.

На днѣ сундука думающая пуговка = сердце.

За избой даетъ щенокъ = капаніе воды съ крыши.

Щепки всего народа, живущаго на землѣ, собираются
въ одно мѣсто = податныя деньги.

Длинная жердь достаетъ до неба = глаза.

Двое мужчинъ цѣлое лѣто скидаютъ съ себя рубахи
и кладутъ въ колодезь = снимапіе и моченіе мочала.

Одна кочерга мѣшаетъ въ двухъ печкахъ = языкъ коровы.

Сани идутъ, а рогожа остается = вода и ледъ ⁽¹⁾.

Примѣты знакомятъ насъ съ однимъ изъ результатовъ классификаціи отношеній, представленіями о причинной связи между явленіями. Есть наблюдатели, которые высоко цѣнятъ вотскія примѣты. „Вотякъ по различнымъ примѣтамъ, своимъ, которыя онъ беретъ съ полета птицъ, съ крика животныхъ, съ лѣсу и воды, читаемъ мы у Кошурникова, угадываетъ заранѣе какова будетъ погода будущей весной и лѣтомъ—тепла или холодна, суха или сыра, потому такъ и подготавливаетъ почву, такъ и разбрасываетъ сѣмена свои и весьма рѣдко обманывается. Выручаютъ вотскія примѣты и русскаго крестьянина, пользуются ими и судовщики и промышленники для своихъ выгодъ“ ⁽²⁾. Къ сожалѣнію авторъ не знакомитъ своихъ читателей съ этими „необманывающими“ метеорологическими примѣтами и даетъ намъ право поставить сравнительную успѣшность вотскаго земледѣлія въ зависимость отъ извѣстныхъ уже намъ факторовъ—большаго труда и удобрения, которые Вотякъ вкладываетъ въ почву. Сами Вотяки глубоко убѣждены въ вѣрности своихъ примѣтъ. Тотъ-же Кошурниковъ рассказываетъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ Вотяки тащили бочки съ водой и пожарные инструменты къ волостному правленію, изъ котораго выползали

⁽¹⁾ Гавр. I. с. 112—122.

⁽²⁾ I с. 12.

(лѣтомъ) тараканы. Стоить отъ сильнаго вѣтра „застонать“ соснѣ и Вотякъ ждетъ уже бѣды; цѣлая деревня всполошится, начнется бѣготня изъ дома въ домъ ¹⁾). Нѣкоторыя примѣты способны привести Вотяка къ ужасающимъ преступленіямъ. Въ сборникѣ г. Мункачи имѣеть мѣсто, между прочимъ, такая примѣта: „если покойникъ оживетъ въ церкви, попь долженъ у б и т ь его; иначе онъ самъ умретъ“ ¹⁾). Анализируя образцы примѣтъ, которыя приводитъ Кошурниковъ, мы далеко не видимъ того, чтобы Вотякъ различалъ простую послѣдовательность во времени отъ причинныхъ отношеній между явленіями. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Если во время паденія снѣга зимой онъ липнетъ къ стѣнамъ, то пчелы дадутъ много роевъ.

Какого рода зерновой хлѣбъ истребляютъ по преимуществу мыши, на тотъ родъ хлѣба и будетъ преимущественно неурожай.

Если лутошка, выброшенная на снѣгъ на нѣкоторое время, покроется темными пятнами, будетъ урожай на горохъ.

Если свиньи изрываютъ лужокъ, урожая ржи не будетъ.

Присоединяемъ сюда нѣсколько примѣтъ изъ сборника Мункачи:

Кто увидитъ ежа развернувшимся, умретъ въ этотъ годъ.

Если лягушка квачетъ въ подпольи, будетъ покойникъ.

Весной много желтковъ не ѣшь—желтуха будетъ (№ 42).

При закатѣ солнца не спи—голова будетъ болѣть (№ 48).

Если при солнцѣ будешь выносить ледъ, будетъ гроза съ сильнымъ дождемъ (№ 46).

Если лѣтомъ будешь брызгать въ верхъ воду, дождь будетъ (№ 47).

¹⁾ 1. с. 39—40.

Если изо рта падаетъ хлѣбъ, его тащатъ покойники (№ 83). ⁽¹⁾

Всматриваясь въ эти примѣты, мы видимъ, что въ нихъ связаны причинной связью такія явленія, которыя не имѣютъ между собой ничего общаго. Однѣ изъ нихъ основаны на убѣжденіи, что животныя обладаютъ такими же, если не большими умственными силами, какъ человѣкъ, могутъ чують и предсказывать ближайшія событія, другія на простой преемственности явленій, третьи на внѣшнемъ, бросающемся въ глаза сходствѣ.

Послѣдній родъ примѣтъ даетъ намъ возможность уяснить себѣ взглядъ Вотяковъ на отношенія между предметами и свойствами. Мы видѣли, что человѣкъ, съѣвшій желтый предметъ (въ опредѣленное время) пріобрѣтаетъ болѣзнь, сопровождаемую желтизной кожи: свойство пріобрѣтается съ потребленіемъ предмета, которому оно принадлежитъ. Этотъ взглядъ лежитъ въ основѣ многихъ произведеній вотскаго эпоса. Человѣкъ, съѣвшій сердце богатыря ⁽²⁾ и кусокъ его мяса ⁽³⁾, выпившій пѣну, которая выходитъ изъ него предъ смертью ⁽⁴⁾, пріобрѣтаетъ его силу. Глаза кошки, вставленные человѣку, дѣлаютъ то, что онъ всюду видитъ мышей; руки вора, приставленные честному до тѣхъ поръ мужику, обращаютъ его въ вора; языкъ свиньи, вставленный въ ротъ человѣка, сообщаетъ ему потребность и вкусъ къ свиной пищѣ ⁽⁵⁾.

⁽¹⁾ Мункачи I. с. 14.

⁽²⁾ *ibid.* 62.

⁽³⁾ *ibid.*

⁽⁴⁾ Вер. Вот. Сос. Кр. 147.

⁽⁵⁾ Munkacsi. I. с. 86.

Въ рядѣ примѣтъ, записанныхъ г. Мункачи, мы находимъ еще нѣсколько, которыя служатъ прекрасными образцами вотскихъ представленій объ отношеніи между предметомъ и свойствомъ.

Если продаешь, либо мѣняешь скотину, сказавши покупателю „мое счастье на скотину пусть не переходитъ къ тебѣ“ возьми у него либо деньги, либо поясъ (№ 134).

Если ударишь кого нибудь сухой лучиной, онъ высохнетъ, какъ лучина (№ 146).

Не растаптывай упавшихъ съ свѣтца углей, рожь будетъ черная (№ 147).

Изъ этихъ примѣтъ оказывается, что одинъ признакъ хозяйства — хорошій приплодъ скотины — составляющій результатъ разнообразныхъ причинъ, умѣлаго выбора породы, пищи, помѣщенія и т. п. Вотякъ представляетъ, какъ особое свойство хозяина (шудъ) переходящее на скотину, съ скотины къ другому человѣку и возвращающееся съ предметомъ, который даетъ продавцу покупатель. Сухость лучины переходитъ на человѣка, котораго ей ударили. Чернота угля переходитъ на рожь, которая посѣяна на полѣ.

Слѣдующая ниже примѣта знакомитъ насъ съ представленіемъ Вотяковъ объ отношеніи между дѣйствіемъ и причиной.

Если щенка будешь кормить съ топора, онъ будетъ сердить, какъ топоръ (¹).

Здѣсь разрушительныя дѣйствія, производимыя топоромъ, приписываются ближайшему предмету — топору; онъ называется сердитымъ, а не человѣкъ, который имъ дѣйствовалъ; онъ, подобно лучинѣ, передаетъ свое свойство чрезъ прикоснувшуюся къ нему пищу щенку.

Другой рядъ примѣровъ того, какъ классифицируетъ Вотякъ, представляютъ вотскія пѣсни. Съ конструющею

(¹) 1. с. 23.

этихъ пѣсенъ насъ можетъ познакомить слѣдующій образецъ:

Много мы ходили по темному лѣсу, но не нашли
кнUTOвища;

И много ходили и мало ходили, но не нашли лучше васъ.

Пѣсенъ такого размѣра и такой конструкціи мы встрѣтимъ множество въ сборникахъ Гаврилова и Мункачи. Здѣсь все характерно—и размѣръ пѣсни и ея построеніе. Задача пѣсни выразить чувство. О размѣрѣ выразительныхъ средствъ, которыми располагають Вотяки свидѣтельствуешь величина и содержаніе пѣсни. Выразивши въ сжатой фразѣ владѣющее имъ чувство, импровизаторъ стремится пояснить его образами, но бѣдность фантазіи, недостатокъ образовъ, поднимающихся въ его сознаниі въ силу ассоціаціи того или другаго рода, заставляють его ограничиться однимъ параллельнымъ образомъ и далеко не всегда удачнымъ. Приведемъ примѣры.

Мы встали рано утромъ и посмотрѣли на верхушку
зеленаго дуба.

Хотя я и былъ далеко, но не забылъ твои черныя
брови

Около рѣчки Шуни есть пестрогрудая цапля;

Приходи не смотря на то, что темно; если вѣтъ луны,
есть звѣзды

Птенцы ястреба противъ вѣтра чешутъ крылья;

Юноша, пришедшій въ возрастъ, собираетъ богатства въ
карманѣ.

Въ вашемъ мѣдномъ чайникѣ есть кислый медъ;

По рѣкѣ Шуни ты славись своимъ умомъ.

Изъ серебра сплели мы нагайку; гдѣ мы васъ увидимъ?

Если, вставши рано утромъ, пойдете за водой, то на
дорогѣ увидимъ

Два молодца косят сѣно, поворачиваясь неторопливо.
Желая скрыть свое горе, плачутъ въ уединенныхъ мѣстахъ.

Съ высокой горы бѣжить съ шумомъ снѣговая вода;
Если съ малолѣтства будешь богатъ, то сердце твое
никогда не успокоится.

Выступая за предѣлы пары образовъ, Вотякъ нагро-
мозждаетъ кучи сравненій которыя вызываютъ недоумѣніе
относительно условій ихъ совмѣстнаго возникновенія.

Въ сосновомъ лѣсу есть улы, вырубленные въ деревьяхъ.
Жена моя стара, сынъ мой молодъ.

Зятя Амвросія одинъ писарь, а другой бурлакъ.

Тонкій холстъ не можетъ быть товаромъ.

Тетенька Гольжанъ ужъ не можетъ быть дѣвушкой.

Отношенія, въ которыхъ Вотякъ представляетъ себѣ
стоящими явленія, далеко не таковы, чтобы дать ему воз-
можность отдѣлить естественное отъ сверхъестественнаго,
возможное отъ невозможнаго. Отсюда въ связи съ идеями,
составляющими подкладку вѣрованій, происходитъ то легко-
вѣріе, которое характеризуетъ Вотяка рядомъ съ чрезмѣр-
ной подозрительностью. „Вотяки оказываются въ особенно-
сти легковѣрными въ предметахъ, выходящихъ изъ сферы
ихъ старинныхъ вѣрованій. Можно рассказывать Вотякамъ
какія угодно небылицы и они примутъ ихъ за чистую мо-
нету, если рассказчикъ будетъ вести рѣчь серьезно. Если
рассказчикъ разсмѣется надъ своимъ враньемъ или засмѣются
его товарищи, тогда и Вотякъ засмѣется нелѣпому раз-
сказу“ (1).

Благодаря своему легковѣрію Вотякъ эксплуатируется
на разные манеры Русскими и Татарами. Осокинъ расска-

(1) I. с. 63.

зывается, какъ одинъ „кавалеръ индустри“, войдя въ соглашеніе съ богатымъ Вотякомъ, эсплуатировалъ самымъ грубымъ образомъ долгое время цѣлый округъ. Выждалъ этотъ промышленникъ день, когда Вотяки должны были молиться въ рошѣ и поставилъ на священное дерево заведенную табакерку съ музыкой. Вотяки вообразили, что этой музыкой богъ выражаетъ свое благоволеніе. Фокусъ этотъ продѣланъ былъ три раза; Вотяки были въ восторгѣ отъ того, что богъ такъ благоволитъ къ нимъ. Но вотъ приходятъ разъ они въ рошу—музыки нѣтъ. Подумали, погадали и рѣшили отправить въ рошу жреца узнать, чего хочетъ богъ. Жрецъ говоритъ, что богу нужно быка. Зарѣзали быка—музыки нѣтъ. Тутъ выступаетъ Вотякъ—пайщикъ въ этой спекуляціи и говоритъ, что богу, вѣроятно, нужны деньги. собрали Вотяки денегъ, отнесли въ рошу—музыка возобновилась. Съ этихъ поръ къ дереву стали приносить все больше и больше денегъ не только изъ этой деревни, но и изъ всего округа. Владѣлецъ табакерки нажилъ себѣ такимъ нехитрымъ путемъ капиталецъ (¹).

Обманутый разъ, два, три, Вотякъ бросается въ другую крайность и начинаетъ съ недовѣріемъ относиться къ самымъ естественнымъ вещамъ, если они въ той или другой мѣрѣ затрогиваютъ его карманъ.

Не одно легковѣріе сопровождаетъ у Вотяка отсутствіе представленій о возможномъ и естественномъ порядкѣ вещей. Послѣдствіемъ находящагося на такой ступени сознанія является еще равнодушіе къ новому, отсутствіе любознательности. О равнодушіи, флегматичности Вотяковъ мы читаемъ слѣдующій характерный разсказъ у г-жи Фуксъ: вынула она часы съ репетиціей, завела и поставила на столъ; Вотяки,

(¹) *ibid.*

которые стояли въ избѣ у порога и никогда не видали ничего подобнаго, ни единымъ движеніемъ мускуловъ не показали своего удивленія (¹). Объ ограниченной любознательности у Вотяковъ говорятъ авторы, относящіеся вполне сочувственно къ нимъ. „Въ отношеніи предметовъ, являющихся вновь по части сельскаго хозяйства, жители очень любознательны, говоритъ г. Верещагинъ... Къ другимъ-же предметамъ; напр. къ явленіямъ природы они остаются равнодушными (²).

Тотъ примѣръ равнодушія къ новому, о которомъ мы сказали нѣсколькими строками выше, даетъ намъ возможность перейти къ характеристикѣ эмоціанальныхъ особенностей Вотяка. Онъ характеризуетъ одновременно и состояніе мысли и состояніе чувства. Безстрастіе, съ которымъ Вотякъ относится къ новой для него вещи, онъ проявляетъ и вообще въ своихъ отношеніяхъ къ явленіямъ. Мы говорили уже о вотской способности терпѣть.

Лучшимъ источникомъ для изученія силы эмоцій Вотяка служитъ его лирическая поэзія. Ислѣдователь можетъ перебрать всѣ пѣсни, которыя помѣщены у Гаврилова и Мункачи, и не найдти въ нихъ ни одной фразы, въ которой сказалось бы сильно возбужденное чувство. Для примѣра нѣсколько наиболѣе сильныхъ фразъ:

Мы съ малолѣтства жили вмѣстѣ; пусть бы сдѣлалось
такъ, чтобы намъ не разлучаться.

Утромъ (безъ солнца?) туманъ не проясняется; безъ
посѣва озимь не восходитъ

Безъ всякой игры и смѣха не проясняется молодое сердце.

Брать, что я тебѣ, когда нѣтъ у меня товаровъ изъ

Бухары.

(¹) I. с.

(²) Вот. Сос. кр.

Увидавши тебя, братъ, я не могу стоять отъ радости.
Хорошо было бы, если бы въ то время, какъ я скучаю
по тебѣ, твой образъ былъ предо мной.
Въ этой деревни много людей, но я люблю только
одного.

Какъ солнце поднявшееся утромъ, лице твое показываетъ
ся глазамъ моимъ.

... Не станемъ разлучаться до смерти.

Мои глаза и въ долгій день не могутъ насмотрѣться
на твой станъ.

Что бы ни стремился выразить въ пѣснѣ Вотякъ—любовь, радость, горе, тревогу—онъ одинаково лакониченъ.

Лучшимъ образчикомъ ясно выраженного чувства тревоги предъ грядущими бѣдствіями представляетъ пѣсня № 15.

За темнымъ лѣсомъ идетъ черная туча; хорошо если
бы была густая елка (укрыться).

Когда приходятъ эти тяжелые годы, хорошо, если бы
я былъ ребенкомъ въ зыбкѣ.

Есть пѣсни съ полнымъ отсутствіемъ эмоціональнаго элемента, по своей природѣ соотвѣтствующія пословицамъ. Такова напр. у Гаврилова пѣсня № 86.

Бодрость рыжаго коня узнаешь тогда, когда запряжешь
его въ сани.

Изъ всѣхъ эмоцій одна выражается у Вотяковъ рѣзкимъ образомъ это страхъ. Страхъ Вотяковъ предъ начальствомъ, говорить Осокинъ, не имѣетъ предѣловъ ⁽¹⁾. Страхъ предъ грядущей бѣдой, въ особенности предъ судомъ, доводить Вотякъ зачастую до самоубійства ⁽²⁾.

(1) Гаврил. I. с.

(2) Кошурн. I. с. 40.

Указавши на высоту эмоциональных способностей Вотяка, мы перейдемъ къ специальнымъ замѣчаніямъ о тѣхъ чувствахъ, которыя ложатся въ основу общественныхъ отношеній и морали.

Переживанія въ области общественной организаціи и вѣрованій говорятъ намъ, что изслѣдователи, стремящіеся представить настоящее состояніе вотскаго народа, какъ результатъ деградаціи, глубоко заблуждаются. Далекое прошлое Вотяковъ вовсе не представляетъ собою золотого вѣка. Изъ исторіи культа и вотскаго эпоса мы имѣемъ полное право заключить, что Вотяки пережили такую эпоху общественныхъ отношеній, когда человѣкъ былъ для человѣка не братомъ, а вкуснымъ кушаньемъ. Альтруистическія чувства нарастали у нихъ постепенно: сначала Вотяки сами отказались отъ употребленія человѣчины въ пищу, но продолжали угощать ею боговъ (при чемъ жертвой являлся старикъ или человѣкъ чужаго племени), затѣмъ и богамъ стали приносить въ жертву одни человѣческіе волосы въ предположеніи, что богъ, если захочетъ, возьметъ уже самъ остальное. Въ обрядахъ, совершающихся въ случаѣ болѣзненности ребенка или при отдачѣ его въ дѣти, сохранились воспоминанія о той эпохѣ въ развитіи родительскихъ чувствъ, когда родители выбрасывали или продавали больнаго или лишняго ребенка. Стоитъ сравнить настоящей уровень развитія альтруистическихъ чувствъ съ тѣмъ, который мы только что очертили, чтобы убѣдиться въ томъ, что настоящее Вотяковъ есть результатъ развитія, къ которому они оказались способными, а не деградаціи. Современный Вотякъ производитъ очень выгодное впечатлѣніе на наблюдателей высокимъ развитіемъ симпатическихъ чувствованій. Вотякъ — нѣжный отецъ, мягкій мужъ, добрый родственникъ и сосѣдь.

„Съ своимъ братомъ Вотякомъ, говоритъ Кошурниковъ, Вотякъ сохраняетъ самыя дружественныя отношенія;

каждый Вотякъ имѣеть доступъ къ другому при встрѣчающихся неблагопріятныхъ случаяхъ жизни. Недостало у Вотяка хлѣба для обмѣненія полей, онъ идетъ къ сосѣду и получаетъ нужное; осталась не выжатой его полоса въ полѣ за болѣзнь, ее выжнуть услужливые сосѣди. Попалъ Вотякъ въ бѣду, вся деревня за него ходатайствуетъ и, гдѣ нужно, не жалѣеть денегъ“ (1). Другой писатель для характеристики сочувствія, съ которымъ Вотяки относятся къ чужимъ несчастіямъ, приводитъ случай, когда на его глазахъ сгорѣла одна вотская деревня. Не успѣло еще затухнуть пожарище, какъ со всѣхъ сосѣднихъ деревень наѣхали Вотяки съ хлѣбомъ и другими необходимыми предметами (2). Хлѣбъ, который лежитъ на столѣ у Вотяка, къ услугамъ всякаго желающаго. Чужой человѣкъ, не спросивши позволенія хозяевъ, можетъ садиться за столъ и ѣсть. Заколетъ Вотякъ какую нибудь скотину и уже зоветъ ѣсть мясо всѣхъ своихъ сосѣдей. Нѣтъ ни одного праздника, въ который бы Вотяки не устраивали складчинъ, общественныхъ пировъ, не ходили толпой изъ дома въ домъ. Съ чувствомъ состраданія, которое заставляеть Вотяка прійти на помощь ближнему, вполне гармонируетъ потребность мира, согласія, которая такъ сильна въ Вотякѣ. Одной мыслью, въ одну рѣчь — вотъ идеаль вотскихъ общественныхъ рѣшеній. Этотъ девизъ мы находимъ во всѣхъ почти вотскихъ молитвахъ, когда божеству заявляется, что жертву ему приносить община. Вотякъ весь въ семьѣ и общинѣ и почти не имѣеть личной инициативы. Мы знаемъ, каково положеніе членовъ семьи подъ властью куз'о—но эту зависимость Вотякъ выносить безъ малѣйшаго труда, можно сказать—съ наслажденіемъ.

(1) Кошурн. I. с. 41.

(2) В. Г. В. 1883.

Способность подчиняться куз'о, венешу, всякому другому мѣстному авторитету у Вотяка, кажется, безгранична.

Факты, которые мы перечислили, таковы, что на основаніи ихъ очень легко идеализировать Вотяковъ и нѣкоторые писатели ихъ, дѣйствительно, идеализируютъ. Мы далеки отъ заблужденій на счетъ того уровня, на которомъ стоитъ нравственное развитіе Вотяковъ. Альтруистическія чувства у Вотяковъ очень интенсивны—это безспорно; но безспорно и то, что простираются они на очень ограниченную сферу. Вспомнимъ, что Вотяки почти не вышли еще изъ родового быта, что сосѣдь и родственникъ у нихъ синонимы, что до сихъ поръ цѣлыя деревни еще ведутъ происхожденіе отъ одного родоначальника и мы не будемъ удивляться той степени расположенія другъ въ другу, которую проявляютъ сосѣди. Что за тѣсные предѣлы рода или въ крайнемъ случаѣ своего племени ихъ альтруизмъ не простирается, намъ говорятъ многіе наблюдатели. Чужой проѣзжіи человѣкъ не такъ давно не могъ добиться ничего отъ Вотяковъ даже за деньги. Можетъ быть, подобные такіе факты вырвали у Осокина такой суровой приговоръ надъ Вотяками: „Вотяки не дѣлаютъ зла никому, но и не чувствуютъ удовольствія дѣлать добро. Они никогда не покоряютъ бѣднаго (чужаго?), хотя умирай онъ съ голоду, если знаютъ, что бѣды имъ отъ этого не будетъ (1)“... Не считая приговоръ Осокина вполне справедливымъ, мы позволяемъ себѣ все же сказать, что онъ подмѣтилъ одну черту, которая составляетъ подкладку многихъ проявленій вотской добродѣтели—страхъ бѣды, которая можетъ постигнуть за преступленіе. Мы не хотимъ сказать, что страхъ начальства дѣлаетъ Вотяковъ сострадательными. Вотяки боятся совсѣмъ другаго. Человѣкъ,

(1) I. с. 80.

которому сдѣланъ вредъ, можетъ мстить послѣ смерти, какъ злой духъ. Въ этомъ страхѣ, по словамъ новѣйшаго наблюдателя М. Висш'а одна изъ основъ вотсковой морали⁽¹⁾. Здѣсь прибавимъ мы первый и единственный намекъ на то, что у Вотяковъ начинала возникать метафизическая подбладка для предписаній морали. Дальше этого перваго шага Вотяки не пошли: идеи святости и грѣховности, идея Бога, требующаго моральныхъ жертвъ, до сихъ поръ еще не усвоена Вотяками. Страхъ земнаго начальства можетъ сдерживать Вотяка отъ мелкихъ преступленій — отъ кражи напр. Съ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣетъ это чувство на отношеніе Вотяка къ чужой собственности, насъ знакомитъ вотская поэзія. Въ вотскихъ сказкахъ довольно часто фигурируетъ рубашка, которая дѣлаетъ человѣка невидимой. Какая же мысль первой приходитъ въ голову обладателю волшебной рубашки?— „Теперь мнѣ можно идти воровать“⁽²⁾. Степени сочувствія, которую Вотякъ обнаруживаетъ по отношенію къ людямъ не его рода, соответствуетъ и способность сочетать свои интересы съ интересами другаго рода или совокупности родовъ. Свидѣтельствомъ того, что Вотякъ, выработавшій способность сочетать свои стремленія съ стремленіями родичей, не въ состояніи оказался распространить эту способность за предѣлы рода служитъ отсутствіе въ исторіи Вотяковъ какихъ либо слѣдовъ болѣе крупныхъ, чѣмъ родъ, хотя бы временныхъ общественныхъ сочетаній.

Характеристику душевныхъ свойствъ Вотяковъ мы заканчиваемъ волей. Въ узкой сферѣ своихъ интересовъ Вотякъ обнаруживаетъ значительную силу воли—упорную настойчивость въ осуществленіи своихъ цѣлей. Вотякъ, задумавъ

⁽¹⁾ I. с.

⁽²⁾ Верещагинъ. Вот. Сар. у. Сказки.

мавшій похитить поправившуюся ему дѣвушку, похитить ее, хотя бы ему пришлось потерпѣть нѣсколько разъ неудачу, хотя бы каждая неудача стоила ему жестокихъ побоевъ. Потерпѣвши рядъ неудачъ Вотякъ, по словамъ г. Максимова, лучше удавится на дворѣ своего врага, чѣмъ откажется отъ цѣли (¹). Мы знаемъ уже изъ описаній Кошурникова, какую настойчивость и способность бороться съ препятствіями Вотякъ обнаруживаетъ на охотѣ. Тоже упорство въ трудѣ онъ обнаруживаетъ и на цюприщѣ земледѣлія и въ составленіи капитала. Бережливость Вотяка изумительна, хотя результаты ея ничтожны: скопленные цѣною громадныхъ лишеній деньги зарывались до послѣдняго времени въ землю и не приносили пользы ни обладателю, ни его потомству. Тайна вотской энергіи въ ограниченномъ кругѣ желаній. Здѣсь же и причина вотской косности. Вотяку не хватаетъ главнаго условія развитія—недовольства настоящимъ, окружающимъ. Вотякъ терпитъ грязь своей избы и одежды, не стремится улучшить свой скотъ и на всякіе разговоры о лучшемъ отвѣчаетъ: „намъ ладно; мы Вотяки (²).“

Мы набросали въ самыхъ общихъ чертахъ духовную характеристику Вотяковъ. Картина вышла блѣдна. Нужнаго количества красокъ не даютъ ни наши личные впечатлѣнія, ни литература. Отдѣльные штрихи позволяютъ однако въ заключеніе сказать нѣсколько словъ по поводу прагматическаго вопроса, который выдвигается, какъ окончательный результатъ всѣхъ предшествовавшихъ соображеній. Вотяки находятся на пути слиянія съ русскимъ народомъ; не пройдетъ, можетъ быть, столѣтія до тѣхъ поръ, пока послѣдній Вотякъ

(¹) I. с.

(²) Бехтеревъ. I. с.

сдѣлаеть Русскимъ. Что же внесутъ въ жизнь и характеръ русскаго народа эти новыя 300—400 тысячъ человѣкъ? Какъ съ пользою для будущаго слѣдуетъ намъ употребить теперь уже то, что несутъ съ собою эти люди? Отвѣтъ на эти вопросы намѣчается на немногихъ страницахъ нашей характеристики. Двѣ основныхъ и родственныхъ намъ черты можетъ принести съ собою обрусѣвшій Вотякъ — стойкую энергію и общинныя альтруистическія инстинкты. Наша задача дать высшія цѣли — идеалы для первой и расширить сферу приложенія для вторыхъ.

Глава VII.

Обзоръ литературы о Вотяхахъ.

Вс. Ѡ. Миллеръ. Описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея. Вып. II. М. 1887.

П. Семеновъ. Географическій словарь Россійской Имперіи. Т. I.

Труды Вс. Ѡ. Миллера и П. С. Семенова заключаютъ въ себѣ перечень русскихъ и иностранныхъ сочиненій и статей, въ которыхъ такъ или иначе толкуется о Вотяхахъ. Въ перечень вошли всѣ статьи и книги спеціально этнографическаго характера. Статьи и изданія историческія и статистическія не перечисляются и, намъ кажется, до нѣкоторой степени напрасно: въ такихъ изданіяхъ, какъ „Матеріалы для статистики Вятской губерніи“, издаваемые Земскимъ Статистическимъ Бюро, найдетъ для себя не мало интереснаго всякій этнографъ, каковы-бы ни были его взгляды на задачи науки.

Древнѣйшія упоминанія (этнографическаго характера) о Вотяхахъ въ русской литературѣ мы встрѣчаемъ въ рукописной „Казанской исторіи“ анонимнаго автора, относящейся къ XVI в. и въ таковой-же космографіи XVII в. Въ обоихъ памятникахъ о Вотяхахъ даются смутныя понятія. Авторъ „Казанской исторіи“ не отличаетъ ихъ отъ Чер-

мистъ (¹), составитель „Космографіи“, повторяя его ошибку, присовокупляетъ, что Вотяки бѣжали изъ Ростовской земли (²).

N. Vitsen (Nord en Oost Tartarye. Amst. 1705).

Витсенъ первый, кажется, изъ иностранцевъ упоминаетъ о Вотякахъ но, подобно приведеннымъ выше русскимъ авторамъ, только по имени (вятскіе язычники).

Первымъ писателемъ XVIII в., сообщившимъ кое какія черты изъ быта Вотяковъ, былъ Штраленбергъ. Штраленбергъ знакомитъ своихъ читателей съ территоріей, на которой живутъ Вотяки, съ физическими признаками ихъ, пускается въ соображенія объ ихъ прошломъ и между прочимъ приходитъ къ заключенію, что они представляютъ собою потомковъ Арамеевъ, о которыхъ упоминаетъ Плиній (сами себя зовутъ Аръ и страну свою Арима). Рядомъ съ такими вздорными вещами мы имѣемъ у него и цѣнныя въ историческомъ смыслѣ сообщенія. Мы не можемъ такъ рѣшительно, какъ это дѣлалъ Ф. Миллеръ, отвергать напр. справедливость Штраленбергскаго извѣстія, что въ началѣ XVIII в. на Немдѣ близъ Куварки жили Вотяки. Преданія о нихъ тамъ сохранились и теперь.

Ger. Fr. Müller. Sammlung der Russischen Geschichte. Bd. III.

Его-же. Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ. Спб. 1791.

Фр. Миллеру принадлежитъ первая цѣлостная картина быта Вотяковъ. Отправившись въ Камчатскую экспедицію, онъ на пути ознакомился со всѣми инородцами, которыхъ могъ встрѣтить, собиралъ свѣдѣнія о ихъ языкѣ, внѣшнемъ бытѣ, вѣрованіяхъ и культѣ. Въ результатѣ оказался богатый запасъ драгоценныхъ извѣстій, которыя имѣютъ въ настоящее время уже по большей части историческое значеніе.

(¹) Рычковъ. Каз. ист.

(²) Труды IV Арх. съѣзда. Т. I.

Мы находимъ впервые у Миллера настоящее самоназваніе Вотяковъ и опроверженіе басни, пущенной на счетъ его Штраленбергомъ, извѣстія о перекочевкахъ Вотяковъ, описаніе ихъ жилищъ, костюма (между прочимъ вышедшаго изъ употребленія женскаго кафтана съ разрѣзными рукавами), промысловъ, приемовъ гаданія (м. пр. неизвѣстнаго въ настоящее время гаданія посредствомъ нюхательнаго табака), культа, формъ брака (упоминаніе о двоеженствѣ, левиратѣ, женитьбѣ малолѣтковъ и похищеніи невѣсты), погребальныхъ обрядовъ (обертываніе покойника въ бересту. 78).

Какъ первый опытъ, описаніе Вотяковъ, сдѣланное Миллеромъ, не чуждо ошибокъ и подѣ часъ довольно крупныхъ. Первымъ и главнѣйшимъ недостаткомъ характеристики Миллера съ специальной точки зрѣнія слѣдуетъ назвать то, что въ ней иногда не легко отдѣлать то, что свойственно Вотякамъ собственно, отъ чертъ общей культуры инородцевъ казанскаго края: авторъ характеризуетъ общими чертами Чувашь, Черемисъ и Вотяковъ, не обращая вниманія на ихъ племенную рознь. Въ этихъ общихъ характеристикахъ онъ дѣлаетъ крупныя ошибки; такъ онъ увѣряетъ между прочимъ, будто всѣ три народа не имѣютъ годоваго счисленія и дѣленія года по мѣсяцамъ. Позднѣйшія извѣстія мѣстныхъ изслѣдователей показали, что у каждаго изъ описываемыхъ народовъ имѣется собственная система счисленія времени. Говоря о жертвоприношеніяхъ, Миллеръ замѣчаетъ, что Вотяки не приносятъ въ жертву дивихъ птицъ и звѣрей. Это оказалось также ошибкой: позднѣйшіе наблюдатели показали, что въ жертву приносятся напр. тетерева и рябчики. Равнымъ образомъ ошибочными оказались сообщенія, будто у Вотяковъ при жертвоприношеніи нѣтъ спеціального лица, которое рѣзало бы животное, а при погребеніи въ гробъ не кладутъ „домоваго скарба“ (78). Ха-

ракетристика свадебныхъ обычаевъ вотскихъ и блѣдна и несогласна съ истиной; „кромѣ пьянства, пѣсень и пляски“ во время свадьбы позднѣйшіе наблюдатели подмѣтили много обрядовъ, имѣющихъ связь съ исторіей развитія вотской семьи.

Рычковъ. Оренбургская топографія. Спб. 1762 г. I, 183—187.

На немногихъ страницахъ, посвященныхъ Вотьякамъ, Рычковъ толкуетъ объ исторіи и современномъ состояніи этого народа. Онъ приписываетъ Татищеву гипотезу, въ силу которой Вотьяки помѣщались первоначально на берегахъ Невы. О прошломъ вотскаго народа Рычковъ излагаетъ безъ критики соображенія Татищева. Характеристика современнаго быта очень блѣдна. Неопредѣленными чертами обрисовываетъ онъ культъ и погребальныя обряды Вотьяковъ, отмѣчая сходство съ чувашскими; еще неопредѣленнѣе описываетъ костюмы.

Рычковъ. Дневныя записки. Спб. 1770. 157—164.

Характеризуя современное состояніе Вотьяковъ, Рычковъ прежде всего касается религіозныхъ вѣрованій и съ перваго же шага дѣлаетъ ошибку, называя „первенствующаго бога“ Илмеромъ вмѣсто Инмара. Слѣдующимъ искаженіемъ является имя богини Калдыни-Мумасъ (очевидно, вмѣсто Калдыкъ-Мумыэзъ). Любопытны указанія на особыя жертвоприношенія, совершаемыя собраніемъ вотскихъ женщинъ публично и домохозяйками частно, на весенній праздникъ въ честь богини Шунды-мумы, на культъ дятла и принесеніе въ жертву ему дикой утки.

Искажая имена, Рычковъ еще сильнѣе искажаетъ тексты. Едва-ли кто изъ знатоковъ вотскаго языка отыщетъ напр. смыслъ въ слѣдующей фразѣ, съ которой будто-бы обра-

щается жрецъ къ солнечной богинѣ: „бурмата инвій бурвать бурмата“.

Описаніе Модора, сходное въ общихъ чертахъ съ тѣмъ, что позднѣйшіе писатели говорятъ о Воршудѣ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько темныхъ, хотя и очень интересныхъ вещей. Рычковъ говоритъ, что священныя вѣтви берутся съ одного дерева, которое предки избрали Модоромъ, что ихъ можетъ снять съ мѣста престарѣлый старикъ (жрецъ), который передаетъ свою власть сыну или ближайшему родственнику; смѣнить ихъ можно не прежде смерти старика, который совершалъ предъ ними жертвоприношенія. Говоря о брачномъ обрядѣ, Рычковъ ограничивается указаніями на продажу невѣсты и на обычай родителей держать ее послѣ сватовства въ теченіе нѣкотораго времени у себя. Обрядъ погребенія описанъ на нѣсколькихъ строчкахъ; Рычковъ ограничивается перечнемъ вещей, которыя кладутся съ умершимъ. Въ области внѣшняго быта Рычковъ отмѣчаетъ отсутствіе контраста между бѣдными и богатыми и трудолюбіе Вотяковъ.

Schlözer. Allgemeine Nordische Geschichte. Halle. 1771.

Вотякамъ въ этой книгѣ посвящено нѣсколько строкъ, заключающихъ въ себѣ замѣчанія о племенномъ отношеніи ихъ къ Черемисамъ и Пермьякамъ и лаконическій, но суровый приговоръ надъ гипотезой Татищева о первоначальной родинѣ Вотяковъ (schwache Vermuthung).

Палласъ. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. Пер. Зуева. Спб. 1788. Ч. III².

Изъ краткихъ замѣтокъ Палласа заслуживаетъ вниманія сообщеніе, что Вотяки его времени рассказывали о князьяхъ, подъ властью которыхъ они жили до Татаръ, близъ Арска, и откуда отступили подъ напоромъ татаръ. Извѣстія отно-

сительно вѣрованій не отличаются достоинствомъ. Палласъ безпощадно искажаетъ имена вотскихъ боговъ (Намарь вмѣсто Инмарь, Мулдіемъ-Калцинь вмѣсто Муземъ-Кылдсинь, Ву-Нимарь вмѣсто Ву-Мурта). Въ замѣткѣ относительно сѣнокоснаго праздника (виссесько-нуналь), интересно указаніе на обычай приносить въ жертву дятла (ивечо). Относительно жертвоприношеній Палласъ прибавляетъ къ тому, что сообщаетъ Миллеръ, нѣсколько деталей: сжиганіе костей, крови и желудка наполненнаго жиромъ, развѣшиваніе головъ быка и овцы съ лошадинымъ скелетомъ на ели.

Георги. Описаніе всѣхъ народовъ.

Въ характеристикѣ Георги встрѣчается нѣсколько новыхъ чертъ сравнительно съ тѣмъ, что даютъ Миллеръ и Рычковъ. Георги съ довѣріемъ говоритъ о гипотезѣ, отождествляющей Вотяковъ съ енисейскими Арами. Характеризуя соціальныя отношенія, онъ заключаетъ, что Вотяки сохраняютъ свое старинное раздѣленіе на поколѣнія или семьи „и даютъ по тому деревнямъ своимъ названія“. Любопытно приводимое Георги вотское названіе сотниковъ—Еллирь. Георги не даетъ перевода этому слову и приводитъ его, намъ кажется, въ искаженной формѣ. Мы думаемъ, что настоящая форма его—Эл'йыръ (Эл'—поколѣніе, йыръ—голова)—глава поколѣнія. Исканіе вотскихъ словъ, замѣтимъ мимоходомъ, составляетъ большое мѣсто Георги: мѣтка (пусъ) называется у него—песъ, сватовство (ярашонъ)—ераш у, хранитель куды (Ут'ис)—тіесъ, изгнаніе шайтана болѣзни (Урвасъ)—Орвасъ, Богъ земли (Муз'йэм—Кылцынь)—Муціэнъ-Калцинь. Въ описаніи свадебнаго обряда введены указанія на роль тѣркарта въ бракѣ и на обычай удерживать невѣсту въ домѣ отца. Относительно похороннаго обряда слѣдуетъ отмѣтить указанія на обычай отламывать кончикъ ножа, который кла-

дятся съ покойникомъ, и перешагивать при возвращеніи съ кладбища черезъ огонь, разложенный у воротъ. Наиболѣе новыхъ данныхъ представляетъ характеристика религіозныхъ вѣрованій и культа. Помимо замѣчаній о томъ, что для высочайшаго Бога у Вотяковъ имѣется нѣсколько названій—Имарь, Инму и Имарь—мы встрѣчаемъ указанія на Салтанъ-Диса (какъ особое существо), Му-Калцына (Муціәнъ-Калцына, Муму-Калцына), Шунду-Мумы, Ву-Мурта, Паласъ-Мурта, Алиду, Албаста (Коболта), Убира. Въ характеристикѣ культа новыми являются указанія на классы жрецовъ и ворожеецовъ, жертвенное возношеніе, воззваніе къ огню, какъ посреднику, обычай въ бадзынъ-квалѣ становиться лицомъ къ двери, обращенной къ югу.

Erdmann. Reisen im Innern Russlands. Leipzig. 1828.

Авторъ совершилъ путешествіе по Вятской губерніи по почтовому Сибирскому тракту изъ Вятки и имѣлъ случай видѣть Вотяковъ Слободскихъ, Глазовскихъ и Сарапульскихъ. Говоря о прошломъ Вотяковъ, онъ высказываетъ предположеніе, что ранѣе они жили по берегамъ Казанки и отсюда вытѣснены Татарами. О языческихъ вѣрованіяхъ народа Эрдманъ сообщаетъ со словъ глазовскаго чиновника Burchard'a и Елабужскаго помѣщика Камешева. Свѣдѣнія не отличаются особымъ достоинствомъ. Между прочимъ о нареченіи младенцу имени ему говорили, что имя заимствуется у человѣка, котораго встрѣтитъ отецъ, выйдя на улицу; если отецъ заразъ встрѣчаетъ нѣсколько человѣкъ, ребенокъ получаетъ нѣсколько именъ. Въ числѣ обычаевъ, описываемыхъ Эрдманомъ, слѣдуетъ отмѣтить упоминаніе о гостепріимномъ гетеризмѣ (отдачѣ дѣвушки отцемъ въ пользованіе постороннихъ людей) и описаніе обычаевъ, употребляющихся для рѣшенія споровъ.

Характеризуя религію, Эрдманъ говоритъ о дуализмѣ и называетъ добраго и злаго духа ни у кого позднѣе не встрѣчающимися именами: Urom-buss, Tasá-buss.

Вотяки и Черемисы. Вят. Губ. Вѣд. 1838. 1 №.

Замѣтка о Вотякахъ заключаетъ въ себѣ мало интереснаго. Болѣе или менѣе вниманія заслуживаютъ сообщенія о характерѣ Вотяковъ и ихъ костюмѣ (авторъ говоритъ между прочимъ о шитыхъ шелкомъ мужскихъ рубашкахъ).

Описаніе Глазовскаго уѣзда. В. Г. В. 1839. Приб. № 2.

Описывая уѣздъ, авторъ говоритъ между прочимъ о Вотякахъ, сообщаетъ первый о вѣник-ваэн'ѣ, который устраивается предъ сѣнокосомъ, о жертвоприношеніи рѣкѣ, которое имѣетъ тутъ мѣсто для того, чтобы предохранить жертву отъ града и бурь. Описывая брачный обрядъ, онъ первый отмѣчаетъ то обстоятельство, что женщина въ первый годъ замужества или до беременности носить дѣвичью одежду. Описывая погребальный обрядъ, авторъ говоритъ объ обычаѣ зимой накрывать покойника шубой, класть умершему вина, хлѣба и соли.

Александра Фуксъ. Поѣздка къ Вотякамъ Казанской губерніи. Каз. Губ. Вѣд. 1844 № 14—29.

Статья г-жи Фуксъ имѣетъ очень скромные размѣры и соотвѣтственно, конечно, скромное-же содержаніе. По немножку авторъ говоритъ о всемъ—о вѣрованіяхъ, культѣ, свадебныхъ и поминальныхъ обрядахъ и внѣшнемъ бытѣ народа. Кое-что изъ сообщаемаго носить на себѣ печать недостаточной внимательности автора къ тому, что онъ слушалъ; кое-что вызываетъ недоумѣнія благодаря корректурнымъ недостаткамъ. Недочеты статьи замѣтны особенно тамъ, гдѣ авторъ приводитъ вотскія названія. Весенній праздникъ напр. называетъ

ся Тыр-потъ-юонъ. Первая половина слова представляет собою искаженное и авторомъ и наборщикомъ вотское названіе горы (гѳры)-поттонъ—вывозъ сохи; новый годъ называется віаръ вмѣсто виль-аръ, мудоръ у Казанскихъ Вотьяковъ будто бы означаетъ молиться, чего нельзя допустить въ виду полного отсутствія глагольнаго суффикса въ этомъ словѣ. Ву-муртъ названъ Вумардомъ; лѣшій рѣдко употребительнымъ именемъ Шураль. Не смотря на свои недочеты, статья г-жи Фуксъ сохраняетъ до сихъ поръ значеніе для этнографіа. Главную цѣнность ей придаютъ извѣстія о роли старухи (жрицы) при совершеніи свадебнаго обряда и о принесеніи человѣческой жертвы на поминкахъ. Съ точки зрѣнія историко-литературной можно отмѣтить довольно подробное описаніе свадебнаго обряда, нѣсколько деталей въ описаніи праздничныхъ жертвоприношеній (прикрѣпленіе зажженныхъ свѣчъ къ ели во время сѣновоснаго праздника, бросаніе яицъ въ землю во время Гѳры—поттон'а), упоминаніе о большомъ моленіи, совершающемся черезъ три года. Въ характеристикѣ общественныхъ отношеній заслуживаетъ вниманіе голословное къ сожалѣнію указаніе, что выдѣлившіяся семьи остаются въ зависимости отъ главы рода. Въ описаніи свадебнаго обряда авторъ даетъ одну неизвѣстную изъ другихъ писателей подробность: обычай давать калымъ черезъ пукъ горячей соломы.

Вотьяки Вятской губерніи. В. Г. В. 1846.

Статья неизвѣстнаго автора имѣетъ замѣтно-комплятивный характеръ. Религіозныя вѣрованія (Инмаръ на солнцѣ, Муціен-кальцинъ, Шунды - мумы, Салганъ - дись, Алида, Албастъ) очерчены по Георги. Авторъ говоритъ объ язычествѣ, какъ явленіи уже прошедшемъ. Въ описаніи брачнаго обряда обнаруживается болѣе самостоятельности. Авторъ новыми штрихами обрисовываетъ способъ похищенія невѣсты

приводить вотскіе термины для обозначенія сватовства и калыма—(первый, подобно Георги, въ сильно искаженномъ видѣ ерапу вмѣсто ярашовъ).

И. Поповъ. Историческое описаніе о селѣ Сватицкомъ Глаз. у.
В. Г. В. 1851.

Статья заслуживаетъ вниманія благодаря нѣсколькимъ впервые являющимся въ литературѣ подробностямъ вотскаго быта. Авторъ рисуетъ картину вотскаго кенеша, указываетъ на роль узыр-йосъ и толшак-йос, на слѣды родовой организаціи въ названіяхъ жителей деревни сыновьями такого-то (Пышья-пийосъ, Дзятца-пийосъ), на обычай называть жену воршуднымъ именемъ, знакомитъ съ содержаніемъ воршудной коробки и особенными приемами закланія животного при общественномъ жертвоприношеніи (каждый домохозяинъ съ разбѣга ударяетъ жертвѣ въ горло или въ животъ).

Курочкинъ. Вотяки Малмыжскаго уѣзда. В. Г. В. 1851.

Авторъ, не сообщая новыхъ подробностей, описываетъ куалу, жертвоприношенія, жрецовъ. Новыя подробности онъ даетъ въ описаніи обряда изгнанія шайтана (загораживаніе вырѣзанныхъ изъ дуба человѣческихъ фигуръ).

Описывая погребальный обрядъ, авторъ говоритъ объ обычаяхъ слагать все, на чемъ лежитъ умершій, и класть ему въ ротъ масла или сушеной говядины.

М. Блиновъ. Историко-статистическое извѣстіе о Камско-воткинскомъ заводѣ и тамошнихъ Вотякахъ. Журн. Мин. Вн. Дѣлъ. 1855, XI.

Характеристикѣ Вотяковъ посвящено въ этой статьѣ съ небольшимъ десять страницъ. Авторъ повторяетъ извѣстныя вещи относительно трудолюбія Вотяковъ и ставитъ ихъ, какъ земледѣльцевъ, выше Русскихъ, удачно характеризуетъ внѣшнюю сторону ихъ жизни—устройство двора, дома—выда-

ющіяся черты народнаго характера, иллюстрируя счастливыми примѣрами, даетъ понятіе о семейной и общинной организаціи (первый отмѣчаетъ азбаръ, какъ общественную единицу), но въ характеристикѣ продуктовъ духовнаго творчества народа, рядомъ съ интересными сообщеніями, дѣлаеть, крупныя ошибки, обусловленныя, какъ кажется, малымъ знакомствомъ съ народомъ. По мнѣнію автора, у Вотяковъ существуетъ только одна пословица: татаринъ—волеъ, русскій—медвѣдь, Вотякъ—рябчикъ; пѣсенъ они, будто-бы, вовсе не имѣютъ, а свою языческую религію съ принятіемъ христіанства такъ основательно забыли, что не въ состояніи передать, кому они поклонялись. Какъ нѣчто неизвѣстное прочимъ наблюдателямъ, въ статьѣ Блинова можно отмѣтить сообщеніе о праздникѣ Сѣла—восанъ (поклоненіе рябчику).

Максимовъ. Вотяки. Библіотека для чтенія. 1855. XII.

Статья Максимова имѣетъ беллетристическій характеръ. Съ многими чертами вотскаго быта авторъ знакомить, набрасывая картины, которыя будто-бы вставали въ его воображеніи по тому или другому поводу. Отдѣльные штрихи и краски для этихъ картинъ авторъ заимствуетъ или изъ литературы или изъ разсказовъ, которые слышалъ во время своего путешествія. Максимову извѣстно Миллеровское описаніе инородцевъ Казанскаго края и онъ беретъ оттуда, хотя несовсѣмъ удачно, нѣкоторыя черты, извѣстны приведенная выше статья Блинова, кое-какія статьи В. Г. В. и, кажется, статья г-жи Фуксъ. Между чертами вотскаго быта, о которыхъ говоритъ онъ, заслуживаютъ вниманіе описаніе молитвеннаго чума, совершенно нигдѣ не упоминающаяся обстановка гаданія, въ особенности костюмъ жреца (сильно отдающая, впрочемъ, фантазіей), мелкія подробности относительно мужскаго и женскаго костюма (украшеніе айшона

въ надлобной части бисеромъ), картина лѣтняго жилья Вотяковъ въ чумахъ на лѣсныхъ полянахъ, строки, посвященные экономическимъ отношеніямъ членовъ азбара, упоминаніе о принесеніи въ жертву умершимъ старика (по подробностямъ сильно напоминаетъ аналогичное сообщеніе г-жи Фуксъ), нѣсколько деталей, рисующихъ темпераментъ и душевный складъ Вотяка. Въ отличіе отъ другихъ авторовъ, проявляющихъ излишнее увлеченіе Вотяками, Максимовъ страдаетъ черезъ чуръ пессимистическимъ отношеніемъ къ вотской жизни и впадаетъ при этомъ въ ошибки. Такъ положеніе женщины въ семьѣ авторъ рисуетъ чертами далеко несогласными съ дѣйствительностью.

Гл. П. Осокинъ. Народный бытъ въ сѣверо-восточной Россіи. Современ. 1856, IX, 61.

Г. Осокинъ описываетъ бытъ завятскихъ Вотяковъ Малмыжскаго уѣзда. Подобно Максиму, онъ далекъ отъ идеализаціи описываемаго племени и подчеркиваетъ тѣ эксцессы *in vino et Venere*, которымъ предаются Вотяки во время празднествъ и которые доводятъ ихъ до кереметки, т. е. до конвульсій. Вопреки другимъ наблюдателямъ Осокинъ характеризуетъ Вотяковъ, какъ необыкновенно лѣнливый народъ, хотя прибавляетъ, что лѣнь нападаетъ на нихъ по окончаніи полевыхъ работъ. Въ характеристикѣ быта и вѣрованій мы не находимъ у автора почти ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что уже извѣстно изъ предъидущихъ авторовъ. Изъ замѣчаній, которыя онъ дѣлаетъ относительно жертвоприношеній, можно выдѣлить по новизнѣ сообщеніе о томъ, какъ узнаетъ община, какое животное нужно принести въ жертву, о хоровыхъ пѣсняхъ и пляскахъ вокругъ костра. Въ описаніи поминальнаго обряда умолчано относительно главнаго—того, къ кому обращается молитва—зато сообщаются любопытныя детали о жервоприношеніи (снабженіе покойника ѣдой и тепломъ).

М. Блиновъ. Вотяки. В. Г. В. 1856.

Между прочими извѣстіями о Вотякахъ въ статьѣ Блинова характеризуются съ особенными подробностями воззрѣнія Вотяковъ на природу болѣзни (духъ) и средства ея умилостивленія (жертвы—шидпоттонъ). Описывая погребеніе, авторъ говоритъ объ обычаѣ обертывать покойника берестой и власть ему въ руку монету (рубль), чтобы откупиться отъ шайтана, который будетъ его мучить за долгую жизнь. Характеристика внѣшняго быта заключаетъ одну любопытную подробность — извѣстіе о стараніяхъ Вотяка панегириками въ честь бѣлки добиться того, чтобы она остановилась и дала время прицѣлиться. Празднества Вотяковъ авторъ описываетъ общеизвѣстными чертами, но относительно окаяшекъ даетъ новую подробность—обычай, чтобы бабы и дѣвушки поливали только-что засѣянную ниву.

Вотяки. В. Г. В. 1859. № 32—3, 42.

Не сообщая новыхъ бытовыхъ данныхъ, статья даетъ любопытныя извѣстія объ отношеніи Вотяковъ къ сосѣдямъ—Русскимъ и Татарамъ (ненависть Глазовскихъ Вотяковъ къ Татарамъ и Елабужско-Сарапульскихъ къ Русскимъ). Въ отношеніи религиозныхъ вѣрованій интересно сообщеніе о явленіи Булды въ Варзи-Ятчинскомъ приходѣ.

Шестаковъ. Глазовскій уѣздъ. Вѣстн. Геогр. Общ. 1859, II, 73.

Источниками свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ о Вотякахъ служили „единогласныя рассказы нѣкоторыхъ изъ коренныхъ жителей города (Глазова), которыхъ дѣды и отцы были природными Вотяками, а частію и собственныя наблюденія“. Въ описаніи внѣшняго быта авторъ не дѣлаетъ бросающихся въ глаза ошибокъ, но, переходя къ разсужденіямъ о религіи, онъ начинаетъ говорить вещи, ясно показываю-

щія, что его корреспонденты смутно понимали дѣло. Оказывается, что у Вотяковъ существовали какія-то символическія изображенія — три Муртіи (три богини) въ водѣ солнца, огня и воды. Они по настоящее время почитаютъ солнце (шунды); огонь постоянно держатъ въ горнахъ, а водѣ приносятъ въ жертву хлѣбъ. Признавали Шуддизмъ и Буддизмъ, который, вѣроятно, почитали за высшія божества. . . О богиняхъ въ настоящее время никто ничего не знаетъ, также, какъ и о требожаніи, и вмѣсто слова Шуддъ стали употреблять Шудъ медъ-ло и вмѣстѣ Буддъ Бур(д?)ъ Кедъ-ло, которые и нынѣ употребляются при благословеніи въ дальнюю дорогу“. Въ этомъ отрывкѣ всякое слово свидѣтельствуетъ о полнѣйшемъ непониманіи предмета. Можно догадываться, что Шестакову говорили о матери солнца Шунды-мумы; отсюда у него явилось представленіе о вотскихъ богиняхъ; затѣмъ еще повидимому говорили о Ву-муртѣ (водномъ); „отсюда явилась Муртія. Откуда явилась „Муртія огня“, мы рѣшительно отказываемся понять. Можетъ быть, тутъ единственное въ литературѣ указаніе на богиню или бога огня (тул-мумы, тул-муртъ); можетъ быть — и гораздо вѣроятнѣе — эта „муртія“ результатъ путаницы, которая образовалась въ головѣ автора отъ лаконическихъ сообщеній Глазовскихъ гражданъ. Разсужденія автора о божествахъ Шуддизмъ и Буддизмъ подтверждаютъ послѣднее предположеніе. Авторъ прежде всего не понимаетъ, что суффиксъ не могъ употребляться въ словѣ, означающемъ личное имя божество. Затѣмъ онъ фантазируетъ надъ словами, которыя употребляются въ вотскихъ молитвахъ и означаютъ счастье — прибыль (шуддэ, бурдэ с'от — счастье-удачу подай) и совершенно напрасно замѣчаетъ, что теперь объ этихъ богиняхъ (!) никто ничего не знаетъ: о нихъ не знали и раньше.

Вотяки. В. Г. Вѣд. 1861. № 10.

Статья неизвѣстнаго автора содержитъ въ себѣ нѣсколько въ высокой степени интересныхъ свѣдѣній относительно вѣрованій Вотяковъ. Авторъ говоритъ объ изображеніи (идолѣ) коня или быка, который стоитъ въ куалѣ, и о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Извѣстія о человѣческихъ жертвахъ мы видѣли и выше, но по другому поводу. Тамъ говорилось о старикахъ, которыхъ приносили въ жертву на общественныхъ поминкахъ, здѣсь о чловѣкѣ извѣстнаго цвѣта волосъ, указанномъ ворожецомъ для обыкновеннаго жертвоприношенія. Относительно поминокъ авторъ сообщаетъ, по какимъ поводамъ устраиваются частныя поминки и въ какую сторону обращается поминающій.

Статистическое описаніе Сизнерской волости. В. 1873.

Въ описаніи сообщаются кое-какія данныя о Малмыжскихъ Вотякахъ, но эти данныя не представляютъ ничего новаго сравнительно съ предшествовавшими свѣдѣніями.

Д. Островскій. Вотяки Казанской губерніи. Труды О. Е. при И. К. У. т. IV, в. 1. К. 1874.

Очеркъ Островскаго представляетъ первый по времени трудъ, въ которомъ предпринята была попытка дать картину прошедшаго Вотяковъ рядомъ съ характеристикой современнаго быта. Г. Островскій начинаетъ съ вопроса о первоначальной родинѣ Вотяковъ, приводитъ гипотезы, высказывавшіяся по этому поводу въ литературѣ, склоняясь замѣтно въ Татищевскому предположенію о западной родинѣ Воти. Въ предѣлы Казанской губерніи Вотяки по предположенію г. Островскаго проникли съ береговъ Вятки. Основательными аргументами въ пользу этой гипотезы у г. Островскаго оказываются сходство мѣстныхъ названій Мамадыжскаго уѣзда

съ таковыми же Глазовскаго, Сарапульскаго и Малмыжскаго и особое почтеніе къ р. Вяткѣ, которое питають Казанскіе Вотяки. Основываясь на мѣстныхъ названіяхъ авторъ приходитъ къ заключенію, что Вотяки когда то занимали оба берега Вятки отъ верховьевъ Ветлуги до Валы и покинули западныя области подъ давленіемъ Черемисъ, двинувшихся на сѣверъ около X в. Соглашаясь съ сущностью соображеній автора, мы должны указать на неудовлетворительное обоснованіе ихъ. Выводы автора основаны на примитивномъ по своимъ приемамъ истолкованіи мѣстныхъ названій. Берется названіе, отыскиваются въ вотскомъ языкѣ созвучныя слова, что-бы они не означали, и объясненіе готово. Благодаря такой хозяйственной заготовкѣ получаютъ въ переводѣ названія рѣкъ, неслыханныя ни у какого народа:

По(и)жма	Что лодка!
Недма	Что грязь.
Вожма	Что зеленый.
Юшуть	Окунь—вотъ.

По достоинству съ этими объясненіями можетъ соперничать только принадлежащее автору же производство слова Кереметь отъ керемъ—веревка. Появились Вотяки на низовьяхъ Вятки, по мнѣнію г. Островскаго, не по доброй волѣ, а какъ плѣнники татаръ, совершавшихъ набѣги на Вятскую землю. Доказательство своей гипотезы г. Островскій видитъ въ томъ, что поселенія Малмыжскихъ и Казанскихъ Вотяковъ окружены татарскими селеніями. Древнѣйшую культуру Вотяковъ г. Островскій рисуетъ частію на основаніи „Вят. Лѣтоп.“, частію по аналогіи съ современными явленіями, усиливая по тѣмъ или другимъ соображеніямъ отдѣльныя черты. Относительно древней религіи Вотяковъ г. Островскій дѣлаетъ рядъ грубыхъ ошибокъ: опираясь на Блинова онъ, говоритъ

что язычество остановилось у Вотяковъ на степени домашней религіи, воршуды называетъ талисманами изъ нѣкоторыхъ частей животныхъ, увѣряетъ, что признаки общественнаго богослуженія у Вотяковъ едва замѣтны и то у однихъ Казанскихъ подъ вліяніемъ Черемись, что у Вотяковъ Вятскихъ болѣе обрусѣвшихъ языческія вѣрованія менѣе сохранились, чѣмъ у Казанскихъ. Авторъ оправдывается впрочемъ тѣмъ, что Вотяки уклоняются отъ разговоровъ о своихъ вѣрованіяхъ и моленіяхъ. Оцѣнивая вліяніе на Вотяковъ Татаръ и Русскихъ г. Островскій указываетъ на то, что Вотяки Казанскіе и Малмыжскіе сильнѣе подчинились татарскому вліянію, чѣмъ Глазовскіе и Сарапульскіе русскому и приписываетъ это обстоятельство тому, что Русскіе (Вятчане) съ XII до XVI в. своими грабежами вызывали въ Вотякахъ чувство ненависти и заставляли ихъ видѣть въ Татарахъ мстителей за свои обиды. Такое объясненіе можно назвать во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительнымъ. Прежде всего грабежи и разбои Вятчанъ, какъ мы знаемъ, направлялись на русскихъ сосѣдей и на Болгаръ, а не на бѣдныхъ инородцевъ, Татары же въ свою очередь рисуются въ вотскихъ преданіяхъ вовсе не друзьями народа; затѣмъ авторъ не принимаетъ во вниманіе двухъ важныхъ факторовъ ассимилиціи — отношенія массъ сожительствующихъ народовъ и продолжительность совмѣстной жизни; наконецъ его свѣдѣнія о Глазовскихъ Вотякахъ вообще неудовлетворительны. Глазовскіе, Сарапульскіе и Елабужскіе Вотяки совсѣмъ не болѣе четырехъ столѣтій живутъ совмѣстно съ Русскими, какъ думаетъ авторъ, а никакъ не болѣе двухъ столѣтій и при томъ до послѣдняго столѣтія Русскіе въ этомъ краѣ составляли меньшинство и жили изолированно отъ Вотяковъ; Татары же Мамадышскаго и частію Малмыжскаго уѣздовъ, по словамъ самого г. Островскаго, съ XIV вѣка держали въ своихъ земляхъ

Вотяковъ въ качествѣ крѣпостныхъ.

Относительно народной поэзіи Вотяковъ г. Островскій ведаеть въ ошибку своихъ предшественниковъ, будто у Вотяковъ нѣтъ пѣсень. Въ отдѣлѣ о культѣ слѣдуетъ отмѣтить противорѣчащее другимъ извѣстіямъ сообщеніе, будто женщины не допускаются ни къ общественнымъ, ни къ частнымъ жертвоприношеніямъ, и несовсѣмъ ясное сообщеніе объ обычаяхъ устривать чучело изъ кожи принесеннаго въ жертву животнаго и разстрѣливать его. Интересно тутъ-же сообщеніе о томъ, какъ Вотяки добывали Керемету жену. Вмѣстѣ съ госпожей Фуксъ Островскій говоритъ о поэтическомъ обычаѣ выпускать пару лебедей во время большаго моленія, совершающагося черезъ три года. Поминальный обрядъ г. Островскій описываетъ сжато, но сообщаетъ всѣ существенныя черты. По пути онъ сообщаетъ любопытную подробность, что Казанскіе Вотяки хоронили своихъ покойниковъ безъ гробовъ, а гробовыя доски бросали на кладбищѣ для слѣдующаго усопшаго.

Маліевъ. Матеріалы для сравнительной антропологии. 2. Антропологическій очеркъ Вотяковъ. Труды К. О. Е. IV, № 2. Казань. 1874.

Профессоръ Маліевъ своимъ выводамъ, основаннымъ на собственныхъ измѣреніяхъ, предпосылаетъ введеніе, въ которомъ излагаетъ взгляды, существующіе въ литературѣ русской и европейской относительно расы, къ которой принадлежать Вотяки и извлекаетъ изъ трудовъ всѣхъ извѣстныхъ ему предшествовавшихъ наблюдателей и изслѣдователей этого племени антропологическія характеристики. Въ ряду литературныхъ источниковъ, цитируемыхъ г. Маліевымъ, мы встрѣчаемъ нѣсколько такихъ, на которые нѣтъ указаній ни у В. Ѳ. Миллера, ни у Семенова (таковы напр. статьи Егунова въ Р. В. К. 1856 г. и Эйхвальда въ Вѣстникѣ Ест. Наукъ за 1855 г.).

Миропольскій. Крещенье Вотяки Казанской губерніи. Православн. Собѣс. 1876, XII.

Небольшая статейка о Миропольскаго представляетъ интересъ благодаря двумъ вотскимъ рассказамъ, изъ которыхъ одинъ выясняетъ природу Лудъ-Муртовъ, а другой знакомитъ съ слѣдами фетишизма въ представленіяхъ Вотяковъ о духахъ явленій природы.

Вотяки. Природа и Люди. 1878. VIII.

Анонимный авторъ не вноситъ, за вычетомъ микроскопическихъ деталей, ничего новаго въ литературу; его короткій очеркъ скомпилированъ почти цѣликомъ изъ статей Вят. Губ. Вѣдомостей, хотя нѣкоторыя данныя указываютъ на то, что онъ соприкасался съ Вотяками и непосредственно.

Г. Гавриловъ. Произведенія народной словесности, обряды и повѣрія Вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Каз. 1880.

Сборникъ Гаврилова составляетъ первый по времени опытъ болѣе или менѣе научнаго изданія произведеній народнаго творчества Вотяковъ. Сказки, пѣсни и загадки записаны по вотски и переведены на русскій языкъ; для написанія вотскихъ словъ былъ принятъ алфавитъ, дополненный особыми знаками для звуковъ, которые имѣются въ вотскомъ языкѣ и отсутствуютъ въ русскомъ. Мы не беремъ на себя смѣлости судить о достоинствѣ филологическихъ записей Гаврилова, но въ пользу изданія можетъ говорить то, что тексты Гаврилова были переизданы съ венгерскимъ переводомъ въ Будапештѣ мадьярскимъ филологомъ Мункачи. Въ пользу ихъ содержанія говоритъ переводъ на нѣмецкій языкъ въ книгѣ М. Buch. Первое мѣсто по количеству въ сборникѣ занимаютъ пѣсни, но съ культурно-исторической точки зрѣнія большаго вниманія заслуживаютъ сказки и преданія. Сказка № 2 освѣщаетъ взглядъ Вотяковъ на при-

роду души, №№ 8 и 12 рисуютъ воззрѣнія на Бу-мурта. Предавія о Тутоѣ и Янгамырѣ, Ваткѣ и Калмезахъ, о книгѣ, о разрушеніи куалы въ Вяткѣ, объ Идна-батырѣ заключаютъ весьма цѣнныя историческія и бытовыя черты. Въ приложенномъ къ книгѣ очеркѣ вотскихъ повѣрій и обрядовъ также заключается не мало новыхъ и интересныхъ деталей—изгнаніе шайтана въ ночь на великій четвергъ, отыскиваніе зеренъ предвѣстниковъ, перескакиваніе черезъ огонь, закладаніе утки въ честь матери земли (155—157), жертва на полосѣ въ честь предковъ (158). Въ отдѣлѣ о Воршудѣ г. Гавриловъ высказываетъ, къ сожалѣнію безъ доказательствъ, предположеніе, что „воршуды получили свои имена отъ счастливыхъ по понятіямъ Вотяковъ женщинъ; даже можно думать, что подъ видомъ воршудовъ прежнія Вотяки молились когда-то этимъ бывшимъ счастливымъ женщинамъ“.... (161). Говоря о моленіи Воршуду г. Гавриловъ сообщаетъ между прочимъ, что женщины устраиваютъ для себя особый столъ у порога куалы, гдѣ возносятъ на равнѣ съ мужчинами чашку при моленіи (163). Въ описаніи общественныхъ и частныхъ жертвоприношеній авторъ сообщаетъ между прочимъ о жертвахъ матерямъ болѣзней (165).

Обряды, соблюдающіеся при крещеніи описаны г. Гавриловымъ впервые съ такой подробностью. Онъ говоритъ объ жертвѣ Луд-мурту (виросижемъ (165), о призывѣ Воршудовъ, Нюлесъ мурта и предковъ помочь трудно разрѣшающейся роженицѣ и особыхъ названіяхъ, которыя носятъ жертвы этимъ существамъ (167). Относительно нареченія имени г. Гавриловъ даетъ свѣдѣнія, несогласныя съ тѣмъ, что сообщаетъ позднѣйшій изслѣдователь г. Первухинъ: дѣвочкѣ будто бы дается имя воршуда, къ которому принадлежитъ ея родитель (169). Свадебный обрядъ описанъ авторомъ съ такими подробностями, послѣ которыхъ трудно

прибавить что нибудь интересное. Въ отдѣлѣ о похоронахъ и поминкахъ авторъ знакомить со взглядомъ Вотяковъ на происхожденіе болѣзней (местъ предковъ или Лудъ—и Нюлезьмуртовъ), съ обычаями, которые имѣютъ мѣсто предъ ложемъ умирающаго (не совсѣмъ точно: Вотяки Глазовскаго уѣзда рѣшительно отвергали приписываемый имъ обычай прощаться съ умирающимъ), съ молитвами, которыя обращаются къ умершимъ съ просьбой принять новоусопшаго, предосторожностями, принимаемыми для того, чтобы покойникъ не нашелъ дороги въ домъ, обычаемъ женщинъ кормить грудью умершее дитя въ церкви въ послѣдній разъ. Поминальный обрядъ изложенъ не такъ обстоятельно: не сказано ни слова о томъ, какъ совершается обрядъ проводовъ покойника.

Кошурниковъ. Бытъ Вотяковъ Сарапульскаго уѣзда. Казань. 1880.

Небольшой очеркъ Кошурникова, подобно книжкѣ Острорвскаго, начинается съ исторіи Вотяковъ, которая излагается по Вештому. Какъ курьезъ на этихъ страницахъ можно отмѣтить мнѣніе автора, будто Вотяки въ XII в. употребляли п и щ а л и. Очеркъ вѣшнаго быта составляетъ лучшую часть книжки. Здѣсь авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ охотѣ и пчеловодствѣ у Вотяковъ. Въ главѣ о религіозныхъ вѣрованіяхъ заслуживаетъ вниманія сообщеніе, будто въ вотскихъ шалашахъ (куа) скрывается изображеніе Инмара, въ видѣ грубоотесаннаго чурбана, представляющаго одну голову съ подвѣшенной къ подбородку бородой изъ болотныхъ травъ. Другой образчикъ вотскаго идола г. Кошурниковъ описываетъ ниже (20—21). Изъ примѣчанія очевидно, что авторъ говоритъ въ сущности о воршудахъ: „Вотяки утратили представленіе о кумирномъ (!) первобогѣ Инмарѣ... и стали приносить идольскія жертвы кумиру, называемому Воршутомъ, по имени жреца ихъ (Sic! 20).

Кромѣ сообщенія объ идолахъ въ этой главѣ интересно указаніе, что кости жертвенныхъ животныхъ (для Воршуда), по мнѣнію Вотяковъ, охраняютъ ихъ дома, берутся въ дальнюю дорогу и кладутся покойнику въ гробъ (21). Описаніе жертвоприношенія въ честь Воршуда на стр. 22 интересно по ярко выраженнымъ чертамъ шаманизма. Для характеристики положенія женщины въ семьѣ интересенъ обрядъ подливанія священной кумыши (23). Въ противоположность другимъ авторамъ, г. Кошурниковъ рисуетъ обрядъ изгнанія шайтана, какъ серьезную операцію, производимую старшими (23), и сообщаетъ совершенно неизвѣстныя подробности этого обряда. Въ описаніи свадебнаго обряда заслуживаетъ вниманія молитва, аналогичная по содержанію съ черемисскими пожеланіями, высказывающимися при подобныхъ-же случаяхъ (28). Въ поминальномъ обрядѣ кое-что новаго заключается въ описаніи поминокъ, совершаемыхъ въ лѣсу (31). Характеристика душевныхъ свойствъ Вотяка представляетъ лучшее изъ того, что мы имѣемъ по этой части въ литературѣ (31—33, 37—42). Сопоставивъ очеркъ Кошурникова съ тѣмъ, что позднѣе и раньше было напечатано о Вотякахъ Сарapulьскаго уѣзда, мы находимъ въ немъ много чертъ, совершенно неизвѣстныхъ другимъ авторамъ и архаическихъ по своему характеру. Это обстоятельство наводитъ насъ на предположеніе, что авторъ, помимо личныхъ наблюденій, пользовался какими нибудь старинными записями.

Бехтеревъ. Вотяки. Ихъ исторія и современное состояніе. Вѣст. Евр. 1880. VIII—IX; 621—654, 141—173.

Первая же страница статьи г. Бехтерева возбуждаетъ въ знакомомъ съ литературой читателѣ сильное недоразумѣніе. Г. Бехтеревъ жалуется на бѣдность извѣстій о Вотякахъ. „Въ старой литературѣ заслуживаютъ упоминанія, по его сло-

вамъ, извѣстное „Описаніе инородцевъ“ Г. Ф. Миллера, въ новой трудъ Риттиха „Этнографическое описаніе Казанской губерніи“. и г. Островскаго „Вотяки Казанской губерніи“, но первый посвящаетъ Вотякамъ не болѣе десяти страницъ, а второй говоритъ исключительно о Вотякахъ Казанской губерніи“. „Бѣдность“ литературы г. Бехтерева и рѣшили восполнить своими наблюденіями, какъ уроженецъ края и человекъ близко знакомый съ Вотяками. Просматривая цитаты статьи г. Бехтерева, читатель, дѣйствительно, не видитъ почти указаній на другія статьи, кромѣ трехъ вышеупомянутыхъ. Болѣе основательное знакомство съ статьей производитъ однако другое впечатлѣніе на читателя. Онъ встрѣчаетъ въ ней множество знакомыхъ фактовъ, припоминаетъ, гдѣ ихъ встрѣчалъ, и убѣждается, что г. Бехтеревъ хорошо изучилъ но слишкомъ сурово оцѣнилъ статьи авторовъ которые съ конца тридцатыхъ годовъ сообщали въ „Вят. Губ. Вѣд.“ свои безхитростныя, но живыя наблюденія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Свѣдѣніе о похищеніи невѣсты безъ согласія ея и ея родныхъ какъ будто заимствовано изъ статьи В. Г. В. за 1851 г.

Преданіе о братьяхъ Николая Чудотворца—Булдахъ приводитъ на память статью неизвѣстнаго автора въ Вят. Губ. Вѣд. за 1859 г. Характеристика свадебнаго пира у Вотяковъ буквальныймъ сходствомъ нѣкоторыхъ выраженій напоминаетъ статью „Вятскіе Вотяки“, напечатанную въ № 10 — 14 за 1861 г. Характеристика вятскихъ построекъ очень близка къ той, которая имѣетъ мѣсто въ статьѣ Шестакова (Описан. Глаз. уѣзда), помѣщенной въ „Вѣстникѣ Геогр. Общества“ за 1859 г. Объясненіе обычая класть съ покойникомъ нужныя ему вещи приводитъ на память извѣстная статья Филимонова о религіи Черемись и Вотяковъ. Затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ статьи могутъ отыскаться слѣды зна-

комства съ другимъ матеріаломъ, статьею Осокина напр. Мы очень хорошо знаемъ, что редакціи толстыхъ журналовъ не любятъ статей, испещренныхъ указаніями на литературу, но думаемъ, что г. Бехтеревъ обидѣлъ земляковъ своимъ умолчаніемъ объ ихъ трудахъ: написанное ими смѣло можетъ выдержать конкуренцію съ сообщеніями Миллера и особенно Риттиха. Сдѣлавши эти бібліографическія замѣчанія, скажемъ нѣсколько словъ о статьѣ г. Бехтерева по существу. Авторъ первый сдѣлалъ попытку подвести явленія вотскаго быта подъ категоріи современной этнографіи; онъ говоритъ объ общинномъ бракѣ, гетеризмѣ (VIII, 629), характеризуетъ хотя ошибочно вотскія вѣрованія, какъ Шаманизмъ, (IX, 149—50). Между фактическими данными, предлагаемыми авторомъ отмѣтимъ описаніе игры въ жены (VIII 629), описаніе вотскихъ деревень, кеносовъ, лѣтнихъ жилищъ въ лѣсу, физическую и моральную характеристику Вотяковъ, очеркъ экономического быта. Общій взглядъ на исторію Вотяковъ, какъ на дегенерацію физическую и культурную, представляется намъ сомнительнымъ. Въ лучшемъ памятникѣ отдаленнаго культурнаго прошлаго—въ языкѣ мы не видимъ никакихъ намековъ на бывшій высокій уровень вотской культуры. Зависимость Вотяковъ отъ Черемисъ совсѣмъ уже сомнительна. Увѣреніе, что Вотяки считали особой милостію Московскаго правительства подчиненіе Татарамъ, основано на неправильномъ пониманіи соответствующаго акта. Въ характеристикѣ вѣрваній религіозныхъ обрядовъ и представленій о загробной жизни мы не встрѣчаемъ ничего новаго. Авторъ повторяетъ Георги, присоединяя по временамъ толкованія, съ которымъ нельзя согласиться: таково напр. увѣреніе, будто всѣ общія богомолья имѣютъ характеръ поклоненія керемету, а въ великій четвергъ Вотяки изгоняютъ хищныхъ звѣрей. Исключеніе представляютъ страницы, посвященныя

культу Керемета и обряду изгнанія шайтана, Конецъ статьи г. Бехтерева посвященъ уясненію отличій черемисской религіи отъ вотской. Въ виду того, что вотскія вѣрованія, замѣтно, были мало изучены авторомъ, а съ черемисскими онъ знакомъ лишь по статьямъ Филимонова, это сравненіе нельзя назвать особенно поучительнымъ.

А. Андреевскій. Дѣла о совершеніи языческихъ обрядовъ. «Столѣтіе Вятской губерніи». Т. II. В. 1880.

Статья посвящена характеристикѣ Миссіонерской дѣятельности мѣстнаго духовнаго вѣдомства и администраціи въ первой половинѣ XIX в. Любопытны указанія на деревянные идоловъ, стоявшихъ въ Вотскихъ квалахъ (560, 563).

М. Харузинъ. Очерки юридическаго быта народностей Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи. Юрид. Вѣст. 1883. Т. I.

Статья Харузина касается всѣхъ народностей, населяющихъ южную часть Сарапульскаго уѣзда. Вотякамъ посвящено изъ очерка нѣсколько страницъ. Авторъ подробно описываетъ бракъ, внося новыя детали, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о положеніи куз'о (262), объ исключеніи негодныхъ членовъ изъ семейной общины (263), объ усыновленіи (280) и въ приложеніи даетъ таблицу знаковъ собственности. Характеризуя религію, авторъ держится Бехтерева и прибавляетъ отъ себя ошибку, называя „воршутомъ“ сосудъ съ кумышкой, которая предлагается родовому бо-жеству.

Max Buch. Die Votjaken. Eine ethnologische studie. Acta Societ. Scient fennicae. Т. XII. Hels. 1883.

Книга Макса Буха представляетъ первый опытъ обширной научной монографіи Вотяковъ. Она обладаетъ, помимо своего содержанія, многими внѣшними достоинствами—текстъ сопровождается рисунками и таблицами, на которыхъ между

прочимъ фигурируютъ вотскія вышивки. Помимо личныхъ наблюденій, дѣланныхъ въ теченіе двухъ лѣтъ въ окрестностяхъ Ижевскаго завода, авторъ знакомъ хорошо и съ русской литературой о Вотякахъ за вычетомъ, конечно, статей, напечатанныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и различныхъ другихъ провинціальныхъ изданіяхъ. Болѣе всего авторъ пользовался напечатанными на финскомъ и шведскомъ языкахъ статьями Аминова, который производилъ наблюденія надъ Вотяками въ Казанской и Вятской губерніяхъ. Выдержки изъ статей Аминова составляютъ, по нашему мнѣнію, самую цѣнную часть книги М. Buch'a.

Въ антропологической характеристикѣ Buch опирается на Маліева. Въ отдѣлѣ, посвященномъ семейнымъ и общественнымъ отношеніямъ, выдѣляются новизной извѣстія, что въ вотскихъ деревняхъ Сарапульскаго уѣзда имѣются неофициальные судьи (töre), въ которые избираются обыкновенно жрецы (489). Въ отдѣлѣ о нравственности половъ авторъ послѣ извлеченій изъ русскихъ писателей приводитъ рассказы о случаяхъ кровосмѣшенія: въ одномъ фигурируютъ сынъ и отецъ, нечаянно помѣнявшіеся послѣ попойки женами (511), въ другомъ мать, отдающаяся сыну въ силу того, что его не любятъ дѣвки (ib). Тутъ-же мы встрѣчаемъ извѣстіе о существованіи до сихъ поръ у Сарап. Вотяковъ гостепріимнаго гетеризма (512). Въ главѣ о бракѣ авторъ отъ себя приводитъ рассказъ о Вотякѣ, женившемся 13 лѣтъ на 26 лѣтней дѣвушкѣ и объясняетъ причины такого брака (513), сообщаетъ обычаи сватовства, имѣющіе мѣсто въ д. Нылги около Ижевскаго завода (514), брачный обрядъ, видѣнный въ Гондырь-гуртѣ (причемъ ошибочно называетъ молитву, съ пѣніемъ которой поѣзжане съ төре обходятъ вокругъ свѣтца, пѣсней (516). Съ такими подробностями до появленія работъ Верещагина никто еще не описывалъ

свадебнаго обряда (NB. 523). Пытаясь объяснить явленія, которыя имѣють мѣсто у Вотяковъ въ отношеніяхъ между полями, М. Buch приходитъ къ мысли, что въ безнравственности дѣвиць нужно видѣть остатки первичнаго гетеризма (529), а большую часть обрядовъ объяснять, какъ переживанія изъ той поры, когда невѣста похищалась (530). На слѣдующихъ страницахъ труда М. Buch'a мы находимъ систему цифръ, тождественную съ черемисской (570). Въ описаніи религіозныхъ вѣрованій Buch указываетъ на синонимичность слов. мудоръ и воршудъ и описываетъ особую форму короба—ящичекъ съ дверцей (587), различные виды куалы (gurt-k., badzum k.), опираясь на извѣстія Аминова, знакомить съ способомъ выбора мѣста для луда (588), polemизируетъ съ Бехтеревымъ относительно количества священныхъ деревьевъ въ роцѣ (589), констатируетъ существованіе badzum-lud'овъ (по Островскому и Аминову (589)), обычай приносить въ честь покойниковъ общую жертву на главной улицѣ деревни (590), выбирать при основаніи особаго жилья бер-зу-покровителя (590). Говоря о жрецахъ и гадателяхъ, М. Buch ошибочно отождествляетъ vedin-murt'a съ Ubir'омъ (591). Анализируя вотскія вѣрованія, М. Buch комментируетъ значеніе Инву, которому поклоняются въ Сарапульскомъ уѣздѣ (593), Кылдысина (594), говоритъ о жертвахъ Guduri-tumu (ib) дѣлаетъ правдоподобное предположеніе о Салтанъ-дисѣ (595). Интересны соображенія М. Buch относительно Воршудовъ (596, 599, 616). Въ числѣ духовъ авторъ называетъ козма, урвечъ, кыльдей (602). Говоря о Ву-муртахъ, онъ сообщаетъ о жертвахъ водѣ (603—4). Констатированіе анимизма (605) составляетъ важнѣйшую заслугу М. Buch въ дѣлѣ истолкованія вотской религіи. Любопытны соображенія автора относительно связи вѣрованій о загробной жизни (611) съ моралью (612). Обычаи, имѣющіе мѣсто въ

Сарапульскомъ уѣздѣ при жертвоприношеніяхъ, М. Бухъ излагаетъ на основаніи собственныхъ наблюденій, причемъ сообщаетъ неизвѣстныя детали относительно времени домашнихъ жертвоприношеній (616). Въ описаніи празднествъ мы встрѣчаемъ много неизвѣстныхъ подробностей — участіе дѣвушекъ или неженатыхъ парней въ обрядѣ изгнанія шайтана (617), формулы, произносимыя при этомъ обрядѣ (618), распределеніе жертвъ между богами при полевыхъ жертвоприношеніяхъ (621). Въ классификаціи моленій мы встрѣчаемъ впервые термины *migen-vös'*, *el'ep-vös'*, но безъ разъясненія ихъ значенія. Въ описаніи *kuar-sug'a*, встрѣчаются подробности, поясняющія извѣстія Рычкова относительно мудора (623); описанія *vil'-sug'a* (624) и *sizil-juon'a* (626) интересны по текстамъ молитвъ. Конецъ книги М. Вушъ посвящаетъ вопросу о существованіи идоловъ у Вотяковъ, рѣшая его положительнымъ образомъ на основаніи данныхъ, заимствованныхъ у Бехтерева и Островскаго, и опредѣленію мѣста, которое занимаетъ религія Вотяковъ въ системѣ религіозныхъ вѣрованій (шаманизмъ. 633).

Потанинъ. У Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. Изв. К. О. А. И. и Э. III.

Въ теченіе своего короткаго пребыванія у Вотяковъ Елабужскаго уѣзда г. Потанинъ успѣлъ собрать нѣсколько интересныхъ и новыхъ свѣдѣній о Вотякахъ. Укажемъ на преданія о степной родинѣ Елабужскихъ Вотяковъ (191), о великанахъ Алап-Гасарахъ или Нугаяхъ, Курукахъ (192), о Шудзѣ-батырѣ (193), о Мордашѣ и его сынѣ Можгѣ (194). Характеризуя религіозныя вѣрованія, авторъ впадаетъ иногда въ ошибки: такъ онъ говоритъ между прочимъ, что слову Гудури Вотяки не придаютъ значенія божества, приписываетъ солярное значеніе Инмару на основаніи молитвъ, ко-

торыя читаются въ большой куалѣ, но не приводятся авторомъ (202). Воршуда онъ лаконически, хотя по существу основательно, называетъ фетишемъ (ibid), но по видимому предполагаетъ, что онъ имѣетъ мѣсто только въ общей куалѣ и для цѣлой деревни. Въ числѣ заслуживающихъ вниманія по своей новизнѣ сообщеній отмѣтимъ характеристику Агташа и Султана (кереметь), подробности относительно культа Керемети (203), картину общественного моленія, обладающую деталями, неизвѣстнымъ изъ другихъ авторовъ (вънокъ на жертвенной березѣ—206), одѣянье жрецовъ (березовыя вѣтви, спускающіяся съ плечъ—207), толкованіе жертвеннаго сожженія (208), могила для костей жертвеннаго быка, названіе жертвы—Муклчиномъ (209). Въ числѣ произведеній народнаго творчества, записанныхъ впервые г. Потанинымъ, слѣдуетъ поставить легенду о Кылчинѣ—пахарѣ (213), сказки о золотомъ перѣ, о купеческой сестрѣ, о змѣѣ, Шудѣ, о царевнахъ, украденныхъ змѣями, и старикѣ Куать-Султушѣ, о женитьбѣ царевича (интересна между прочимъ по указаніямъ на размѣры отеческой власти—237), о лѣшемъ Шурали и его дочери (240). Интересны по своей новизнѣ повѣрія о пожарѣ, произведенномъ грозой, о громовыхъ стрѣлахъ, о метеорахъ-колдунахъ, о пятнахъ на лунѣ (221—22), о происхожденіи медвѣдя (223), о лебедяхъ (224), о арслан-каикѣ (221), въ описаніи свадебнаго обряда слѣдуетъ отмѣтить строки о погонихѣ (220). Соображенія на счетъ происхожденія легендъ о Кылдысинѣ сомнительны, сближеніе Инмара съ Ингваромъ (Игоремъ) фантастично (217).

Munkacsi B. otjak Nyelytanualmanuok. Bud. 1884.

Книжка г. Мункачи состоитъ изъ двухъ частей. Въ одной мы имѣемъ переизданіе вотскихъ текстовъ, изданныхъ Гавриловымъ; въ другой перечень словъ, заимствованныхъ

Вотяками изъ тюркскихъ и другихъ языковъ. Съ культурно-историческимъ значеніемъ этой части работы мы познакомили уже читателей выдержками, приведенными въ I-ой главѣ.

Брызгаловъ. Поѣздка на Кереметь. Вят. Губ. Вѣд. 1885. № 36.

Коротенькая статейка г. Брызгалова заключаетъ въ себѣ интересное по своимъ деталямъ описаніе мѣста жертвоприношенія предкамъ (лы-куйяпъ), которое авторъ ошибочно, по обыденной мѣстной терминологіи, называетъ Кереметью („священная елка, увѣшанная бурачками, коробками, корзинками, лоскутками, шапками и прочимъ хламомъ, принесеннымъ послѣ покойниковъ“).

Aminoff. Exemples de la langue Votjak. Journal de la Soc. Fin.-Ougr. Hel. 1887. I.

Тексты, собранные Аминовымъ, могутъ служить показателемъ того, какъ трудно было еще въ концѣ 70 хъ годовъ добиться отъ Вотяковъ произведеній, имѣющихъ какую нибудь связь съ вѣровапіями. Между сказками Аминова вѣтъ ни одной, которая имѣла бы мифологической интересъ.

Munkacsi. V. Votjak Nerköl. Nagyom. Bud. 1887.

Въ сборникѣ, заглавіе котораго мы выписали, помѣщены тексты, собранные г. Мункачи во время своего пребыванія у Вотяковъ въ 1884 г. Авторъ посѣтилъ вотскія деревни Мамадышскаго, Малмыжскаго, Глазовскаго и Бирскаго уѣздовъ, собирая наговоры, загадки, пѣсни, сказки, пословицы, повѣрья. Главную цѣнность книги г. Мункачи составляетъ необыкновенная тщательность, съ которой онъ транскрибируетъ вотскіе тексты. Какъ сводъ научно транскрибированныхъ вотскихъ текстовъ, книга г. Мункачи не имѣетъ подобныхъ себѣ въ нашей литературѣ и должна стать образцомъ для каждаго изслѣдователя, желающаго посвятить свой трудъ изданію инородческихъ текстовъ. Перехода къ содер-

жанію книги, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить въ ней то, что является новымъ для читателя, знакомаго съ русской литературой вопроса во всемъ ея объемѣ. Между эпическими произведеніями въ высокой степени интересны по своему миеологическому и культурно-историческому интересу легенда о Бурсинѣ, сказки о зятѣ солнца и о зятѣ лягушки. Другія сказки представляютъ собою варианты извѣстныхъ изъ другихъ источниковъ сказокъ, но заключаютъ въ себѣ цѣнные детали. Между повѣрьями рядомъ съ извѣстными имѣютъ мѣсто и такія, которыя являются совершенной новостью въ литературѣ и имѣютъ высокую культурно-историческую цѣнность. Драгоценную новость составляютъ наговоры туно.

Богаевскій. Очеркъ быта Саранульскихъ Вотяковъ. Сборн. мат. по Этн. изд. при Данк. этн. музеѣ. Вып. III. М. 1888. 14—64.

Г. Богаевскій лично былъ въ Саранульскомъ уѣздѣ и передаетъ впечатлѣнія, вынесенныя изъ непосредственнаго знакомства съ мѣстными Вотяками. Не смотря на то, что о саранульскихъ Вотякахъ существуетъ двѣ крупныхъ монографіи Верещагина, не говоря о рядѣ мелкихъ статей, статья московскаго этнографа заключаетъ въ себѣ нѣсколько новыхъ и интересныхъ деталей. Главное вниманіе г. Б. было обращено на юридическія отношенія, религіи народа онъ почти не касается. Перечисляя существа, въ которыхъ вѣрятъ Вотяки, онъ ограничивается одними именами и ихъ переводомъ на русскій языкъ. Изъ этихъ переводовъ одинъ заслуживаетъ особаго вниманія: Ияву-божество—дождя. Мы знаемъ такой переводъ у Верещагина и считаемъ ошибкой со стороны г. Б. то, что онъ не указалъ — заимствовалъ-ли онъ такое толкованіе у Верещагина или слышалъ его отъ самихъ Вотяковъ. Этимологизаціи автора „Вотяки Сар. у.“ иногда нуждаются въ критикѣ. Характеризуя культъ, г. Богаевскій совершенно основательно отмѣчаетъ отсутствіе нравствен-

наго элемента въ молитвѣ. Затѣмъ въ этомъ отдѣлѣ можно отмѣчать сообщенія, будто Воршуду или Мудору запрещается приносить кровавыя жертвы, группировку молящихся и женщинъ во время жертвоприношенія, особенно интересно впервые появляющееся въ литературѣ описаніе выбора будзым-куа-утиса и совершающейся при этомъ шаманской священной пляски видъ елки, предъ которой совершалось жертвоприношеніе, формы выбора жрецовъ, обычай зажигать передъ елкой свѣчи въ моленье совершаемое около Петрова дня. Относительно воршудныхъ именъ г. Богаевскій предполагаетъ, что это имена геніевъ-хранителей. Въ текстѣ молитвы интересно прошеніе, не встрѣчающееся у другихъ авторовъ: „отъ страшныхъ цѣпей . . . да будутъ они (дѣти) свободны“.

Въ области семейной организаціи г. Богаевскій свое вниманіе сосредоточиваетъ на родѣ, который онъ признаетъ древнѣйшей формой общежитія. Въ настоящее время, по его справедливому замѣчанію, родство кровное выродилось въ духовное. Уяснивши значеніе современныхъ религіозныхъ союзовъ, г. Б. сообщаетъ, что по преданіямъ вотскій народъ дѣлился на множество племенъ (выжя), которыя онъ отождествляетъ съ родомъ на основаніи термина, обозначающаго въ вотскомъ языкѣ оба эти понятія. Можно пожалѣть, что авторъ не сообщилъ преданій, о которыхъ онъ говоритъ.

[Къ стр. 275. Продолженіе статьи также мало заключаетъ въ себѣ смысла и знанія дѣла. Этимологія слово Шайтанъ (шай-могиля, тон-ты) имѣетъ совершенно дѣтскій характеръ; объясненіе слова кереметь („жрецъ злаго духа“) невѣрно; слово, обозначающее адъ (и т т и) повидимому искажено; о культѣ предковъ сказана одна туманная фраза „подчинялись волѣ своихъ предковъ: кому, что назначено, ты то и получишь“; названіе жрецовъ у т и с ь истолковано неправильно („управи-

тели народные“); представление о размѣрахъ, въ которыхъ осталось язычество у Вотяковъ, не соотвѣтствуетъ даже настоящему времени, не только 50-мъ годамъ: авторъ говорить о язычествѣ, какъ объ явленіи исчезающемъ, тогда какъ оно существуетъ во всей неприкосновенности; русскій терминъ „кереметище“ истолковано самымъ невѣроятнымъ образомъ: „священные лѣса посвященные вѣроятно злomu духу. Они устраивались въ лѣсахъ на подобіе шалаша или чума“. Свадебные обряды у Шестакова очерчены блѣдно, но безъ ошибокъ. Въ описаніи похороннаго обряда заслуживаетъ вниманіе извѣстно что у Вотяковъ Глазовскаго уѣзда существовалъ обычай погребать покойника, обернувши его берестой и заколотъ для мужчины, коня, на которомъ онъ работалъ, а для женщины ее любимую корову. Самый обрядъ смѣшанъ съ подробностями поминокъ и нелсень.

Въ отдѣлѣ о праздникахъ интересно назвать Троицына дня—И н ъ-м у родомъ съ Кваръ-вось (моленіе съ листомъ). О поминовеніяхъ предковъ авторъ говорить, какъ о дѣлахъ далекой стороны, хотя они имѣютъ мѣсто и до сихъ поръ.

Относительно изгнанія шайтана любопытное замѣчаніе, что обрядъ этотъ совершался четыре раза въ годъ.

Вотскія молитвы. Вят. Губ. Вѣд. 1838. Приб. къ № 19.

Первыя вотскія молитвы, напечатанныя 50 лѣтъ тому назадъ въ В. Г. В. даже до настоящаго времени сохраняютъ интересъ, въ первыхъ какъ памятники народнаго творчества, во вторыхъ по нѣкоторымъ чертамъ народнаго характера и быта, которыя нашли въ нихъ свое выраженіе: таково прошеніе, чтобы хлѣба было достаточно для званныхъ и незванныхъ.]

Сказавши о томъ, что каждый родъ имѣлъ особое божество Воршуда или Мудора, которому онъ давалъ свое

имя, авторъ дѣлаетъ резюмэ, возбуждающее нѣкоторое недоразумѣніе: „такимъ образомъ появились Якшуръ, Бигра, Норья, М уд о р е д ы“ (40). Изъ этой фразы, если тутъ нѣтъ корректураго недосмотра, выходитъ, будто Мудоръ есть родовое имя, какъ Бигра и Норья, тогда какъ всѣмъ извѣстно и самъ авторъ только что сказалъ, что это слово есть синонимъ Воршуда. На страницѣ, посвященной культу родовыхъ божествъ, авторъ даетъ цѣнное указаніе на то, что, по мнѣнію Вотяковъ, воршудныя имена — имена давно забытыхъ, богатыхъ и славныхъ б о г и н ь. Мы имѣли уже случай выразить сожалѣніе, что авторъ, сообщая это интересное толкованіе не привелъ подлиннаго вотскаго термина, соответствующаго русскому „богиня“. Констатировавши взглядъ Вотяковъ на происхожденіе воршудныхъ именъ, г. Богаевскій дѣлаетъ недостаточно мотивированный выводъ: „эти названія даютъ возможность предполагать существованіе у Вотяковъ коммунальнаго брака, формы общежитія, которая предшествуетъ сожителству родами“. Никакихъ соображеній, которыя оправдывали бы этотъ неожиданный, хотя, говоря вообще, и справедливый выводъ, мы раньше не встрѣчали. Замѣтимъ мимоходомъ, что и взглядъ автора на коммунальный бракъ не совсѣмъ ясенъ. Коммунальный бракъ есть архаическая форма брака, одного изъ явленій общежитія, но никакъ не форма общежитія, аналогичная роду: намъ кажется, что авторъ смѣшиваетъ несоизмѣримыя вещи.—Ниже авторъ приводитъ въ подтвержденіе своей гипотезы то обстоятельство, что для каждаго изъ родственниковъ со стороны матери въ вотскомъ языкѣ существуетъ особое названіе. Но это обстоятельство говорить прежде всего въ пользу матернитета и уже чрезъ этотъ послѣдній въ пользу коммунальнаго брака. Между тѣмъ о матернитетѣ авторъ не обмолвливается ни однимъ словомъ.

Въ замѣчаніяхъ о терминахъ родства по мужской линіи г. Богаевскій дѣлаетъ, по нашему мнѣнію, одну ошибку. Отмѣтивши у Вотяковъ групповое обозначеніе родства, онъ говоритъ, что словомъ нюняй обозначаются лица, равныя данному по возрасту. Мы не встрѣчали такого толкованія ни въ литературѣ, ни лично, хотя изучали терминологию родства въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ вотскаго края. Въ извѣстномъ обычаѣ называть жену именемъ рода, изъ котораго она взята, авторъ видитъ доказательство существованія у Вотяковъ родоваго быта, но не обращаетъ при этомъ вниманія на то, что это имя есть прежде всего имя матери. Доказательство родоваго быта авторъ видитъ, и на этотъ разъ вполне справедливо, въ двухъ имъ впервые описанныхъ играхъ, представляющихъ похищеніе невѣсты (42). Нѣсколькими строками ниже авторъ знакомитъ насъ, опять таки первый, съ интереснымъ обычаемъ, который имѣетъ мѣсто при свадьбѣ: обученіемъ жениховой родни пѣснямъ или молитвамъ (авторъ употребляетъ, къ сожалѣнію, оба термина безразлично) невѣстина рода. Авторъ съ полнымъ правомъ видитъ въ этомъ обычаѣ показатель былой обособленности родовъ. На стр. 43—44 авторъ сообщаетъ факты, имѣющіе значеніе для исторіи вотской колонизаціи. Переходя къ современному состоянію вотской семьи, авторъ обстоятельно обрисовываетъ положеніе куз'о. Нѣкоторыя частности этой характеристики не совпадаютъ съ тѣмъ, что извѣстно намъ. Г. Богаевскому говорили напр., что куз'о не можетъ заставить брата идти въ работники. Мы слышали другія сообщенія, но несогласія понятны въ области обычнаго права. Послѣ куз'о авторъ рельефно обрисовываетъ положеніе женщины въ семьѣ. Другое, несогласное съ нашими свѣдѣніями сообщеніе мы встрѣчаемъ на стр. 55, гдѣ авторъ говоритъ, что даже между членами одного и

того-же духовнаго рода возможно сватаніе. Въ описаніи свадебнаго обряда мы встрѣчаемъ фразу, которая порождаетъ нѣкоторое недоразумѣніе. „Дѣленіе свадебной церемоніи (на ярашонъ и сюанъ) указываетъ намъ на то, что оно возникло благодаря памяти народа о томъ времени, когда онъ жилъ родами (57)“. Между свадебными пѣснями, которыя приводитъ г. Богаевскій, есть нѣсколько неизвѣстныхъ по своимъ мотивамъ (60). Описаніе погребальныхъ и поминальныхъ обрядовъ содержитъ нѣсколько неизвѣстныхъ раньше деталей: дары покойнику, обычай снимать послѣ выноса двери съ петель и заметать путь (63), проводы умершихъ. Тутъ-же приводится молитва, поразительно напоминающая аналогичную черемисскую.

Материалы для статистики Вятской губерніи. Уѣздъ Малмыжскій. Вятка 1885. М. 1886. Уѣздъ Елабужскій. Вятка. 1889.

Изданія вятскаго земскаго статистическаго бюро имѣютъ высокую цѣнность для историка и этнографа, изучающаго вотскую народность: мы получаемъ въ нихъ свѣдѣнія о ходѣ русской колонизаціи въ вотскомъ краѣ, результатахъ соприкосновенія Русскихъ съ Вотяками, преданія о передвиженіяхъ Вотяковъ и наконецъ богатый запасъ данныхъ для характеристики современнаго экономическаго положенія народности.

Спицынъ А. А. Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Вятскомъ краѣ. В. 1883.
— Каталогъ древностей Вятскаго края. В. 1881.
— Новые свѣдѣнія по доисторической археологіи Вятскаго края. В. 1837.
— Къ исторіи Вятскихъ инородцевъ. В. 1888.

Труды г. Спицына имѣютъ значеніе существеннаго пособия для изученія прошлаго Вотяковъ. Отдѣльными своими деталями они имѣютъ соприкосновеніе и съ чисто-этнографическими вопросами. Говоря о городищахъ, курганахъ и

могильникахъ, авторъ сообщаетъ о связанныхъ съ ними обычаяхъ и вѣрованіяхъ, поясняющихъ взгляды Вотяковъ на умершихъ.

Верещагинъ. Вотяки Сосновскаго края. Спб. 1887. Зап. Имп. Р. геогр. общества. Т. XIV, вып. 2.

— Вотяки Сарапульскаго уѣзда. Спб. 1889. Тамъ-же, вып. 3.

Не смотря на разность времени, въ теченіе котораго вышли обѣ работы г. Верещагина, мы, какъ и географическое общество, соединяемъ ихъ въ силу ихъ внутренней связи. Книги г. Верещагина имѣютъ значеніе, какъ богатое собраніе сыраго, но весьма цѣннаго матеріала. Среди сказокъ, преданій, повѣрій, обычаевъ, приводимыхъ авторомъ, большая часть только впервые становится извѣстной въ литературѣ. Какъ собиратели и издатели произведеній народнаго творчества до 1887 г. г. Верещагину предшествовали: русскій Гавриловъ, финляндецъ Аминовъ, мадьяръ Мункачи и нѣмецъ Максъ Бухъ (послѣдніе впрочемъ только перевели тексты Гаврилова). Одновременно съ первой книгой г. Верещагина появился богатый сборникъ Мункачи, но тексты Верещагина немного теряютъ по своей новизнѣ даже отъ этого сосѣдства.

Слабыя стороны обѣихъ работъ г. Верещагина составляютъ ихъ литературная неотдѣляемость, выражающаяся въ томъ, что авторъ говоритъ о предметахъ, недостаточно обращая вниманія на ихъ внутреннюю связь, затѣмъ разсужденія, въ которыхъ онъ пытается объяснить, анализировать описываемыя явленія, и наконецъ неясное представленіе о томъ, что въ окружающемъ его матеріалѣ имѣетъ цѣну для науки (86, 95; II, 13, 75).

Въ упрекъ автору слѣдуетъ поставить и его манеру излагать народныя преданія тяжелымъ, книжнымъ стилемъ (88). Благодаря этому чрезвычайно интересныя вещи становятся

непригодными въ научномъ отношеніи. Что такое напр. „статуя сатаны“, которой должны были поклониться братья, желавшіе сдѣлаться волшебниками? Будь вмѣсто этого вычурнаго выраженія вотскій терминъ, извѣстіе было-бы драгоцѣнно. Теперь оно не имѣетъ никакого значенія.

Въ числѣ обычаевъ, на которыя мы въ первый разъ встрѣчаемъ указанія у г. В., слѣдуетъ указать на обычаи запирать въ новосбитую изъ глины печь на ночь пѣтуха (9), спать старшему изъ поѣзжанъ пріѣхавшихъ за невѣстой, на ея постели и власть за это денегъ (24—26), власть женщинѣ въ могилу серебряныя монеты (29), вымаливать душу для мертворожденнаго младенца у предковъ (86).

Въ отдѣлѣ о вѣрованіяхъ г. Верещагину принадлежитъ первое извѣстіе о вѣрованіи, что покойникъ, котораго проводили, будетъ встрѣчать провожавшихъ (29), что духъ не отпѣтаго покойника блуждаетъ по землѣ и по временамъ входитъ въ тѣло (83), что болѣзни на скотинѣ происходятъ между прочимъ отъ падающихъ звѣздъ (74), что бури производитъ Нюлэсъ Муртъ (Тэль-Пери. 80).

Въ ряду божествъ мы у г. Верещагина впервые встрѣчаемъ указанія на Инъ-Вожо, Утьися, Чера, Калдыкъ-Мумы, Палэсъ-Мурта, Бабасыра, Бустургана, Кутысей, Кузьпинэ-Мурта, Акташа, Вожо, Искаль-Пыдо Мурта, Кукри-баба, Нуллись-Кысь, Мунчо-Мурта, Обинь-Мурта, Порпи, Татэрэмъ Урома (200). Природа этихъ существъ рисуется не всегда ясно въ сжатыхъ характеристикахъ автора, но уже одно ознакомленіе съ ихъ именами составляетъ немаловажную заслугу.

Изъ преданій о языческой старинѣ слѣдуетъ отмѣтить преданіе о томъ, что въ старину почти для каждаго бога были особыя моельни (куа).

Говоря о храмахъ (куа), авторъ дѣлаетъ интересное описаніе куа, посвященной Керемету (?), но не объясняетъ,

почему все въ этомъ храмѣ имѣется въ тройномъ количествѣ—очаги, берестяныя коробочки, чашки, ложки (33).

Изъ обрядовъ г. Верещагинъ дополняетъ новыми чертами жертвоприношеніе Му-Кулдысину въ первый день пашни (36), дѣлаетъ любопытное сообщеніе, будто поповъ при празднованіи Гуждора выбираютъ дѣвушки (38) и вообще о роли дѣвушекъ въ этомъ праздникѣ (43); затѣмъ впервые описана символическая игра *н е р в а ч ь*, которая имѣетъ мѣсто въ ночь на Вербное воскресенье.

Между космологическихъ идеями, впервые сообщенными г. Верещагинымъ, слѣдуетъ упомянуть о первобытномъ змѣѣ (72), пославшемъ камара узнать, чья кровь всѣхъ слаще, о громадной рыбѣ, которая лежала поперекъ Камы, о громадномъ звѣрѣ—Кайыкѣ (74), о происхожденіи козы (75).

Въ отдѣлѣ повѣрій г. Верещагинъ несовсѣмъ ясно толкуетъ о человѣческихъ жертвахъ, которыя будто бы приносились нѣкоторыми деревнями шайтану въ уплату за клады и о замѣнѣ ихъ человѣческими волосами, которые срѣзываются для этой цѣли (80). Авторъ скептически относится къ этимъ преданіямъ и, повидимому, старается обработать ихъ сообразно своимъ взглядамъ. Вслѣдъ за народнымъ возрѣніемъ онъ приводитъ рассказъ о русскомъ купцѣ, который въ пугачевскую эпоху попалъ въ руки къ Вотякамъ. „Они рѣшили убить его, *чтобы раздѣлить между собою капиталъ*“ поясняетъ, замѣтно отъ себя, г. Верещагинъ—но черезъ нѣсколько строкъ выдаетъ самъ операцію, которую онъ произвелъ надъ преданіемъ: „естественно, если-бы существовалъ подобный *обычай жертвоприношенія*, то рано-ли, поздно-ли преступленіе было-бы обнаружено (81).

Попытки г. Верещагина этимологизировать не поднимаются надъ уровнемъ обиходной этимологіи. Приведемъ для

примѣра объясненіе имени Кошкаръ (Кош-каръ = убирайся городъ).

Оторвавшись отъ своей почвы—сообщенія сыраго матеріала—г. В. начинаетъ фантазировать безъ всякаго уваженія къ истинѣ. Пусть читатель познакомится съ картиной отношеній, сложившихся между Вотяками послѣ того, какъ они отступили предъ Новгородцами въ Глазовскій уѣздъ (102—103). Пробѣжавши указанныя страницы, онъ въ недоумѣніи спроситъ, конечно, у кого почерпнулъ авторъ свои свѣдѣнія—и не найдетъ отвѣта на этотъ вопросъ въ книгѣ. Сужденія о русскомъ влияніи на семейный строй Вотяковъ отличаются, какъ и приведенный выше рассказъ, одной смѣлостью (Ср. II, 9, 41).

Преданіе объ Ожмегѣ, интересное съ точки зрѣнія происхожденія воршудныхъ именъ, испорчено „литературностью“ передачи. Выраженія въ родѣ „выбралъ въ лѣсу для поселенія мѣсто, построилъ шалаши, назвалъ его Бадзымъ-Куала и началъ молиться воображаемому божеству Инву“ немислимы въ устахъ Вотяковъ и выглядятъ фальсификаціей по своему содержанію (104).

Легенда объ Идна-батырѣ, извѣстная уже благодаря Гаврилову въ своей основѣ, у г. Верещагина передается съ большими и очень интересными подробностями. Богатырь проситъ напр. поставить ему памятникъ (107); русскіе, убивши его, жарятъ его сердце и съѣдаютъ его.

Выступая изъ предѣловъ своего уѣзда, г. Верещагинъ дѣлаетъ крупныя неточности въ своихъ сообщеніяхъ. Во второй книгѣ его мы видимъ напр. рѣшительныя увѣренія, что у Вотяковъ Глазовскаго уѣзда „нѣтъ такихъ обрядовъ языческаго жертвоприношенія, которые совершаются открыто въ Сарапульскомъ уѣздѣ“, „нѣтъ обычаевъ, связанныхъ съ вѣрой въ многобожіе“ (5, 7). Эти увѣренія тѣмъ страннѣе,

что за годъ до появленія „Вотяковъ Сарап. уѣзда“ появились „Эскизы“ г. Первухина, изъ которыхъ авторъ могъ бы убѣдиться, что язычество вовсе не такъ рѣшительно исчезло изъ Глазовскаго уѣзда.

Въ заключеніе мы считаемъ необходимымъ указать на черезъ-чуръ строгое отношеніе г. Верещагина къ собратамъ-этнографамъ. „При составленіи статей и описаній, касающихся религіи и быта Вотяковъ, большая часть этнографовъ ограничивается только короткими распросами, а чаще всего свои статьи основываютъ на своихъ умозаключеніяхъ, которыя обыкновенно оказываются неудачными“. Чтобы познакомиться съ характеристикой (sic!) и бытомъ вообще извѣстнаго народа, нужно пожить среди него, изучить на мѣстѣ всѣ стороны жизни и, если описать, то описать только извѣстную изученную мѣстность и въ этомъ описаніи не приписывать всѣ черты народа одной мѣстности жителямъ, обитающимъ въ другой мѣстности, хотя бы эти народы и принадлежали къ одной расѣ; народы одного племени характеристикой (sic!) и бытомъ рѣзко различаются другъ отъ друга, что происходитъ какъ отъ вліянія мѣстности, занимаемой ими, такъ и отъ воздѣйствія другаго племени, среди и около котораго они вращаются, и отъ другихъ причинъ и условій“. „Большая часть“ этнографовъ, можетъ быть, поблагодарить г. Верещагина за совѣты—не совсѣмъ, правда, новые—но пожелаетъ освободиться отъ упрека за наполненіе статей умозаключеніями. Предшественники г. Верещагина, какъ мы уже знаемъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дали литературѣ не меньше, чѣмъ онъ, и ихъ показанія способны выдержать всякую критику. „Большая часть“ этнографовъ имѣетъ тѣмъ большее право на снисхожденіе, что авторъ вышеприведенной инструкціи на слѣдующей же страницѣ забываетъ ее и говоритъ, что свѣдѣнія,

касающіяся Вотяковъ, живущихъ въ сосѣдствѣ Завьяловской волости, могутъ быть отнесены и къ цѣлому племени Вотяковъ (10). Ту же строгость проявляетъ авторъ къ своимъ собратамъ и по частнымъ поводамъ: „всѣ свѣдѣнія о божествахъ, помѣщаемыя въ современныхъ изданіяхъ, не даютъ ничего удовлетворительнаго, на основаніи чего можно было бы предпринять систематическое изслѣдованіе о происхожденіи вѣрованій Вотяковъ и самыя свѣдѣнія эти ничто иное, какъ легкіе наброски со словъ рассказчиковъ, гдѣ пробѣлы пополнены умозаключеніями, которыя къ сожалѣнію обыкновенно оказываются неудачными (85)“.

Второй выпускъ отличается еще меньшей систематичностью содержанія, чѣмъ первый. Въ составъ его вошло нѣсколько новыхъ и цѣнныхъ данныхъ. Таковы напр. описаніе проводъ опухоли и болѣзни вообще (39), особенно цѣнное по безпретенціозности своего изложенія, описаніе фиктивной продажи ребенка, мѣръ, которыя употребляются Вотяками (70—71), чтобы сохранить его жизнь (44), особенностей, которыми отличаются обычаи жертвоприношенія Сарапупльскихъ Вотяковъ отъ Глазовскихъ (76), выборъ вѣтвей при моленіи Воршуду (81), затѣмъ—черты, которыми въ народномъ воображеніи рисуются Мынчо-Муртъ, Кулэмъ-Убиръ, Нюлесь-Муртъ, Ву-Муртъ (86—88), Янки-Муртъ, Бусгурганъ, Межа-Утьись, Мушуръ-Утьись (92), обряды, сопровождающіе перенесеніе Воршуда (93), особенности жертвоприношенія у Завьяловскихъ Вотяковъ (96—97), обрядъ пель-сіона (104—5), выль-вос'я, или первой жертвы новобрачныхъ, особенности свадебнаго обряда (128—139).

Въ числѣ вѣрованій, вошедшихъ во второй выпускъ, отмѣтимъ вѣрованія въ Музьемъ-ош'а (135), Ин-муш'ей (136), мионы о происхожденіи горъ и долинъ (137).

Самую цѣнную часть втораго труда г. Верещагина составляютъ космологическія представленія Вотяковъ и произ-

веденія народнаго творчества, записанныя по большей части впервые (139—140, 174). Между послѣдними мы отмѣчаемъ: Медвѣдь (147), Кулэмъ-Убиръ, Воршуды, въ гостямъ у покойницы (178—9), Калмыкъ-Кшво (185), Нюлэсъ-муртенокъ (190—1), Ву-Мурты (191—3), Мимъ (194—6).

Разсужденія г. Верещагина о Воршудѣ показываютъ, что онъ слышалъ что-то такое очень интересное отъ Вотяковъ, но не уяснилъ себѣ слышаннаго самъ и, естественно, оказался не въ состояніи вразумительно изложить слышанное для читателей. „Происхожденіе божества Воршудъ древнее“, читаемъ мы у автора и готовимся выслушать нѣчто интересное, такъ какъ это вопросъ совершенно нетронутый. „Оно ведетъ свое начало со времени какихъ нибудь важнѣйшихъ событій, встрѣтившихся въ жизни Вотяковъ, напр. переселенія отдѣльныхъ лицъ въ другую неизвѣстную страну, бѣгства отъ преслѣдованія начальства и пр., когда бѣжавшія отдѣльныя лица принимали различныя прозвища“ — поучаетъ насъ авторъ и повергаетъ въ сильнѣйшее недоумѣніе своими рѣчами. Какъ можетъ божество вести свое начало со времени бѣгства человѣка отъ начальства и пріятія имъ новаго имени—это тайна г. Верещагина. Черезъ строчку она впрочемъ разъясняется: авторъ смѣшалъ Воршуда, какъ божество, съ воршуднымъ именемъ и толковалъ о происхожденіи послѣдняго, опираясь на рассказъ, построенный на народномъ словопроизводствѣ. Мы позволяемъ себѣ думать, что разсужденія о происхожденіи имени Пыпя г. Верещагинъ слышалъ отъ какого нибудь грамотника, сообщавшаго ему преданіе о бѣглецѣ, котораго звали Ошмегъ, (лич. имя) и пожелавшаго блеснуть умѣньемъ объяснять вещи темныя для необразованнаго народа. Имя Пыпя (Пыбья) явилось не въ Сарапульскомъ уѣздѣ; родъ, носящій это имя, извѣстенъ и въ Глазовскомъ уѣздѣ и, во-

нечно, съ болѣе ранняго времени, чѣмъ въ Завьяловской волости. Слѣдующія далѣе фразы— „это божество у племени Пупьи связано съ повѣрьемъ, что, какое было счастье у родоначальника этого племени, такое-же будетъ и у колѣна его ...божество это въ тоже время имѣть значенія благословенія родоначальниками...“—совсѣмъ не поддаются пониманію. Изъ всей страницы можно извлечь не колеблясь только одно извѣстіе: у Вотяковъ передавалось (и, можетъ быть, передается?) изъ поколѣнія въ поколѣніе золь съ очага родоначальника племени. На слѣдующихъ страницахъ авторъ поражаетъ своеобразнымъ пониманіемъ своей задачи: „...воршудовъ нами открыто значительное число, но перечислять ихъ считаемъ лишнимъ, такъ какъ это отвлечетъ насъ отъ нашей прямой задачи (!!)" — читаемъ мы на 82 стр., а на 86 встрѣчаемъ мало кому интересное объясненіе, какіе волосы Вотякъ могъ принять за волосы Мунчо-Мурта. На 94 стр. г. Верещагинъ говоритъ, что Воршуды, по словамъ Сарапульскихъ Вотяковъ, многимъ являлись на яву, о чемъ въ народной словесности существуютъ отдѣльные рассказы“, но не приводитъ на мѣстѣ этихъ рассказовъ, какъ безсодержательныхъ, и на двухъ страницахъ пускается въ ненужное никому разсужденіе о томъ, почему некультурнымъ людямъ являются разныя мифическія существа.

Въ этомъ-же выпускѣ г. Верещагинъ приводитъ легенду о Завьялѣ, основателѣ деревни Завьяловой; легенда очень интересна по своимъ бытовымъ чертамъ, но сильно испорчена quasi—литературнымъ изложеніемъ.

Н. Г. Первухинъ. Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. I—IV. Вятка. 1888—1889.

Эскизы Первухина занимаютъ по богатству матеріала и систематичности изложенія одно изъ самыхъ видныхъ, если

не первое мѣсто между источниками первой руки. Цѣна ихъ увеличивается еще тѣмъ, что относительно состоянія язычества въ Глазовскомъ уѣздѣ существовали и существуютъ до сихъ поръ самыя невѣрныя представленія. Начиная съ Шестакова и кончая Верещагинымъ, писатели о Вотякахъ увѣряли, что Глазовскіе Вотяки обрусѣли и повинили свою языческую старину. Г. Первухинъ своими эскизами ставитъ крестъ надъ этими разсужденіями и констатируетъ въ Глазовскомъ уѣздѣ слѣды такой языческой старины, на которую нѣтъ указаній въ другихъ мѣстностяхъ Вотскаго края.

Первый эскизъ посвященъ описанію Вотскихъ божествъ. Съ нѣкоторыми положеніями автора, высказанными здѣсь, нельзя согласиться. Таково напр. утверженіе, что воршудное божество есть одно изъ метаморфозъ Кылдысина. Прежде всего никакихъ метаморфозъ Кылдысина вообще мы не знаемъ. То, что разсказывали г. Первухину старики относительно причинъ присутствія въ коробкѣ крыла рябчика, шкуры бѣлки, сушеной рыбки и вѣтви, не можетъ служить основаніемъ для такого толкованія. При сравнительномъ изученіи содержанія воршудныхъ коробокъ во всемъ Вотскомъ краѣ и формъ культа воршудовъ открывается возможность простаго объясненія этихъ вещей безъ помощи мифа. Соображенія о происхожденіи Кылдысинь-Мумы также оказываются несогласными съ тѣмъ, что мы знаемъ о происхожденіи матерей другихъ явленій природы. Толкованіе слова Воршудъ— „скрытое, спрятанное счастье“ (51)—противорѣчитъ значенію морфологическихъ элементовъ слова и духу языка.

Эскизъ II знакомитъ насъ съ формами культа и празднествами. Между извѣстными уже ранѣе мѣстами общественныхъ жертвоприношеній авторъ впервые указываетъ новыя—старинныя могильники (4) и мѣста такъ называемыхъ губер-

вос'ей, на которые стекались тысячи народа (ib). По поводу перенесенія быдзымъ-квалы авторъ сообщаетъ любопытныя подробности относительно построенія новой (9). На страницахъ, посвященныхъ вотскимъ жрецамъ, мы встрѣчамъ впервые указаніе на особый костюмъ, который надѣвали глазовскіе жрецы во время общественныхъ жертвоприношеній (17—18). Переходя къ вопросу о языческихъ празднествахъ Вотяковъ, г. Первухинъ даетъ цѣлый рядъ неизвѣстныхъ другимъ писателямъ языческихъ торжествъ; таковы: э-келянъ, джегъ-лудъ-дурэ, кваръ-восянъ, гудыры-ниманникъ, пужымъ улэ-курбонъ, кутес-туй. Обиліе перечисляемыхъ праздниковъ заставляетъ поставить вопросъ, не представляютъ ли одни изъ предполагаемыхъ особыхъ праздниковъ отдѣльныхъ моментовъ одного праздника (таковы гѣры-поттонъ, гѣры-сектанъ, кусо-азэ-виро и герберъ), другіе—называемыхъ вотскими именами христіанскихъ праздниковъ (джег-луд-дурэ, квар-восянъ, лээнъ-лудэ, валъ-ниманникъ)— ср. названія перваго Спаса и Крещенія ву-вылынъ-сылонъ, э-вылынъ сылонъ). Описывая отдѣльно каждый изъ перечисленныхъ праздниковъ, г. Первухинъ даетъ любопытныя подробности относительно рода и цвѣта приносившихся жертвъ (30), мѣста принесенія ихъ (31), гаданія и степени угодности ихъ богамъ (32), употребленія жертвенной крови (64) и каши молящимися (37), освященія кушаній, подносимыхъ жрецамъ отдѣльными домохозяевами (358), сжиганія, подвѣшиванія костей (39), или зарыванія въ землю (64), религіозныхъ символическихъ игръ, имѣющихъ мѣсто въ отдѣльныхъ случаяхъ (39, 45), бросанія жертвенныхъ яствъ къ корнямъ деревьевъ (49), въ домахъ на очагѣ (53, 55, 79), о культѣ деревьевъ (80).

Относительно нѣкоторыхъ изъ праздниковъ, какъ напр. относительно э-кеяна, гѣры-сектана, джег-луд-дурэ, чежг-

сіона, кусо-азэ-виро, кутесь-туя, осенней жертвы Нюлесь-Мурту авторъ даетъ цѣлыя картины нигдѣ у другихъ не встрѣчающіяся (43—5, 57, 58, 59, 60, 61, 64, 72—3, 86—88, 98—100).

Описаніе поминальныхъ обрядовъ заключаютъ въ себѣ новыя детали сравнительно съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ Кошурникова, М. Вух, Гаврилова и др.: закланіе утки на рѣкѣ въ радуницу (120).

Эскизъ III даетъ прекрасные образцы вотскихъ молитвъ и пѣсенъ съ вотскимъ текстомъ en re'gard. Жаль только, что послѣдніе испорчены массой опечатокъ.

Эскизъ IV содержитъ въ себѣ преданія и сказки Вотяковъ въ русскомъ переводѣ. Большая часть ихъ впервые появляется въ литературѣ. Особенную цѣнность эскизу придаютъ сказки о Вожо, природа которыхъ до сихъ поръ представлялась очень неясно.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Выжы был.

НА ВОТСКОМЪ НАРЪЧИ.

Улэм-пэ аз'ло одик мурт, солэн влэм кык нывыз-но ок пизэ, пудоэзно туж ўно-пэвылэм. Окпол мыпэм-пэ со мурт л'ук м'эс дур'э пудозэ л'уктавы, талэн пудойосыз од'но ук-пэ д'уо, вырзэс кыр-кор каро-но-пэ б'эрто; та-пэ ношик ўл'аса мынэ-но, ношик кыр-кор каро-но-пэ б'эрто. Ношик-пэ ўл'аса мынэ, пудойосыз ношик кыр-кор каро-но-пэ б'эрто. Та-пэ д'але д'ў дәмно, б'ай-б'ай б'ай-пэ шуэ, та малы мынам пудойосы дў-онтэм луизы али-пэ шуэ? токтали-пэ шуэ ут'ис'во али, мар мада уав' лўкм'эсын? оз'ы-пэ шуэм-но, ўт'ис'кэм-пэ лўкм'э сэ выдыса, сокы сойэ кутэм-пэ лўкм'эсис'эн тыштнэ ву п'эр'и. Та пэ з'ар' тэл'мырыса д'албарыса д'а,-пжалуста лэ-з'ывал монэ пэ шумса. Ву

Сказка.

ПО РУССКИ.

Жилъ нѣкогда одинъ чело-вѣкъ, у него было трое дѣтей, двѣ дочери и одинъ сынъ. Скотины у него было тоже много. Разъ онъ гналъ поить скоть къ проруби. Скотина чего-то боится и пятится прочь отъ проруби. Онъ гонить въ другой разъ, опять не пьетъ; гонить въ третій разъ, скотина опять не пьетъ. Удивляется чело-вѣкъ и говорить: „отчего это у меня скотина не пьетъ? дайка посмотрю въ прорубь, видно тамъ что-нибудь есть“. Легъ къ про-руби и смотритъ, а его цапъ за бороду ву п'эр'и. Чело-вѣкъ сталъ умолять его, чтобы онъ отпустилъ, а ву п'эри гово-рять: „у тебя есть, кажется, двѣнадцатилѣтнй сынъ; если ты дашь его мнѣ, то я от-пущу тебя“. Чело-вѣкъ гово-

п'эр'и пэ в'эра та муртлы: тынад дас кык ар'эс п'иэд уан'-бугай-пэ шуэ со пидэ-кэ с'отид, мон тонэ лэз'о-пэ шуэм. Ад'ами пэ в'эрам: кыз'ы мон тынды с'ото ас п'имэ ас с'им аз'ам и ас к'иыны? Ву п'эри-пэ в'эра тон сойэ лэз'ы алдаса м'ин'т'оэ мон сойэ отисэн бас' тоно кошко-пэ шуэм. Та мурт д'удамно-пэ в'эрам: с'отикэ с'отойскэ-пэ шуэм. Сэбэрэ ву п'эри-пэлэз'эм Ад'ами бэртэмно-пэ дораз, пийэзлы-пэ в'эрам: п'иэ! тон дас'а аслыд вал эн'эраса, дас'аты анайэдлы с'ион д'уон с'ырсы, кызыр лыктэ тонэ нуыны ву п'эри пэ шуэм.

Пиэзлы-пэ да'сал'лямно кутлэ н'астазэ, атайэзлэс'-пэ д'уам п'иэз: Атай! мон-бон куд валэз кутопэ шуэм? атайэз-пэ в'эрам: кид доры мынно-пэ шуэм, с'эрмэчдэ сэззалты пэ шуэм, кудиск'э ўг'ис'вис тон шорат, сойэ куты-пэ шуэм.

П'иэз-пэ гид доры мынэмно с'эрм'эдзэ-пэ сэз'залтэм, солы-пэ ўг'ис'кэм алама-гыне востэд вал, п'иэз, бэрдыса

рить: „какже я могу своего сына отдать тебѣ при своихъ глазахъ своими же руками? Этого не возможно“. Ву п'эри говоритъ: „ты отпусти его въ баню, а я оттуда возьму и унесу“. Человѣкъ принужденъ былъ согласиться. Послѣ этого ву п'эри отпустилъ его домой. Когда же онъ пришелъ, то велѣлъ сыну своему приготовляться въ путь, такъ какъ сей часъ придетъ за нимъ ву п'эри. Мать его приготовила ему разныхъ съѣстныхъ припасовъ. Когда было все приготовлено, сынъ сказалъ отцу: „отецъ! какую-же лошадь прикажешь мнѣ осѣдлатъ“. Отецъ сказалъ: „возьми узду, иди къ стойлу и тряхни уздой; которая взглянетъ на тебя, ту самую и лови“. Сынъ взялъ узду и сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему отецъ; когда онъ трякнулъ уздой, то взглянула на него самая плохая и тощая лошадь. Онъ со слезами надѣлъ надѣлъ на нее узду и привелъ къ крыльцу. Осѣдлавъ, ее онъ сѣлъ на нее и лошадь у него вдругъ

б'ордыса-пе мынэмно, с'эремэд-зэ со валэн д'ыраз-пэ понэм. Корказ' дораз вайэм - но пэ эн'эраса со валэз вылэ пус-с'эм-пэ. Сэ бэр'э ис'с'о дас'ам н'астазе бордаз бас'тыса ош эм-пэ, валэз талэнз'ар' ай'с'ат мотор-пэ луэм. Сэбэрэ уан' ѓв'ол к'орыш'эс, ис'кавынн'осыз лыетыса, б'ордыса - б'ордыса тау карыса к'эл'аса лэз'ил' лам-пэ. оз'ы к'эл'аса лэз'ил' л'ам-но-пэ сойос доры лык-тэм-пэ та п'эри, вай индэ пидэ-пэ шуэ.

Атайэз-пэ в'эра со пилэн: п'изэ мынам кошкыз н'улэс кы н'улесавы-пэ шуэмь. Ву п'эри-пэ шуэм: оз'ыкэ вай мыным заман-гыне туж ай-б'ат-к'ой валдэ-пэ шуэм, мон сойэ ўл'ласа с'үто-пэ шуэм. Ад'ами-пэ в'эрам мын гидэ, ов валэз сайласа кутыно кошкы-пэ шуэм. Та ву п'эри заман-гыне с'эрем'эд-пэ баст'эм-по, гидэ мыныса в'ар' к'ой валэз кутыса вылаз пукс'ыса со пизэ ўйыса пэ кошкэм. Ок (к'он'акэ)-к'онакэ мынэмво-пэ ву п'эрилэн валэз жад'эм-пэ. Ву п'эри валэз с'иыса быдтэм-

стала такая хорошая, статная и полная. Когда мальчикъ собрался въ путь, то къ нимъ собрались всѣ сосѣди и родственники и проводили его со двора со слезами. По отъѣздѣ мальчика пришелъ къ нимъ самъ ву п'эри и сказалъ: „дай теперь мнѣ сына своего, я его ждалъ, ждалъ въ банѣ, но не дождался, долженъ былъ придти къ тебѣ самъ“. Человѣкъ сказалъ: „сынъ мой уѣхалъ въ лѣсъ охотиться“. Ву п'эри сказалъ: „въ такомъ случаѣ дай мнѣ скорѣе самую лучшую лошадь, я его догоню“. Человѣкъ сказалъ: „поди въ конюшню, лови любую лошадь и ступай“. Ву п'эри сейчасъ же взялъ узду, отправился въ конюшню, поймалъ самую жирную лошадь и поскакалъ за мальчикомъ. Поскакавъ немножко, лошадь ву п'эри устала, а ву п'эри сожралъ ее цѣликомъ и побѣжалъ за мальчикомъ самъ. А мальчикъ доѣхалъ до одной деревни и заѣхалъ тамъ къ одному человѣку, у котораго жила его родная сестра. Сна-

но-пэ, биз'эм-пэ со пи с'оры. Та даскыкь арэсп'и мыныса-пэ вуэм ок гуртэ, от'гы пыр'эм-пэ ок мурт доры. Со вылэм-пэ талэн апайэз. Апайэз таэ аз'ло тодмамтэ-пэ, ок к'он'акэ д'фал'лакэмно-пэ тодмам-пэ, Сэбэрэ в'эрам-пэ: мой тынад апайэд угой-пэ шуэм, тон-бон кы'т'гы мынис'код таз'ы пэ шуэм экэйэз-пэ в'эрам: монэ ўйыса лыктэ ву п'эри-пэ шуэм. Оз'ыкэ дуктали, мон с'ото тындыд кут'ап'и-пэ шуэм со тындыд окпол б'в'ол окпол кулэлүоз-пэ шуэм, оз'ы пэ шуэмно с'отэм-п'э к'ут'ап'иэз куштэм'пэ вал вылис'эн бур палаз, сак п'эл'м'эд лүоз-пэ шуыса. Со к'ут'апи з'ар' бад'дын туж сак п'эл'о луыса-пэсултэм но со пи с'оры ворттыса-пэ кошк'эм. Сойос кошкэм-б'эрэ окшап улыса ву-п'эрино-пэ лыктыса вуэмно гуртети орт'гыса-пэ кошк'эм. Даскык арэспи ношик ок гуртэ мыныса-п'э пыр'эм одикь муртдоры, со лүэм-пэ ношик талэн апайэз. Та апайэз ношик с'үдэм-вордэмно-пэ экээз кошкыны-

чала она его не узнала; но когда разспросила, то узнала, что это былъ ея родной братъ. Она скорѣе накормила брата и тотъ насытившись хотѣлъ уже ѣхать еще дальше. Тутъ сестра остановила его и спросила: „куда ты такъ скоро спѣшишь?“ Мальчикъ сказалъ: „за мной гонится вуп'эри“. Сестра сказала: „постой, я дамъ тебѣ щенка, который когда нибудь пригодится тебѣ“. Братъ взялъ щенка, бросилъ его съ правой стороны лошади, говоря: пусть будетъ чутокъ слухомъ; и щенокъ, сдѣлавшись большущей и очень чуткой слухомъ собакой, побѣжалъ за нимъ. Послѣ ихъ отъѣзда спустя нѣсколько времени пробѣжалъ по этой деревнѣ и ву п'эри. Двѣнадцати-лѣтній мальчикъ опять доѣхалъ до одной дер. и заѣхалъ къ другому человѣку; тамъ была опять его сестра. Она напоила, накормила его и онъ хотѣлъ уже ѣхать, но сестра остановила его и сказала: „постой, я дамъ тебѣ щенка, который когда ни-

пэ тыртэм. Апайэз-пэ вэрам: дуктали экэ, мон тындыд кут'апи с'ото-пэ шуэм. Экээз кут'апиэз бас'тэм но-пэ куштэм-пэ вал вылис'эныз па'л'ан палез излэс' с'экыд м'эд луоз-пэ шуыса. Со кут'ап'и зэр'бад'дын пыны-пэ луэмно, пи'с'оры ворттыса-пэи кошк'эм. Сойос кошкэм-б'эр'э ок кён'а в'э улыса ву п'эр'и-нопэ ортыт'ыса кошк'эм. Даскык ар'эс п'и нош'ик ок гуртэ мыныса-п'э вуэм-но, т'ын (пг'лос') зэр' айб'ат д'ыртэ-пэ пырэм, отын улэм-пэ зима тол ортт'ытоз', н'үлэсаса в'этлыса аслэс'тызно, пыниосыз лэс' но-пэ кэдзэс тырыса. Та-пэ вылэмъ ву п'эр'илэн апайэзлэн д'ыртыз. Та пи кэдзэ-пэ тырэмно, та ву п'эр'илэн апайэз дорын, пыниоссэно - пэ с'удэмно, кошкэм-п'э пыниосыныз н'улэсаны, со сөрмыти лыктыса-пэ вуэм ву п'эри. Та ву п'эри к'эн'ыш-пэ карэ апайэныз. кыз'ы с'иом та пиэз-пэ шуыса. Апайэз-п'э в'эра: токтали-пэ шуэ, аи кайгыры, ас'м'иос шоттом солы кайла. Ву п'эри-пэ в'эра: мар

будь тебѣ пригодится. Онъ взялъ щенка и бросилъ его съ лошади на лѣвую сторону, говоря: „пускай будетъ тяжелѣе камня“ и щенокъ превратился въ большую собаку и побѣждалъ за мальчпномъ. Когда онъ уѣхалъ, немного погода пробѣжалъ и ву п'эри по деревнѣ. Мальчикъ заѣхалъ еще въ одну деревню, въ самый хорошій домъ, расположенный на самомъ краю деревни въ этомъ домѣ жила сестра ву п'эри. Когда мальчикъ наѣлся, напился у нея и накормилъ собакъ, то отправился съ собаками на охоту; когда-же они отлучились, то пробѣжалъ къ сестрѣ и ву п'эри. Ву п'эри сталъ совѣтоваться съ сестрой, какимъ образомъ съѣсть этого мальчица; сестра говорить: „постой не тужи; мы найдемъ на это средство“. Ву п'эри говорить: „какое же средство мы найдемъ на это?“ Сестра говорить: „ты садись въ печь, превратись въ пламя; когда онъ придетъ со стужи, то прямо подойдетъ

кэйла-бон шоттом солы-пә шуэ? апайэз-пә в'эра: тон гурэ пырыса пукы'ыно, отын д'жуаса пукы-пә шуэм, со кыммыса б'эртос-но, мынов гур доры шунтис'кыны-пә шуэм. Та ву п'эри оз'ы-п'э карэм. Гурэ-пә пукс'эмно тэк д'жуаса-п'э улэм. Та н'улэ-сас'лэн сак п'эл' шуон пыниэз ис'с'о б'эрас'кэмзэс кылэм но, в'эрам-пә излэс' с'экыд шуон эптэшэзлы.

Д'жыг шунды пукс'он аз'ыи, тайос б'эртикызы со изл'эс' с'экыд шуон пыны онм'эсэ выдыса кыкпол чоже погыл'л'ас'кэм-пә, отис'-пә потэмно, лым'иэ выдыса ношолло б'он'апол-пә погыл'л'ас'кэм, сәб'эрэ солэн мугорыз шау д'огынэ-п'э луэм, оз'ылуыса корка-пә пыр'эмно, в'с'акгыиэ д'жуас' гур'э пырыса-пә выдэм. Д'жуас' гурч'ы-ж-ж-ж-п'э шуэмно кысэм. Ву перилэн апайэз кырш'эм-пә сойэ ф'л'аны туртис'коэна пыны п'ин'н'оссэ поттыса р-р-р-р-пә шуыса кыл'л'эм, матэ-но-пә лэз'ымтэ сойэ. Та пи чукна-пә султэмно, пыниосыз

кэ печи обогр'ѣться, а ты тогсхватишь пламенемъ и съѣшь его. Ву п'эри такъ и сдѣлалъ, сѣлъ въ печь и горить-сидить, а собака, которая была очень чуткая слухомъ, слышала весь разговоръ и рассказала другой собакѣ, той, которая была тяжелѣе камня. Вечеромъ при закатѣ солнца охотники стали собираться домой, а собака тяжелѣе камня легла въ ключъ и стала въ ключѣ валяться, когда вышла изъ ключа, то стала опять нѣсколько разъ валяться въ снѣгу, такъ что все тѣло собаки стало совершенно, какъ ледь. Когда пришли домой и вошли въ избу, то собака тяжелѣе камня вскочила въ печь и легла туда, а огонь и пламя шипя потухли. Сестра ву п'эриэ взяла кочергу и стала гнать ее, но собака оскалила зубы и урча не пустила ее даже близко къ печки. Мальчикъ всталъ утромъ, наѣвшись и накормивъ собакъ, опять отправился съ собаками на охоту. Когда же они ушли, то

лэс'но аслэс'тызно кѳдзэс-пэ тыр'эмно, ношик-п'э кошк'ил'л'лм н'улэсаны. Сойос кошк'эмб'эрэ ву п'эр'и-пэ в'эра апайэзлы: эй апай-пэ шуэ эщѳ ѳжѳтгынэ-кэ выл'л'эвал, мон кулысал-дкр-пэ шуэ, пыниэз солэн туж с'экыт вылэм-пэ шуэ; тайэ бон кыз'ы быд-том ини апай-пэ шуэ? апай-эз-пэ в'эра: тон уал'эс лу ини-пэ шуэ, соб'эртозно, кѳдзэ тырыса от'гы из'ыны выдоз-пэ шуэм; Сойэ из'эмбэраз отис'эн с'иот-пэ шуэм, оз'ы-пэ шуэмно та ву п'эри уал'эс лумса гурвылэ-пэ выдэм. Тайос нош майтак-пэ в'этлил'л'амно, туж ывод'ан лыкэз, тырлы тыло - бурдоэз-но-пэ кутил'л'амно-пэ, джыт-лапала бэртил'л'ам-пэ. Та излэс' с'экыт шуон пыны ношик корка-пэ пыр'эмно, гурвылэ тубыса в'эс'ак-гынэ, уал'эсвылэ-п'э выдэм. Оз'ы луэм-б'эрэ тайос чукна сутил'л'амно, кѳдзэс тырыса ношик кошк'ил'л'ам н'улэсаны н'улэс-кы. Сойос кошк'эм-б'эрэ та ву п'эри, ѳжѳт-гынэ-пэ кулытэб кыл'ыса султэмно, кыр-

ву п'эри говорить сестрѳ: эхъ! сестра, еслибы собака еще по-лежала немного, то я непре-мѳнно-бы издохъ; у него она страхъ какая тяжелая; какже-теперь покончимъ его? Сестра говорить: „ты теперь превра-тись въ перину. Когда онъ вер-нется домой, то наѳвшись ля-жетъ спать прямо на перину; когда уснетъ онъ, то тог-да съѳшь его“. Послѳ этого ву п'эри превратился въ пе-рину и легъ на печь. Охот-ники, поохотившись опять до-вольно порядочное время, на-ловили много разныхъ звѳ-рей и птицъ и потомъ подѳ вечеръ возвратились домой, а собака „излэс' с'экыт“ вскочила на печь и легла на перину. По утру, наѳвшись, охотники опять отправились охотиться въ лѳсѳ. Ву п'эри, оставшись чуть живѳ, соско-чилъ съ печи, бросился на сестру и началъ ее бить, го-воря: „зачѳмъ ты меня обма-нула“ билъ, билъ ее и нако-нецъ убилъ, бросилъ ее не-извѳстно куда, а самъ спря-тался. Охотникѳ, наловивъ

шем-пә арайзә жугыны, малы монә алдат шуыса, жугәм-жугәм-но-пә, арайзә в'иыса олло кыт'гы-пә куштәм, сәбә-рә ат'из-пә уатис'кәм. Та нў-ләсас' нош туж ыно д'анлык, ыно тылобурдо-пә кутәмно б'әртемпә ношик со ву п'ер'илән арайзәлән д'ыртаз. коркапырыса ўт'ис'к'әмно, шау в'иргына-пә, отын-но (татын) татын, лўкән-лўкән кыл'л'ә-пә д'ырсиос, к'әнос өсд'ос ис'с'о пас'пә кыл'л'ә. Талән пыниосыз ок кәнсы-п'ә пыр'ил'л'амно, кыршил'л'ам-пә п'из'с'ныны- Та ву п'эр'и нушк'әмгына-п'ә лыетәмно өс с'өрти, кәносләс' өссә кал'л'ән-гына ворсаса тунгонаны-пә кыршем, соизә шөдәмно-пә та даскык ар'әс пи, вал вылаз-пә пуксәмно, ну-пә-ворттә, б'әраз ут'ис'кыса ут'ис'кыса; а ву п'әри пыниосыс замангына тунгонам-но кәнсы, эй-пә биз'ә та пи с'өры, вуооно вуонтәм-гына таз'ыик ад'д'ис'кыса-пә мына. Майтак ийти-өз кошк'әм-б'әрә, та пилән валәз жад'әмно, күз'өвзлы-пе в'әра: мон жад'и индә-пә шуә,

опять много зв'ерей и птицъ, возвратился въ домъ сестры ву п'әрия. Когда вошелъ онъ въ домъ, то увидѣлъ тамъ безпорядокъ: вездѣ кровь, тамъ и сямъ клочками валяются волосы, двери у клѣтей всѣ растворены. Собаки его зашли въ одну клѣть и стали ѣсть муку, а ву п'әри пришелъ въ это время изъ за двери, незамѣтнымъ образомъ заперъ дверь клѣти и сталь ее замыкать. Мальчикъ сейчасъ-же осѣдлалъ лошадь, сѣлъ верхомъ и давай скакать, оглядываясь назадъ, а ву п'әри, заперевъ собакъ на замокъ, скорѣе побѣжалъ за мальчикомъ и скоро сталь на виду бѣжать за нимъ. Проскакавъ сколько-то, лошадь мальчика устала и говорить мальчику; „я устала теперь, лягу на спину а ты свяжи мои ноги въ верхъ въ одну кучу и самъ встань на нихъ“. Мальчикъ связалъ у лошади ноги и потомъ всталъ на нихъ. Лошадь тутъ-же превратилась въ громадное толстое и высокое дерево; на вершинѣ

индә мон тыбыр вылам-пә шуә а тон мынәс'тым куед'осм'ә ок няти'ә кэртты но со вылэ тубыса султы-пәшуәм. Та пи валэзлэс' куед'оссә к'эрттәм-но-пә со вылэ тубыса султәм-пә.

Со вал сәбәрә зәр бад'дын, д'жужыт, зәр зөв пу-пә лү-эм; солән д'ылаз сылэм-пә та пи. Ву п'эр'и-пә лыктыса ву-эмво та бад'дын пу доры, ут'ис'к'эм-пә д'ылаз, солән самой д'ылазик пук'әпә та пи.

А! шөлма, с'ырид-ама иви-пә шуәмно кырш'әмпә пу д'ы-лэ тубыны, ок көпәкә тубәм-тубәм но пә киаз с'ис'мәм ул с'ырыса муз'зәм вылэ д'үб-пә шумса үсәм, оз'ы к'үн'пол чо-жә-пә тубәмно, к'үн'полазно д'үб шумса-пә үс'әм. Сәбәрә автык д'үдәмно-пә кошкәмпә дыр'ис'әз үт'т'аса туж кәма в'әт-лыса шөттәмпә та одик дыри-с'әз Содырис' ләс'тәм-пә та ву перилы зәр бад'дын нә-т'ыг тир. Та ву пәри дырис' доры кошкыкыз лыктәм-пә даскык арәс пи доры лудкәт' пи-пә шуә лудк'әт'лы: лудк'әт'! тон пожалуста мынәс'тым был-мә былдас'кы ал'и-пә шуәм,

его очутился мальчикъ. Когда ву п'эри прибѣжалъ къ этому дереву и увидалъ на немъ мальчика, то сказалъ: „а, попался теперь“ и полѣзъ на дерево, лѣзъ—лѣзъ, вдругъ подъ руку попалъ ему гнилой сукъ и ву п'эри сорвался на землю; такъ онъ лезилъ до трехъ разъ, и каждый разъ сваливался. Подъ конецъ вышелъ изъ терпѣнія и отправился искать кузнеца. Долго онъ искалъ, наконецъ нашель его и заставилъ его сковать большущій вострый топоръ.

Въ то время, какъ ву п'эри отлучился искать кузнеца, прискавалъ къ мальчику заяцъ. Мальчикъ говоритъ зайцу: эй, заяцъ! ты, пожалуйста, послушай меня, пооди къ моимъ собакамъ и скажи имъ, чтобы они скорѣе прибѣжали сюда, а то меня хочеть сейчасъ съѣсть ву п'эр'и. Заяцъ, услышавъ голосъ мальчика, испугался и убѣжалъ. Послѣ зайца прибѣжалъ волкъ, который тоже испугался и убѣжалъ въ лѣсъ, въ третій разъ

мыналди мынам пыниосы доры, сойос мэд лыктозывал мон дорам-пә шуэм, монә жазыр ву п'әри с'иыны тырт-тә-пә шуэм. Лудкәт' таләс' куаразә кыләмно-пә вортәм-но-пә кошк'әм. Сәбәрә лыктәмнопә к'ион, соно-пә ок кылно вәратәк кошкәм нүләскы. Күн'мәтиаз лыктәм-пә гондыр, гондырлыно оз'ыиы-пә вәраны кыршәмвыләмно сокы лыктыса вуэм-пә ву п'әр'и. Гондыр ву пәр'иәз ад'д'әмнопә, уатис'кәм-пә нүләскы. Ву пәри лыктыса-пә вуэмно, кырш'әм-пә со д'жужыт пуәз кораны. Эй-пә кора, эй-пә кора. Кораса-кораса, жад'әмнопә, выдәм-пә из'ыны. Тайә гондыр ұт'ис'кыса-пә үләмно из'әмб'әразгыне лыктыса уан' өвө ш'әл'әпзә ог интиә, лүкаса л'акәм-пә корам интиаз, сәбәрә ву п'әр'иләс' бад'д'ын тирзә. бас'тәмно, туж күд'окә нуыса зәр' бад'д'ын тыгә-пә куштәм, отис'ән кошкәм-пә пыниос доры. Пыниос доры мыныса-пә вуэмно, зөк кура-ән уаз'әм-пә: эй, сак п'әл' изләс' с'әкыд, ти татына-пә

пришелъ мѣдвѣдь. Мальчикъ началъ было говорить тоже, что говорилъ зайцу но въ это время приближалъ ву пәри. Медвѣдь, увидѣвъ ву пәри, спрятался въ лѣсу. Ву п'әр'и, какъ пришелъ къ большому дереву, тутъже началъ его рубить; рубиль, рубиль и наконецъ усталъ, легъ спать, а медвѣдь видѣлъ это и, какъ только ву п'әри заснулъ, пришелъ къ дереву, собралъ всѣ щепки въ кучу, слѣпилъ ихъ и составилъ дерево по прежнему. Послѣ этого онъ схватилъ топоръ ву пәри и унесъ его далеко, бросилъ въ большое озеро, а самъ отправился къ собакамъ. Когда онъ дошелъ до собаки, то крикнулъ толстымъ голосомъ: „эй, сак п'әл'-изләс' сәкыд, вы здѣсь чтоли?“ здѣсь —сказали собаки. „Если здѣсь-то пойдѣте скорѣе къ вашему хозяину, я отопру вамъ двери отъ клѣти“—и потомъ, сломавъ замокъ, отворилъ дверь. Собаки выскочили изъ клѣти и давай бѣжать къ своему хозяину. Ву п'әр'и толь-

шуэм? татын-пэ шул'ам пы-
ниос. Татынэ ойдола заман
күз'оды доры, мон үс'то тилэт-
лы кэнослэс' оссэ-пэ шуэм-
но, тунонэз сёрыса үс'тэмпэ.
Пыниос потил'амно-пэ кэн-
сис', ну-пэ вортто-ну-пэ ворт-
то күз'озы доры, а ву п'эр'и
совыгыяэ тирзэ вайыса кыр-
шэмвълэм кораны со бад'дын
пуэз. Пыниос лытыса-пэ ву-
ил'амно, тән'и ву п'эр'иэз,
сул-но куал кыкэз кык пала
кысканы-пэ кутис'к'ил'ам.
Гондыр тирзэ - пэ кыскыса
бас'тэмно, н'улэскы пырыса-
пэ кошкэм. Ву пэри д'алк
дүд'амно-пэ, кыз'ыкэно кыс
ташыса со тир шоттэм бад'дын
тыэ-пэ мыныса пырэм-но пид-
цаспэ пуксэм, пыниосно со
с'оры тыэ пырил'ам, пыры-
кызы огэзвэрам күз'оэзлы,
тон шуэм үт'ис'кыса улы со
тыэ д'эсли потов шыкы соты
вылэ, сокы аи уас'кы пу вы-
лис', а д'эсли вирэз потиз со-
кы уас'кы-пэ шуэм. Та пи
үт'ис'кыса-пэ улэ ок шап. ву
вылэ шау т'от' шыкы-пэ по-
тиз сэбэрэ нош окшап улыса
со ты шау виргыняэ-пэ луиз.

ко что нашелъ топоръ и со-
брался было рубить его, какъ
собаки добѣжали до него,
бросились и стали дергать
одна въ одну сторону, а дру-
гая въ другую, медвѣдь же
вырвалъ изъ рукъ ву пэри
топоръ и скрылся съ нимъ
въ лѣсу.

Ву пэри пустился бѣжать
и кое какъ дошелса до того
озера, гдѣ нашелъ топоръ, и
на днѣ спратался, собаки за
нимъ же. Входя въ озеро, одна
изъ собакъ сказала хозяину:
ты смотри на озеро: если на
поверхности появится пѣна,
то не слѣзай съ дерева, а
если вода превратится въ
кровь, слѣзай. Мальчикъ смот-
ритъ на озеро; вдругъ вся по-
верхность озера покрылась
бѣлою пѣною, а немного по-
годя вся вода въ озерѣ пре-
вратилась въ кровь. Лошадь
мальчика вдругъ очутилась
лежащей на спинѣ съ свя-
занными ногами, мальчикъ
развязалъ ихъ, лошадь вста-
ла на ноги, а собаки, убивъ
ву п'эри въ озерѣ, притащи-
ли его къ своему хозяину.

Та пилэн валэз аз'локад'ив тыбырвылав-пэ кыл'л'э пи уас'жэмно-пэ, валэзлэс' пыдзэ п'эртг'эм, валэз сэбэр'э султэм пыд д'ылаз. Пыниос в'и-ил'ламно ву п'эриэз, тыис' поттыса кўз'овы доры ванл'лам а гондыр зэр' бад'дын кбстыпуэз кораса погыртэмно вайэм-пэ пи доры. Пи со тыпуэз корамно-пэ, дас кы чаж'ж'эм ардэвнэ-пэ л'укам-но, совылэ ву п'эриэз повыса сутэм. Д'жуаса быремб'эраз п'эн'эз тблын тб латыса лэз'эмно сэбэр'э б'эртгыса кошк'эм дораз, б'эртгысыз та пыр'ам-п'э апайэз доры. Апайэз татын-пэ вылымтэ, кошкэм-пэ атай-эз доры, та пилэс' арзэ орты'тыны. Пыр'э-пэ мысэпэз доры, соизно-пы кошкэм атай-эз доры талэс' арзэ орты'тыны, отис'эн б'эртэм-пэ тав'эс'акъ дораз; азбараз пырыса-пэ вуэмно, коркас' уан' б'вбл калны тотмаса тайэ, талэн пунитаз потыса нуп'иаса кэд'ырласа пэ борка пыртил'лам. Атайэз та пилэс' зэр' шум потэм-но, п'иэвлэн б'эртэм'эзлы, н'ил'дон в'эдра сур п'онс'

Медвѣдь срубилъ большой сухой дубъ и поволокъ его мальчику, а мальчикъ нарубилъ изъ этого дуба двѣнадцать сажень дровъ, положилъ на нихъ вуп'эрия и сожегъ его вмѣстѣ съ дровами, а пепель развѣялъ по вѣтру и потомъ отправился домой. Доѣхавъ до сестры, заѣхалъ къ ней, но дома не засталъ: она уѣхала къ отцу на годины. Мальчикъ поѣхалъ къ другой сестрѣ и той не оказалась дома; она тоже уѣхала къ отцу на поминки. Поѣхалъ онъ прямо домой и вѣхалъ во дворъ; тутъ всѣ гости и семья вышли къ нему на встрѣчу и съ ласками внесли на рукахъ въ избу.

Отецъ мальчика отъ радости, что приѣхалъ сынъ благополучно, сварилъ сорокъ ведеръ пива, созвалъ гостей и сдѣлалъ большой пирь. На пирь пришелъ и медвѣдь. Цѣлую недѣлю они пировали. Послѣ, когда гостей проводили, мальчикъ съ собаками и съ медвѣдемъ сталъ ходить на охоту, наловилъ множе-

тыса, кынойос ыт'ыса туж ство звѣрей и сильно разбо-
 бад'ды'н д'уон-пэ карэм. Ду'- гатѣль.
 он-с'ион доразы тайослэнэ
 лытыса-пэ вуэм говдырно.
 Ог арн'а чож'э с'нил'лам дѣ-
 ил'лам-пэ тайос сѣбэрэ кы-
 ойссэс кэл'ал'ламно, ок к'он'а-
 вэ улыса та пипыныосыныз,
 говоыраныз кырш'эм-пэ н'у-
 лэсаны оз'ы н'уэлсаса та пи
 зар' (ыно) (ѣно) д'анлык ку-
 тыса туж байыкмыса-пэ кош-
 кэм.

Т а з д' ы р.

Улэм пэ уашкала дырр'а ок мурт, солэн вылэм кык кыш-
 ноэв. Быд'дын кышноэзлэс'
 вордис'кэм-пэ кык пи, а пок-
 т'и кышноэзлэс' ок пи гынэ,
 сово огак таз д'ыр-пэ. Та кѣн'-
 пиос вуэмб'эрэ, атайзы тай-
 ослэн кулэмпэ, атайзы кулэм-
 бэрэ та быд'дын кышнолэн
 пиосыз Таз д'ырэз апайэныз
 кыквэзэс ул'л'аса-пэ поттил'-
 лам атайзылэн д'ыртис'гыз.
 С'отил'лам-пэ солы тол'ко
 одик вуйап куалаво, одик вос-
 тэтгынэ вал. Таз д'ыр лэс'-
 тытэм-пэ со куалаэзлы укной-

Плѣшивый.

Жилъ въ старину одинъ
 человекъ, у него были двѣ
 жены; отъ старшей жены ро-
 дились два сына, а отъ млад-
 шей одинъ, да и то плѣши-
 вый. Когда сыновья выросли
 то человекъ этотъ померъ.
 По смерти отца дѣти стар-
 шей жены выгнали плѣши-
 ваго съ матерью изъ отцов-
 скаго дома и дали ему толь-
 ко одинъ старый шалашъ да
 одну плохую и тощую ло-
 шадь. Плѣшивый вдѣлалъ въ
 шалашѣ окна и сталъ тамъ
 съ матерью жить. Разъ они

ос, сѣбѣр'ѣ кырш'ѣм-пѣ отын анайѣныз улыны.

Окпол тайос мынил'лампѣ к'ун'назы н'улѣскы ѣр'дѣна кораны, быд'дын кышнолѣн п'и-осыз кыеназы корал'лам-пѣ ныналаз к'ун'ч'ажжѣм, а Таз д'ыр корам-пѣ окназ к'ун'ч'ажжѣм. Тазлѣн ыно корам'ѣзлы к'уйыса, Тазлѣс' ѣр'дѣназѣ ын н'улѣскы мыныса сутыса-пѣлѣз'ил'лам. сѣбѣрѣ чужна с'ултыса, Тазлы - пѣ мыныса вѣрал'лам: ѣк'ѣ! ѣр'дѣнадѣ тынѣс'тыдсутыл'лам-угой-пѣ шуил'лам. Таз ок кылно вѣрамтѣ сойослы тол'ко с'улмаз гынѣ-пѣ понѣм, сѣбѣрѣ ок к'он'ѣкѣ улыса Таз валзѣ-пѣ кыткѣмно, дѣд'и аз коскы пуетыса мынѣм-пѣ ѣр'дѣнаѣз доры. От'ты мыныса вуѣмно-пѣ, косѣназ ын вѣлдыса, д'жуам ѣр'дѣнаѣзлѣс' ѣгырзѣ-пѣ тыр'ѣм, сѣбѣрѣ сойѣ шобырѣямно ынѣн - но кырѣн; вылтыз кѣртты лѣм гозиян, отис'ѣн кошкѣм-пѣ с'ырсы.

Ыноѣ-пѣ мынѣм, ѣжѣта, пырѣм-пѣ та ок гуртѣ, со гуртын уан' - пѣ одив туж бай мурт, та Таз со бай доры мы-

всѣ трое вмѣстѣ отправились въ лѣсѣ дрова рубить. Дѣти старшей жены нарубилѣ въ день двое три сажени дровѣ, а плѣшивый одинѣ нарубилѣ въ день три сажени.

Братья видя, что Таз одинѣ нарубилѣ три сажени, а они двое три сажени, осердились на него, пошли ночью въ лѣсѣ и сожгли его дрова, а утромѣ пришли къ Тазу и сказали, что дрова его кто-то сожегѣ. Тазѣ ничего не сказалѣ имѣ, только затаилѣ въ сердцѣ. Спустя нѣсколько времени Таз запрегѣ въ дровни лошады, поставилѣ чуманѣ и поѣхалѣ въ лѣсѣ за дровами, доѣхалѣ, разостлалѣ въ чуманѣ пологѣ, наелалѣ его полонѣ углей отѣ сожженныхъ братьями дровѣ, закрылѣ угли пологомѣ и лубками, связалѣ сверху веревками и отправился въ путь. Многоли онѣ ѣхалѣ, малоли, доѣхалѣ до одной деревни, заѣхалѣ къ богатому человѣку. Богачѣ сталѣ спрашивать его, куда онѣ ѣдетѣ. Таз сказалѣ: ѣду въ таковой-то городѣ къ одно-

выса-пэ пырэм. Бай талэс' д'уал'д'ас'кыны - пэ кыршэм: „ыт'ты мынис'код - бон, тон таз'ыпэ шуэм?“ Таз-пэ в'эрам мон мынис'ко соч'э соч'э вара-пэ шуэм, ок бай доры, со байлы пуис'ко ок коскы алтын-пэ шуэм; тол'ко со алтынэз от'новинлыно ўт'ис'кыны ук д'ара-пэ шуэм, д'эсл'и кингынэ-кэ ўт'ис'кыз со алтынэз, алтын эгыр лунса кошкыз-пэ шуэм. Соин понна в'эра д'ал'т'иосытлы, штобы сойос медаз ут'ис'кэлэ мынам возам. Индэ пукты мыным самаур-пэ шуэм, чайэдлы көн'а алтын-кэ д'уат, сон'а с'ото-пэ шуэм но, воз дораз мыныса к'исиис'тыз кизэ поттыса, возаз тўйыса поттэм-пэ бут'то ок кырым алтын, сойэад'дытэм, сэбэрэ со байлы; тән'и ад'д'ис'кода? алтын в'эт-пэ шуэм, может быт' тон уд оскывал-пэ шуэм. Бай-пэ вэрам: „оск'ис'ко, оск'ис'ко-пэ“ шуэм, сэбэрэ пыртэм-пэ Тазэз корказ т'ай д'уыны. Таз т'ай д'уыкы бай вэрам-пэ кўзмәтт'иосызлы: „мынәләти та коскыэз со кәнсы нуыса сәргы

му богачу и везу ему ц'ф'ый чумань золота, только на это золото никому нельзя взглянуть, если кто вздумаеть взглянуть, золото тотчасъ же превратится въ уголь.

Теперь поставь мнѣ самоварь, а за чай заплачу я тебе: сколько золота попросишь, столько и отдамъ; потомъ подошелъ съ богачемъ къ возу, вынулъ руку изъ кармана, всунулъ ее въ возъ и будтобы доставъ изъ возу горсть золота показалъ ее богачу и сказалъ ему: вотъ, видишь золото, а то, можетъ быть, ты и не повѣрилъ мнѣ. Богачъ сказалъ: „вѣрю, вѣрю“, потомъ ввелъ его въ домъ чай пить. Когда Тазъ пилъ чай, богачъ вышелъ на дворъ и сказалъ работникамъ своимъ: „подите поставьте поскорѣе этотъ чумань въ ту влѣтъ, гдѣ стоитъ мой чумань, а въ замѣнъ его поставьте на дровни тотъ, который стоитъ тамъ въ углу“, а тотъ чумань былъ полонъ серебра. Работники сдѣлали такъ, какъ имъ велѣлъ хозяинъ. Таз, на-

пуктэлэ-пэ шуэм, а та коскы интиэ пуктэлэ отис' коскиэз-пэ шуэмь.

Кўзмәтт'иосыз замангыне кўз'озы косэм буйынт'а кари-л'ам-пэ, а со коскын вълэм-пэ тырәс азв'әс'. Таз т'ай ду-эмно; „д'а, таулә индә, рәхмәт с'әктам, с'удәмдылы, зор луә, бай луә, т'ай ш'оттыны т'ыр-ккэм луә“. Иммәр' сотыса м'әд улоз, с'урсән, с'уән пырыса мед улоз-пә шуыса тау кары-са-пә потәмно; д'жыгы кы-рым алтын-но-пә с'отәм сәбә-рә валзә кыткыса б'әргыса-пә кошкәм. Дораз-пә бәртгыса ву-эмно, со ок коскы азв'әс'сә куалаз гу гыд'дыса, гуә-пә пуктәм. Быд'дын кышнолән пиосыз тайә ш'одил'л'ам-но, Таз доры лытыса д'уал'л'ам: кыгис' ш'одтит экә тон ок коскы азв'әс'-пә шуил'л'ам?“ Таз-пәв'эрам: әр'дәнаэләнэгы-рәныз воштыса ваи-пә шуэм.

Тайос бәртил'л'амно, вэрал'-л'ам ог'эзлы ог'эз: ойдо ас'ми-осно сугомы әр'дәнамәс - пә шуил'л'ам, Таз ок коскыгыне әгыр нуыса, ок коскыгыне азвәс' вайәм-пә шуил'л'ам, а

пившись чаю, поблагодарилъ хозяина: „ну прощай теперь, благодарю за угощеніе, будьте дождливы, будьте богаты, чай находите бойко; чтобы Богъ воздавалъ вамъ впредь тыся-чами; сотнями чтобы приобрѣ-тали“. Поблагодаривъ хозяина дома, вышелъ на дворъ, за-прегъ лошадь, далъ хозяину полгорсти золота и поѣхалъ домой. Вернувшись Таз вы-рылъ въ шалашѣ яму и по-ставилъ туда чуманъ съ сере-бромъ. Сынвья отъ старшей жены узнали, что Таз при-везъ цѣлый чуманъ серебра пришли къ нему и спросили его: гдѣ ты братецъ нашель столько серебра? Таз сказаль я мѣняль это серебро на угли отъ сожженныхъ уменя дровъ. Братья сказали другъ другу: давай и мы сождемъ, Таз возилъ только одинъ чуманъ угольевъ и привезъ цѣлый чу-манъ серебра, а мы повеземъ два воза угольевъ и приве-земъ два воза серебра. Такъ порѣшили, поѣхали въ лѣсъ, сожгли дровъ, наелали два во-за углей и поѣхали прямо

а́с'м'нос кык воз ну́са кык въ деревню. Какъ только за-
воз азвэс' вайом-пэ шуил'лам-
но, ну́лэскы мыныса а́р'д'ава-
зэс д'жуатил'л'ам-пэ, сэбэрэ
эгырэ тырил'л'ам-пэ кык во-
зэ, отис'эн кошкил'л'ам-пэ в'э-
сак' ов гуртэ. Гуртэ-пэ пы-
рил'л'амно тайос, кыршил'л'ам-
пэ кыкназы кэс'ас'кыны: эй,
эгырэп азв'эс' кин воштэ-пэ
шуща. Тайослэс' куаразэс
кылыл'л'амно-пэ гурт'дос ку-
диз зырэц, кудиз бодиэн по-
тыса т'ан'и-пэ жугыны кыр-
шил'л'ам тайосыз, малы ти
оз'ы алдас'кыса вэтлис'коды,
кочэвис'тэмэз н'оттиды татис-
пэ шуща, к'ин тилэд эгыр-
дылы азв'эс' с'отоз-пэ шуща
жугил'л'ам, жугил'л'амно лэ-
зил'л'ам - пэ кабат доразы.
Тайос мозм'ил'л'амно, эй-пэ
вортго сэразы ўт'ис'кыса ўт'и-
с'кыса. Доразы вуил'л'амно
тайос, кэн'ыш карыны кыр-
шил'л'ам, огэс шуэ, ойдо Таз
лэс' анайэ в'иомы, малы со
ас'мэмыз алдаса жугытыз? д'а-
радоз шуэ соиз. Оз'ы, кэн'ы-
шал'л'амно тайос. Тазлэс' ок-
кыт'э'ыкэ кошкэмзэ гынэ ш'ай-
ласа улил'л'ам-пэ. Окпол з'эр'-

въ деревню. Какъ только за-
ѣхали въ деревню, то начали
вдвоемъ кричать: кто мѣня-
етъ угли на серебро? Жите-
ли же, услышавъ ихъ крикъ,
выскочили на улицу, кто съ ду-
биной, кто съ палкой, кто съ
чѣмъ попало и давай ихъ бить,
били-били ихъ и приговарива-
ли: зачѣмъ вы такъ ходите, об-
манывая людей? какого дура-
ка вы нашли здѣсь? кто вамъ
будетъ мѣнять на угли сере-
бро? Такъ побили ихъ и от-
правили обратно домой. При-
ѣхали братья домой и стали
совѣтоваться, какъ отомстить
Тазу. Одинъ изъ нихъ гово-
рить: давай убьемъ его мать.
Зачѣмъ онъ насъ обманулъ?
за что получили мы столько
побоевъ?—Все изъ за него.
Давай, говоритъ другой, и по-
рѣшили убить мать его и ста-
ли ждать случая, когда Тазъ
уйдетъ. Одинъ разъ Тазъ по-
ѣхалъ въ лѣсъ по дрова, а
дѣти отъ старшей жены узна-
ли объ этомъ, пришли къ
Тазу, завязали мать его ве-
ревкой за шею, удавили ее,
сами ушли. Въ полдень Таз

т'эб'эр куазэн Таз мынэм-пэ н'улэскы пулы, сос'аркыти тазлэн агайосыз) быд'дын кыш-нолэн пиосыз Таз доры, лыктыса Тазлэс' анайзэ, т'ыртиаз гозы кэрттыса, к'эватысапэ в'имл'ламно, ассиоспэ кошвил'лам. Лымшырдырйа Таз бэрттыса-пэ вуэмно, валзэ д'ускыса, пузэ бушатыса корказпэ пыр'эмно, д'алькпэ д'үд'ам, анайзэ-пэ кыл'лэ кулыса кэрттылэм к'үйэн.

Таз б'ордэм-б'ордэмно токтали шуэм, кулэм муртэ б'ордыса уд улд'ыты-пэ шумно, инайзэ бордис' гоziосыз п'эрт'ылэно анайзэ кутгам вил' кутэн, вылаз дис'ам в'ил' дэрэм, вил' дукэс, д'ыраз кэртэм вил' т'алма сэбэр'э к'одзэ тырыса, валзэ с'удыса, ношик валзэ-пэ кыт кэмно, дод'иаз миндэр'ос поныса анайзэ-пэ. пуктэмно д'од'иэ, шобыр'ам-пэ шубаэн-но рогоз'наэн, сэбэрэ ат'из д'од'излэн аз'аз пукс'ыса потыса-пэ кошкэм с'ырсы. Ыноа-пэ кошк'эм, өж'ота мынысапэ пырэм ок гуртэ, со гуртын уан'-пэ одик туж бай мурт. Та Таз со бай муртлэн

вернулся домой, выпрягъ лошады, опросталь возъ, вошелъ въ избу и видить: мать лежитъ мергвая, опутанная веревками. Тазъ плакаль - плакаль и говоритъ: постой, слезами не оживишь мертваго, развязаль веревки, обуль ее въ новыя лапти, надѣль ей новую рубашку, голову окуталь новымъ полотенцемъ, надѣль на нее новый кафтанъ, наѣлся, накормиль лошады, запрегъ ее въ сани, положиль подушки, посадиль туда мать, одѣль ее шубой, покрыль сверху рогожей, а самъ сѣль на козлы и поѣхаль въ путь. Много ли онъ ѣхаль, мало ли, доѣхаль до одной деревни; въ этой деревнѣ жилъ одинъ богатый человекъ. Тазъ подѣхаль къ воротамъ богача, остановиль лошады, возжи положиль въ руки матери, а самъ вошелъ въ домъ богача. У этого богача были три красавицы дочери и всѣ невѣсты. Тазъ вошелъ въ домъ, поздоровался съ богачемъ и попросиль поставить самоваръ.

капка аз'ас валзэ-пэ дуеты-
тэм-но, тлэ'бугозэ анайэз к'иэ
кутытыса атис пыр'эм-пэ бай-
лэн корказ. Та байлэнъ уан'-
пэ к'үн'нылыз, зэр'-пэ т'эб'э-
р'эс' к'үн'нэзно и к'үн'назыно
вуил'л'ам-пэ. Таз корка пы-
рэм-но к'орышэм байэн, сә-
бэр'э пуктил'л'ам Тазлы са-
маур.

Самаур вуэмб'эрэ Тазэз
пуктил'л'ам т'ай д'уыпы, ок
ык с'умук т'ай д'уэмно, Таз
шуэ: эхма, мон д'алк вунэ-
тис'к'эм'э, мынам-в'эт д'од'иын
анай уан' вал, со в'эт м'ис-
к'ин кыммыса бырыздыр, ку-
лымтэкэ д'ара вал-пэ шуэм.
Бай заман гынэ ныл'д'оссә-
пэ потгыса лэз'ис, валзэ азба-
рэ пыртэлэ-но, анайзэ корка
пыртэлэ-пэ шумса. Валзэ-пэ
азбар'э пыртил'л'ам но, бай-
лэн ныл'л'осыз, анайзэ, аб'и,
ойдо корка пыры-пэ шумса
от'ил'л'ам, анайэз от'но-пэ ук
уазы, сәбэрэ к'итиз кутыса-
пэ фут'ил'л'амно. Тазлэн анай-
эз д'алк-пэ кыммыса т'он'-
дэм, сәбэрэ корка пырил'л'ам-
но ныл'л'ос Тазлы в'эрал'лам,
анайэт кыммыса вулэм-пэ

Когда самоваръ былъ го-
товъ, по садили Таза чай пить.
Выпивъ чашки двѣ чая, Тазъ
говорить: ахма, вѣдь я сов-
сѣмъ забылъ, у меня тамъ на
санияхъ мать сидить, она чай
тамъ бѣдная совсѣмъ замер-
зла, какъ-бы не умрла. Бо-
гачъ сейчасъ же послалъ за ней
своихъ дочерей, а лошадь ве-
лѣлъ ввести во дворъ. Когда
лошадь ввели во дворъ, то до-
чери богача стали звать мать
Тазову въ домъ; она молчить,
попробовали было вести ее
за руки, но она совсѣмъ не
двигалась, окоченѣла. Дѣвки
зашли въ избу и сказали Та-
зу, что мать его умерла, за-
мерзла. Тазъ залился слеза-
ми, плавалъ плакалъ и по-
томъ сталъ приговаривать:
вотъ, кто теперь будетъ мнѣ
стряпать? кто станетъ воду
носить? во время моихъ отлу-
чекъ, кто станетъ затапливать
печку и зачѣмъ я сюда заѣ-
халъ? Богачъ сказалъ: „не-
плачь сынокъ, тебѣ Богъ
такъ велѣлъ, видно, вотъ у
меня три дѣвки и всѣ уже
невѣсты, если которая тебѣ

шуил'лам. Тазъ отыник гу- рэн бѳрдыны-пэ кыршэм, бѳр- дэм-бѳрдэм-но, д'а, индэ кин мыным шыдалоз-вуалоз? кин ву ворттоз, отг'ы-татг'ы вѳт- лыкым коркам'э кин эстыса ўт'ыса улоз-пэ шуэм, малы- гынэ тат'ты пыри-пэ шуэм? Бай-пэ в'эрам айн бѳрды п'иэ, тыныд иммѳрэд оз'ы косэм дыр-пэ шуэм, тѳя'и мынам к'ун' нылы вуэм, кудзэкэ д'а- ратис'код созэ бас'тыно нуы- пэ шуэм анайде ат'им шайэ нуыса уатыто-пэ шуэм. Таз бѳрдыса-пэ дуктэм-но, байлѳс' шорѳти нылзэ-пэ сайласа бас'- тэм, сѳбѳрѳ валзѳс'удыса анай- зѳ от'т'ы кѳл'тыса, байлѳс' шорѳти нылзѳ пукс'ыса бѳр- тыса-пэ кошкѳм. Таз дораз- пѳ б'ѳртыса вуѳмно, окшан улыса быд'дын кышнолѳн п'иосыз Таз доры лыктыса-пѳ вуил'лам, тайос ѳйпѳ ўт'ис'ко Тазлѳс' кышнозѳ, симзѳс-пѳ уг вошто шолкѳдѳр-пѳ ут'ис'- ко, ѳс'сѳс'имзылы ѳс'сиос пѳ уг оско зѳр-пѳ мотор вы- лѳм талѳн кышнозѳ. Сѳбѳрѳ д'уал'лам-пѳ Тазлѳс': ѳкѳ, тон- бон анайде кыт'т'ы кѳл'тид-

нравится, ту и возьми за се- бя, а мать твою я самъ све- зу на кладбище и заставляю тамъ зарыть въ могилу. Таз пересталъ плакать, выбралъ себѳ среднюю дочь богача, потомъ, покормивъ лошадей, посадилъ въ сани невѳсту, самъ сѳлѳ возлѳ нее и по- ѳхалъ домой а мать свою оставилъ у богача и велѳлѳ ее похоронить. Когда Таз приѳхалъ домой, то немного погода пришли къ нему дѳти старшей жены, смотрятъ на жену Таза, глазъ не сводятъ съ нее, до того она была красива. Потомъ спросили его: братецъ, ты гдѳ оставилъ свою мать? а сами думаютъ про себя: „ахъ-бы и намъ до- стать себѳ такихъ красавицъ въ жены. Таз сказалъ: мать моя была мертвая, я ее сво- зилъ въ одну дальнюю деревню, и промѳнялъ ее на эту кра- савицу жену свою, тамъ мерт- выхъ старушекъ бѳда какъ берутъ, мнѳ хотѳли дать за мою мать трехъ дѳвицъ, но я взялъ только одну. Давай и мы убьемъ свою мать, гово-

пэ шуил'л'ам? а ас'сиос эсэ-
 плало-пэ к'от пушказы ай-ай
 ас'мэлыно тач'э т'эб'эр кышно-
 мэд с'ырозвал-пэ шуыса. Таз-
 пэ шуэ, мынам анайэ кулэм-
 вал - но, сойэ окефуд'оё'ис'
 гуртэ нуыса та кышноэным
 воштыса к'эл'ти-пэ шуэм, отын
 кулэм п'эр'эс кышномуртэз
 зяр бас'то-пэ шуэм мыным
 к'ун'зэ с'отовално, мон окзэ-
 гынэ бас'ти-пэ шуэм. Озыкэ,
 ойдо ас'миосно в'иомы анай:
 мэс-пэ шуил'л'ам, д'аралоз-пэ
 шуэ огэз ас'миос муртлы-
 быдэ к'ун' ныл вайом-пэ шу-
 ил'л'амно, таз дор'ис' потыса-
 пэ кошкил'л'ам-доразы, кор-
 казы пырил'л'амно, бас'тил'-
 лам-пэ, муртлы быдэ гозы,
 сэбэрэ кыршил'л'ампэ вис'-
 тэмак анаизэс кэрттылыны,
 кэрттылил'л'ам, кэрттылил'-
 л'амно, анайзэс кэкатыса в'и-
 ил'л'ампэ. Сэбэрэ замангынэ
 вал кытк'ил'л'амно пэ анай-
 зэс д'од'иэ поныса, гозызэ
 п'эртт'ыса шобыртил'л'ам-пе
 рогоз'наэн ас'сиос пук'ил'-
 л'ам-пэ кыкназыно д'од'ы аз'э
 со к'уйэн потыса-пэ кошкил'-
 л'ам с'ырсы. Ыноа-пэ мынил'-

рить одинъ. Ладно, говорить
 другой, мы привеземъ себѣ по
 три дѣвицы. Вышли они отъ
 Таза, пошли домой, взяли по
 веревкѣ и начали связывать
 и опутывать ими свою мать.
 Вязали-вязали, удавили свою
 мать, потомъ поскорѣе за-
 прыгли лошадь, мать пово-
 локли въ сани, развязали
 опутанныя веревки, покрыли
 ее сверху рогожей а сами
 сѣли рядышкомъ на козлы и
 поѣхали въ путь. Много ли
 ѣхали они мало ли, заѣхали
 въ одну деревню. Какъ толь-
 ко заѣхали въ эту деревню,
 то начали они кричать: эй
 кто мѣняетъ красавицъ дѣ-
 вицъ на мертвыхъ старухъ.
 Сначала никто не откли-
 нулся, но когда такимъ обра-
 зомъ закричали они три ра-
 за, жители выскочили; кто
 дубиной, кто палкой а кото-
 рый и цѣпомъ принялись ихъ
 бить; били-били, потомъ про-
 водили ихъ до полевыхъ во-
 ротъ. Вырвавшись братья
 стали разговоривать между
 собою, что Таза нужно запре-
 тить въ бочку, спустить въ

л'ам', өжөтә? мынэн с'аин тырил'л'ам-пә тайос ок гуртә. Гуртә-пә пырил'л'амно тайос, ну-пә кәс'ас'ко: эй, куләм п'эрәс' кышномуртән, т'эбәр нылз кин воштә?-пә шұса, а'ло от'но-кинно уа-з'ымтә-пә, сәбәрә к'ун'м'эти уаз'әм-б'эразы, кудиз зырән-пә, кудиз бодиян а кудиз ку-тәсэн потыса тән'и тайосыз жугыны-пә кыршо, жугил'-лам-жугил'л'амно, бусы кап-к'азз поттыса ләз'ил'л'ам. Тай-ос мозмил'л'амно-пә, эй-пә кә-вышало, индә пә шуо та Та-з'әс б'әкт'әә пытдаса вуэлә-з'ом-пә шуо, озы в'эр'ас'кон с'аинь тайс кыз'ы б'эртәм-з'әс-но-пә шөдыштәзы доразы. Азбаразы пырил'л'амно-пә тай-ос валзәс-но-пә д'ускымтәзы, замангыне көдзәспә тырил'-л'амно, кошкыл'л'ампә анайзәс уаты. Уатәм-б'эрә анайзәс майтак уапун ортт'әм-пә, ту-лыс ортт'ыса гужомно-пә ву-эм тайос дассе'л'л'ампә ог-бәкт'ә, сокы Таз мынәм-пә кышноэныз одик бад'дын ву дурә турнаны. Агайосыз сойә шөдил'л'амно, буш б'әкт'әәз

воду и утопить. Пока они раз-говаривали, незамѣтили, какъ приѣхали домой. Въѣхавъ во дворъ, не выпрягая лошадь, наѣлись досыта, вышли опять надворъ и поѣхали хоронить мать. Послѣ похоронъ про-шло много времени, прошла весна, наступило лѣто, они приготовили бочку а въ то время Тазъ поѣхалъ съ же-ной къ одной большой рѣкѣ косить траву. Братья узнали объ этомъ, взяли пустую бо-чку и поѣхали къ Тазу, до ѣхали до него, связали и, за-перевъ въ бочку, отолкнули въ воду. Тазъ уплылъ въ низъ по водѣ, а братья поѣхали домой, взявъ съ собой жену Таза. Тазъ плыль, плыль и наконецъ остановился у бере-га большаго омута. У этого омута была большая краси-вая поляна, а на этой поля-нѣ пасъ табунъ лошадей лѣ-шій; ему захотѣлось пить, онъ, привязавъ лошадь къ дереву, спустился къ омуту пить и тамъ видитъ бочку, вытащилъ ее на берегъ, уда-рилъ кулакомъ по дну бочки

уробойэ поныса мынил'л'ам-пэ Таз доры, как мыныса-пэ вуил'л'амно, Тазэс кэрттылыса, б'экт'ээ пьдпаса вуэ донныса-пэ лэз'ил'л'ам. Таз кошкэм в'иаса ву к'уз'а аагайосыз, Тазлэн кышноэныз кош кил'л'ам-пэ б'эртыса доразы. Таз в'иаса кошкэм, кошкэм-но, дуетэм-пэ одик бад'дын кожлэн дураз, та кож дорын вылэм зяр' бад'дын т'эб'эр кыр, та кырын улэм-пэ валкыту воз'маса н'улэс мурт солэн д'уэмэз потэмно валэ пуборды, думыса борды, уас'кэм кож дурэ д'уыны, отис'эн ад'д'э-пэ та б'экт'ээз, сойэвыкыса-пэ поттэм, но, пьдэссэ мыжгыса-пэ сөр'эм. Таз замангыне-пэ б'экт'эис' потыса султэм, но, кутэм-пэ ц'улэс муртиэс' гад'зэ, а! пэ'шуэм, тон малы мынэсьтым сараймэ сөрит?-пэ шуэм, индэ мон тынды од'но вумэк'соты-пэ шуэм. Тон бонкын-пэ шуэм п'улэс мурт? Мон-пэ шуэм паз ву мурт, та вулэн к'уз'оэз, мон ты нэс'тыд лыктэм-дэ ад' д'и-но, соия ву дурэ лыктыса тонэ воз'маса ули-пэ шуэм, мон

и вышибь его. Тазъ живо выскочилъ изъ бочки на ноги, схватилъ лѣшаго за грудь и говоритъ: а! ты зачѣмъ разбилъ мой теремъ? теперь я тебѣ никогда не дамъ пить воду свою. А ты кто такой спрашиваетъ лѣшій. Тазъ говоритъ: я водяной, хозяинъ этой воды, я тебя видѣлъ когда ты шелъ и приблизился къ берегу, поволокъ я бы тебя съ собой въ воду, но если ты добрый человѣкъ, послушай меня, сядь въ этотъ сломанный теремъ мой, ступай на дно этого омута и найдешь такой же теремъ, какъ этотъ, который ты долженъ принести сюда, если принесешь, то мы будемъ друзья! А ты знаешь меня? спрашиваетъ лѣшій Таза. „Знаю, говоритъ Тазъ, какъ незнать пастуха. Да какъ же я влѣзу въ твой теремъ? говоритъ лѣшій. Тазъ говоритъ: „полѣзай, сядь на дно, а тамъ я знаю самъ, что дѣлать. Лѣшій сѣлъ въ бочку, а Тазъ взялъ длинный шестъ и давай его толкать въ глубь. Лѣшій гово-

тонэ тожо кыскыса пырты-сал-пэ шуэм, а дес'ли тон д'эс' мурт кэ, то мынэс'тым кылмэ кылдис'кы-пэ шуэм Таз, мын тинта мынам сѳрис'кэм сарайэным вулэн пыдцаз, отись шѳдтод тон тачеик сарай и сойэ вайод тат'гы-пэ шуэм. Вайд-кэ бон пэ шуэм, ас'м'иос туж уром луом-пэ шуэм. Бон тон монэ то-дис'код а²-пэ шуэм н'улэс мурт. Б'ай-пэ шуэм Таз, кыз'ы уд тоды кытут'иэз, тодис'ко-пэ шуэм. „Бон мон кыз'ы пукс'ом тынадсарайад²-пэ шуэм н'улэс мурт“. Ойдо пырыно, пыдцаз пуксы пэ шуэм таз, мон ат'им д'ѳнзэ ш'ѳтто-пэ шуэм кыз'ы карыны. Н'улэс-мурт пырыса-пэ пукс'эм. Таз к'уз' пуч-пэ бас'тэмно, эй-пэ донн'э н'улэс муртэз муриназ. Т'ыу! кыт'гы монэ донгискот? пэ шуэ н'улэс мурт. Ойдо ат'им тодис'ко-пэ шуэ таз. Б'экт'э ву шоры-пэ вуэмно, ву портонэ ут'ыраса ву пыдцы бэргаса пырыса-пэ кошкэм. Таз н'улэс муртиэс'куз' с'улозэ бас'тэм-но, солэн валэз-вылэ пукс'эмно, с'у-

рить: „полно, куда ты меня такъ толкаешь? Таз говоритъ: „сиди, я самъ знаю, что дѣлаю“. Бочка тѣмъ временемъ доплыла до середины омута, угодила на водоворотъ и опустилась на дно. Таз взялъ у лѣшаго длинный вьнутъ, сѣлъ на его лошаадь, щельнулъ вьнутомъ, свиснулъ и погналъ весь табунъ лошадей домой. Много онъ ѣхалъ и наконецъ доѣхалъ, отворилъ ворота, загналъ во дворъ весь табунъ лошадей, а самъ тотчасъ же отправился къ сыновьямъ старшей жены и сказалъ имъ: „здорово-ли живете братья?“ здорово—отвѣтили братья. Ну такъ идите скорѣе на то самое мѣсто, гдѣ вы пустили меня въ рѣку; тамъ на двѣ той рѣки страсть сколько лошадей, да разной масти и какія хорошія да жирныя, я такихъ лошадей отъ роду невидывалъ; вонъ смотрите ка, я сколько ихъ пригналъ, хотя было ловить ихъ трудно одному, а вы двое сколько ихъ паловите,—въ четверо больше моего! Теперь еще легче ихъ ловить-

лозэ шал'е карыса шолтыса лэз'эм, уан' ђвѡл (валд'о) вал'лийсы дораз ул'л'аса б'эртыса кошкэм. Туж ыно мыныса, Таз дораз вуыса капказэ ўс'тыса уан' ђвѡл валзэ азбараз-пэ пыртэмно, мынэм-пэ быд'дын кышнолэн п'иосыз доры. Д'эт' улис'кыды а ал'и агаиос-пэ шуэм, д'эт' ал'ипэ шуил'лам агайосыз, оз'ыкэ мынэлэ замангэс, со, монэ вуэ лэз'эм иятиады, а отын, со ву пыдцын уш-дыно кошкыз шол кѡдѡр' ыно вал'л'ѡс, ис'с'о тырлы тўссэм'эс', ас'сиос зѡр' к'ѡйэс-но, зѡр' мотор'эс'. соч'э вал'л'ѡсыз мон вордис'к'эм тырис'-но угна ад'дына-пэ шуэм. Тини ад'д'элэ-пэ шуэм, мон мармында вай-пэ шуэм кот' огнамлы кутыны туж шук-кэно вал-пэ шуэм, а ти кыкнады уй-уй! мармында кутоды-пэ шуэм мынэс'тым н'ил' артык вай оды-пэ шуэм, а индэ уката асат сойосыз д'ѡ улис' кутыны-пэ шуэм, отис' сойос от'но уз кошкэ-пэ шуэм только кутэмдэс гыны тодэлэ. Агайосыз потыса-пэ ўт'ис'кил'

теперь зима и онѣ изъ подо льда никуда не убѣгутъ, знай, те только ловите. Братья вышли, посмотрѣли у Таза лошадей, взяли поузды и топоръ, отправились на то самое мѣсто, гдѣ, хотѣли утопить Таза; тамъ они вырубилы большую прорубь для того, чтобы можно было вытаскивать большихъ лошадей, потомъ который похрабѣ прыгнулъ въ прорубь и булькая уплылъ подъ ледъ. Тотъ, который остался у проруби, проводилъ его словами: айда, ладно и саврасыя. Долго онъ ждалъ у проруби, потомъ говорить: „эхъ, вѣдь такъ не ладно, онъ, чай, одинъ не можетъ ихъ ловить, надо за нимъ идти“. Съ этими словами прыгнулъ самъ въ прорубь и также булькая уплылъ въ подъ ледъ. А Таз перешелъ въ домъ отца со своими лошалями и съ однимъ чуманомъ серебра и сталъ торговать и живетъ очень богато.

л'ам но Тазлэс' валл'ассэ, мур-
тлы-быдэ с'эर्म'эд бас'тыса,
тир бас'тыса кошкил'л'ам-пэ
Тазээ вуэ лэз'эм ингназы.
Мыныса-пэ вуил'л'ам но, тайос
зәр' бад'дынъ л'укмэс-пэ ұс-
тил'л'ам што-бы бад'дын вал-
л'ос тэрымон сэбэрэ с'улмо-
эзгэс тэт'т'эм люкмэсэ-быр-
лы — саврасая бырлы-бырлы-
пэ шуыса д'о улэ пырыса-
пэ кошкэм, ойдо бырлы-кэно
д'аралоз-пэ шуэ л'укмэс ду-
рэ кыл'эмэз. Собэрэ воз'мам,
воз'мам-но пэ эй-пэ, шуэ та,
таз'ы улыса уг д'ара, вэт со
огназ кутыны ук бугатыдыр-
пэ шуэм но, тэт'т'эм-пэ л'ук-
мэсэ соиз-но бырлы-бырлы-
пэ шуыса д'о улэ в'иаса-пэ
кошкэм, а Таз аликэно, со
валл'осыныз ог коскы азв'эс'э-
ныз атайэзләнъ д'ыртаз пы-
рыса, вуз карыса байыкмыса-
пэ улэ.

(Записаны по нашему поручению учителемъ Старо - Вараж-
скаго училища Г. А. Аптievымъ).

№ 1.

У одного царя были три дочери. Пошли онѣ разъ погулять на поляну. Вдругъ налетѣла сильная туча и старшая дочь пропала. Пришли двѣ дѣвушки домой и говорятъ отцу: нашу старшую сестру утащилъ (нуизъ) Тылъ-пѣри. На другой день сестры опять пошли на ту же поляну; опять налетѣлъ вихрь и Тылъ пѣри похитилъ среднюю купеческую дочь. Младшая пришла одна къ отцу и сказала ему, что сестру унесло вихремъ. Проходитъ нѣсколько времени; младшая дочь купца идетъ одна искать сестеръ, но Тылъ-пѣри уноситъ и ее. Купецъ нанимаетъ солдатъ искать своихъ дочерей. Вотъ одинъ солдатъ говорить: я наймусь; денегъ мнѣ не нужно, а нужны кожи отъ 12 быковъ. Царь далъ все, что нужно было солдату. Солдатъ взвалилъ кожи на плечи и пошелъ. Шель, шель и дошелъ да дыры въ землѣ (музьемъ паз'е). Тутъ онъ разрѣзалъ кожи, связалъ ремни и спустился въ дыру. Спустился и видитъ домъ (сарай). Въ этомъ домѣ сидитъ старшая дочь царя и спрашиваетъ солдата: куда идешь? Солдатъ говорить: „зачѣмъ спрашиваешь; скажи: зайди, поѣшь и иди своей дорогой“. Царская дочь послушалась солдата и пригласила его. Солдатъ зашелъ, попилъ, поѣлъ и говорятъ: я васъ ищу. Царская дочь говорить: моя сестра живетъ въ такой-то деревнѣ (домѣ)? у такого-то пѣри. Дошелъ солдатъ до средней дочери. Она спрашиваетъ тоже, что и старшая. Онъ ей тоже отвѣчаетъ. Напоила, накор-

мила средняя царская дочь солдата и говорить ему: младшая сестра наша живетъ у пэри въ той деревнѣ, въ серебряномъ домѣ. Когда ты пойдешь къ ней, встрѣтишь на дорогѣ большую воду (рѣку). На берегу этой рѣки увидишь избушку. Въ ней живетъ старуха, зайти къ ней. Пошелъ солдатъ и встрѣтилъ на дорогѣ падаль. На падали сидятъ два ворона и теребятъ мясо; мясо плохо отстаетъ и вороны выбиваются изъ силъ. Вынулъ солдатъ ножикъ, нарѣзалъ падали кусками и накормилъ вороновъ. Потомъ пошелъ дальше. Шель, шель дошелъ до рѣчки, вымылъ руки. Потомъ дошелъ до большой рѣки, искалъ лодку, чтобы переправиться, нашель и добрался до старухи. Старуха говоритъ солдату: съѣла бы я тебя, да за тобой много эггелык'а. Ты ищешь царскую дочь. Она живетъ у пэри. Я дамъ тебѣ лошадь съ 12 крыльями и плеть; бей лошадь этой плетью по правому боку до тѣхъ поръ, пока не брызнетъ кровь. Лошадь довезетъ тебя до серебрянаго дома, у котораго на лицевой сторонѣ 13 оконъ. Около 13-го окна живетъ самъ пэри. Съѣлъ солдатъ на лошадь, ударилъ ее плетью; брызнула кровь и лошадь скакнула черезъ двѣнадцати саженный плетень. Доскакалъ солдатъ до серебрянаго дома, отпустилъ лошадь, а самъ остался. Увидала его царская дочь и говорить: напрасно ты пришелъ, солдатъ; мой мужъ царь пэриевъ (пэри-лэнъ окс'ей) и съѣстъ тебя, если увидитъ. Онъ вернется черезъ три часа и начнетъ съ тобой бороться. Переборешь-ли ты его? Солдатъ говоритъ; напои меня, я пить больно захотѣлъ. Царская дочь дала ему ложку воды. Выпилъ солдатъ. Царевна говоритъ ему: вотъ 12-ти пудовой стулъ изъ чугуна; поднимешь-ли его? Солдатъ чуть пошевелилъ стулъ. Царевна дала ему еще двѣ ложки и солдатъ сталъ приподнимать стулъ. Въ это время прилетѣлъ въ облакѣ пэри. Услыхавъ человѣческой духъ, онъ спраши-

ваеѣ царевну, что за человекъ тутъ. Солдатъ, пришелъ за мной—говорить царевна. Гдѣ онъ?—За швафомъ. Пѣри попросилъ пить; царевна дала ему ложку; пѣри сейчасъ-же вступилъ въ борьбу съ солдатомъ, но не могъ съ нимъ сладить. Солдатъ поднялъ пѣри на воздухъ и бросилъ о земь. Пѣри по колѣна увязъ въ землю. Вытащилъ его солдатъ, бросилъ еще, пѣри ушелъ по поясъ, но бороться не перестаетъ. Попросили оба у царевны пить. Царевна дала пѣри одной воды, а солдату другой. Выпили и стали опять бороться. Солдатъ бросилъ пѣри на землю и тотъ ушелъ по грудь. Царевна говоритъ тогда мужу: солдатъ сильнѣе тебя. Потомъ она достала 12 цѣпей сковала ему руки, ноги и шею и бросила за перегородку. Солдатъ взялъ царевну и повелъ ее съ собой. Дошли до большей воды. Солдатъ ударилъ по водѣ плетью и вода разступилась. Перешли солдатъ съ царевной рѣку и дошли до средней сестры. Солдатъ вступилъ въ борьбу съ ея пѣриемъ и забилъ его совсѣмъ въ землю. Захвативши среднюю царевну, пошли къ старшей. Солдатъ опять вступилъ въ борьбу съ пѣри и также забилъ его въ землю. Взялъ онъ потомъ старшую царевну и пошелъ къ выходу. Выпустилъ сначала старшую царевну за ней среднюю, потомъ младшую и велѣлъ имъ себя поднимать. Царевны подняли солдата до половины, потомъ обрубали ремни и солдатъ упалъ въ яму. Царевны ушли потомъ домой съ человекомъ, который стоялъ на верху. Солдатъ лежитъ въ ямѣ и плачетъ. Увидали его воронъ и ворона, спросили, о чемъ онъ плачетъ и рѣшили ему помочь. Онъ насъ накормилъ—вытащимъ его, сказали онѣ. Воронъ велѣлъ солдату взяться руками за его лапы, а ворона—упереться ей ногами въ спину. Такъ вдвоемъ птицы вытащили солдата на землю. Въ это время купецъ успѣлъ уже выдать старшую дочь за человека, котораго сестры нашли

наверху. Солдатъ сказалъ купцу, что это онъ спасъ его дочерей. Купецъ прогналъ обманщика, а старшую дочь выдалъ за солдата и сдѣлалъ его своимъ главнымъ прикащикомъ.

№ 2.

Вернулся со службы одинъ солдатъ. Разъ вздумалъ онъ попросить у жены денегъ, чтобы сходить на базаръ. Жена денегъ не дала и сама ушла въ сосѣди. Солдатъ взялъ деньги своей волей и ушелъ такъ на базаръ. На базарѣ онъ купилъ ружье, дробь, пороху. Вернулся домой и пошелъ въ лѣсъ на охоту. Ходилъ—ходилъ по лѣсу и видитъ на деревѣ птицу въ родѣ глухаря. Солдатъ прицѣлился, чтобы подстрѣлить ее. Но птица говоритъ ему человѣческимъ голосомъ. „Постой, не стрѣлай меня; лучше влѣзь на дерево и достань меня рукой“. Солдатъ послушался, влѣзь на дерево, досталъ птицу и принесъ домой. На дворѣ у него стояли деревья—береза, ель и дубъ. Солдатъ пустилъ птицу на эти деревья и говоритъ женѣ—корми ее, а я опять пойду на охоту. Птица свила гнѣздо и стала нести яйца. Снесла одно яйцо. Солдатка достала его и унесла продавать на базаръ. Встрѣчаетъ ее на базарѣ купецъ и спрашиваетъ „чего ты принесла продавать?“—яйцо. Что стоитъ? Мѣшокъ денегъ. Купецъ далъ деньги и унесъ яйцо; черезъ недѣлю птица снесла новое яйцо опять солдатка пошла на базаръ продавать; встрѣтила того-же купца, и продала ему яйцо, но взяла уже два мѣшка денегъ. Прошла еще недѣля. Птица снесла третье яйцо. Солдатка сходила съ нимъ на базаръ и продала тому же купцу. Теперь купецъ говоритъ бабѣ: я приѣду къ вамъ посмотрѣть птицу: ты приготовь мнѣ угощенье. Прошло немного времени, приѣхалъ купецъ къ солдату. Его нѣтъ дома. Попилъ, поѣлъ онъ и

говорить: ну дайте мнѣ взглянуть на птицу. Слазилъ кѹна дерево, посмотрѣлъ и говоритъ солдаткѣ: „кто съѣстъ у этой птицы голову, тотъ будетъ царь, а кто съѣстъ сердце, будетъ „санать“. Я приѣду къ тебѣ въ другой разъ, ты свари голову и сердце этой птицы, съѣдимъ это и я буду царемъ, а ты будешь санать“. Потомъ купецъ уѣхалъ. А у солдата было два сына, которые учились въ училищѣ, и былъ еще работникъ. Работникъ слышалъ, что говорилъ купецъ и, когда мальчики пришли изъ училища, онъ отдалъ имъ голову и сердце зарѣзанной птицы. Мальчики съѣли и опять пошли въ училище. Въ это время приѣзжаетъ купецъ. Гдѣ голова и сердце птицы? Дѣти съѣли, говоритъ солдатка. Купецъ призадумался и говоритъ: нужно позвать ребятъ и зарѣзать ихъ, когда мы ихъ съѣдимъ, мы все таки будетъ царемъ и санатомъ. Солдатка согласилась, велѣла работнику зарѣзать мальчиковъ, когда они придутъ изъ училища. У работника была жена. Когда работникъ сѣздалъ ей, что велить сдѣлать хозяйка, жена говоритъ ему: зачѣмъ ты будешь кормить ихъ дѣтьми? зарѣжь двухъ щенковъ, пусть съѣдятъ. Солдатъ такъ и сдѣлалъ. Купецъ съ солдаткой съѣли двухъ щенковъ и порѣшили, что одинъ изъ нихъ будетъ царь, а другой санать. Только что поѣли купецъ съ солдаткой, приходитъ съ охоты солдатъ и видитъ, что жена сидитъ пригорюнившись. Что пригорюнилась? — Какъ не пригорюниться, отвѣчаетъ жена наши дѣти утонули и мы ихъ уже схоронили. Погоревалъ солдатъ. Тутъ входитъ работникъ и говоритъ хозяину: мой срокъ вышелъ, давай мнѣ расчетъ. Солдатъ велить работнику взять любой тарантасъ, запретъ любую лошадь. „Возьми что хочешь; у меня нѣтъ теперъ дѣтей“. Работникъ собрался, завернулъ мальчиковъ въ войлокъ и взялъ ихъ съ собою. Доѣхали до перекрестка трехъ дорогъ. Работникъ вытащилъ мальчиковъ и

говорить „идите, по какой хотите, дорогѣ“. Мальчики выбрали одну дорогу и побѣжали. Добѣжали до базарной деревни. Стали ходить по базару и подходить къ купцу. Откуда вы-спрашиваетъ ихъ купецъ. Сами не знаемъ. Купецъ взялъ ихъ къ себѣ въ сыновья. Стали они у него жить. Вотъ приходитъ царскій праздникъ. Царь созвалъ купцевъ и сталъ ихъ угощать. За угощеніемъ купцы стали хвалиться предъ царемъ—кто сыновьями, кто дочерьми, кто лошадьми, кто другой скотиной. Купецъ, который принялъ мальчиковъ, говоритъ: „что вы хвастаетесь? Вотъ у меня такъ сыновья—во лбу солнце, въ затылкѣ мѣсяцъ“. Царь удивился и просить купца привести мальчиковъ. Купецъ говоритъ, что его дѣти приѣдутъ только тогда, когда царь пошлетъ за ними лучшія повозки и 2-хъ своихъ дочерей, чтобы они снимали ихъ и садили. Царь согласился. Привозятъ мальчиковъ. Царь выходитъ посмотрѣть ихъ—дѣйствительно: спереди солнце, сзади мѣсяцъ. Отъ удивленія царь упалъ на землю, сломалъ ногу и умеръ. Набольшіе (ба д з и н й о с, на с' и л й о с) начинаютъ выбирать (с а л а н ы) царя. Выпустили на воздухъ ястреба и рѣшили, на кого сядетъ ястребъ, тому быть царемъ. Ястребъ, спустился и сѣлъ на одного изъ солдатскихъ дѣтей. Набольшіе говорятъ, что ястребъ сѣлъ не ладно. Снова пустили его на воздухъ; снова ястребъ сѣлъ на солдатскаго сына. Такъ гадали до трехъ разъ; ястребъ все спускался на одного мальчика. Набольшіе рѣшили сдѣлать его царемъ. Другой мальчикъ сталъ теперь санатомъ. Старшаго потомъ женили на старшей дочери царя; младшаго на средней. Мальчики сначала очень занимались своими женами, потомъ заскучали.

Что вы больно не веселы стали, спрашиваютъ ихъ жены—„у насъ есть отецъ и мать: о нихъ тоскуемъ. Охота къ нимъ съѣздить“. Жены отпускаютъ ихъ и каждая да-

еть своему мужу по 12 возовъ разныхъ товаровъ и по 12 приказчиковъ. Доѣхали мальчики до своей деревни и попросились къ чужому человѣку на квартиру. Человѣкъ этотъ говорить у меня тѣсно; ступайте къ богатому Лементій—солдату. Подѣхали къ солдатскому дому. Солдатъ принялъ ихъ; товары заперли въ амбаръ. Солдатка говорить: нужно позвать гостей“. Позвали знакомыхъ купцовъ и начали пировать, стали рассказывать разные рассказы. Дошелъ чередъ до мальчиковъ. Они говорятъ: будемъ и мы рассказывать, только насъ не перебивайте“. Всѣ общались. Мальчики стали рассказывать, какъ когда-то жилъ Лементій солдатъ, у котораго было два сына, какъ пріѣхалъ разъ къ солдаткѣ купецъ и уговорилъ ее зарѣзать и съѣсть дѣтей, какъ спасъ этихъ мальчиковъ работнигъ. Кончили рассказывать и говорятъ: „вотъ, Лементій, мы твои дѣти; мать насъ чуть не погубила“. Потомъ спрашиваютъ мать. „Чего ты хочешь: 12 сажень дровъ или кобылу въ 12 обхватовъ. Солдатка говорить: „мнѣ ладно и дровъ; буду топить въ холодъ избу“. Ладно, говорятъ дѣти: ты насъ хотѣла съѣсть; мы дадимъ тебѣ 12 сажень дровъ, а отца возьмемъ съ собой. Вывели мать на дворъ, показать дрова—бросили ее на нихъ и сожгли; отца взяли съ собой, а работника сдѣлали купцомъ.

№ 3.

Ходить по базару нищій. Увидалъ царь, велѣлъ схватить его, запереть въ амбаръ и дать ему работу. Дайте, говорить онъ слугамъ, возъ березовыхъ полѣнъ; пусть онъ изъ нихъ натешетъ мнѣ стрѣлъ. У царя былъ маленькій сынъ. Ходилъ этотъ мальчикъ по двору и стрѣлялъ изъ лука. Вдругъ стрѣла попала въ амбаръ, гдѣ былъ запертъ нищій. Царевичъ просить нищаго: подай мнѣ ее.

Отопри, говоритъ нищій, отдамъ всѣ стрѣлы, которыя надѣлалъ. Ключа нѣтъ, говоритъ царевичъ. Онъ у матери, а мать спитъ. Сходи, вытаци—велитъ нищій. Царевичъ послушался, вытацилъ у матери ключъ, выпустилъ нищаго и забралъ себѣ всѣ стрѣлы. Проходитъ нѣкоторое время. Царь посылаетъ солдата въ амбаръ: узнай, не умеръ-ли нищій съ голоду; если умеръ—собери кости и схорони. Пришелъ солдатъ въ амбаръ; ищетъ—нѣтъ ни нищаго, ни стрѣлъ. Куда дѣвался нищій? Царь всѣхъ спрашиваетъ и наконецъ приходитъ къ одной старухѣ. Старуха говоритъ ему: „отпустилъ твой сынъ“. Царь пришелъ домой, посадилъ сына въ повозку и отправилъ его съ кучеромъ въ чужую землю. Вывезъ царевича кучеръ и говоритъ ему; тебя въ такой одеждѣ убьютъ; давай переѣнимся: ты надѣнь мою, я твою. Такъ и сдѣлали. Доѣхали до другаго царства. Подѣхали къ дому царя. Кучеръ говоритъ царю: у меня есть чудный кучеръ: пошлите его пасти сто коровъ; онъ пригонитъ двѣсти. Царь удивился и послалъ на пробу сто коровъ. Вышелъ мальчикъ въ поле и плачетъ. Вдругъ передъ нимъ явился старикъ. Что плачешь?—Такъ и такъ: послали пасти сто коровъ, нужно привести двѣсти. Пойдемъ ко мнѣ—говоритъ старикъ. Привелъ къ себѣ мальчика велѣлъ старшей дочери накормить его. Старшая дочь накормила и дала на прощанье мальчику коровій рогъ. Затруби въ него, говоритъ, и явится триста солдатъ; поиграй съ ними, потомъ вели имъ пригнать еще сто коровъ. Послушался мальчикъ стариковой дочери и пригналъ двѣсти коровъ. Царь подивился и велѣлъ положить мальчика спать на псарню (пыны—сарай). Помѣстился царевичъ въ псарнѣ, затрубилъ въ рогъ и псарня обратилась въ дворецъ, украшенный золотомъ и серебромъ. Затрубилъ мальчикъ еще разъ въ рогъ, явилось триста солдатъ и мальчикъ началъ съ ними играть. Царская сноха съ золовкой

помотрѣли случайно въ окно, видятъ чудо и бѣгутъ къ отцу. Отецъ! наша псарня сдѣлалась золотымъ дворцемъ, въ немъ солдаты, одѣтые въ золото и серебро, и ихъ обучаетъ пастухъ. Царь не повѣрилъ имъ. Пришло утро. Дали мальчику 300 лошадей и велѣли привести 400. Погналъ мальчикъ лошадей, а самъ плачетъ. Явился опять старикъ и повелъ его къ себѣ. Старикова дочь накормила его и дала ему на дорогу ящичекъ (тартыма). Открылъ мальчикъ ящичекъ; изъ нея выскочило 500 солдатъ, одежда и обувь для него самаго. Поигралъ пастухъ съ солдатами и пригналъ 400 лошадей. Царь тѣмъ временемъ выдалъ за кучера меньшую дочь. Потомъ царь захворалъ и ничѣмъ его не могли вылечить. Вотъ одинъ ворожецъ говоритъ царю—нужно достать ак-кыйыкъ и поѣсть его мяса. Послалъ царь старшаго и средняго зятя искать ак-кыйыкъ. Искали—искали не нашли. Кучеръ говоритъ про мальчика: „вотъ онъ найдетъ“. Послали мальчика. Онъ походилъ, походилъ, нашелъ ак-кыйыкъ, убилъ его и началъ потрошить. Тутъ подошли къ нему царскіе зятя и говорятъ: продай намъ ак-кыйыка. Ладно. Что возьмешь? отрѣжь большой палецъ. Старшій зять отрѣзалъ. Продай и мнѣ, говоритъ средній зять. Продамъ, дай вырѣзать ремень изъ спины. Средній зять согласился. Царевичъ вырѣзалъ изъ его спины ремень, а онъ взялъ мясо ал-кыйыка. Принесли зятя мясо и говорятъ—купили у пастуха. Царь призываетъ меньшаго зятя и спрашиваетъ: „ты продавалъ мясо“?—Продавалъ. „За какую цѣну“?—У одного взялъ большой палецъ, у другаго кожу со спины“. Призвалъ царь зятьевъ и видитъ, что у одного нѣтъ пальца, а у другаго вырѣзанъ ремень изъ спины. Разсердился царь, а тутъ пастухъ говоритъ про старшаго зятя—кучера—онъ вовсе не царевичъ, а кучеръ; онъ надѣлъ мою одежду и обманулъ васъ. Тутъ царь выгналъ кучера, а царевича оставилъ у себя.

№ 4.

У одного человѣка была беременная жена. Пошелъ онъ какъ-то въ луга посмотрѣть лошадей, захотѣлъ пить, подошелъ къ рѣчкѣ, прилегъ и началъ пить. Ву-муртъ ухватилъ его за бороду и не пускаетъ. „Пусти—просить его человѣкъ—возьми у меня, что хочешь“. „Отдай мнѣ Гаибдага—такъ отпущу“. „Какого Гаибдага?“—Развѣ не знаешь: твоя жена родить ребенка; вотъ и отдай мнѣ его“. Человѣкъ согласился; Ву-муртъ отпустилъ его. Прошло не много времени и баба родила близнецовъ—сына и дочь. Ву-муртъ тутъ, какъ тутъ. Стучить въ ворота, просить впустить и выдать ребенка. Человѣкъ не пускаетъ. Ву-муртъ разсердился пошелъ звать двѣнадцатикрылыхъ Дау-пѣри. Одинъ Дау-пѣри пошелъ съ Ву-муртомъ разбилъ ворота и унесъ у мужика близнецовъ. Дау-пѣри посадилъ ихъ въ себѣ на спину и легъ съ ними три дня и три ночи. Усталъ, спустился отдохнуть и уснулъ. Дѣти остались одни и начали плакать. Вдругъ къ нимъ подходитъ быкъ съ полотенцемъ на рогахъ и говоритъ имъ „садитесь на меня, я васъ увезу“. Дѣти сѣли и быкъ помчалъ ихъ. Бѣжалъ-бѣжалъ и добѣжалъ до большой рѣки; дѣти бросили въ нее полотенце и сдѣлался мостъ, Перебѣжалъ быкъ рѣку и велѣлъ взять дѣтямъ полотенце взять съ собой. Тѣмъ временемъ Дау-пѣри проснулся, замѣтилъ пропажу и бросился за дѣтьми. Скоро долетѣлъ онъ до большой рѣки, —но тутъ у него выпало изъ крыльевъ два пера и онъ не могъ перебраться черезъ рѣку, а быкъ благополучно добѣжалъ съ дѣтьми до ихъ родителей. Родители взяли его къ себѣ на дворъ и стали кормить.

№ 5.

Познакомится человѣкъ съ Палэсъ-муртами и ходить съ нимъ вмѣстѣ лѣсовать. Разъ проходили они до вечера

и легли въ лѣсу спать. „Ты какъ спишь?“ спрашиваетъ Палесь-муртъ человѣка. „Я сплю какъ чурбанъ — говорить тотъ — а ты какъ?“ „А я когда сплю, такъ у меня изо рта дымъ идетъ“. Человѣкъ заранѣе приготовилъ чурбанъ накрылъ его своей одеждой, а самъ потихоньку выбрался. Прошло немного времени; всталъ Палесь-муртъ, раскалилъ желѣзо, протянулъ чурбанъ и улегся спать. Скоро человѣкъ увидалъ, что Палесь-муртъ уснулъ: изо рта у него повалилъ дымъ. Подошелъ онъ къ Палесь-мурту, увидалъ изъ подъ плеча легкія и печенки и вырвалъ ихъ съ одной стороны. Палесь-муртъ проснулся и просить вырвать другое легкое — но человѣкъ не согласился. Пошелъ этотъ человѣкъ въ другой разъ въ лѣсъ и другаго встрѣчаетъ Палесь-мурта. Давай играть говорить тотъ. Ладно, говорить мужикъ; будемъ расщепывать деревья и совать въ нихъ руки. Ты начинай. Мужикъ расщепалъ дерево, Палесь-муртъ сунулъ въ щель свою единственную руку, мужикъ отпустилъ половину дерева, защемилъ Палесь-мурта и самъ убѣжалъ. Палесь-муртъ поднялъ крикъ, сбѣжались другіе Палесь-мурты и насилу высвободили его.

Вотскія языческія имена изъ переписной книги 1676 г.

Абыл-ко.	Баймузак(ч)-ко.	Будяк овъ.
Адай.	Байсар-ко.	Бун(п?)я-инъ).
Адег-овъ.	Байсеит-ко.	Бутай.
Адс я-ка.	Балтач(к)-ко.	Возис-овъ.
Азман-ко.	Балыш-ко.	Гайа-(инъ).
Акеуз-овъ.	Баляс-ко.	Гап-ка.
Алыш ко.	Бардычъ.	Дерыг(ж)-ко.
Амазык(ч)-ко.	Бегей-ко.	Дзяй.
Анбай.	Бегеней-ко.	Дусменей-ко.
Апак(ч)-ко.	Бегиш-ко.	Дъзюзя-(инъ).
Асанъ.	Безек-овъ.	Дъзюй-ка.
Аслег-овъ.	Бердыш-ко.	Дъзьяп(н?)ай.
Асыл-ко.	Берендей-ко.	Дюзюкъ.
Бажен-ко.	Бигра(инъ).	Едычъ.
Бай(евъ).	Бій.	Елхозя(инъ).
Баймамет-ко.	Бозя(ька).	Елсупа-(инъ).
Баимъ.	Буда-(и)нъ.	Есеней-ко.

Ешим-ко.	Кельда(ька).	Ожмег-овъ.
Ешкет-овъ.	Кендяк(ч)-ко.	Пагладъ.
Завьял-ко.	Кибя(инъ).	Паглазъ.
Замет-ко.	Кидек(ч)-ко.	Пагесъ.
Зезянъ.	Каванкуз-ко.	Пегеней.
Зевкильдей-ка.	Котег-овъ.	Падем-ко.
Зепбек-овъ.	Кудяк-овъ.	П рш-ка.
Зумегъ.	Кузеш-евъ.	Пидег(ш)-ко.
Зюмя-(инъ).	Кулыш-ко.	Пизвег-овъ.
Зян-ка.	Куля-(инъ).	Пислег-овъ.
Зяниг-овъ.	Кунай.	Покчанъ.
Зянкандей.	Курбаш-ко.	Покчимурт-овъ.
Идег-овъ.	Кучюгъ.	Пора-(инъ).
Идей-ко.	Куштак-овъ.	Новиь(ч)-ко.
Иманей-ко.	Кынег-овъ.	Посник(ч)-ко.
Имыр-ко.	Люка-(инъ).	Посег-овъ.
Ирей-ко.	Люля-(инъ).	Поспек(ч)-ко.
Ирек(ч)-ко.	Мал-ко.	Поткей-евъ.
Италмасъ.	Манкей-ко.	Почашъ.
Итег(ж)-ко.	Мантей.	Поч-инъ.
Иштиреч-ко.	Марданъ.	Почиш-евъ.
Кадрек(ч)-ко.	Мемей-ко.	Пунг-инъ.
Кайсы-(инъ).	Мир-ко.	Пурьс-ко.
Канкердей.	Муен-овъ.	Пыбан-ко.
Кар-ка.	Мушегъ.	Пылег-овъ.
Каринъ.	Муя-(инъ).	Сабан-ко.
Касаь(ч)-ко.	Муйканъ.	Сасег-овъ.
Камай-ко.	Мыркоман-овъ.	Семак(ч)-ко.
Квака-(инъ).	Муяшъ.	Семгуль.
Келдибрёкъ(?)	Низег-овъ.	Сейтег-овъ.
Келдыбай.	Нивзег-овъ.	Сентег-овъ.
Келдяк(ч)-ко.	Нурыш-ко.	Сизяь(ч)-ко.

Сит-ва.	• Тюрей-во.	Чювашъ.
Судяк овъ.	Тютя.	Чюз-ва.
Сунчег-овъ.	Утбетей.	Чюзак(ч)-во.
Сырчек(ш)-во.	Удег(ш)-во.	Шабек(ч)-во.
Сют-инъ.	Ужег-овъ.	Шатбек(ч)-во.
Сююшъ.	Умчан-овъ.	Шиш-ка.
Томил-ко.	Урсегъ.	Шудег(ш)-во.
Тубей-ко.	Усей-во.	Юг-овъ.
Тугобай-ка.	Учан-овъ.	Юбер-во.
Туймумет-во.	Хай-во.	Юдысь.
Тукай.	Хан-ко.	Юл-инъ.
Тукар-во.	Чабыр-евъ.	Юлкей.
Тукельдей.	Черевчей.	Юлкузек(ч)-ко.
Туктамышъ.	Чунаш-во.	Юлын-во.
Туктар-во.	Чуна-(инъ).	Юлтекъ.
Тукташ-ко.	Чупаш-ко.	Юлышко.
Тюк-инъ.	Чют-ка.	Юрегъ.
Тюкоп-овъ.	Чюбой-во.	Юшкет-овъ.
Тюкта.		

Вотскія языческія имена, извлеченныя изъ мѣстныхъ патронимическихъ названій списка нас. мѣсть Вят. губерніи.

Анан-пи.	Гарча-пи.	Кватъчины-пи.
Ан(п?)ачъ-пи.	Годель-пи.	Кебей-пи.
Атас-пи.	Гордошъ-пи.	Крыжъ-пи.
Балаш-пи.	Домко-пи.	Кувай-пи.
Бальза-пи.	Жек-пи.	Кыпис-пи.
Висар-пи.	Кай-пи.	Лагаш-пи.
Вокшир-пи.	Кайсы-піосъ.	Мазе-пи.
Вое-пи.	Карсо-пи.	Манаш-пи.

Молекъ-пи.	Перте-пи.	Тес-пи.
Налага-пи.	Рысь-пи.	Тосе-пи.
Немоншъ-пей.	Сабанъ-пи.	Тышка-пи.
Онанъ-пи.	Сись-пюсъ.	Чемъ-пей.
Очанъ-пи.	Тава-пи.	Чунисимъ-пи.
Пашко-пи.	Тамакъ-пи.	Шем-пи.

Знакомъ — отдѣлены въ первомъ спискѣ уменьшительный суффиксъ *к о*, во второмъ словѣ *п и*, *п и о с*, означающіе въ настоящее время родъ, поколѣніе такого-то.

Содержаніе ранѣе вышедшихъ томовъ „Извѣстій Общества
Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ
Казанскомъ Университетѣ“.

Т. I. Уставъ Общества, Списокъ членовъ-учредителей Общества. Протоколы засѣданій Совѣта и Общаго Собранія. Проектъ Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея, сост. В. М. Флоринскимъ.—Приложенія. Свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ близъ деревни Увека. Описание русскихъ монетъ клада 4 сентября 1878 г. *В. К. Савельева* и *Н. А. Толмачева*. О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова*. Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *И. А. Изюмова*. О замѣчательной Китайской монетѣ конца X или начала XI в., приобрѣтенной въ селѣ Болгарахъ. *В. П. Васильева*. 1879. Ц. 1 р.

Т. II. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколы засѣданій Общества.—Приложенія. Два городища Спасскаго уѣзда. *П. Фанаюрскаго*. Объ историческомъ значеніи библиотекы Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи. *П. В. Владимірова*. Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *И. А. Изюмова*. Описание части клада русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. *А. Ѳ. Лизачева*. Замѣтка о харатейномъ Евангеліи к. XIV или нач. XV в. *П. Д. Шестакова*. Нѣсколько словъ о могильникѣ, находящемся близъ деревни Ананьиной. *П. Д. Шестакова*. Описание монетъ, найденныхъ въ д. Карташихъ Каз. г. *В. К. Савельева*. Описание городищъ и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ г. Сеггилея Симб. губ. *М. И. Изющикова*. О старинномъ кладбищѣ близъ с. Беляморскаго Вят. губ. *А. Рязанцева*. Попытка объясненія одного мѣста изъ Бугарской лѣтописи Шерефъ-Эддина. *П. Д. Шестакова*. Выдержки изъ архива Елабужскаго духовнаго Правленія. *Его-же*. Описание дополнительной коллекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Увека. *В. К. Савельева*. Описание чудскихъ вещей, пожертвованныхъ въ музей Общества А. Е. Теплоуховымъ. Бытъ Вотяковъ Саранульскаго уѣзда. *В. Кожурникова*. К. 1880. Ц. 1 р.

Т. III. О задачахъ дѣятельности К. О. И. А. и Э. С. М. *Штильскаго*. Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Мор-

кваша. *Н. И. Золотницкаго*. По поводу сообщенія *Н. И. Золотницкаго*. *П. Д. Шестакова*. Замѣтки о городахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. *И. А. Износкова*. Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Билярскѣ, *Его-же*. Описаніе Билярскихъ и Баранскаго городищъ. *В. А. Казаринова*. Замѣтка о Калмыкахъ Астрах. губерніи. *П. Смирнова*. Изъ пѣздки въ село Шуматово Ядр. у. Каз. губ. (бытъ Чувашъ) *В. К. Маинтскаго*. О раскопкахъ близъ д. Палкиной на р. Чусовой. *П. И. Кротова*. У Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. *Г. И. Потанина*. Изъ дорожныхъ замѣтокъ во время этногр. экскурсіи. *С. К. Кузнецова*. О Чалыинскомъ городищѣ. *М. Заитова*. Одно изъ древнихъ болгаро-татарскихъ городищъ въ Тет. у. *Е. Т. Соловьева*. Преданія Чувашъ и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. *М. А. Арамазова*. Остатки древности въ с. Увекѣ. *Г. С. Саблукова*. Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близъ с. Шурана. *П. А. Пономарева*. Предв. сообщеніе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. *С. К. Кузнецова*. Замѣтки о вышепоим. раскопкахъ. *А. А. Штукенберга*. Краткое описаніе Красноблодскаго муж. монастыря (Пенз. г.). *Д. В. Илчико*. Описаніе рус. сер. копѣекъ изъ клада 1861 г. *В. К. Савельева*. Описаніе двухъ коллекцій джуч. монетъ, пожерт. обществу. *Его-же*. Описаніе клада золотордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. П. Заюскина*. Атамановы кости. *С. К. Кузнецова*. К. 1884. Ц. 2 р. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1880—81 г. Приложенія.—Духовная *В. Н. Татищева*. О Мишаряхъ чистош. уѣзда. *В. А. Казаринова*. Свѣдѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова*.

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—1884 гг. Скиескій слѣдъ на билярской почвѣ. *А. Θ. Лижачева*. Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Маинтскаго*, Смѣсь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 2. Нѣсколько словъ о русскомъ вліяніи на инородцевъ Казанскаго края. *И. Н. Смирнова*. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Θ. Высоцкаго*. Развалины древнихъ зданій при селѣ Болгарахъ. *В. А. Казаринова*. Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Стинина*. Неизданныя граматы изъ Аeonскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаго*. Матеріалы для русскаго словаря. *А. Д. Жилина*. Обычай колядованія въ Симб. г. *М. Извошкова*. Каз. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Исслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка. *М. П. Веске*. Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Θ. Высоцкаго*. Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитриева*. Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева*. Старая церковь въ селѣ Богородскѣ. *Н. В. Сорокина*. Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. Каз. 1889. Ц. 2 р.

ПЕЧАТАЕТСЯ

Т. VIII. Вып. I. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске*.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

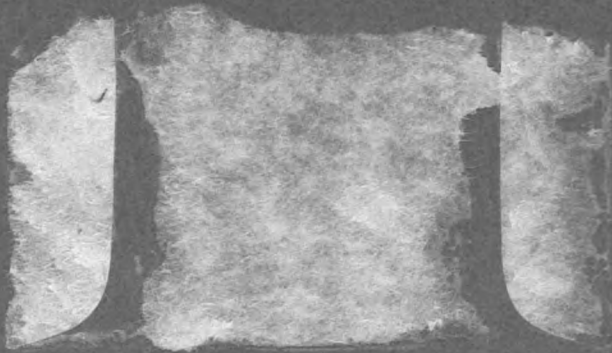
MAY 26 1965	
OCT 13 1990	
JAN 14 1991	
APR 08 '91	
AUTO DISC AUG 22 '91	
AUTO DISC CIRC NOV 13 '92	
8661 V O N 4	
AUTO DISC CIRC JUL 13 '92	

LD 21A-60m-3,'65
(F2336s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C031946525

43
1722